



# ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА НА ТЕРРИТОРИИ СССР



1987

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»



ВЛАДИМИР ТЕРЕНТЬЕВИЧ  
ПАШУТО  
1918—1983



АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

# ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА НА ТЕРРИТОРИИ СССР

МАТЕРИАЛЫ  
И ИССЛЕДОВАНИЯ

1987 год

Ответственный редактор  
член-корреспондент АН СССР  
А. П. НОВОСЕЛЬЦЕВ



МОСКВА «НАУКА» 1989

ББК 63.3(2)2  
Д 73

Редакционная коллегия:

члены-корреспонденты АН СССР

А. П. Новосельцев, Я. Н. Щапов,

кандидаты исторических наук

Л. И. Грацианская, Е. А. Мельникова,

Н. И. Щавелева (ответственный секретарь), И. С. Чичуров

Рецензенты:

доктор исторических наук В. И. Буганов,

кандидат исторических наук Е. В. Старостин

**Древнейшие государства на территории СССР. Материалы**  
Д 73 и исследования, 1987 г. М.: Наука, 1989. — 319 с.  
ISBN 5-02-009475-7

Ежегодник представляет собой сборник статей, посвященный памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. В книгу включены работы специалистов по истории Древней Руси, античности и средневековья. Авторы разрабатывают темы, входившие в круг научных интересов В. Т. Пашуто: поднимаются вопросы становления Древнерусского раннефеодального государства, его территории, княжеских владений, внутри- и внешнеполитической истории Руси, исследуется история России периода развитого и позднего феодализма, преемственность культурно-исторических и политических идей средневековья, а также вопросы, связанные с историей народов, населявших в древности территорию нашей страны.

Для всех, кто интересуется историей нашей Родины.

Д 0503020100-330  
042(02)-88 143-89-кн. 1

ББК 63.3(2)2

ISBN 5-02-009475-7

© Издательство «Наука», 1989

Очередной том ежегодника «Древнейшие государства на территории СССР» посвящен памяти его основателя, члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Сборник состоит из статей, подготовленных его коллегами, которым выпало счастье, порой на протяжении долгих лет, сотрудничать с Владимиром Терентьевичем, а также работать под его началом в основном им секторе истории древнейших государств на территории СССР Института истории СССР АН СССР. Подвижник в изучении прошлого нашего Отечества, в организации исторической науки, Владимир Терентьевич положил немало сил и времени на создание и развитие творческих связей советских историков с их зарубежными коллегами, прежде всего учеными из стран социалистического содружества. Поэтому не случайно ежегодник открывается статьей о Владимире Терентьевиче, подготовленной академиком АН ПНР [Х. Ловмянским], с которым Владимира Терентьевича связывало не одно десятилетие плодотворного научного сотрудничества и дружбы.

Хорошо известно, сколь разнообразны и обширны были интересы Владимира Терентьевича. Этому отвечает многообразие тем, хронологических периодов и географических ареалов, представленных в статьях сборника. Статьи, посвященные раннефеодальному периоду в истории Древнерусского государства, касаются тем, изучению которых Владимир Терентьевич уделял пристальное внимание. В них рассматриваются вопросы формирования раннефеодального государства, его территории, княжеских владений, правовой системы, исследуются вопросы внутри- и внешнеполитической истории Древней Руси, анализируется социальная терминология.

Период развитого и позднего феодализма освещается в статьях, анализирующих политическую историю Галицко-Волынской Руси XIII—XIV вв., отношения Руси с Крымским ханством и Большой Ордой, юридические памятники Великого Княжества Литовского в сопоставлении с Судебником Ивана III, а также в ряде других статей.

Владимир Терентьевич призывал к изучению культурно-исторических, политических идей античности и средневековья, свидетельствующих об общности исторических судеб народов Европы. Относящиеся к этой проблематике статьи можно было бы объединить разделом «Общественно-политическая мысль феодальной России».

Большое значение Владимир Терентьевич придавал исследованию истории народов, населявших в древности территорию нашей страны. В этом он видел один из путей определения места Древнерусского государства во всемирно-историческом процессе. Комплексу связанных с данной тематикой проблем посвящены статьи, составляющие последний раздел сборника.

Предлагаемый вниманию читателя сборник — скромная дань светлой памяти большого ученого и человека Владимира Терентьевича Пашуто.

## ВЛАДИМИР ТЕРЕНТЬЕВИЧ ПАШУТО КАК ИСТОРИК-МЕДИЕВИСТ

Владимир Терентьевич принадлежит к числу выдающихся советских медиевистов, и его трудам присуща методика, отражающая все сложности этой дисциплины. Они обусловлены (особенно для раннего средневековья) скудостью и фрагментарностью источников, что составляет резкий контраст с более поздними периодами истории, информация о которых имеется в избытке. Медиевисты, сознавая нехватку информации, дорожат любой крупицей древней письменности и проводят тщательнейший анализ текстов, чтобы полностью извлечь заключенные в них сведения. Скрупулезное исследование источников является неотъемлемой частью медиевистики и имеет решающее значение в системе аргументации. Владимир Терентьевич был убежден, и не без оснований, что углубленный анализ источников является необходимым условием успешного разрешения исторических проблем.

Классический пример сочетания источниковедческого исследования с глубоким изучением исторического процесса — первый крупный труд В. Т. Пашуто «Очерки по истории Галицко-Волынской Руси» (М., 1950). Автор пользовался многочисленными и разнородными источниками, но главное место среди них занимает местная, галицко-волынская летопись 1205—1292 гг. Только она сделала возможным воссоздание истории этой земли в XIII в. и существовавшей в ней государственной системы. Первую часть своего труда В. Т. Пашуто посвятил рассмотрению этого источника (неоднократно ранее привлекавшего внимание историков) и впервые исчерпывающе изучил его происхождение. Он включал несколько местных летописей, составленных в разных городах (Киев, Холм, Владимир-Волынский) и в разное время (1238, 1246, 1247, около 1269, 1272, 1290 гг.) и отражавших политические условия в этих землях и разнородные стремления местных князей и знати. В конце XIII в. они были сведены воедино. Анализ летописи предоставил автору критически исследованную основу для воссоздания конкретного хода истории Галицко-Волынской Руси. Автор показал также, что в летописный свод Владимира Васильковича (1272 г.) вошла неизвестная по другим источникам литовская летопись: она сообщала о различных событиях в Литве и велась в Новгороде (Черная Русь). Вычленение литовской летописи подкрепляет достоверность важных литовских известий и объясняет происхождение ряда мифологических сообщений о литовских божествах и представлениях о загробной жизни



(рассказ о Совии). Вообще, этот содержательный источник не только проливает свет на политические отношения и внутреннюю жизнь Западной Украины и Белоруссии, а также Литвы, но и содержит материал для сравнительного изучения аналогичных вопросов в других русских землях и в соседней Польше, особенно вопросов о княжеской власти и ее отношении к феодальной знати.

Автор признает, что в Галицко-Волынской Руси «великий князь... был главой земли: ему принадлежала вся полнота государственной власти: власть управления и суда, власть законодательная, военная и даже церковная. Ему принадлежало право сбора налогов и распоряжения казной» (С. 136). Подобным же образом польские историки определяли объем власти и польского князя. Итак, полнота власти была характерной чертой польского и русского «княжеского права». Она исключала ее ограничение каким-либо государственным органом, выделенным феодальной знатью. Представители знати юридически были только советниками князя: он спрашивал совета, но решал дела сам. Так было в Польше, и по всей вероятности, на Руси. В действительности же юридически бессильные, бояре или нобили все же ограничивали власть князя: они могли покинуть неугодного или призвать более стоворчивого князя.

Хотя с юридической точки зрения отношения князя и знати были тождественны в Польше и на Руси, их практическое воплощение несколько отличалось в обеих странах. В Польше в течение XII—XIII вв. благодаря княжеским пожалованиям непосредственные владения князя, населенные свободными крестьянами, постепенно перешли в аллодиальное владение нобилей; непосредственные владения князя значительно сократились. Нобили добивались большей частью не новых владений, а расширения иммунитета, т. е. освобождения от государственных налогов. В ходе этого развития феодального землевладения сузилась почва для экономических противоречий между князем (обедневшим) и нобиллями (разбогатевшими); отношения между теми и другими приняли более стабильные формы, конфликты стали более редким явлением. В Галицко-Волынской Руси, как подчеркивает В. Т. Пашуто, бояре обладали значительными аллодиальными вотчинами древнего происхождения, но и они стремились увеличить свои доходы за счет государственных доходов и земельной ренты, получаемой князем от свободного крестьянина. Однако русские князья жаловали им не аллодиальные, как в Польше, владения, а земельные пожизненные держания, связанные с военной службой, и кормления, т. е. управление городами и волостями как временные бенефиции. Бояре стремились превратить полученные держания и кормления в наследственную собственность, чему противились князья. Источники молчат о пожалованиях аллодов.

Такова экономическая предпосылка феодальной борьбы между князьями и боярами в первой половине XIII в. Борьба окончилась счастливо для княжеской власти в битве под Ярославом в 1245 г. Князья удержали власть над значительным земельным фондом,

из которого позже польские короли раздавали земельные аллоды русской и польской знати. Это только один из аспектов феодальной борьбы, которая развернулась в весьма сложной международной обстановке с участием Венгрии, Польши, Литвы, Мстислава Удалого «и удельного князя Великого Новгорода» во время монголо-татарского нашествия и привела к утверждению в Галицко-Волынской Руси династии Романовичей, выражавшей народные стремления к независимости.

Превосходное знание источников, прежде всего местного русского летописания, позволило В. Т. Пашуто создать убедительную картину сложных событий и показать выдающуюся роль Галицко-Волынской Руси в политической жизни Центральной и Юго-Восточной Европы, в том числе ее деятельное участие в становлении Литовского государства.

К последнему вопросу В. Т. Пашуто вернулся в труде «Образование Литовского государства» (М., 1959). Это одна из крупнейших и наиболее значительных по содержанию и выводам работ Владимира Терентьевича, показательная по методике медиевистического исследования. Балтийские племена позже, чем славяне, перешли от племенного к государственному строю, поскольку находились в неблагоприятных географических условиях, в отдалении от центров европейской культуры и политики, издавна создавших модель государственности. У балтов внутренние условия перехода к государственности сложились, как видно из выводов В. Т. Пашуто, уже в X в.; тогда же они испытали влияние той модели государственности, которая образовалась в соседних Руси и Польше. Вместе с тем превосходство этих славянских монархий, подавлявших попытки балтов интенсивнее развивать свои внутренние, в особенности военные, силы, препятствовало дальнейшему развитию балтов. Для прусских и латышских племен роковые последствия имела агрессия в XIII в. рыцарских орденов и вообще крестоносцев, приведшая в том же столетии к подчинению этих племен чужеземному игу. Глубоко справедливо утверждение В. Т. Пашуто (С. 369), что Литва оказалась в положении несравненно более благоприятном, чем ее балтийские соседи вследствие феодальной раздробленности, а затем и монголо-татарского нашествия, значительно ослабивших Русь. Используя эти обстоятельства, литовские племена объединились в единый политический организм, усвоили государственную структуру и под предводительством Миндовга, принявшего даже королевскую корону, образовали государство, которое постепенно распространилось на соседние русские княжества и на протяжении нескольких столетий играло большую роль в истории Европы. Книга В. Т. Пашуто, посвященная исследованию генезиса Литовского государства, обладает теми же достоинствами, что и первая: умелым сочетанием марксистско-ленинской методологии и тонких методик, присущих медиевистике.

Интересна структура книги. Автор разделяет основной текст на три части: в первой анализируются источники (С. 9—161);

во второй приведена историография вопроса (С. 162—248); третья посвящена основной проблематике (С. 249—426). Соотношение частей отражает то значение, которое автор придавал научной аргументированности своего труда. Источники здесь более сложны, чем в первой книге: не имеется одного главного памятника, отодвигающего в тень другие, ибо в Литве этого времени отсутствовала собственная письменность, да и проблематика книги более разветвлена, так как автор применяет сравнительный метод, учитывая в особенности прусский, белорусский, латвийский материал. Поэтому автор исследовал различные виды источников: русские и литовские летописи, немецкие хроники, актовые памятники; он особо выделил источники, касающиеся пруссов, среди которых наибольшую ценность представляют два юридических памятника: Христбургский договор, заключенный в 1249 г. между пруссами и Тевтонским орденом, и Помезанская Правда, т. е. свод прусских законов, составленный в первой редакции в 1340 г. На основании этих, а также других источников автор восстановил социальную структуру прусского общества в переходный период от племенного быта и в первое время после порабощения Тевтонским орденом. Первоначально она отличалась преобладанием свободного населения, слабым развитием рабства и сравнительно небольшими размерами владений племенной знати, из которой вел свое начало класс феодалов. Исследование общественного строя пруссов проливает свет на литовское общество того же уровня развития и составляет основу сопоставлений, проведенных в третьей части книги.

Эта часть отличается сжатостью изложения (благодаря выделению источниковедческих и историографических вопросов) и одновременно наглядностью. Автор восстанавливает внутреннюю историю Литовского государства (вместе с Белоруссией), привлекая, кроме письменных, археологические материалы, и рисует убедительную картину развития сельского хозяйства (уже с пашенным земледелием), городов, ремесла и торговли. Набеги на соседей были вызваны не скудостью страны, а стремлением к обогащению. Достижение сравнительно высокого экономического уровня способствовало социальным преобразованиям: возникновение частной собственности на землю в руках крестьян, равно как и племенной верхушки, способствовало формированию класса феодалов, связанного с княжеской властью. Вместе с тем автор подчеркивал сравнительно скромные размеры боярского землевладения еще в XIV в. Только при Ягеллонах образовались, как признает и В. Т. Пашуто, громадные латифундии, в особенности на территориях Белоруссии и Украины, включенные в состав Литовского государства. Социальная дифференциация вызвала к жизни классовую борьбу, и этому вопросу автор уделил внимание, подчеркивая, между прочим, сходные действия великих князей литовских и Ордена по отношению к крестьянским подданным. Восстание жемайтского свободного крестьянства против феодальной власти кончилось неудачей (1418 г.).



Преобразованиям в социальном строе сопутствовала эволюция государственной власти. Автор отметил некоторое противоречие в отношениях между великим князем и боярством. Считая себя неограниченным монархом, князь в действительности зависел от поддержки феодалов, и его политика должна была соответствовать стремлениям этого класса. Наблюдение автора совершенно правильно. Можно только добавить, что это было противоречие между двумя принципами, регулирующими политические отношения (так же, как в Галицко-Волынской Руси): де-юре великий князь был неограниченным монархом, де-факто решающую силу представляло боярство. Только в гораздо более позднее время (XVI в.) это противоречие было устранено — в пользу боярства (что способствовало ослаблению государственной власти).

Политическому аспекту создания Литовского государства В. Т. Пашуто посвятил последние разделы книги (С. 366—426). В XII—XIII вв. наметилось два противоположных процесса: децентрализация Руси вследствие феодальной раздробленности и централизация власти в руках племенной верхушки в Литве, которая подвергалась опасности со стороны Ордена и Польши, а также монголо-татарских ханов (после покорения ими русских земель), но сохраняла политическую инициативу, совершала набеги на всех соседей и в то же время переходила к государственному устройству. Около середины XIII в. Литовское государство объединило все территории с литовским населением под властью Миндовга. Под угрозой Орды и Ордена (особенно в Латвии) западнорусские княжества вошли в состав Литовского государства, которое таким образом в XIII в. стало центром объединения части русских земель (в XIV в. к Литве присоединились и некоторые украинские земли, избегая зависимости от татарских ханов). Однако с XIV в. возникает новый, притом народный, политический центр в Москве, который сыграл ведущую роль в дальнейшем объединении Руси, что положило конец прогрессивной роли Литвы в этом процессе.

Тем временем Тевтонский орден после завоевания Пруссии (1283 г.) и захвата польского Поморья (1308—1343 гг.) направил свои усилия на полное покорение Литвы. Автор признает, что общее стремление Польши и Литвы положить конец агрессивной политике этого соседа привело их к заключению унии и успешной борьбе с противником.

В целом и в этой книге в полной мере оправдывается медиевистический подход В. Т. Пашуто. Факты, которыми он пользуется, по возможности проверены и отражают ход образования государства, которое сыграло видную роль в средневековом мире.

Третья крупная монография Владимира Терентьевича — «Внешняя политика Древней Руси» (М., 1968) — поражает широтой географического и политического охвата, касаясь сношений Древнерусского государства со странами почти всей Европы, а также со странами Азии и Африки. В ней прослеживаются политические и военные, культурные и торговые связи Руси с X в. до монголо-татарского нашествия.

Углубленное знание разнородных и разновременных источников и обширной литературы позволило автору воспроизвести внешнеполитическую деятельность Руси на протяжении 350 лет. В течение первых примерно 200 лет Русь проявляла неутомимую творческую инициативу в своей восточноевропейской политике и далеко за пределами Восточной Европы: она объединила все восточнославянские племена, включила в свой состав многие иноэтничные народы, преимущественно угро-финские, тяготевшие к русской культуре. Связи Руси, дипломатические и династические, торговые и культурные, охватывали всю Европу. Русь исполняла оборонительную функцию в борьбе с кочевниками, угрожавшими Западной Европе, а с XII в. — и в борьбе с немецкой агрессией в Прибалтике. Однако, как следует из исследования, укрепление государственного строя, заинтересованность феодалов в эксплуатации подвластного населения, экономический рост и обогащение страны отвлекали внимание от внешнеполитической активности, вели к феодальному раздроблению, которое знаменовало ослабление Руси в последние 150 лет рассмотренного автором периода. Тем не менее, невзирая на последующее тяжелое ордынское иго, на политические трудности, вызванные образованием Литовского государства, Русь сохранила свой особый культурный облик, свое национальное самосознание, что явилось предпосылкой для последующего становления независимой государственности. Особый интерес в этой книге представляет ее насыщенность информацией, подробное освещение роли Руси в международной жизни средневековой Европы.

Когда идет речь о научных достижениях Владимира Терентьевича в области медиевистики, нельзя обойти молчанием его инициативу в публикации древнейших источников, касающихся истории народов СССР. В соответствии с проектом хронологические рамки публикации обнимают около двух тысячелетий приблизительно по 1240 г., однако по объему и содержательности античные источники (для территории СССР) далеко уступают средневековым (с VI в. н. э.), когда ближайшие соседи восточных славян, а позднее и они сами вступили на путь прогресса и постепенно обрели письменность, благодаря чему они оставили многочисленные сведения о зарождении тех элементов общественной жизни и культуры, от которых в какой-то степени происходят и формы нашей цивилизации. Задуманное и начатое Владимиром Терентьевичем продолжающееся издание «Древнейшие источники по истории народов СССР» возбуждает всеобщий интерес, его огромная научная ценность не вызывает сомнений, его осуществление потребует участия не одного поколения исследователей. Но в памяти историков публикация будет связана с именем ее главного инициатора, первого и неутомимого организатора — Владимира Терентьевича Пашуто.

# ДОПОЛНЕНИЕ К СПИСКУ ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ В. Т. ПАШУТО\* И ЛИТЕРАТУРА О НЕМ

- Давньоруська спадщина й історична доля східного слов'янства // Український історичний журнал. 1982. № 4. С. 77—87.
- Научный историзм и содружество муз // Коммунист. 1984. № 5. С. 82—92.
- Опыт периодизации истории русской дипломатии (ранний и развитой феодализм) // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1982 г. М., 1984. С. 6—25.
- Москва: Иллюстрированная история. М., 1984. Т. 1: С древнейших времен до 1917 г. — 478 с. (Совм. с В. И. Корецким, А. А. Преображенским и др.).
- Illustrated History of the USSR. Feudalism. Capitalism. Socialism. Moscow, 1984. — 399 p. (Совм. с Б. Итенбергом и др.). То же на франц. яз.: Histoire illustrée de l'U. R. S. S. Le féodalisme. Le capitalisme. Le socialisme. Moscou, 1984. — 398 p. (Совм. с Б. Итенбергом и др.).
- Труды польского академика Х. Ловмянського по истории народов Восточной Европы // Ловмянський Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 5—22.
- Ziele, Aufgaben und erste Ergebnisse des Corpus der ältesten Quellen zur Geschichte der Völker der UdSSR // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. 1985. Bd. 29. S. 217—232. (Совм. с Е. А. Мельниковой).
- La communauté de l'île de Kortchula // Les communautés rurales. Recueils de la Société Jean Bodin pour l'histoire comparative des institutions. P., 1986. T. XLV. P. 6. Europe orientale. P. 131—152.
- Иллюстрированная история СССР. 4-е изд., испр. и доп. М., 1987. — 510 с. (Совм. с Б. Итенбергом и др.).
- Рец.: Сказания о начале славянской письменности / Вступит. статья, пер. и коммент. Б. Н. Флори; Отв. ред. В. Д. Королюк. М., 1981. — 200 с. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1982 г. М., 1984. С. 247—248.
- Рец.: Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. — 271 с. // Вопр. истории. 1983. № 11. С. 125—126.
- Отв. ред.: Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1982 г. М., 1984. — 269 с.
- Отв. ред.: Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1983 г. М., 1984. — 251 с.
- Отв. ред.: Москва: Иллюстрированная история. М., 1984. Т. 1: С древнейших времен до 1917 г. — 478 с.
- Отв. ред.: Подосинов А. В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. (Сер. Древнейшие источники по истории народов СССР). М., 1985. — 286 с.
- Отв. ред.: Ловмянський Х. Русь и норманны. М., 1985. — 303 с.

\* \* \*

- Paszuto Władimir T. // Wielka encyklopedia powszechna PWN. W-wa, 1966. T. 8. Str. 520.
- Присуждение В. Т. Пашуто премии им. Б. Д. Грекова 1971 г. за монографию «Внешняя политика Древней Руси» (1968 г.). — Хроника и информация.

\* См.: Список печатных трудов В. Т. Пашуто / Сост. М. Н. Перегуд и П. В. Пронина // Археографический ежегодник за 1983 г. М., 1985. С. 295—304. На с. 297 в названии статьи, опубликованной в 1985 г. (История СССР. № 6), следует читать: «Борьба прусского народа за независимость (до конца XIII в.).»



- Присуждение премий АН СССР // Вестник АН СССР. 1971. № 7. С. 131.
- Пашуто В. Т. // Радянська енциклопедія історії України. Київ. 1971. Т. 3. С. 338.
- Шабуня К. Т. Пашута Уладзімір Цярэнцэвіч // Беларуская савецкая энциклапедыя. Мінск, 1975. Т. 8. С. 360.
- Владимир Терентьевич Пашуто (история СССР). — Новое пополнение АН СССР. Общее собрание Академии наук СССР // Вестник АН СССР. 1977. № 3. С. 38—39.
- Пашуто Владимир Терентьевич // Преподав. истории в шк. 1977. № 2. С. 35—36.
- Лихачев Д. С., Нарочницкий А. Л., Шапов Я. Н. К 60-летию члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто // История СССР. 1978. № 2. С. 239—242.
- Нарочницкий А. Л., Нечкина М. В., Преображенский А. А. 60-летие В. Т. Пашуто // Вопр. истории. 1978. № 4. С. 114—116.
- Юбилей советских ученых // Общественные науки. 1979. № 1. С. 157. (Издается на англ., нем., франц., испан., португ. языках.)
- Rašuta Vladimir // Lietuviškoji Tarybinė Enciklopedija. Vilnius, 1981. Т. 8. Р. 504—505.
- Владимир Терентьевич Пашуто // Вопр. истории. 1983. № 10. С. 89.
- Памяти Владимира Терентьевича Пашуто // История СССР. 1983. № 6. С. 213—214.
- Jurginis J. Netekome lietuovos istorijos bičiulio // Literatūra ir Menas. 1983, birželio, 25. N 26 (1908).
- Мельникова Е. А., Новосельцев А. П. Чтения памяти В. Т. Пашуто // Вопр. истории. 1984. № 10. С. 121—123.
- Новосельцев А. П. Творческий путь В. Т. Пашуто // История СССР. 1984. № 4. С. 80—91.
- Памяти Владимира Терентьевича Пашуто // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1983 г. М., 1984. С. 3—7.
- Черепнин Л. В. К 60-летию В. Т. Пашуто // Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII—XX вв. М., 1984. С. 254—263.
- D[onnert] E. V. T. Rašuto zum Gedenken // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1984. N 5. S. 447—448.
- Vodoff W. V. T. Pachouto (1918—1983) // Le Moyen Age. 1984. N 2. P. 321—324.
- Мельникова Е. А., Новосельцев А. П., Хорошкевич А. Л. Владимир Терентьевич Пашуто // Археографический ежегодник за 1983 г. М., 1985. С. 343—345.
- Bardach J. Władimir T. Paszuto (1918—1983) // Kwartalnik historyczny. 1985. R. XCII. N 1. S. 213—215.
- Чтения, посвященные памяти Владимира Терентьевича Пашуто // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1985 г. М., 1986. С. 5—199.
- Из содержания: Нарочницкий А. Л. Вступительное слово. С. 5—6; Нечкина М. В. В. Т. Пашуто — организатор исторических исследований. С. 6—8; Нарочницкий А. Л. Вопросы внешней политики Древней Руси в научном наследии В. Т. Пашуто. С. 8—14; Самсонов А. М. Выдающийся историк. С. 14—19; Буганов В. И. В. Т. Пашуто как источниковед. С. 19—23; Оскоцкий В. Д. История, литература, искусство: грани взаимодействия. С. 23—33; Андреев Ю. А. Популяризация исторических знаний в трудах В. Т. Пашуто. С. 33—35; Readings in Memory of V. T. Rašuto. The Summary. С. 198—199.
- Котляр Н. Ф. [О В. Т. Пашуто] // IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983 г.: Материалы дискуссии. Киев, 1987. С. 73.
- Пашуто Владимир Терентьевич // Жизнь замечательных людей. Сер. биографий. Каталог: 1933—1985 гг. 3-е изд., испр. и доп. М., 1987. С. 238.

А. П. Новосельцев

## ТЕРМИН «ВЕЖА» В ДРЕВНЕРУССКИХ ИСТОЧНИКАХ

Словарный фонд древнерусского языка, особенно в его древнейшей части, изучен еще, к сожалению, далеко не удовлетворительно, отчего и переводы древнерусских памятников не всегда одинаковы и, очевидно, верны.

Это и понятно, поскольку до сих пор по лексике древнерусского языка лучшим пособием остается работа И. И. Срезневского<sup>1</sup>, написанная более ста лет назад. Не вполне может заменить этот труд и издающийся сейчас академический «Словарь русского языка XI—XVII вв.». Надо прибавить, что работа историков и лингвистов в области древнерусских памятников не всегда проходит координированно, что также дает известные негативные результаты. Историки, естественно, не могут подменить лингвистов, тогда как лингвисты нередко не учитывают чисто исторические аспекты, в том числе и отражение их в лексике древнерусских памятников<sup>2</sup>.

В настоящей статье предпринята попытка исследовать один из любопытных терминов древнерусского языка — «вежа» (мн. число «вежи»). Обращение к нему не случайно. Во-первых, его уяснение важно для понимания некоторых аспектов генетических связей древнерусского языка с предшествующими ему языками, существовавшими на территории, где складывался древнерусский этнос. Во-вторых, обращение к данному термину вызвано тем, что он до сих пор удовлетворительно не объяснен. Речь идет и об этимологии слова «вежа» и о его реальном содержании в языке Древней Руси. Относительно первого можно сослаться на специальный труд, посвященный лексике Повести временных лет (далее:

---

<sup>1</sup> Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1903. Т. I—III.

<sup>2</sup> В «Слове о полку Игореве» есть фраза «из Кыева дорискаше до курь Тмutorоканя», которую переводят «из Кыева дорыскивал до *петухов* Тмutorоканя» (Слово о полку Игореве. М., 1981. С. 72, 108). Между тем Тмutorокань некогда была византийской, принадлежала она империи и во второй половине XII в., и здесь речь, скорее всего, идет о греческом *χώρα* — область, край. Кстати, это доказывает, что «Слово о полку Игореве» составлено именно в XII в., так как автор XV в. вряд ли знал такие детали. Любопытно, что греческое *χώρα* в арабский язык в свое время перешло в форме «кура».



ПВЛ) А. С. Львова. Автор приводит несколько вариантов происхождения, по его мнению, термина «вежа» — от глагола «везу» (за А. Потебней), в связи с немецкими словами *sweige*, *Schweige*. Примечательно, что Львов почему-то отвергает значение «вежа» как «башня», отмеченное у Срезневского, хотя простое обращение к лексике большинства современных славянских языков даст именно это значение <sup>3</sup>.

Если говорить о переводе термина «вежа», то сошлюсь на один пример. В русском переводе ПВЛ Д. С. Лихачева и Б. А. Романова 1950 г. вежи в г. Искоростень, упомянутые в связи с местью Ольги древлянам, переводятся как сараи <sup>4</sup>, тогда как в указателе к изданию Лаврентьевской летописи в этом случае поясняется, что вежи Искоростеня — башни <sup>5</sup>. Именно с последним спорит и Львов, полагая, что в Искоростене башен да еще во множественном числе быть не могло <sup>6</sup>.

Обратимся к самому предмету исследования и попытаемся уяснить, что же такое «вежа» — «вежи» в древнерусском языке. Заметим сразу, что большая часть использования термина «вежи» (во мн. числе) в ПВЛ, а также в древних летописях, ее продолжениях относится к кочевникам, преимущественно половцам, и традиционно переводится как шатры кочевников <sup>7</sup>. Лишь в некоторых, редких случаях термин имеет иное значение, о чем речь пойдет ниже.

Сначала, однако, попытаемся уяснить этимологию термина. Думается, нет никаких оснований связывать его с глаголом «везу», хотя бы потому, что основное значение термина «вежа» в славянских языках было, несомненно, башня, а по всей вероятности, и жилище. В этом значении слово «вежа» отмечено в современных украинском, белорусском, польском, чешском, словацком языках <sup>8</sup>. Из этого же следует, что термин «вежа» наличествовал еще в праславянском языке. И уже совсем нет оснований возводить слово «вежа» к лексике германских языков.

Но откуда же тогда и как попало в праславянский язык это слово? Здесь бесполезно обратиться к лексике иранских языков, бытовавших на юге нашей страны многие столетия до н. э. и вплоть до периода образования Древнерусского государства. Ныне общепризнано, что восточноевропейские иранцы частично слились с славянами, а еще раньше взаимные контакты привели к отложению в славянском языке еще до его разделения на отдельные ветви значительной, иранской по происхождению лексики <sup>9</sup>.

<sup>3</sup> Львов А. С. Лексика Повести временных лет. М., 1975. С. 122—123.

<sup>4</sup> ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 240.

<sup>5</sup> ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. С. 567.

<sup>6</sup> Львов А. С. Указ. соч. С. 122—123.

<sup>7</sup> См., например: ПСРЛ, Т. 1. С. 25, 228, 249, 279, 284, 289, 332, 339, 397, 399, 414, 418, 425, 438.

<sup>8</sup> Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. I. С. 285.

<sup>9</sup> Зализняк А. А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания. М., 1962. № 6.

В Авесте — древнейшем письменном памятнике иранцев сохранилось название страны, где обитали иранские племена в древности. Это страна в указанном памятнике названа «айрианем ваеджо». В данном случае неважно, где она помещалась для авторов Авесты, но, несомненно, это древний термин, которым иранцы называли свою прародину<sup>10</sup>. Термин «ваеджо» переводят «простор, распространение»<sup>11</sup>. Вероятно, точнее было бы передать его как «территория, местность, где жили арии» (в данном случае иранцы).

Термин, кроме Авесты, нигде не употребляется. Исключения составляют составленные в период Сасанидов (III—VII вв.) в Иране сочинения, где он используется в связи с упоминанием или комментированием частей Авесты. Но форма слова здесь иная, уже присущая не древним иранским, а среднеиранским языкам, к которым относился и среднеперсидский<sup>12</sup>. Здесь древняя «ваеджо» превратилась в «ведж». Данное слово, очевидно, и стало предком древнерусского слова «вежа». Фонетически обе формы совпадают, и это говорит о том, что заимствование славянами термина «вежа» произошло не из древних иранских языков, а из среднеиранских. Здесь, правда, мы встречаемся с известным затруднением. Дело в том, что если для иранских языков Средней Азии, Иранского нагорья деление на древние иранские и среднеиранские языки прослеживается четко, то этого нет для иранских языков, существовавших на юге Восточной Европы. Логично было бы скифский язык, синхронный древнеперсидскому и с известными оговорками авестийскому, отнести к древнеиранским, а сарматский, синхронный среднеперсидскому, парфянскому, согдийскому и др., — к среднеиранским. Между тем в новейших трудах лингвистов речь идет о единых скифско-сарматских наречиях, предках осетинского языка<sup>13</sup>.

Разумеется, одна из причин в том, что мы крайне мало знаем о сарматском языке, но сама логика изучения тех же иранских языков по указанной выше схеме должна привести к выводу, что скифский язык, известный для VI—IV вв. до н. э., — это древнеиранский язык, тогда как сарматский, бытовавший приблизительно с III в. до н. э. до IV в. н. э. (одним из его видов был алаанский), — это язык среднеиранский<sup>14</sup>. Тогда форма «вежа» должна была произойти именно из него, и она могла войти в славянский, скорее всего, в первые века нашей эры, а возможно, и позже, но

---

С. 28—45; *Трубачев О. Н.* Из славяно-иранских лексических отношений //

<sup>9</sup> *Этимология*, 1965. М., 1967. С. 3—81 и др.

<sup>10</sup> *Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки*. М., 1979. С. 11.

<sup>11</sup> Там же.

<sup>12</sup> *Пехлевийско-персидско-армяно-русско-английский словарь*. Ереван, 1965. С. 14.

<sup>13</sup> *Основы иранского языкознания*. С. 272—364.

<sup>14</sup> Форма «вежа» в среднеперсидском встречается только в составе Эран-веж (страна Иран). Это застывшее выражение и гораздо чаще употреблялось живое — Эран-шахр (страна Иран).

в период существования единого праславянского языка, о распаде которого лингвисты говорят лишь к VIII в.

Перейдем к анализу значений термина «вежа» в древнерусских памятниках. И начинать его лучше всего с названия хазарского города на Дону, который в ПВЛ называется Белая Вежа<sup>15</sup>, а в византийских источниках он же именуется Саркел<sup>16</sup>. Последнее название, несомненно, хазарское, тогда как первое — его древнерусский перевод. Но нам известен и другой город с таким же названием, уже в Древней Руси. Он упоминается в «Поучении Владимира Мономаха»<sup>17</sup> в земле северян, юго-восточного славянского племени, которое наряду с полянами следует признать той частью славян, в формировании которых приняли участие древние иранские насельники нашего юга. И здесь речь идет не о переводе чужого названия, а о местном оноиме. В обоих же случаях Вежа — крепость. Хазарское Саркел переводится как Белый Дом (иранское «гил-дом»<sup>18</sup>) или как Белая крепость («сар» — тюркское «белый»). От крепости до башни, а это значение в славянских языках повсеместное и почти единственное (есть местные значения шатер, кибитка, балаган<sup>19</sup>, сени — навес в сербохорватском<sup>20</sup>), совсем недалеко, хотя самое внимательное изучение памятников древнерусской литературы позволяет, помимо Белой Вежи, выявить там это слово со значением башня один-два раза. В первом случае это упомянутый рассказ об Искоростене. В ПВЛ сказано, что когда по приказу Ольги голуби и воробьи, присланные ей древлянами, были освобождены, то с привязанной и зажженной паклей они полетели в гнезда свои, голуби в голубятники, воробьи же под стрехи: «и тако възгарахуса голубьницы, ово клетки, ово веже, ово ли одрины, и не бе двора идеже не горяше»<sup>21</sup>.

Именно здесь слово «вежи» в наших лучших изданиях переводится или комментируется по-разному. Думается, что перевод «сарай» не отражает существа дела, но и переводить просто «башня» неверно. Лучше прокомментировать данное слово. Учитывая основное значение вежа в славянских языках как башня, и здесь, очевидно, речь идет о каких-то укрепленных постройках (возможно, хозяйственных) или городских укреплениях. Большого вряд ли можно прибавить.

Другое употребление термина «вежа» как башни в статье ПВЛ под 1097 г. В рассказе об осаде князем Давыдом Берестья (Бреста)

<sup>15</sup> ПВЛ. Ч. 1. С. 47, 244.

<sup>16</sup> См., например: *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio.* Budapest, 1949. I. P. 65.

<sup>17</sup> ПСРЛ. Т. 1. С. 248.

<sup>18</sup> *Bartholomae Ch. Zur Kenntnis der mittelliranischen Mundarten. III // Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften.* 1920. Bd. XI. 2. Abh. S. 22.

<sup>19</sup> Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1880. Т. 1. С. 175.

<sup>20</sup> Срезневский И. И. Указ. соч. Т. I. С. 483.

<sup>21</sup> ПВЛ. Ч. 1. С. 43.



летопись пишет, что он подступил к городу и (стал) под вежами<sup>22</sup>.

Других упоминаний в этом значении термина «вежа» в древнерусских памятниках мне не попадалось. Но как уже сказано, в большинстве современных славянских языков «вежа» — башня. Нет этого слова в современном литературном русском языке (в наречиях есть — см. Даль). Но из записок англичанина Флетчера (XVI в.) мы узнаем, что в его время в Москве использовались подвижные крепости — вежи<sup>23</sup>.

Как уже сказано, наибольшее число упоминаний вежей в древнерусской литературе относится к кочевникам, преимущественно половцам, хотя есть отдельные случаи отнесения термина к другим кочевникам<sup>24</sup>, а самое древнее — к венграм — уграм, стоявшим вежами у Киева в 898 г.<sup>25</sup>

Термин обычно употребляется во множественном числе. Посмотрим использование его в Лаврентьевской летописи после отмеченного его употребления в отношении угров, где комментируется, что они стали вежами и ходили как половцы. Вежи упомянуты под 1095 г., когда Святополк и Владимир пошли на вежи половецкие, взяли их, полонили скот, верблюдов, челядь<sup>26</sup>. В Поучении Мономаха фигурирует «Варина вежа»<sup>27</sup>. В 1103 г. русские во время удачного похода захватили скот, овец, коней, верблюдов и вежи с добытком и челядью, а заодно захватили печенегов и торков с вежами<sup>28</sup>. Под 1109 г. упомянуты половецкие вежи на Дону<sup>29</sup> (их взял Дмитр Иворович). Взятие половецких веж отмечено и в 1112 г.<sup>30</sup> В 1151 г. пришли берендеи с вежами<sup>31</sup>. Захват половецких веж упомянут под 1152 г.<sup>32</sup> В 1186 г. половецкие вежи упоминаются в связи с известным походом Игоря Святославича<sup>33</sup>. В 1199 г. половцы с вежами бежали от Всеволода к морю<sup>34</sup>. В 1202 г. Роман взял половецкие вежи<sup>35</sup>. В 1206 г. то же сделали рязанские князья<sup>36</sup>. В 1215 г. половцы разбили русских, а князя Владимира Всеволодовича увели в свои вежи<sup>37</sup>.

О чем говорят эти примеры? Мне кажется, половецкие вежи — это не шатры как таковые, тем более у половцев (рядовых) шатров собственно не было, а были кибитки. Вежи — это скорее поло-

<sup>22</sup> Там же. С. 180.

<sup>23</sup> Флетчер Д. О государстве русском. СПб., 1911. С. 100.

<sup>24</sup> ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. С. 401.

<sup>25</sup> ПВЛ. Ч. 1. С. 21.

<sup>26</sup> ПСРЛ. Т. 1. С. 228.

<sup>27</sup> Там же. С. 249.

<sup>28</sup> Там же. С. 279.

<sup>29</sup> Там же. С. 284.

<sup>30</sup> Там же. С. 289.

<sup>31</sup> Там же. С. 332.

<sup>32</sup> Там же. С. 339.

<sup>33</sup> Там же. С. 397, 399.

<sup>34</sup> Там же. С. 414.

<sup>35</sup> Там же. С. 418.

<sup>36</sup> Там же. С. 425.

<sup>37</sup> Там же. С. 438.



вецкий лагерь, становище кочевников, которое между прочим в известной мере являлось укрепленным местом, так как постоянно существовала опасность нападения врагов. В пользу этого говорят летописные статьи 1186 и 1215 гг., так как уводить пленников в шатры никто бы не стал. А в кочевое становище их уводили. Кстати, и Срезневский как одно из значений веж упоминает именно стан<sup>38</sup>. Не исключено, что такое значение было именно в половецком языке, откуда взято русскими.

Остается уяснить вопрос, как древнее иранское «веж» — пространство, территория, занятая иранцами, превратилось в крепость, башню, укрепленный стан (во множественном числе).

На этот вопрос можно попытаться ответить, пользуясь сравнительными материалами. В новоперсидском языке термин «шахр», означавший сначала страну, превратился в город. В древнегрузинском языке IX—X вв. слово «сопели», ранее означавшее страну, превратилось в селение<sup>39</sup>. Очевидно, надо уяснить значение известных терминов для той или иной исторической эпохи. С отмиранием старых родоплеменных связей термины «сопели, шахр» и т. д. и, очевидно, «вежа» стали обозначением территории данной территориальной общины или ее центра, т. е. города, селения и т. д. Такие поселения чаще всего были укреплены. Думается, что термин «вежа» был заимствован славянами у сарматского населения, скорее всего, периода черняховской культуры, после крушения которой под ударами гуннов славяне распространились на ее территорию и, естественно, заимствовали многие термины, в том числе и «вежа». Случай не единичный.

Исследователи давно отмечают, что термин «ант» иранского происхождения и означает «край»<sup>40</sup>. В известные по источникам времена анты занимали огромные пространства, и их страну «краем» называть вряд ли правильно. Но в более раннюю пору славяне были для основного иранского населения черняховской культуры жившими на краю, и это название за ними могло закрепиться, сохраняясь и потом, когда анты, двигаясь на восток, ассимилировали местное иранское население. Они среди прочих слов могли заимствовать и термин «вежа», которым обозначали укрепленное поселение, способное выдержать осаду кочевников (гуннов, болгар, авар и т. д.).

Анализ термина «вежа», его происхождения важен прежде всего для уяснения генетической связи славянства с древними насельниками нашего юга иранцами (скифо-сарматами). Разумеется, эта связь не прямая, как ее понимали И. Е. Забелин, Д. Я. Самоквасов и др. Но определенное скифо-сарматское наследие у славян (праславян), а затем прежде всего восточных славян несомненно было, и следы его обнаруживаются, в том числе на материалах языка.

<sup>38</sup> Срезневский И. И. Указ. соч. Т. I. С. 482—483.

<sup>39</sup> Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972. С. 65.

<sup>40</sup> Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М., 1962. С. 60.

## ПРАВОВОЙ ОБЫЧАЙ И ЗАКОН В ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ ФЕОДАЛЬНОГО ПРАВА В КИЕВСКОЙ РУСИ

В русской дореволюционной историографии, в основном во второй половине XIX—начале XX в., при изучении соотношения правового обычая и закона изучались прежде всего происхождение обычая в процессуальном, уголовном и семейном праве, использование норм обычного права как источника норм писаного права, а также сосуществование народного обычая и писаного государственного закона (труды Н. И. Ланге, Н. Л. Дювернуа, В. И. Сергеевича, С. М. Шпилевского, Ф. И. Леонтовича и др.), установлены соответствия древнерусских правовых обычаев, некоторые из которых сохранились в России до XIX в., и германских юридических обычаев (работы П. Д. Колмыкова, А. Г. Станиславского, Н. П. Павлова-Сильванского). Особой темой в дореволюционной историко-правовой литературе являлась история писаного права в Киевской Руси, прежде всего Русской Правды. В этих работах был накоплен большой положительный опыт, но в основных вопросах происхождения обычного права (право сильного, индивидуальное убеждение, народное убеждение, консерватизм устного обычая и т. д.) и писаного права (в отрыве от системы общественных отношений) метафизический подход не позволял найти объективные критерии в определении содержания и развития обычного права и закона в их неразрывной взаимосвязи в древнерусский период.

В советской историографии основное внимание уделялось определению классового содержания писаного феодального права. При этом особое внимание обращалось на обычное право как на начальный период истории права в родоплеменном обществе и его дальнейшие судьбы в обществе феодальном (труды Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, С. В. Юшкова, Л. В. Черепнина, Б. А. Рыбакова, А. А. Зимина и др.).

Между тем дальнейшее изучение обычного права и писаного закона как особых правовых систем, регулирующих всю совокупность правоотношений, содержит еще большие возможности для исследования процесса становления раннеклассового феодального права в Киевской Руси.

В родоплеменном обществе формировалось обычное право, которое регулировало усложняющиеся правоотношения в процессе развития данной социальной системы. Анализ византийских письменных источников, лингвистических, археологических, сравнительно-исторических материалов позволяет установить, что праславяне в V—VI вв., в канун распада праславянского единства, находились на высшей стадии развития родоплеменного

строю, стадияльно совпадающей с уровнем общественного развития германцев I—III вв.<sup>1</sup> Праславянская лексика содержала все основные понятия, относящиеся к суду и судопроизводству, «\*zakonъ», «\*pravo», «\*pravъda», «sōdъ» и т. п., а также отражала представления, связанные с правонарушением и наказанием за преступление. Высшим судебным органом являлось племенное народное собрание. Известия Тацита о германцах I в. н. э. позволяют установить, что в процессе суда народное собрание руководствовалось определенными правовыми нормами, которые дифференцировали наказание в зависимости от вида преступления. Штраф за него делился на публичный в пользу князя или племени и частное вознаграждение. Существовала не только кровная месть, но и выкуп, причем последний был возможен не как отсутствие мстителя, а как сознательный отказ от мести (Тас. Germ., XII, XXI).

В процессе развития раннеклассовых общественных отношений и первоначальных форм государственности («варварское» государство) родоплеменной обычай изменял свою функцию (сохраняя часто свое традиционное название). Например, «дар» (\*darъ) из добровольного подношения членов племени князю и его дружине (Тас. Germ., XV) стал названием государственной подати, которая являлась одним из средств обогащения князя и прежде всего служилой части господствующего класса<sup>2</sup>. Аналогично развивалась в славянских языках семантика слова «дань» — от добровольных подношений божеству к натуральным податям князю и его дружине<sup>3</sup>. В X—XII вв. понятие «дань» на Руси стало многозначным, включавшим общее обозначение государственных податей. Такую же функцию обогащения господствующего класса приобретал после перераспределения публичный судебный штраф и т. д. Правовой обычай становился, как давно отмечено, одним из источников государственного закона<sup>4</sup>.

Юридический обычай прошел значительный путь развития в устной форме в условиях «варварского» и раннефеодального государства, становясь средством государственного регулирования правоотношений. Такой путь прошли германские варварские Правды до их записи. В Древней Руси функцию нормативного источника права стал исполнять Закон Русский. Судя по назва-

<sup>1</sup> Свердлов М. Б. Общественный строй славян в VI—начале VII в. // Сов. славяноведение. 1977. № 3.

<sup>2</sup> Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Шапов. М., 1976. С. 148; ГВНП. М.; Л., 1949. С. 9 и след.; Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969. С. 252—257.

<sup>3</sup> Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968. S. 110.

<sup>4</sup> Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. 3-е изд. СПб., 1903. С. 5—20; Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. 4-е изд. СПб., 1912. С. 8—14, 52; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. 7-е изд. Пг.; Киев, 1915. С. 86—89, 96; Ключевский В. О. Сочинения. М., 1956. Т. 1. С. 213—214.



нию, он являлся первоначально источником права, которым пользовались великие киевские князья (понятие «Русь» кроме широкого обозначения всего Древнерусского государства имело первоначальное узкое территориальное значение Среднего Поднепровья, как показано в исследованиях А. А. Шахматова, М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, А. Н. Насонова). Нормы Закона Русского учитывались при заключении русско-византийских договоров 911 и 944 гг. (ст. 5 — 911 г., статьи 6, 14 — 944 г.). Соответствия этих прямых указаний на нормы Закона Русского использовались при составлении Краткой Правды (далее: КП) (ст. 5—911 г., ст. 14 — 944 г., статьи 3, 4 КП). Эти наблюдения неоднократно делались в предшествующей литературе, и на основании общих исторических концепций Закон Русский характеризовался В. О. Ключевским не как «первобытный юридический обычай восточных славян», а как «право городов Русы, сложившееся из довольно разнообразных элементов в IX—XI вв.»<sup>5</sup> По мнению Л. В. Черепнина и А. А. Зимина, Закон Русский являлся раннефеодальным правом<sup>6</sup>.

Особую сложность при изучении Закона Русского представляют реконструкция системы его норм, установление содержащегося в нем развития правовых норм в сравнении с предшествующим обычным правом и определение социального характера этих изменений. Объективным критерием данного анализа является последовательное сравнение древнейших записей устного права — КП с северогерманской группой варварских Правд (Саксонская, Фризская, Тюрингская Правда, Правда франков-хамавов), а также Салической, Баварской, Алеманской Правдами, в меньшей степени отражавшими синтезные романо-германские отношения и рецепции римского права, чем южная и западная группы германских Правд.

Системное сравнение норм КП и данной группы германских Правд<sup>7</sup> свидетельствует о том, что уже в источнике норм КП — Законе Русском вводилась денежная компенсация и плата за лечение в случае избиения наряду с ранее существовавшей мездой (КП, 2; ср.: *Lex Sal.*, XVII, 4, 5; *Lex Alam.*, XII, 1, 4, 5; *Lex Bajuuv.*, 1—4); устанавливались штраф за укрывательство чужого беглого челядина (КП, 11; ср.: *Lex Sal.*, XXXIX, 1; *Lex Alam.*, LXXXVII; *Lex Bajuuv.*, XIII, 9); штраф-выкуп за холопа, который ударил свободного мужчину, вместо убийства этого холопа (КП, 17; ср.: *Lex Sax.*, I, LI; *Lex Fris.*, I, 13—17), ограничения в убийстве вора на месте преступления и участие в судебном решении данного правонарушения княжеским судом (КП, 38; ср.: *Lex Ba-*

<sup>5</sup> Ключевский В. О. Сочинения. Т. 1. С. 219—222.

<sup>6</sup> Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 139—146; Зимин А. А. Феодалная государственность и Русская Правда // Ист. зап. М., 1965. Т. 76. С. 234—240.

<sup>7</sup> Свердлов М. Б. К истории текста Краткой редакции Русской Правды // ВИД. Л., 1978. Т. X. С. 139—158.



juv., IX, 5; Lex Sax., XXXII). Сравнение норм КП и указанной группы германских Правд свидетельствует также о существовании в составе Закона Русского — источнике норм КП значительного комплекса законоположений, общих для варварских Правд (помимо указанных ранее): о добровольном отказе от кровной мести и замене ее выкупом, о штрафе за удары различными предметами и оружием, о ранениях, об оскорблении действием, о езде на чужом коне, о судебном процессе, о краже зависимых людей, животных, предметов собственности, лодки, дров, сена и т. д. Социально-экономической основой сходства норм Закона Русского и данной группы германских Правд является близость общественного строя и отношений собственности на переходной стадии от родоплеменного строя к раннефеодальному, существование господского и крестьянского аллодиального хозяйства, одинаковые формы государственного вмешательства в процесс регулирования правоотношений посредством княжеского (королевского) суда и редактирования норм обычного права, что представляло собой нормативное выражение воли возникающего господствующего класса.

Использование племенной Правды славян Среднего Поднепровья великими киевскими князьями, первоначальное редактирование ее норм в процессе судебной практики, формирование Закона Русского как нормативного источника устного права стали первым этапом становления раннеклассового, раннефеодального права, аналогичного германским Правдам до времени их записи.

В процессе быстрого развития общественных отношений в X в. наряду с эволюцией устного права от племенного обычного права к целенаправленному княжескому нормативному источнику устного права великокняжеская власть издавала также специальные постановления «уставы» и «уроки» (при княгине Ольге в середине X в.), была сделана попытка заменить виру за убийство казнью в связи с ростом разбоев (при Владимире Святославиче в конце X в.)<sup>8</sup>. Таким образом, с укреплением раннефеодального классового государства отчетливо проявилась функция права как орудия регулирования правоотношений в обществе, в котором укрепилась система социального неравноправия.

Система развитого устного права, существовавшая в X в., оказалась столь совершенной и подготовленной к решению самых различных задач, которые стояли перед молодым государством, что в конкретных условиях 1015—1016 гг. в период острых конфликтов новгородцев с варягами для создания первого писаного судебника достаточно было: 1) «тематически» подобрать уголовные и процессуальные нормы в создаваемый судебник (КП, 1—17), 2) специально отметить равенство различных социальных групп южнорусского происхождения и общественных категорий, находящихся под покровительством великого князя, с одной стороны,

<sup>8</sup> ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 60, 126—127.

и новгородского происхождения — с другой (КП, 1), 3) отредактировать две статьи в применении к иноземцам — варягам и колбягам (КП, 10, 11). Уже давно было отмечено, что ст. 18 КП, близкая по содержанию к Закону Судному людям, является более поздним дополнением к статьям 1—17 КП<sup>9</sup>. Так была создана Древнейшая Правда, или так называемая Правда Ярослава. Разумеется, небольшое число правовых норм, записанных в первом по времени судебнике, не отражало всей сложности общественных отношений и юридической практики, существовавших в это время на территории Древнерусского государства, и устный закон продолжал быть основным источником права великокняжеского суда.

Таким образом, в Древнерусском государстве IX—начала XI в. на основе развивающегося родоплеменного обычного права сложились две правовые подсистемы, регулирующие правоотношения. Обычное право регулировало правоотношения, складывающиеся в процессе общественного производства на основе устной традиции и моральной санкции соответствующих социальных групп и общественных организаций. Закон стал нормативным выражением воли господствующего класса при санкции государства и государственных органов. Устный в первоначальном виде, писанный — с начала XI в., закон в равной мере осуществлял социально-правовую функцию. В процессе становления развитого феодального общества и государства в XI—XII вв. эволюция обычая и закона шла разными путями.

Писаное феодальное право развивалось вследствие правотворчества господствующего класса, а также использования предшествовавшего устного права в юридических памятниках, целенаправленных на укрепление феодальных отношений. Так, статьи 19—41 КП (так называемая Правда Ярославичей, середина — третья четверть XI в.) состоят из двух групп. Одни нормы (статьи 19—28, 32, 33 КП) устанавливают штрафы за убийство зависимых и свободных людей великокняжеского домена. Они прямо указывают на защиту княжеской собственности, скота и ульев (показательны простейшие способы редактирования обычного-правовой нормы: «княжь конь», «княжа борть»; ср. аналогичное редактирование при указании штрафа за королевского быка в Салической Правде, III, 5, Add., 4). Другие статьи (29, 31, 34—40) включены в княжеский домениальный устав из устного Закона Русского без изменений, но они трансформировали свою функцию, предназначенную для защиты княжеской собственности и зависимых людей. К законодательной деятельности Ярослава Мудрого относится регламентация корма вирника — сборщика судебных штрафов, а также платы мостникам за ремонт мостов и мостовых (КП, 42, 43). Согласно предположению И. А. Стратонова, поддержанному А. А. Зиминим и М. Б. Свердловым<sup>10</sup>, так назы-

<sup>9</sup> Правда Русская. М.; Л., 1947. Т. II. С. 117—120.

<sup>10</sup> Стратонов И. А. К вопросу о происхождении Краткой редакции Русской Правды. Казань, 1920. С. 18—25; Зимин А. А. К истории текста Краткой

ваемая Правда Ярославичей была издана в правление Ярослава Мудрого (между 1036 и 1054 гг.). Если это предположение верно, то в КП были собраны все законы Ярослава — «Суд Ярославль Володимеричь».

В результате последующей законодательной деятельности князей, издававших уставы и отдельные законоположения, во второй половине XI — первой трети XII в. сложилась система светского писаного древнерусского права, которая была кодифицирована при составлении Пространной редакции Русской Правды (далее: ПП), при этом нормы обычного права или устного княжеского закона, унифицировавшего их, оставались источником ПП (ср. близкие по форме и содержанию к КП, германским варварским Правдам и общеправовым нормам статьи ПП по Троицкому I списку: ст. 68: «аже выбьютъ зубъ, а кровь видять у него во рте, а людье вылезутъ, то 12 гривен продаже, а за зуб гривна»; ст. 69: «аже украдетъ кто бобръ, то 12 гривен»; ст. 71: «аже разнаменаеть борть, то 12 гривен» и др.). ПП охватывала широкий круг уголовного, гражданского (семейного, наследственного, вещного, обязательственного), процессуального права. Она развивалась во времени: помимо древнейшей Синодально-Троицкой группы списков, позднее сложились три ее редакции (Пушкинская, Карамзинская и Сокращенная). ПП стала основным источником светского писаного права до конца XV в.

Анализ формулярного состава древнерусских актов XI—XIII вв. свидетельствует о том, что процесс их складывания был аналогичен истории текста Русской Правды. В дописьменный период сложился юридический обычай словесно-обрядовой процедуры — символические действия, словесные формулы, клятвы, коллективное свидетельство. Этот обычай закреплял все виды сделок и распоряжений. Формуляр различных видов грамот (договорные, данные, купчие) сложился в результате записи данного обычая. Отсутствие качественных различий в функции юридического обычая словесно-обрядовой процедуры и писаного акта стало причиной их длительного сосуществования в XI—XV вв., что свидетельствует о том, что 1) уже в дописьменный период словесно-обрядовая процедура осуществляла все необходимые функции по фиксации и регулированию правоотношений, 2) единство словесно-обрядовой сделки и письменного акта отражает единую природу и установившийся характер социальных отношений и понятий собственности, которые они фиксируют<sup>11</sup>.

Наряду с указанными формами становления и развития писаного права в Древней Руси целостная система феодального права складывалась посредством издания церковных уставов (при Владимире и Ярославе в первой половине XI в.), уставной деятель-

---

редакции Русской Правды // Тр. МГИАИ. 1954. Т. 7. С. 178—195; Свердлов М. Б. К истории текста. . . С. 149—159.

<sup>11</sup> Свердлов М. Б. Древнерусский акт X—XIV вв. // ВИД. Л., 1976. Т. VIII. С. 50—69.



ности князей в XII в., привлечения славянских и византийских переводных правовых памятников (Закон Судный людем, Книги законные, Эклога, Прохирон и др.)<sup>12</sup>.

В условиях развивающегося классового феодального общества обычай эволюционировал, охватывая те стороны внутриклассовых и межклассовых отношений, которые не регулировались законом. Обычное право в соседской крестьянской общине — вервь становилось сословным правом крестьян, вариационным по форме, но гомогенным по сущности. Регулируя крестьянские правоотношения данная подсистема обычного права способствовала постоянной регенерации общины как крестьянского социального коллектива в системе феодального государства и вотчинного хозяйства. Как отметил Я. Н. Шапов, вервь являлась «юридическим лицом, первичной административной ячейкой общества», «автономной организацией, обладающей функциями внутреннего управления»<sup>13</sup>. При этом феодальный государственный закон не исключал, а предполагал существование обычаеправовых норм общины, регулирующих ее функции юридического лица с коллективной правовой и имущественной ответственностью (КП, 19, 20; ПП, 3-8). Крестьянское обычное право, генетически восходящее к племенным Правдам, в раннефеодальном и развитом феодальном обществах становилось феодальным по сущности (в равной мере как и сельская соседская община) во всей системе феодального государства и права.

Обычай регулировал также правоотношения в господствующем классе. Уже в русско-византийском договоре 941 г. указаны «светлые и великие князья», которые находились «под рукою» великого киевского князя Олега, что означало их зависимое, вассальное положение<sup>14</sup>. Различные группы господствующего класса назывались по семейно-возрастным категориям, хотя все они были взрослыми людьми: «мужи», «отроки», «детские», что также подразумевает широкое участие обычая в их формировании.

Обычаи регулировали межклассовые отношения. Например, ключ и символические акты самопродажи символизировали, согласно Русской Правде (ПП, 110), поступление в личную зависимость — холопство. Другие юридические обычаи использова-

<sup>12</sup> Розенкампф Г. А. Обзорение кормчей книги в историческом виде. М., 1829; Бенешевич В. Н. Сборник памятников по истории церковного права, преимущественно русской церкви до эпохи Петра Великого. Пг., 1915. Вып. 1; Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972; Он же. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978; Он же. Системы права на Руси XII—XIV вв. и их отражение в памятниках письменности // Общество, государство, право России и других стран Европы. Норма и действительность: Тезисы докладов и сообщений. М., 1983. С. 12—14; Милов Л. В. О древнейшей истории кормчих книг на Руси // История СССР. 1980. № 5; и другие работы.

<sup>13</sup> Шапов Я. Н. О функциях общины в Древней Руси // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 16.

<sup>14</sup> Ср.: Grimm J. Deutsche Rechtsaltertümer. Leipzig, 1899. Bd. 1. S. 190—196.



лись в равной мере в среде феодалов и крестьян. Таковы древнейшие обычаи использования дёрна, соломы, руки, полы, перчатки (или рукавицы), обуви, вина, оружия, волос при заключении сделок и фиксировании распоряжений<sup>15</sup>. Межклассовые и внутриклассовые социально-экономические, социально-политические и правовые отношения в феодальном обществе предполагали широкое привлечение юридического обычая и словесно-обрядовых процедур, кроме писаного государственного закона и письменного оформления актов, как свидетельствуют многочисленные данные по истории стран средневековой Европы. Систематическое изучение данной темы по материалам феодальной Руси еще только начинается.

Таким образом, в Древней Руси прослеживается сложный процесс развития обычного права под определяющим влиянием формирующихся феодальных отношений от племенной Правды к правовой системе, регулирующей общественные и имущественные внутриклассовые и межклассовые отношения. Развитое обычное право уже в дописьменный период меняло свою функцию в условиях складывающегося раннефеодального общества в IX—X вв. и становилось источником юридических норм писаного государственного закона. Так складывалась в Киевской Руси гомогенная правовая система, состоящая из устного обычного права и писаного закона, которая юридически регулировала всю систему правоотношений в развивающемся феодальном обществе.

*В. Я. Петрухин*

## К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ «РУССКОЙ ЗЕМЛИ» В СРЕДНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ

Выделение в договорах Руси с греками трех городов Среднего Поднепровья — Киева, Чернигова и Переяславля — в отдельную область уже в X в., получившую в летописях название «Русской земли» (в узком смысле)<sup>1</sup>, ставит проблему взаимоотношений этих городов. До раздела Русской земли завещанием Ярослава Мудрого киевские князья не сажали своих сыновей в Чернигов и Переяславль: в источниках нет сведений и о местных княжеских династиях, что позволяет считать Русскую землю великокняжеским доменом<sup>2</sup>, во всяком случае в эпоху Владимира Свя-

<sup>15</sup> Павлов-Сильванский Н. И. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910. С. 423 — 446.

<sup>1</sup> Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 23 и след.

<sup>2</sup> Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 73.

тославича и Ярослава. Кто же управлял Черниговом и Переяславлем в X в. — неизвестные князья, местная племенная аристократия или «мужи» киевского князя?

Предлагая ответы на этот вопрос, исследователи традиционно обращаются к данным археологии. Если археологические источники по ранней (X в.) истории Переяславля скудны (он, согласно летописи, закладывается в 992 г. как княжеская крепость Владимиром<sup>3</sup>), то Чернигов располагает богатейшим комплексом памятников X в. Хотя эти памятники по преимуществу погребальные, несомненно, что они характеризуют городской быт, принадлежат некрополю города<sup>4</sup>. Самый знаменитый памятник Чернигова, расположенный непосредственно возле древнего города — курган Черная могила, датируемый 960-ми годами. Его материалы вызвали много толкований, в зависимости от их интерпретации решалась и историческая «судьба» города. Местное предание приписывало курган князю Черному; большие размеры насыпи, богатый инвентарь давали исследователям право следовать этой традиции и приписывать Черную могилу неизвестному черниговскому князю. Отметим, однако, что термин «княжеский» в археологической литературе — скорее метафора, чем результат социологического анализа: богатый курган с большой насыпью мог принадлежать и местному боярину, «старейшине града»<sup>5</sup>.

Естественно, что принадлежность Черной могилы «местному» князю или боярину можно продемонстрировать, лишь учитывая широкий круг аналогий, прежде всего — «богатых» курганов с насыпями больших размеров. Исследователи давно обратили внимание на близость Черной могилы (и другого кургана в Чернигове — Гульбища) одновременным большим курганам в Гнёздове под Смоленском<sup>6</sup>. Как и в Чернигове, большие курганы Гнёздова (которое до открытия там поселения считалось некрополем Смоленска) приписывались неизвестным смоленским князьям или местной кривичской знати. Однако ни теми, ни другими погребенные в больших курганах Гнёздова быть не могли: в Смоленске,

<sup>3</sup> ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 85. В других ранних пассажах летописи и в трактате Константина Багрянородного «Об управлении государством», где приводится достаточно подробный список городов в Среднем Поднепровье, Переяславль не упомянут. Это дало основания Дж. Линду предположить, что Переяславль действительно был построен Владимиром и в текст договоров с греками вставлен редактором ПВЛ в соответствии с современной ему действительностью второй половины XI — начала XII в. (Lind J. H. The Russo-Byzantine Treaties and the early urban structure of Rus' // The Slavonic and East European Review. 1984. Vol. 63. N 3. P. 362—370). Кроме того, для великокняжеских центров X в. характерны некрополи с дружинными курганами: такого некрополя в Переяславле нет.

<sup>4</sup> См. общую характеристику: Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // МИА. М.; Л., 1949. № 11. С. 14—53.

<sup>5</sup> Зайцев А. К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X — XIII вв. М., 1975. С. 73—74; ср. : Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 242—243.

<sup>6</sup> Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии // МАР. СПб., 1902. № 28. С. 11.

как и в Чернигове, князья в X в. неизвестны, а погребальный обряд свидетельствует, что эти гнёздовские курганы принадлежали не кривичам, а варягам<sup>7</sup>. На основании данных Константина Багрянородного Б. А. Рыбаков убедительно предположил, что и Смоленск и Чернигов в середине X в. входили в зону полюдья, собираемого дружиной великого киевского князя<sup>8</sup>, в составе которой были варяги. Однако непосредственно возле Смоленска дружинных курганов нет (на его территории известны лишь единичные находки X в.): они сосредоточены в Гнёздове — на погосте, стане для дружины, собирающей полюдье; видимо, сам Смоленск оставался неподвластным киевскому князю<sup>9</sup>.

Иная ситуация сложилась в Чернигове. Хотя и возле этого города в X в. располагался погост — торгово-ремесленное поселение Шестовица с некрополем, содержащим дружинные погребения, большие курганы представителей дружинных верхов в самом Чернигове свидетельствуют о присутствии в нем великокняжеских мужей — бояр и о непосредственном подчинении города киевскому князю в середине X в. (по крайней мере, во время княжения Святослава).

Полиэтничности великокняжеской дружины соответствовала и гетерогенность элементов формирующейся древнерусской культуры, прежде всего — культуры дружинных верхов. Действительно, инвентарь Черной могилы включал восточнославянскую керамику, восточноевропейский доспех, византийские монеты, франкские мечи со скандинавскими рукоятями, питьевые рога с оковками, орнамент которых содержит характерные для Среднего Поднепровья «восточные»<sup>10</sup> мотивы, варяжский котел с остатками погребального пиршества, скандинавского сидячего идольчика и т. д. Кому мог принадлежать такой набор вещей? Думается, что ответ может быть однозначным: инвентарь Черной могилы характеризует быт древнерусского дружинника (как и целого коллектива, совершавшего обряд). Именно древнерусская дружинная культура синтезирует северноевропейские, восточные (преимущественно кочевнические) и другие импульсы — этот синтез в значительной мере присущ дружинным памятникам Киева

<sup>7</sup> *Авдусин Д. А.* Скандинавские погребения в Гнёздове // *Вестн. МГУ. Сер. IX. История.* 1974. № 1. С. 74—86.

<sup>8</sup> *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и древнерусские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 319—324.

<sup>9</sup> *Петрухин В. Я., Пушкина Т. А.* К предыстории древнерусского города // *История СССР.* 1979. № 4. С. 110.

<sup>10</sup> Этническая атрибуция «восточных» мотивов на большом ритоне может быть уточнена благодаря аналогии — сцене, изображенной на хазарском ковше из Коцкого городка; в центре композиции — борьба простоволового мужчины с противником, чьи волосы заплетены в косу: те же прически имеют и состязающиеся на ритоне из Черной могилы лучники. Недавно в популярной статье Н. А. Фонакова показала, что распущенные волосы носил у хазар каган — его приближенные заплетали волосы в косы; сцена на ковше изображает состязание кагана (ритуал, характерный для культа «священного царя») с соперником из хазарской знати (*Фонакова Н.* Ковш с богатырями // *Вокруг света.* 1987. № 2. С. 42—43).



и Чернигова, Среднего Поднепровья в целом. Естественно, что именно культура великокняжеской дружины впитывала разнообразные иноэтнические влияния: демонстрация ее особого «надплеменного» статуса была актуальна в эпоху борьбы с племенным сепаратизмом. Таким образом, боярин, погребенный в Черной могиле, был, скорее всего, посадником киевского князя и ни в коем случае не представителем местной племенной аристократии.

С этой точки зрения по-иному встает и проблема этнических процессов в пределах территории, непосредственно подвластной великому киевскому князю. И. П. Русанова выявила культурное единство погребальных памятников на киевском Левобережье и черниговском Правобережье, практически в пределах Русской земли (в узком смысле) в X—XII вв., приписав эти памятники полянам и отвергнув северянскую принадлежность Чернигова<sup>11</sup>. А. К. Зайцев показал, что распространение элементов «левобережной» культуры на днепровское Правобережье связано с покорением киевскими князьями территории северян<sup>12</sup>. Наконец, П. П. Толочко справедливо отметил, что культуру Русской земли следует считать уже не полянской, а общерусской<sup>13</sup>. Причем идеологические истоки единства погребального обряда конца X—XII в. в пределах Русской земли (погребения, в ямах, головой на запад, без инвентаря) несомненны — это единство отражает процесс христианизации, государственной идеологической политики, первые успехи которой очевидны именно в пределах формирующегося великокняжеского домена.

Политическую предысторию Русской земли (в узком смысле) выяснил А. Н. Насонов: «„Русской землей“ называлась территория, с которой собирали дань хазары»<sup>14</sup>. Однако ни во времена хазарской дани, ни даже в X в. эта область не называлась Русской землей<sup>15</sup>. Впервые, согласно летописи, название «русь» распространяется с приходом Олега, который назвал Киев «матерью городов русских». Показательно, что Аскольд и Дир, закрепившиеся в Киеве до Олега, согласно тому же источнику, владеют

<sup>11</sup> Русанова И. П. Курганы полян X—XII вв. М., 1966.

<sup>12</sup> Зайцев А. К. Указ. соч. С. 68.

<sup>13</sup> Толочко П. П. Киев и Чернигов в IX—XIII вв. // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.»: Тезисы докладов. Чернигов, 1985. С. 9.

<sup>14</sup> Насонов А. Н. Указ. соч. С. 41—42; ср.: Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 288—294. Особые связи главного центра Русской земли — Киева — с Хазарией вплоть до X в. выявляются благодаря недавно открытому документу «еврейско-хазарской переписки», письму представителей еврейско-хазарской общины Киева в каганат (Golb N., Pritsak O. Khazarian-Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca; L., 1982). Видимо, не случайно и Чернигов был связан с Тмутараканью (хазарская Таматарха), во всяком случае, со времени правления Мстислава Владимировича (988—1036 гг.), а черниговский князь Олег Святославич вслед за дедом Ярославом Мудрым и прадедом Владимиром носил титул кагана («Слово о Полку Игореве». Л., 1985. С. 11, 481).

<sup>15</sup> См. комментарии Д. С. Лихачева в кн.: ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. 2. С. 240—241.

не «Русской», а «польской» (полянкой) землей. «Русью» прозвалась в Киеве именно великокняжеская дружина Олега (он же изображается летописью как восприемник хазарской дани)<sup>16</sup>. Вообще в источниках, относящихся к X в., «русью» называется великокняжеская дружина (ср. описание полюдья «росов» у Константина Багрянородного), собирающая дань и распространяющая свое название на подвластные великому князю территории, прежде всего — на Среднее Поднепровье, но равным образом и на Русь в самом широком смысле, от Киева до Поволховья и Поволжья<sup>17</sup>. Лишь с тенденцией к раздробленности, возникшей ко второй половине XI в., бывший великокняжеский домен стал восприниматься как «Русская земля по-преимуществу», в узком смысле.

Т. Н. Джаксон

## СПИСОК ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ В «КНИГЕ ХАУКА»

Самый полный в древнескандинавской письменности перечень древнерусских городов содержится в исландском географическом сочинении второй половины XIII—начала XIV в. «Какие земли лежат в мире»<sup>1</sup>, входящем в компиляцию древнеисландских произведений, известную под названием «Книги Хаука»<sup>2</sup>:

«...Россия, которую мы называем Гардарики. Там такие главные города<sup>3</sup>: Moramar, Rostofa, Surdalar, Holmgardr, Syrnes, Gaðar, Palteskia, Kœnugardr»<sup>4</sup>.

Из восьми названных здесь городов шесть практически однозначно отождествляются исследователями с Муромом (Móramar), Ростовом (Rostofa), Суздалем (Súrdalar), Новгородом (Hólmgardr), Полоцком (Palteskia) и Киевом (Kœnugardr)<sup>5</sup>.

<sup>16</sup> Там же. Ч. 1. С. 19—21.

<sup>17</sup> См. комментарии Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина в кн.: *Ловмянский Х. Русь и норманны*. М., 1985. С. 286—287.

<sup>1</sup> Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения (тексты, перевод, комментарий). М., 1986. С. 56—72.

<sup>2</sup> Кроме рукописи AM 544, 4°, содержащей интересующую нас часть «Книги Хаука», этот трактат включают в себя три бумажных списка XVII—XVIII вв.: AM 597 в, 4°; AM 281, 4°; AM 765, 4°.

<sup>3</sup> Использованное в тексте сочетание *höfuð garðar*, переведенное нами как «главные города», может иметь это значение только в древнерусском контексте. Весьма противоречива позиция Е. А. Мельниковой, объясняющей возникновение сочетания «höfuð garðar («главные города»)» влиянием «модели X+garðr», но в то же время настаивающей на десемантизации форманта -garðr в образованных по этой модели ойконимах (Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения. С. 49).

<sup>4</sup> Hauksbók / E. Jónsson og F. Jónsson. København, 1892—1896. S. 155.

<sup>5</sup> Древнерусские города в древнескандинавской письменности (тексты, перевод, комментарий) / Сост. Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон. М., 1987.

Имеющиеся в литературе отождествления топонимов *Sýrnes* (с известными оговорками) с Черниговом<sup>6</sup> и *Gaðar* — с «Городцом, в Минск. губ.»<sup>7</sup> не представляются убедительными, поскольку они противоречат тщательно соблюдаемому автором трактата порядку подачи географического материала. Всякий раз он начинает с восточной части описываемого им региона, затем переходит к северу западной части и, наконец, — к югу западной части<sup>8</sup>. В таком порядке дается описание стран в «третях» земли, да и сами эти «трети» (как на картах типа Т—О) представляют собой восточную половину «круга земного» и две части западной половины — северную и южную. При перечислении городов в Гардарики (на Руси) «восточную» группу составляют Муром, Ростов, Суздаль, «северо-западную» — Новгород, *Sýrnes*, *Gaðar*, Полоцк, «юго-западную» — Киев. Тот факт, что *Sýrnes* и *Gaðar* помещены автором трактата между Новгородом и Полоцком, говорит о существовании между ними территориальной связи. Это указание не следует понимать буквально и искать *Sýrnes* и *Gaðar* непосредственно между названными городами, однако наличие путей сообщения между ними следует учитывать.

В таком случае наиболее логичным районом «поисков» оказывается Днепро-Двинское междуречье, поскольку именно здесь находился перекресток торговых и военно-политических магистралей, проходивших и через Новгород, и через Полоцк. Добавим также, что Днепро-Двинское междуречье представляло собой узел торговых путей, связывавших страны Восточной, Северной и Западной Европы с Византией и Востоком<sup>9</sup>, и, соответственно, этот район был хорошо известен скандинавам. Действительно, уже к IX веку восходят здесь как отдельные находки скандинавского происхождения, так и целые комплексы<sup>10</sup>.

Скандинавские источники, в свою очередь, из трех известных им путей на Русь (через Северную Двину, Финский залив и Западную Двину) подробно описывают именно Западнодвинско-Днепровский путь. Кроме того, что в ряде саг он фигурирует

<sup>6</sup> Брун Ф. К. Черноморье.: Сборник исследований по исторической географии Южной России. Одесса, 1880. Ч. II. С. 294; *Погодин А. Л.* Киевский Вышгород и Гардарики // ИОРЯС. СПб., 1914. Т. XIX, кн. 1. С. 28; *Рожнецкий С.* Из истории Киева и Днепра в былевом эпосе // Там же. СПб., 1911. Т. XVI, кн. 1. С. 30, 51; *Свердлов М. Б.* Сведения скандинавов о географии Восточной Европы в IX—XI вв. // История географических знаний и открытий на севере Европы: Сб. статей. Л., 1973. С. 51; *Мельникова Е. А.* Древняя Русь в исламских географических сочинениях // ДГ, 1975 год. М., 1976. С. 148.

<sup>7</sup> Брун Ф. К. Указ. соч. Ч. II. С. 294.

<sup>8</sup> *Мельникова Е. А.* Этнонимика севера Европейской части СССР по древнескандинавской письменности и «Повести временных лет» // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья: Межвузовский сборник. Л., 1982. С. 126.

<sup>9</sup> *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 251.

<sup>10</sup> *Булкин В. А.* О появлении норманнов в Днепро-Двинском междуречье // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977. С. 101—104.



в качестве транспортной магистрали, путь этот с наибольшей полнотой представлен в древнескандинавской топо-, гидро- и этнонимии<sup>11</sup>.

Среди археологических памятников IX—XI вв. в области Днепро-Двинского междуречья лишь один по своим качественным характеристикам, географическому положению в узловой точке восточноевропейских речных путей и месту в системе раннегородских центров может представлять для нас реальный интерес, а именно: расположенный в верховьях Днепра (в 12-ти км от Смоленска) Гнездовский археологический комплекс.

Судя по существующей суммарной оценке Гнездова в литературе последних лет, памятник представляет собой совокупность укрепленных и открытых поселений (Центральное и Ольшанское), синхронных им курганных могильников (Центральный насчитывает около трех тысяч насыпей) и кладов<sup>12</sup>. Исследователями Гнездово рассматривается как полиэтническое поселение, включавшее, наряду со славянским и балтским, скандинавский этнический компонент<sup>13</sup>. Знакомство скандинавов с Гнездовом не вызывает сомнений, ибо документируется материалами могильника и поселения второй половины IX—X в.<sup>14</sup>

В литературе неоднократно отмечалось, что летописи не знают Гнездова<sup>15</sup>, и объяснялось это как незнанием летописца со Смоленской землей вплоть до 1015 г.<sup>16</sup>, так и тем, что летописи именуют Гнездово «Смоленском»<sup>17</sup>. Тот факт, что Гнездово расположено вблизи Смоленска, на древней территории которого не

<sup>11</sup> Подробнее см.: *Джаксон Т. Н.* Sýrnes и Gaðar: Загадки древнескандинавской топонимии Древней Руси // *Scando-Slavica*. Copenhagen, 1986. Т. 32. С. 73—83.

<sup>12</sup> *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., 1978. С. 25—36; *Седов В. В.* Указ. соч. С. 248—253.

<sup>13</sup> *Шмидт Е. А.* Об этническом составе населения Гнездова // СА. 1970. № 3. С. 108; см. также: *Авдусин Д. А.* Скандинавские погребения в Гнездове // Вестн. МГУ. Сер. IX. История. 1974. № 1. С. 74—86.

<sup>14</sup> *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII—первая половина IX в.): Историко-археологические очерки // МИА. Л., 1968. № 152. С. 100; *Он же.* Гнездово и Смоленск // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 37; *Булкин В. А., Назаренко В. А.* О нижней дате Гнездовского могильника // КСИА. М., 1971. Вып. 125. С. 13—16. Существует и иная, несколько завышенная, датировка Гнездовского комплекса (*Авдусин Д. А.* Об изучении археологических источников по варяжскому вопросу // Скандинавский сборник. Таллин, 1975. Вып. XX. С. 147—156), однако бесспорные материалы, содержащиеся в названных нами работах, вынуждают исследователей принять более раннюю датировку (см., например: *Седов В. В.* Указ. соч. С. 250).

<sup>15</sup> См., например: *Сизов В. И.* Курганы Смоленской губернии // МАР. СПб., 1902. № 28, вып. 1, С. 125.

<sup>16</sup> *Авдусин Д. А.* Гнездово и днепровский путь // Новое в археологии. М., 1972. С. 168.

<sup>17</sup> *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX—XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. С. 144.

обнаружено слоев ранее XI в.<sup>18</sup>, породил острую дискуссию о первоначальном месте города. Анализ мнений склоняет нас к мысли о правоте тех исследователей, которые рассматривают Гнездово как хронологический и функциональный предшественник летописного Смоленска<sup>19</sup>, а сведения письменных источников о Смоленске IX—X вв.<sup>20</sup> считают относящимися «к поселению, находившемуся в районе Гнездова»<sup>21</sup>. Такое понимание соотношения Гнездова и Смоленска дает возможность заново поставить вопрос о древнем названии того поселения, которое мы называем «Гнездовом», но которое появляется в источниках лишь в середине XVII в.<sup>22</sup>

Давно замечено, что значительная часть древнерусских городов, расположенных вблизи устьев небольших рек, получила свое название по этим притокам (Ладога < р. Ладога, совр. Ладожка; Псков < р. Пскова; Витебск < р. Витьба; Полоцк < р. Полота и т. д.). По аналогии с этими городами можно с достаточной долей вероятности допустить, что Гнездовский комплекс носил имя, образованное от правого притока Днепра — небольшой речки Свинец<sup>23</sup>, на мысу которой находилось Центральное гнездовское городище. Название реки удастся проследить на начало XIX в.<sup>24</sup>, однако исследователями древнейших периодов призна-

<sup>18</sup> Авдусин Д. А. К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии // Смоленску 1100 лет. Смоленск, 1967. С. 71—72; Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Смоленский детинец и его памятники // СА. 1967. № 3. С. 287.

<sup>19</sup> Спицын А. А. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева // ИАК. СПб., 1905. Вып. 15. С. 7; Ляпушкин И. И. Гнездово и Смоленск. С. 33—37; Булкин В. А., Лебедев Г. С. Гнездово и Бирка: (К проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Посвящается 70-летию М. К. Каргера. Л., 1974. С. 14—15; Алексеев Л. В. О древнем Смоленске (к проблеме происхождения, начальной истории и топографии) // СА. 1977. № 1. С. 84—91; Дубов И. В. К проблеме «переноса» городов в Древней Руси // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983. С. 70—74.

<sup>20</sup> Имеются в виду данные русских летописей (известие недатированной части Повести временных лет о Смоленске как племенном центре кривичей; сообщение Устюжского летописного свода XVI в. о плавании Аскольда и Дира мимо Смоленска в 863 г.; рассказ летописи о походе Олега в 882 г. из Новгорода в Киев), а также упоминание «крепости Милински» в сочинении византийского императора середины X в. Константина Багрянородного «Об управлении империей» (*Miliviska* в Парижской рукописи конца XI в.).

<sup>21</sup> Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Древний Смоленск // СА. 1979. № 1. С. 76.

<sup>22</sup> «Гнездово» (как «имение Епископства Смоленского») упоминается в грамоте 1646 г. Владислава IV, короля польского (опубл. в кн.: Мурзакевич Н. История губернского города Смоленска от древнейших времен до 1804 г. Смоленск, 1804. Кн. 5. С. 38—47). Утверждение С. П. Писарева, что в конце XV в. «в числе загородных владений упоминается еще селение Гнездово», ссылкой на источники не подкреплено (Писарев С. П. Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск, 1894. С. 94).

<sup>23</sup> Маштаков П. Л. Список рек Днепровского бассейна, с картой и алфавитным указателем. СПб., 1913. С. 29; Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. С. 85.

<sup>24</sup> Карта военного обозрения реки Днепра от города Смоленска до города Орши. 1811-го года // ЦГВИА. Ф. ВУА. № 24122.

ется «наибольшая устойчивость» той «топонимии, которая представляет названия вод»<sup>25</sup>.

Имя «древнейшего Смоленска» должно было быть образовано в таком случае при помощи весьма продуктивного форманта -ьскъ<sup>26</sup>, наиболее характерного для Северной Руси<sup>27</sup>, доминировавшего в названиях городов в самый древний период<sup>28</sup>, использовавшегося для образования вторичных топонимов (в частности, от гидронимов: Бужьск < Буг; Пинск < Пина; Полоцк, Полотескъ < Полота; Случьскъ < Случь; Смоленск, Смольньскъ < Смольня<sup>29</sup>)<sup>30</sup>, и иметь соответственно вид \*Свинеческъ, \*Свинечск.

Именно это название и могло самым естественным образом перейти в древнескандинавское Sýrnes, поскольку, как показывает проведенный анализ<sup>31</sup>, наименования древнерусских городов в скандинавских источниках представляют собой воспроизведение фонетического облика соответствующих местных топонимов, сопровождаемое народно-этимологическим переосмыслением составляющих топонимы корней.

Sýrnes означает «свиной мыс». Таким образом, транскрибирование местного названия и сопутствующее народно-этимологическое его преобразование могли в данном случае идти параллельно с калькированием первого корня, легко осуществимым в полиэтнической среде «древнейшего Смоленска». Превращение второй части композита в nes — «мыс» тоже вполне закономерно<sup>32</sup>, поскольку Гнездовское городище расположено на мысу левого берега Свинца, «скат южной стороны которого в древности омывался Днепром, отошедшим впоследствии на 75 саж. к югу и оставившим по себе следы старого русла с двумя маленькими озерами»<sup>33</sup>.

<sup>25</sup> Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Указ. соч. С. 3.

<sup>26</sup> Rospond S. Słowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem -ьsk-. Wrocław, 1969.

<sup>27</sup> Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 13.

<sup>28</sup> Никонов В. А. Топонимия и формирование восточных славян // Всесоюзная конференция по топонимике СССР: Тезисы докладов и сообщений. Л., 1965. С. 51—52.

<sup>29</sup> Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева. М., 1971. Т. 3. С. 690; Кордт В. Материалы по истории русской картографии. Киев, 1910. Вып. II. Карты всей России и Западных ее областей до конца XVII в. № X, XII.

<sup>30</sup> Роспонд С. Указ. соч. С. 20—24.

<sup>31</sup> Джексон Т. Н., Молчанов А. А. Из истории формирования древнескандинавской топонимии пути «из варяг в греки» // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1986. С. 59—61.

<sup>32</sup> Трудно согласиться с Е. А. Мельниковой, что существовала «последовательность в передаче конечного -ескъ как -eskja» (Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения. С. 44; см. также С. 38). Утверждение справедливо только для пары «Полотескъ» — Palteskja. Ср. также: Gerseka-borg «Саги о Тидреке Бернском» и очень удачную реконструкцию имени этого города, предложенную И. Э. Клейненбергом: \*Ярьскъ (Клейненберг И. Э. О топониме Gersika в источниках XIII в. // ВИД. Л., 1972. Вып. IV. С. 120—127).

<sup>33</sup> Лявданский А. Н. Материалы для археологической карты Смоленской



Этимология второго загадочного топонима «Книги Хаука» — Gaðar — не ясна. Не было понятно это слово и писцам XVII в., ибо в одном списке на полях, а в другом и прямо в тексте Gaðar заменено на Gardar, что применительно к Руси может быть переведено как «города (=укрепления)». Однократность упоминания топонимов исключает возможность определенных и окончательных выводов. Тем не менее нам представляется вполне допустимым рассматривать пару слов Sýrnes и Ga(r)ðar как обозначение укрепленного поселения на мысу р. Свинец (правильнее <sup>34</sup> было бы: Sýrnes garðr) либо группы связанных с ним укрепленных поселений.

Исследователями установлено, что возведение первоначального укрепления (вала) на территории Центрального гнездовского комплекса происходило не позднее второй трети X в.<sup>35</sup>; X век — время расцвета Гнездова; на рубеже X—XI вв. и в первой половине XI в. поселение в устье Свинца приходит в упадок <sup>36</sup>; во второй половине или в конце XI в. город возрождается на месте нынешнего Смоленска <sup>37</sup>. Все это позволяет заключить, что известия о Гнездове как об укрепленном центре (garðr) в верховьях Днепра могли возникнуть и достичь Скандинавии лишь в период активного функционирования укрепленного поселения на речке Свинец, т. е. от второй трети X в. до рубежа X и XI или до начала XI в., но не раньше и не позже.

Проекция настоящего вывода на решение вопроса о времени создания списка древнерусских городов в «Книге Хаука» заставляет, как кажется, отказаться от принятой нами ранее датировки его XI веком <sup>38</sup>, удревнив ее на полстолетия <sup>39</sup>.

---

губернии // Тр. Смоленских государственных музеев. Смоленск, 1924. Вып. 1. С. 135—136.

<sup>34</sup> К. Рави указал на вероятность изменений этих двух топонимов из-за ошибок при переписке (*Ravn C.* // *Antiquités russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves*. Copenhagen, 1852. Т. II. Р. 438).

<sup>35</sup> Пушкина Т. А. Гнездовское поселение // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1984. С. 48.

<sup>36</sup> Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Указ. соч. С. 39—40.

<sup>37</sup> Там же. С. 56; Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Древний Смоленск. С. 74—76.

<sup>38</sup> Джаксон Т. Н. Суздаль в древнескандинавской письменности // ДГ, 1984 год. М., 1985. С. 224; ср.: Свердлов М. Б. Указ. соч. С. 52.

<sup>39</sup> Автор благодарит В. А. Булкина, А. В. Назаренко и Т. А. Пушкину за помощь при написании данной статьи.

## К ВОПРОСУ О «СТАРЕЙШИНАХ» В ДРЕВНЕРУССКИХ ИСТОЧНИКАХ XI—XIII ВВ.

В кругу проблем, раскрывающих сущность социальных институтов раннего периода русской истории, остается актуальным изучение терминов группы «старци», «старейшины»<sup>1</sup>. В предлагаемой статье мы остановимся на одном из аспектов анализа терминов названной группы, на том, который был выдвинут как основная посылка для выводов в историографии последних лет. Мы имеем в виду положение об эквивалентности терминов «старейшины» и «старци», которое, согласно мнению авторов этой гипотезы, отражает точку зрения самих летописцев. Исходя из названного положения, исследователи логически выводят тождество терминов «старейшины градские» и «старци градские»<sup>2</sup>.

Рассмотрим внимательнее названное утверждение. Оно опирается главным образом на летописный текст о так называемой хазарской дани<sup>3</sup>. Действительно, «старишины свои» и «старци казарьстии» в этом отрывке повествования можно воспринимать на первый взгляд как равнозначные. Не исключено, однако, иное понимание. Чтобы решить вопрос, какую понятийную характеристику терминов имел в виду летописец, необходимо прежде всего определить хотя бы приблизительно их значения в современную летописцам эпоху. Нам кажется, что такая возможность существует и может быть реализована при анализе основного фонда источников XI—XIII вв., в которых употребляются эти термины.

Термин «старци (-ць)» в источниках XI—XIV вв. встречается повсеместно и имеет два основных значения, которые характеризуют возраст человека или его принадлежность к церковной организации<sup>4</sup>. Термин-словосочетание «старци градские» встречается редко, употребляется только как собирательное слово для группы людей, связанных между собой общими полномочиями. Он известен, помимо летописных рассказов о X в., в переводных памятни-

---

<sup>1</sup> Мавродин В. В., Фроянов И. Я. «Старци градские» на Руси X в. // Культура средневековой Руси. Л., 1974; Завадская С. В. О «старцах градских» и «старцах людских» в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978; Ловмянский Х. О происхождении русского боярства // Там же; Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 37—40; Дворниченко А. Ю., Фроянов И. Я. Города-государства в Древней Руси // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Город и государство. Л., 1986. С. 223—224.

<sup>2</sup> Мавродин В. В., Фроянов И. Я. Указ. соч. С. 30.

<sup>3</sup> ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1, вып. 4. Стб. 17; см. также: СПб., 1908. Т. 2. Стб. 12; НПЛ. М.; Л., 1950. С. 105.

<sup>4</sup> Завадская С. В. Указ. соч. С. 101—102.

ках канонического права и сборниках библейских текстов по рукописям XI—XIV вв.<sup>5</sup>

Обращаясь к термину «старѣшины», отметим следующее. В памятниках оригинальной и переводной литературы это слово встречается как в единственном, так и во множественном числе и в подавляющем большинстве случаев является частью словосочетания типа «старѣшина конюхомъ», «старѣшина еретикомъ», «старѣшина огородникомъ», «старѣшина настоля» и т. п. В словосочетании «старѣшина», как правило, фиксирует отношение главенства, старшинства над кем-либо или над чем-либо. В процессе сюжетного изложения текста термин-словосочетание часто выступает уже в форме «старѣшина» или «старѣшины», но не возникает никаких сомнений в том, что именно словосочетание автор данного текста имеет в виду. Источники XI—XIII вв., включая летописи, дают более 250 подобных упоминаний<sup>6</sup>.

Большинство этих словосочетаний отражает систему понятий, связанных с церковной организацией: «старѣшины собору», «старѣшина архиереемъ», «старѣшина епархии», «старѣшина инокомъ» и др. Они встречаются как в оригинальной (Житие Феодосия Печерского, Чтение о Борисе и Глебе, Слова Кирилла Туровского, Пролог и др.), так и в переводной литературе, бытующей на Руси (Хроника Георгия Амартола, Палая, Синайский патерик, Устав Студийского монастыря, Кормчие книги, Житие Феодора Студита, Слова Григория Богослова и др.). Внутри этой группы выделяется значительный пласт терминологии с большим числом «старѣшин жреческихъ», «старѣшин странѣ Вавилоньстѣи», «старѣшин иудейскихъ», «старѣшин рода того», относящийся к библейской истории.

Для понимания сути вопроса чрезвычайно интересны термины-словосочетания, которые можно условно отнести к социально-бытовой тематике. Как становится ясным, этот пласт не является спецификой только оригинальной литературы, в которой могут отразиться более непосредственно древнерусские реалии. Он составляет также значительную часть и в лексике переводной литературы различных жанров. Уже в ранних древнерусских памятниках наряду с преобладающими церковно-библейскими значениями сложносоставных терминов группы «старѣшины» встречаем «старѣшину разбоиникомъ» в Житии Феодосия Печерского<sup>7</sup> и «старѣшину огородникомъ» — вышгородского Ждана-Николу в «Чудесах Романа и Давида» (Бориса и Глеба)<sup>8</sup>. Нестор в «Чтении о Борисе и Глебе» упоминает «старѣшину поваромъ» и «ста-

<sup>5</sup> Там же. С. 102—103.

<sup>6</sup> Количественная характеристика термина основана на материалах картотеки Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. Института русского языка АН СССР (далее: СДЯ XI—XIV вв.).

<sup>7</sup> Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпов; Под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 104.

<sup>8</sup> Там же. С. 63.



рѣшину древодѣламъ»<sup>9</sup>. Хроника Георгия Амартола, известная через Палею составителю Начального свода и непосредственно используемая автором Повести временных лет, называет «старѣшину книгъчиємъ», «старѣшину воєводамъ», «старѣшину гридѣмъ» и др.<sup>10</sup> В «Слове о Моисее Угрине» повествуется о «старѣшине боляромъ»<sup>11</sup>. Рязанская кормчая упоминает «старѣшину стражи» и «игриць старѣшину». Последний термин встречается также в Варсонофиевской кормчей наряду со «старѣшиною калиграфа» и «старѣшиною писчимъ»<sup>12</sup>. В эту группу мы включаем и «старѣшин градских», которые в данной форме или как «старѣшины по градомъ» встречаются в летописных записях о времени княжения Владимира I и в нескольких памятниках XI—XIII вв.<sup>13</sup>

Анализ текстов позволяет определить, что и в этом сложном термине первая часть его, а именно «старѣшины. . .», означает простое отношение главенства, сам же он полностью соответствует выше выделенной модели, функционирующей в различных тематических слоях древнерусской лексики. При этом источники отмечают как единственное, так и множественное число термина внутри одного и того же контекста<sup>14</sup>. Приведенное наблюдение указывает на формальное отличие термина-словосочетания «старейшина (-ны) градский (-ие)», заключающего в себе единичное и общее понятие, от термина «старци градские», который упоминается в источниках только во множественном числе и имеет собирательное значение. Различия на уровне формально-логическом подтверждаются и тем фактом, что в древнерусских памятниках исследуемого периода не встречается замена первой части у терминов-словосочетаний, выраженной словом «старейшина (-ны). . .», на «старец (-ци). . .» Это косвенно указывает на несовпадение значений у самих слов, учитываемое древнерусскими книжниками.

Обратим внимание, что появление терминов-словосочетаний группы «старейшина (-ны)» с широким значением «предводитель, руководитель» относится ко времени кирилло-мефодиевых переводов и является достоянием Общелитературного языка славян<sup>15</sup>.

<sup>9</sup> Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им / Изд. Д. И. Абрамовича // Памятники древнерусской литературы. Пг., 1916. Вып. 2. С. 13, 21.

<sup>10</sup> Истрин В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1920. Т. I. С. 191, 199, 201, 505.

<sup>11</sup> Патерик Киевского Печерского монастыря / Изд. Д. И. Абрамовича. СПб., 1911. С. 143.

<sup>12</sup> Справки о Рязанской и Варсонофиевской кормчих даются по росписи рукописей в СДЯ XI—XIV вв.

<sup>13</sup> См. в Чтении о Борисе и Глебе Нестора (список XIV в.), Торжественнике (список XII—XIII вв.), XVI словах Григория Богослова (список XIV в.), Законе судном людем (список XVI в.), Рязанской кормчей (1284 г.), в Прологах: Лобковском (1262 г.) и Юрьевском (список XIV в.).

<sup>14</sup> Жития св. мучеников Бориса и Глеба. . . С. 17—18, 20.

<sup>15</sup> Jagić V. Entstehungsgeschichte der Kirchenslavischen Sprache. В., 1913. § 55—56; Виноградов В. В. Заметки о лексике «Жития Саввы Освящен-

В наиболее ранних из появившихся на Руси переводных памятников отмечается закрепление за греческим «ἄρχων» нескольких древнеславянских слов, вероятно, синонимов. К. И. Ходова указала на соответствие «ἄρχων» в славянских переводах Хроники Георгия Амартола и Жития Нифонта «кнзю» и «старѣшине»<sup>16</sup>. Отметим, что в Хронике Амартола и его продолжателя «ἄρχων» переводится, кроме указанных выше слов, еще как «властель» и «болгарин», а для термина «старѣшина» существуют несколько греческих вариантов: «ἐξάρχος, ἡγῆτορ, πρῶτος» и др.<sup>17</sup>

В древнеболгарском переводе XIII слов Григория Богослова, список которого сделан, видимо, в Юго-Западной Руси<sup>18</sup>, для «ἄρχων» переводчиком употребляются слова: «кѣнзѣ, властель, болгаринъ», тогда как большое число греческих слов «ἐξάρχος, ἡγεμῶν, προεστῶς, καθ' ἡγεμῶν» соответствует «старѣшине»<sup>19</sup>. Как синонимы употреблены «кѣнзѣ» и «старѣшина» для греческого «ἄρχων» при переводе одной и той же библейской цитаты в двух памятниках, появившихся на Руси в конце XI—начале XII в.: Древнеславянской кормчей и Пандектах Никона Черногорца<sup>20</sup>. В Кормчей находится следующий текст: «Иже причѣтъникъ досадить еп[и]скоп[у] своемуу, да извържетъся, старѣшинѣ бо людии своихъ не речеши зѣла»<sup>21</sup>. В Пандектах вместо «старѣшинѣ» стоит «кнзю»<sup>22</sup>. Перевод этого места в Пандектах соответствует переводу «Номоканона Иоанна Схоластика», сделанному, по мнению А. И. Соболевского, Мефодием<sup>23</sup>. Поскольку в Ефремовском списке Кормчей отражен ее древнеболгарский перевод<sup>24</sup> и замена «кнзя» Номоканона на «старейшину» Кормчей произошла, видимо, вне древнерусского влияния, мы можем предположить, что подобная синонимия воспринималась и книжниками Древней Руси как закономерная.

ного» // Сборник ОРЯС. Л., 1928. Т. 101. № 3. С. 350; Дубровина В. Ф. О лексических грецизмах в оригинальных и переводных житийных текстах по русским спискам // Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология. М., 1968. С. 130; Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка: Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X—XI вв. М., 1977. С. 76, 289.

<sup>16</sup> Ходова К. И. К вопросу о выявлении лексической нормы в русском литературном языке древнего периода // Памятники древнерусской письменности. С. 104.

<sup>17</sup> Истрин В. М. Указ. соч. Л., 1930. Т. III. С. 33, 80 и др.

<sup>18</sup> Будилович А. С. Исследование языка древнеславянского перевода XIII слов Григория Богослова по рукописи имп. Публичной библиотеки XI в. СПб., 1871. С. 142—143; Фалев И. Заметки о «13 словах Григория Назианзина» рукописи XI в. // Сборник ОРЯС. Л., 1928. Т. 101. № 3. С. 249.

<sup>19</sup> Будилович А. С. Указ. соч. С. 71, 73, 82, 83 и др.

<sup>20</sup> Шапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978. С. 100—101; Срезневский И. И. Пандекты Никона Черногорца в русском списке XII в. СПб., 1871. С. 4.

<sup>21</sup> Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований / Труд В. Н. Бенешевича. СПб., 1906. Т. 1. С. 74.

<sup>22</sup> Срезневский И. И. Пандекты Никона Черногорца. . . С. 5.

<sup>23</sup> Соболевский А. И. Номоканон Иоанна Схоластика // Сборник ОРЯС. СПб., 1910. Т. 88. № 3. С. 140—143.

<sup>24</sup> Шапов Я. Н. Указ. соч. С. 90.

Обращает на себя внимание, что и в других названных выше переводных памятниках термины-синонимы не несут явных социально-политических характеристик славянского общества и связаны с библейской традиционной или агиографической литературой. В Житии Нифонта «старѣшина князь ихъ» — это предводитель бесов, спорящих о силе креста<sup>25</sup>. В Хронике Амартола пересказывается библейский сюжет о «разделении языков» по числу 72 старейшин-князей<sup>26</sup>. Похожее значение терминов мы находим и в летописной Речи философа<sup>27</sup>, представляющей собой, вероятно, памятник старославянской письменности, появившийся на Руси не позднее конца XI в.<sup>28</sup>

Появление многих словосочетаний лексической группы «старейшины» объясняется также характером древнеславянского перевода с греческого языка. Так, в Хронике Георгия Амартола интересующая нас группа терминов следующая: «старѣшина воєводамъ» — ἀρχιστρατηγός, «старѣшина поваромъ» — ἀρχιμάγειρος, «старѣшина» — ἀρχαιότης, «старѣшина слугамъ» — πρωτοβεστιάριος, «старѣшина сѣдельникомъ» — πρωτοστράτωρ, «старѣшина асоукритомъ» — πρωτασκηρῆτης, «старѣшина гридемъ» — ἐταρειάρχης, «старѣшина еретикомъ» — αἵρεσιάρχης, «старѣшина стражемъ» — φρούραρχος, «старѣшина родоу» — φύλαρχος, «старѣшина» — ἑξάρχος. В XIII словах Григория Богослова эта группа представлена такими терминами: «старѣшина с[ва]тительска» — ἀρχιερεὺς, «старѣшина жьрьска» — ἀρχιερεὺς, «старѣшина воеводьска» — ἀρχιστρατηγός, «старѣшина дрѣводѣламъ» — ἀρχιτέκτων, «старѣшина настольный» — πρόεδρος, «о[т]цемъ старѣшина» — πατριάρχης, «старѣшина» — πρεσβύς.

Эти параллели наглядно показывают, что приведенная лексика из двух переводных памятников XI в. по типу образования является греческой калькой, так же как слово «старѣшина» в словосочетании соответствует греческим формантам «ἀρχι-, прото-, про-, -αρχης, -αρχος» и др. Подобная модель переводных источников с достаточной убедительностью показывает, что термин «старѣшина» не существовал самостоятельно, а представлял собой «технический термин» переводов<sup>29</sup>. По всей видимости, подобная слово-

<sup>25</sup> Выголексинский сборник / Изд. подгот. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Голышенко; Под ред. С. И. Коткова. М., 1977. С. 125, 129.

<sup>26</sup> Истрин В. М. Указ. соч. Т. I. С. 57.

<sup>27</sup> ПСРЛ. Т. 1. Стб. 91, 100; Т. 2. Стб. 78, 87; НПЛ. С. 136, 144.

<sup>28</sup> Шахматов А. А. Толковая Палея и русская летопись. СПб., 1904. С. 51, 73; Он же. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 147, 157; Он же. Повесть временных лет и ее источники // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 123—124. В последней работе Шахматов высказал предположение о создании Речи философа самим летописцем; оно является наиболее дискуссионным (Львов А. С. Исследование речи философа // Памятники древнерусской письменности. С. 339, 392—396; Творогов О. В. Палея Толковая // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 153—155; Он же. Палея Толковая // Словарь книжников и книжности Древней Руси (XI—первая половина XIV в.). Л., 1987. Вып. 1. С. 287).

<sup>29</sup> Модель перевода, очевидно, была весьма устойчивой, поскольку подобным образом переводились на древнеславянский уже по аналогии, а не каль-



образовательная модель не только действовала в переводной литературе, но и определила появление многочисленных «старейшин» в оригинальных памятниках, в том числе и «старейшин градских», «старейшин по градам».

Наш экскурс в переводную литературу не случаен. Она значительно влияла на понятийное восприятие образованного человека Древней Руси, а через церковь и книжность — на любого древнерусского человека. Летописец не только воспринимал понятийную канву обширного культурного фонда церковнославянской и византийной книжности, но и находился под влиянием церковнославянской литературной традиции, требующей обязательного включения в повествование реминисценций и сравнений из библейской истории. Последняя служила идеальным источником назидательного характера для теологического по преимуществу мировоззрения средневековья. Эта традиция была характерной особенностью всей средневековой литературы, и древнерусские книжники восприняли ее в полной мере.

Появление книжного по происхождению термина в повествовании, как нам кажется, наиболее часто было связано с формальным моментом необходимости для средневекового автора (летописца) соотнести события отечественной (или излагаемой им) истории с назидательными примерами из библейской истории.

Предание о «хазарской дани», по-видимому, необходимо рассматривать, учитывая вышеназванную специфику. Композиционно эпизод о дани завершается авторским текстом со своеобразным пророчеством о судьбе полян. Аналогией для сравнения в пророчестве служат реминисценции из апокрифического изложения ветхозаветной кн. Исхода <sup>30</sup>: «... яко и при фаравонѣ при еюпетьстѣмъ, еда приведоша Моисѣи предъ фаравона, и рѣша старѣшина фараона: «се хочеть смирити область еюпетьскую». Икоже и быс[ть], погибоша еюпта не от Моисея, а первое быша работающе имъ. Тако и си владѣша, а послѣже самѣмъ владѣють, якоже [и] быс[ть], володѣють [бо] козары русьскіи [кнѣзи и] до днѣшного днѣ» <sup>31</sup>. Заметим, что к этой аналогии о «Моисее и [фараоне]» летописец прибегал и в других местах. Она включена в благословение Ольги патриархом после принятия ею христианства в Константинополе и встречается в Речи философа <sup>32</sup>.

---

кируя, такие, например, слова: «старѣшина бѣсомъ» — λεγεών, «старѣшинство людемъ» — δειματώγια у Григория Богослова.

<sup>30</sup> Мещерский Н. А. Апокрифы в древней славяно-русской письменности (ветхозаветные апокрифы) // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР». М., 1976. Вып. 2, ч. 1. С. 192.

<sup>31</sup> ПСРЛ. Т. 1. Стб. 17; Т. 2. Стб. 12; НПЛ. С. 106. В Комиссионном списке НПЛ стоит «старѣшины фараона», в ПВЛ по Ипатьевскому списку «старци фараона». Эта замена в разных списках ед. числа на мн. число у термина, возможно, объясняется наличием в тексте, близком к первоисточнику (Речь философа), двойного пророчества, где выступают поочередно «вольсви» и «вольхвы».

<sup>32</sup> ПСРЛ. Т. 1. Стб. 61—62; 94; Т. 2. Стб. 50; 81; НПЛ. С. 115, 139.

Как было отмечено, в переводной литературе слова «князь, старейшина, боярин, властель» часто были синонимами. Видимо, и всех «старейшин» из «хазарской дани» следует рассматривать исходя из этого синонимического ряда. Косвенное подтверждение нашему предположению мы видим в упоминании о судьбе фараона в чудесах Аполлония Тианского Хроники Амартола, дословно перешедших в Повесть временных лет<sup>33</sup>. Можно с достаточной уверенностью говорить, что летописец знал ассоциативную связь названных терминов в указанных отрывках, и подобная замена была естественна при наличии у термина группы «старейшины», распространенного в переводной книжности, пришедшей на Русь, широкого значения. На эту черту данного термина указывают и многочисленные примеры из древнерусских памятников XI—XIII вв. Поэтому мы склонны поддержать мнение К. Р. Шмидта, рассматривавшего исследуемые термины из сюжета о «хазарской дани» как собирательные, употребленные в отношении к нерусским должностным лицам, по которым нельзя заключить о соответствующем титуле или какой-то социальной группе в описываемый период<sup>34</sup>. На большую зависимость «чужих» речей в составе летописей (хазар, греков, половцев и др.) от книжного влияния указала Т. Н. Кандаурова<sup>35</sup>. По мнению А. С. Львова, изучившего лексику Повести временных лет, «анализ примеров, в которых встречаются слова „старьць“ и „старѣшина“, склоняет к мысли, что они большей частью употреблены в подражание книжным оборотам речи»<sup>36</sup>. Эту точку зрения поддержал М. Б. Свердлов<sup>37</sup>.

Анализ совокупности терминов группы «старейшина (-ны)» в обширном фонде древнерусских источников XI—XIII вв. показал, что они присутствуют как в оригинальной, так и в переводной литературе, при этом для большинства зафиксированных случаев типично употребление термина-словосочетания с широким значением. Появление термина вне словосочетания наиболее характерно для повествований о библейской истории или реминисценций по поводу нее. В таком случае книжный термин употребляется автором текста ассоциативно, что соответствует понятийному восприятию древнерусского человека.

Исходя из сказанного и приведенных дополнительно наблюдений о формально-логических различиях терминов «старейшины» — «старци» и соответственно «старейшины градские» и «старци градские», гипотеза об их эквивалентности не находит, как нам кажется, подтверждения в источниках.

<sup>33</sup> *Истрин В. М.* Указ. соч. Т. I. С. 305; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 41; Т. 2. Стб. 31.

<sup>34</sup> *Schmidt K. R.* Soziale Terminologie in russischen Texten des frühen Mittelalters (bis zum Jahre 1240). Kopenhagen, 1964. S. 159.

<sup>35</sup> *Кандаурова Т. Н.* Полногласная и неполногласная лексика в прямой речи летописи // Памятники древнерусской письменности. С. 90—91.

<sup>36</sup> *Львов А. С.* Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С. 186, 252.

<sup>37</sup> *Свердлов М. Б.* Указ. соч. С. 39—40.

ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ  
К «СЛОВУ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»  
(Кто был Мстислав)

Мстислав упомянут в числе других князей в знаменитом призыве «Слова» защитить Русскую землю от хищных половецких ханов. В этом обращении неведомого нам древнерусского поэта к виднейшим властителям Руси последовательно названы великий князь Всеволод Юрьевич Суздальский, правивший в поднепровской Русской земле Рюрик Ростиславич и его брат Давид Смоленский, Ярослав Владимирович Галицкий, а затем Роман Мстиславич Волынский и вместе с ним некий Мстислав: «А ты, буй Романе и Мстиславе! Храбрая мысль носит ваш ум за дело. Высоко плаваеши на дело в буести, яко сокол на ветрах ширяся, хотя птицю в буйстве одолети. Суть бо у ваю железныи паробци под шеломы латыньскими. Теми тресну земля, и многы страны — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела, и Половци сулицы своя повръгоша, а главы своя подклониша под тьи мечи харалужныи»<sup>1</sup>.

Большинство ученых датирует «Слово о полку Игореве» 1187 г., а недавно Д. С. Лихачев назвал в качестве вероятного года его создания 1188 г.<sup>2</sup> Поэтому князя по имени Мстислав обычно ищут среди современников Романа Мстиславича, княжившего в те годы во Владимире-Волынском. Но вплоть до настоящего времени историки и литературоведы не пришли к единому мнению относительно того, кто был этот загадочный Мстислав, близкий соратник волынского князя и выдающийся полководец, как явствует из текста обращения «Слова» к ним обоим. Ведь это обращение характеризует Мстислава как видного военачальника, заслужившего громкую славу победителя многих народов.

У Романа Мстиславича не было родного брата по имени Мстислав. Раньше других вспомнили о его двоюродном брате Мстиславе Ярославиче Пересопницком<sup>3</sup>. С подобной идентификацией солидаризовался А. С. Орлов, заметив, что в «Слове» названы «волыньские князья Роман Мстиславич Владимирский (с 1173 г.) и его двоюродный брат Мстислав Ярославич Пересопницкий или Луцкий»<sup>4</sup>.

Но А. В. Соловьев подверг сомнению подобное утверждение, доказывая, что автор «Слова» имел в виду другого князя, а именно Мстислава Всеволодовича Городенского. Как указывает исследователь, в 1169 г. Мстислав Всеволодович помог отцу Романа, Мсти-

<sup>1</sup> Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 23.

<sup>2</sup> Лихачев Д. С. Земля родная. М., 1983. С. 208.

<sup>3</sup> Ляцкий Е. Слово о полку Игореве. Прага, 1934. С. 208.

<sup>4</sup> Орлов А. С. Слово о полку Игореве. 2-е изд. М.; Л., 1946. С. 126.



славу Изяславичу, овладеть Киевом, в 1170 г. откликнулся на призыв последнего пойти походом в Половецкую землю, а в 1184 г. принимал участие в большом походе на половцев под водительством Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича.

Однако, заметим мы, роль Мстислава Городенского в обеих экспедициях в степь была весьма скромной, а с Литвой и ятвягами он и вовсе не воевал. Уже поэтому городенский князь мало подходит для того, чтобы быть упомянутым в обращении «Слова» к Роману и Мстиславу. Не смущаясь этим, Соловьев уверенно подытоживает свои рассуждения: «Следовательно, он (Мстислав Городенский. — Н. К.) был хорошо известен в Киеве. Но именно княжа в Городне, он *должен был, конечно*, постоянно воевать против Литвы, Ятвягов и Деремелы <sup>5</sup>, своих ближайших соседей, *мог ходить* на них походом вместе с Романом Волынским и быть с ним *если не в близком родстве, то в близком ввойстве*» <sup>6</sup> (курсив наш. — Н. К.).

Стоит ли отмечать, что подобная методика доказательств построена на эмоциях и догадках автора?! Гипотезе Соловьева недостает фактических аргументов. Д. С. Лихачев также видит в Мстиславе «Слова» городенского князя, не отказываясь при этом и от пересопницкого <sup>7</sup>.

Специально исследовавший вопрос о Мстиславе Б. А. Рыбаков, отметив, что «названный совместно с Романом князь Мстислав не может быть определен достоверно», признает в общем равноправными кандидатуры городенского и пересопницкого князей. Последнего, прозванного Немым, он именует Луцким и склоняется в его пользу. Этот князь, как указывает Рыбаков, был близок к Роману Мстиславичу <sup>8</sup>. В пользу предположения историка свидетельствует сам факт княжения Мстислава Немого на западно-русских землях, вследствие чего он мог сталкиваться и с литовцами, и с ятвягами (тогда как Городня расположена в Погорине и удалена от границы с Литвой).

И все же — Мстислав Ярославич, по нашему мнению, никак не мог быть назван вместе с Романом в обращении автора «Слова» к виднейшим русским князьям. Нам известен лишь один случай его участия в большом и победоносном походе русских князей в Половецкую степь 1184 г. Этот возглавлявшийся Святославом Всеволодовичем и Рюриком Ростиславичем поход предшествовал воспетому в «Слове» несчастливому предприятию Игоря Свято-

<sup>5</sup> По мнению А. В. Соловьева, «деремела — это, вероятно, ятвяжская область и племя *Dernen*, *Dernne*, упоминается в прусских источниках XIII в.» (Соловьев А. В. Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Ист. зап. М., 1948. Т. 25. С. 80). Более осторожен М. Фасмер: «Вероятно, балтийское племя» (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964. Т. 1. С. 502).

<sup>6</sup> Соловьев А. В. Указ. соч. С. 81.

<sup>7</sup> Лихачев Д. С. Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 445.

<sup>8</sup> Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 96—98.

славича. В перечне вставших под знамена Святослава и Рюрика второстепенных князей названы и «Всеволод Ярославич из Лучьска с братом Мстиславом. . . и Городеньский Мьстислав»<sup>9</sup>. Здесь Мстислав Немой выступает без указания на место его княжения — быть может, он тогда и не занимал сколько-нибудь заметного стола. Галицко-Волынская летопись в описании событий примерно 1211 г. упоминает пришедшего «от Пересопничи» Мстислава Немого<sup>10</sup>, но не сообщает, когда он получил это удельное княжение. Лишь из известия галицкого летописца под 1226 г. (думаем, что эта дата соответствует действительности) можно установить, что в конце жизни Мстислав Ярославич княжил в Луцке<sup>11</sup>. Перед нами — ординарный удельный князь, в общем проживший в свое бурное время относительно спокойную жизнь. Ни о каких его победоносных походах и великих делах летописцы не сообщают.

Как видим, у автора «Слова» не было оснований воспевать ни Мстислава Городенского, ни Мстислава Пересопницкого. Ведь из текста общего к Роману и Мстиславу обращения «Слова» нетрудно сделать вывод, что древнерусский певец в последнем видел равного (или почти равного) Роману победителя половцев, Литвы и ятвягов, предводителя закованной в железо дружины, под тяжелыми шагами которой содрогалась земля, а враги склоняли головы и слагали к его ногам оружие. Не приходится доказывать, что второразрядные городенский и пересопницкий князьки, к тому же не принимавшие участия в походах Романа Мстиславича (об этом нет свидетельств в источниках), ни в малейшей степени не соответствуют восторженной характеристике «Слова».

Кроме того, автор «Слова» обращается с призывом защитить Киев — «отня злата стола поблюсти» только к виднейшим и сильнейшим князьям своего времени, коллективным сюзеренам Русской земли. Эти князья обладали владениями в южной Русской земле («частью» или «причастием») и за это обязывались защищать ее от врагов, прежде всего половецких ханов. Сам порядок князей в этом обращении строго иерархический<sup>12</sup>. Первым, естественно, назван признанный князьями дома Ярослава старейшим на Руси Всеволод Суздальский, вторым — правивший в южной Русской земле Рюрик Ростиславич, затем его брат Давид Смоленский. Четвертым упомянут сильный и независимый Ярослав Галицкий и сразу же после него — Роман Волынский и Мстислав. Отсюда ясно, что этот Мстислав должен был владеть княжеством, не уступавшим (или мало чем уступавшим) Волынскому.

Нетрудно убедиться, что поиски отважного и сильного Мстислава на политической карте Руси конца 80-х годов XII в. не могут привести к успеху. На древнерусских землях того времени вообще

<sup>9</sup> ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. 2-е изд. Стб. 630—631.

<sup>10</sup> Там же. Стб. 725.

<sup>11</sup> Там же. Стб. 750.

<sup>12</sup> Подробнее см.: *Котляр Н. Ф.* Отражение в «Слове о полку Игореве» государственной структуры Руси эпохи феодальной раздробленности // ДГ, 1985 год. М., 1986. С. 64—71.

не было мощного и храброго князя с этим именем. Однако загадка Мстислава представляется вполне разрешимой, если принять во внимание, что и Роман Мстиславич в «Слове» изображен во времена гораздо более поздние, чем 1187—1188 гг.

В конце 50-х годов нашего века впервые была высказана мысль, что обращение автора «Слова» к Роману, победителю половцев, Литвы и ятвягов, нельзя датировать 1187 г. Свои знаменитые походы против половецких ханов Роман Мстиславич осуществил в 1197—1198, 1202 и 1204 гг. Ятвягов он впервые разбил в 1197/98 гг.<sup>13</sup> Соплашаясь с подобным мнением, А. Н. Робинсон полагает, что «обращение к Роману (в числе других князей) было сделано в „Слове“ в 1185—1187 гг., а в перечне его противников. . . некоторые из них (ятвяги, половцы) могли оказаться несколько более поздним наслоением (в устном бытовании произведения или, что менее вероятно, в его списке)»<sup>14</sup>. Отметим, что Роман «образца 1185—1187 гг.» вообще не добился еще ни одной из своих громких побед. На наш взгляд, интерполировано само имя Романа или, еще вероятнее, полностью обращение к Роману и Мстиславу. В пользу последнего предположения свидетельствует упоминание в «Слове» Мстислава в качестве грозного победителя половцев, Литвы и ятвягов.

Мы полагаем, что в «Слове о полку Игореве» Роман предстает во времена его наивысшего могущества, когда, объединив в 1199 г. Галицкую и Волынскую земли в громадное и цветущее княжество, он сделался равным таким князьям, как Всеволод Суздальский и Рюрик Ростиславич. Поскольку «Слово» обращается одновременно к Роману и Мстиславу, последнего следует искать не рядом с Романом, второстепенным волынским князем конца 80-х годов XII в., а среди современников Романа, прославленного галицко-волынского властелина 1199—1205 гг. И здесь, среди современных Роману князей, заметно выделяется колоритная фигура Мстислава Мстиславича, которого за многочисленные военные успехи современники прозвали Удатным (Удачливым).

Мстислав происходил из рода Мономашичей. Его отец Мстислав Ростиславич Храбрый в разное время занимал столы Белгорода, Смоленска и Новгорода. В последнем он умер летом 1180 г.<sup>15</sup> На страницах летописи Мстислав Мстиславич впервые появляется под 1193 г. в качестве удельного трепольского князя. Тогда он в союзе с сыном Рюрика Ростиславича Ростиславом по просьбе Черных Клобуков двинулся на половцев и победил их: «И ополнишася Ростислав и Чернии Клобуце скотомъ и коньми, и че-

<sup>13</sup> Замечания Д. Н. Альшица в кн.: Сборник ответов на вопросы по литературоведению. IV Международный съезд славистов. М., 1958. С. 39; см. также: Котляр М. Ф. Чи міг Роман Мстиславич ходити на половців раніше 1187 р.? // Український історичний журнал. 1965. № 1. К сожалению, мне тогда не были известны соображения Д. Н. Альшица.

<sup>14</sup> Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XII—XIII вв. М., 1980. С. 261.

<sup>15</sup> Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. 1. С. 91. № 19.



лядью, и колодник много изимаша, княжичев их и добрыи мужи имаша»<sup>16</sup>. В 1204 г. Роман Мстиславич разгромил половцев, и скупое известие Суздальской летописи этого года позволяет думать, что в его походе принял участие наш герой: «Ходиша Рустии князи на Половци: Рюрик Киевський, Єрослав Переяславський, великого князя Всеволожа сын, Роман Галицкий и Мстиславич (курсив наш. — Н. К.), и инии князи. . . И взяша Рускии князи полону много, и стада их заяша, и возвратишася во свояси с полоном многим»<sup>17</sup>. Это единственный известный из источников поход на половцев, в котором плечом к плечу сражались Роман Мстиславич и Мстислав Мстиславич. Возможно, эта победоносная кампания и отразилась в обращении «Слова» к обоим князьям.

Но вскоре после блестящей победы над половецкими ханами Роман Мстиславич погиб под польским городом Завихостом (1205 г.), оставив после себя громкую славу великого воина и двух малолетних сыновей: четырехлетнего Даниила и двухлетнего Василько. Галицко-Волынское княжество на многие годы делается предметом спора между западными соседями, венгерскими и польскими феодалами, его раздрают боярские свары. К исходу второго десятилетия XIII в. Галич и Галицкая земля оказываются в руках венгерского короля Андрея. В Перемышльской земле хозяйничали польские захватчики, а Романовичи владели лишь г. Владимиром и частью Волынской земли.

Вероятно, не будет преувеличением сказать, что за минувшие после гибели Романа полтора десятилетия в Галицкой Руси, наиболее богатой части Галицко-Волынского княжества, по существу не было князя: короткое княжение девятилетнего Даниила (1211 г.) было лишь эпизодом, а сыновья героя «Слова» Игоря Святославича (Владимир, Святослав и Роман) не сумели закрепиться в Галиче и других городах земли.

Поэтому когда авторитетный новгородский (с 1210 г.) князь Мстислав Мстиславич Удатный выразил желание сесть в Галиче, население Галицкой земли (следует думать, что не только бояре и верхушка городов, но и широкие народные массы) положительно отнеслось к этому. У Мстислава была репутация человека, способного защитить землю от врагов, в чем больше всего нуждались галичане. Он успешно сражался с половцами. В течение 1210—1212 гг. Мстислав осуществил из Новгорода несколько удачных походов на чудь, т. е. эстов<sup>18</sup>.

Новгородский летописец следующим образом описывает две кампании Мстислава 1210 г. против эстов: «Ходи Мьстислав на Чюдь, рекомую Торму, с новгородци, и много полониша, а скота бещисла приведе. Потом же, на зиму, иде князь Мьстислав с новгородци на чюдьскый город, рекомый Медвежию голову, села их

<sup>16</sup> ПСРЛ. Т. 2. Стб. 677—678.

<sup>17</sup> Там же. Л., 1927. Т. 1, вып. 2. 2-е изд. Стб. 420.

<sup>18</sup> НПЛ. М.; Л., 1950. С. 250—251. Летопись датирует эти походы 1212—1214 гг. Н. Г. Бережков относит их к 1210—1212 гг. (Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 253).

потрати; и придоша под город, и *поклонишася Чюдь князю* (курсив наш. — *Н. К.*), и дань на них взя; и приидоша (новгородцы. — *Н. К.*) вси здрави»<sup>19</sup>. В процитированном тексте речь идет не просто об удачном походе на воинственных соседей, но о подчинении части страны эстов, а формула «и поклонишася Чюдь князю» близка относящемуся к Мстиславу поэтическому выражению «Слова» «главы своя подклониша».

Полагаем, что именно эти успешные походы Мстислава на эстов имел в виду автор обращения «Слова» к Мстиславу, упоминая о победах князя над «Литвой». В те времена русские летописцы называли сборным именем «Литва» население Прибалтики, и среди него чудь — эстов. Например, под 6721 г. в ряде летописных сводов отмечено: «В Петрово говение изыхаша Литва безбожная Псков и пожгоша»<sup>20</sup>. Н. Г. Бережков сопоставил это свидетельство русских летописей с известием Генриха Латвийского 1212 г. о нападении эстов на Псков<sup>21</sup> и убедился, что в обоих источниках речь идет об одном и том же событии<sup>22</sup>. Думаем, что и следующая запись Новгородской I летописи младшего извода под 6718 г. называет эстов «Литвой»: «Новгородци угонивше Литву в Ходыницех, избиша с князем Володимиром и с посадником Твердиславом»<sup>23</sup>. Следовательно, Мстислав Удатный покорял «Литву», что соответствует характеристике «Слова».

Еще более увеличила воинскую славу Мстислава одержанная им победа в знаменитой Липицкой битве 1216 г. над могущественными владими́ро-суздальскими князьями Юрием и Ярославом Всеволодовичами. Никоновский летописец восторженно рассказывает, как «Мстислав Мстиславич с своими полки проеха трижды сквозе полки Юрьевы и Ярославли, и бе сам крепок и мужествен, и велику силу имея и усердьство, и в руке имеа топор и сечаще нещадно»<sup>24</sup>. Этот образ воителя-князя, вероятно, навеян летописцу воинским, дружинным эпосом, еще бытовавшим в те времена (им напоено само «Слово»). Об этом может свидетельствовать как общая тональность рассказа и его изобразительные средства, так и излюбленная фольклором троекратность повторения героем подвига.

В 1217 г. к Мстиславу Мстиславичу обращается со следующим предложением польский князь Лешко: «Брат ми еси, пойти и сяди в Галиче»<sup>25</sup>. Возможно, Мстислав неуверенно чувствовал себя в Новгороде, будучи по рукам и ногам связанным боярской олигархией. Призывая Мстислава занять галицкий стол, на котором сидел тогда сын венгерского короля Андрея малолетний Коломан,

<sup>19</sup> НПЛ. С. 250.

<sup>20</sup> Там же; ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. С. 65.

<sup>21</sup> *Генрих Латвийский. Хроника Ливонии* / Введ., пер. и коммент. С. А. Аннинского. М.; Л., 1935. С. 339 (лат. текст), 150 (рус. пер.).

<sup>22</sup> *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 256.

<sup>23</sup> НПЛ. С. 249.

<sup>24</sup> ПСРЛ. Т. 10. С. 74.

<sup>25</sup> Там же. Т. 2. Стб. 731.

Лешко намеревался с помощью новгородского князя вытеснить венгерского конкурента из Галицкой земли. И только.

По всей видимости, польский князь рассчитывал, что после того как Мстислав выбьет венгерский гарнизон из Галича и утвердится там, ему придется искать союзника для противодействия Венгрии. Как новый и не имеющий опоры в местном боярстве человек, Мстислав должен будет обратиться за помощью к Лешко — иного выбора у князя не окажется. А это позволит польскому князю вновь вмешаться в галицкие дела и в перспективе надеяться на овладение этой богатой Русской землей. Однако хитроумным планам Лешко не суждено было осуществиться. Мстислав предпочел обойтись без польской помощи, но за это он заплатил полным подчинением крупному галицкому боярству.

В 1219 г. Мстислав Мстиславич, заручившись поддержкой киевского князя Владимира Рюриковича, предпринимает из Киева форсированный марш на Галич. У валов города он разгромил соединенное войско королевича Коломана и сотрудничавших с ним галицких феодалов, после чего вокняжился в Галиче <sup>26</sup>. В глазах древнерусского общества Мстислав Мстиславич мог выглядеть как преемник Романа, поскольку их княжения разделяла пятнадцатилетняя полоса своеобразного «*interregnum*», когда в стране хозяйничали бояре, призывавшие ради достижения своих эгоистических целей венгерских и польских феодалов либо сажавшие на стол слабосильных князьков из других русских земель. Дабы придать своему вокняжению в Галиче законный характер, Мстислав породнился с семейством Романа, выдав свою дочь Анну за его старшего сына и наследника Даниила <sup>27</sup>.

На наш взгляд, Мстислав Мстиславич Удатный соответствует тем требованиям, которые предъявляет автор помещенного в «Слове» обращения к Роману и Мстиславу: он был современником Романа, его близким родственником и преемником на княжении в Галиче, вместе с Романом ходил на половцев. Как и Роман, Мстислав Мстиславич побеждал «Литву», княжа же в Галиче он мог столкнуться и с ятвягами, активизировавшимися на западнорусских рубежах к концу его жизни (в год смерти Мстислава — 1228 <sup>28</sup> — ятвяжские отряды ворвались в Берестейскую землю, и Даниил Романович с трудом отразил их <sup>29</sup>). О непонятных же Хинове и Деремеле нечего и говорить.

В пользу кандидатуры Мстислава Удатного свидетельствует и его громкая ратная слава, не уступавшая славе Романа. Например, в летописной повести о битве на Калке Мстиславу Мстиславичу отведена одна из главных ролей.

Все сказанное возможно при условии, что обращение «Слова» к Роману и Мстиславу датируется временем, более поздним, чем

<sup>26</sup> НПЛ. С. 260—261.

<sup>27</sup> ПСРЛ. Т. 2. Стб. 732.

<sup>28</sup> Там же. СПб., 1856. Т. 7. С. 134.

<sup>29</sup> Там же. Т. 2. Стб. 751.



1187—1188 гг. В устной жизни этого памятника, допустим, середины XIII в., когда детали событий и хронология немного забылись, Мстислав мог выступать уже не младшим современником Романа, а просто его современником. Он побеждал тех же врагов, что и Роман, породнился с его сыном Даниилом и чуть ли не принял из рук Романа Галич. В таком случае совместное обращение «Слова о полку Игореве» к Роману и Мстиславу понятно и правомерно.

*Н. И. Щавелева*

## ПОЛЬКИ — ЖЕНЫ РУССКИХ КНЯЗЕЙ (XI — середина XIII в.)

В. Т. Пашуто неоднократно подчеркивал значение исследований матримониальных связей при изучении политической ориентации государственных деятелей. Брачные союзы Пястов и Рюриковичей служили своего рода вехами в отношениях Польши и Руси. Мы не задаемся целью дать развернутую историю польско-русских браков, поскольку они были весьма многочисленными на протяжении указанных столетий. Если русские княгини на польском престоле заслужили внимание как древних хронистов, так и современных историков, то польские принцессы, привезенные на Русь, за немногими исключениями, известны недостаточно. Однако их судьбы, обстоятельства, сопутствующие замужеству, а нередко и политическая активная деятельность отражают сложные взаимоотношения обеих стран, занимающих достойное место на пестрой карте средневековой Европы. Кроме того, при последовательном рассмотрении каждого из зафиксированных в источниках случаев браков русских князей с польками (для нашего периода имеются письменные свидетельства с начала XI до конца XII в.) выявляются общие закономерности, заслуживающие внимания.

Первым на русскую землю привел польку туровский князь Святополк, сын великого киевского князя Владимира<sup>1</sup>. Ею была

---

<sup>1</sup> *Thietmar von Merseburg. Chronik / Neu übertragen von W. Trillmich. В., 1969 (далее: ТМ). L. VII. С. 72. Р. 432—434; Annalista Saxo. Chronicon (749—1139) / Ed. G. Waitz // MGH SS. Hannoverae, 1844. Т. VI. Р. 637; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 34, 309; Свердлов М. Б. Известия немецких источников о русско-польских отношениях конца X—начала XI в. // Исследования по истории славянских и балканских народов. Киевская Русь и ее соседи. М., 1972. С. 154—155. История первого матримониального польско-русского союза имеет значительную историографию, но поскольку именно на его примере четко обнаруживается политическая подоплека и конкретные цели, достижению которых служили подобные браки, считаем необходимым кратко проследить ход событий.*

дочь польского короля Болеслава I Храброго. Дата брака пока точно не установлена, исследователи колеблются между 1008 и 1013 гг.<sup>2</sup> Болеслав Храбрый обратился к Руси в сложный период войн с Империей. Налицо политические мотивы, которым сопутствовали миссионерские цели. После основания Магдебургской епископии (славянской митрополии) на первый план выдвинулась христианизация славянства. Выходцами основанной в Магдебурге школы были первый польский святой Войтех-Адальберт, посещавший Русь миссионер Бруно Кверфуртский, наконец, главный информатор о русско-польских событиях начала XII в. епископ мерзебургский Титмар.

Вместе с дочерью польского короля был послан колобжегский епископ Рейнберн, который, по свидетельству Титмара, «не щадил усилий для пропаганды католичества на Руси»<sup>3</sup>. Впервые польский король породнился с русским королем, как именуют киевского князя западные источники<sup>4</sup>.

Болеславна прибывает в Вышгород, ко двору туровского князя<sup>5</sup>, везя с собой собственного духовника и приближенных. Вскоре назревает конфликт: Святополк якобы «намеревается противоборствовать (*reluctaturus*)» отцу при «тайном подстрекательстве» Болеслава. Узнав об этом, Владимир «заключает в одиночную камеру» и епископа, и сына, и его жену. Епископ в тюрьме умирает<sup>6</sup>. Святополк с Болеславной продолжают действовать. Выбравшись из темницы<sup>7</sup>, Святополк старается овладеть Киевским столом, освободившимся после смерти (1015 г.) князя Владимира. Не останавливаясь перед средствами, Святополк поочередно убивает братьев Бориса, Глеба и Святослава<sup>8</sup>.

Сводная сестра Святополка, Предслава, пытается предотвратить убийства: предупреждает Глеба, посылает весть Ярославу (Мудрому) в Новгород. Ярослав выступает против Святополка и изгоняет его из Киева. Тот «бежа в Ляхы»<sup>9</sup>. Жена его остается

---

<sup>2</sup> Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 35; Рапов О. М., Ткаченко Н. Г. Русские известия Титмара Мерзебургского // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. 1980. № 3. С. 57—67.

<sup>3</sup> ТМ. L. VII. С. 72. Р. 434.

<sup>4</sup> Galli Anonimi Chronicon et Gesta ducum sive principum Polonorum / Ed. K. Maleczyński (далее: Gall) // МРН, NS. Kraków, 1952. Т. II. L. I. С. 7, 10.

<sup>5</sup> ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1, вып. 1. Стб. 121.

<sup>6</sup> ТМ. L. VII. С. 72—73. Р. 434.

<sup>7</sup> Трудно сказать, когда Святополк бежал из темницы. Не исключено, что он был освобожден Владимиром под натиском Болеслава, мстившего за дочь.

<sup>8</sup> ПСРЛ. Т. 1, вып. 1. Стб. 132—139.

<sup>9</sup> Там же. Стб. 142. В. Т. Пашуто полагал, что это произошло в 1016 г. (Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 36, 123), и именно тогда Ярослав Мудрый попытался завязать контакт с императором Генрихом II, отправив к нему послов с обещанием военной поддержки. См.: ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 96; ТМ. L. VII. С. 65. Р. 426. А. В. Назаренко датирует пребывание Святополка у Болеслава зимой 1016/17 г. (Назаренко А. В. О датировке Любечской битвы // Летописи и хроники: Сб. статей, 1984 г. М., 1984. С. 17—19).

в Киеве <sup>10</sup>, откуда ее в качестве заложницы Ярослав увозит в Новгород.

Святополк ищет помощи у тестя. Но Болеслав Храбрый находится в трудном положении: затянувшаяся война с Империей не оставляет сил для военного столкновения с Русью. Болеслав делает попытку мирного урегулирования вопроса. Пытаясь примириться с Ярославом, овдовевший к этому времени Болеслав сватается к Предславе. Весьма вероятно, что Болеславу мысль о женитьбе на своей противнице была подсказана Святополком. Этот брак мог бы способствовать корректировке политической ситуации, открыл бы широкую дорогу в Киев, развязал конфликтный узел, возобновил родство. Однако, как сообщает польский хронист, Болеслав получил оскорбительный отказ, послуживший поводом польско-русской войны с Ярославом <sup>11</sup>. Жертвой политических интриг становится 17-летняя Ода, сестра одного из зятьев польского короля <sup>12</sup>, на которой женится Болеслав. Этот брак сближает Болеслава с Империей. Вскоре, оставив молодую жену, Болеслав устремляется на Русь. Потерпев поражение в битве с ним, Ярослав уходит в Новгород. Польский князь вступает в русскую столицу, сажает зятя на киевский стол, наслаждается добычей. В плену у него оказываются мачеха, жена и сестры Ярослава. Титмар пишет: «На одной из них, забыв о супруге, [он] незаконно женился» <sup>13</sup>. Об оскорблении Предславы надменно рассказывает и Галл Аноним <sup>14</sup>, знают об этом и русские летописи <sup>15</sup>. Остальных пленниц польский король предлагает обменять на дочь <sup>16</sup>, содержащуюся в плену у Ярослава. С этим он посылает в Новгород киевского архиепископа. Ярослав получил жену и сестер назад, дальнейшая же судьба Болеславны осталась неизвестной <sup>17</sup>.

После возвращения Болеслава в Польшу, лишенный поддержки Святополк вскоре был изгнан Ярославом из Киева. Расчет на тесное родство не оправдался, не осуществились политические и религиозные планы польского короля.

Спустя двадцатилетие (в 1043 г.) на русской земле появляется еще одна полька — жена будущего киевского князя Изяслава Ярославича. Авторитет его отца, славившегося своей ученостью, в Европе был велик. Дочери Ярослава Мудрого связали Рюриковичей с Норвегией, Францией, Венгрией, Чехией. Достойную партию сыну Ярослава составляла Гертруда, дочь польского

<sup>10</sup> ТМ. L. VII. С. 73.

<sup>11</sup> Gall. L. I. С. 7; ТМ. В., 1969. L. VIII. С. 32. Р. 474. А. В. Назаренко датирует сватовство концом лета — началом осени 1017 г. (Назаренко А. В. Указ. соч. С. 17, сн. 23).

<sup>12</sup> Balzer O. Genealogia Piastów. Kraków, 1895. S. 78.

<sup>13</sup> ТМ. L. VIII. С. 32.

<sup>14</sup> Gall. L. I. С. 7.

<sup>15</sup> ПСРЛ. Пр., 1915. Т. 4, вып. 1. С. 108; Л., 1925. Т. 5, вып. 1. С. 88.

<sup>16</sup> ТМ. L. VIII. С. 33. Р. 474.

<sup>17</sup> Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 37; Żylińska S. Piastówny i żony Piastów. W-wa, 1967. S. 47.



князя Мешко II и племянницы германского императора Оттона III Риксы<sup>18</sup>. Воспитанная в традициях европейской латинской культуры, Гертруда оставила заметный след в истории Польши, Руси и Германии благодаря написанному ею письменному памятнику, известному в историографии как молитвенник, или кодекс Гертруды.

Этот брак был вторым после женитьбы брата Гертруды Казимира Восстановителя на Добронеге<sup>19</sup>, сестре или, по мнению некоторых ученых, дочери Ярослава<sup>20</sup>. Если признать последнее мнение верным, то можно говорить о многократных союзах, соединяющих родных братьев и сестер династии Пястов с родными братьями и сестрами рода Рюриковичей. Это, на наш взгляд, свидетельствует об особой значимости взаимной дружбы и взаимопомощи, на которую после столь тесного родства рассчитывали главы обоих государств.

И тот и другой браки явились результатом обоюдовыгодного польско-русского договора. Ставшая леном Германской империи, Польша уповала на поддержку Киева. Казимир занялся восстановлением распадавшейся после смут и волнений страны. Ярослав Мудрый помогал ему продвинуть власть в Силезию, Поморье и Мазовию<sup>21</sup>.

На туровской земле, а после 1054 г. будучи киевской княгиней, Гертруда не проявляла себя сколько-нибудь ярко. Но в конце 60-х годов, когда ее муж был изгнан киевлянами, не по ее ли совету он нашел спасение в Польше у племянника Гертруды Болеслава Щедрого или Смелого? Благодаря польской силе Изяслав вновь обретает власть в Киеве. Болеслав вводит войска в русскую столицу. Сотрясаются Золотые ворота Киева, как пишет польский хронист, а на мече Болеслава «от частых ударов остается щербина»<sup>22</sup>. В 1073 г. Изяслав изгоняется братьями. Теперь уже в Польшу он едет, взяв с собой жену и старшего сына Ярополка, прихватив сокровищ «для прельщения». Однако Болеслав, забрав деньги, отказывает в помощи<sup>23</sup>. Гертруда вспоминает о своем родстве с германским двором, обращается к императору Генриху IV<sup>24</sup>.

---

<sup>18</sup> Malewicz M. Rękopis Gertrudy Piastówny — najwcześniejszy zabytek piśmiennictwa polskiego // Materiały do historii filozofii średniowiecznej w Polsce. Wrocław; W-wa; Kraków; Gdańsk, 1972. T. V. S. 29.

<sup>19</sup> ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 129; МРН, NS. Т. II. Р. 796.

<sup>20</sup> Дочерью Добронегу называл польский хронист XV в. Ян Длугош (Joannis Dlugossii Annales seu cronicae incliti regni Poloniae. Varsaviae, 1970. L. III. Р. 36; Kętrzyński S. Polska w X—XI w. W-wa, 1961. S. 444).

<sup>21</sup> Подробнее об этом см.: Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 39.

<sup>22</sup> Gall. L. I. С. 23.

<sup>23</sup> Болеслав Смелый уже договорился с противником Изяслава о помощи против Генриха IV. Папа римский обещал польскому князю королевскую корону, если тот вступит вместе с ним в борьбу против германского императора.

<sup>24</sup> Для подкрепления связей с Германской империей Ярополк был женат на тюрингской принцессе Кунегунде (Annalista Saxo. Op. cit. Р. 693, 737; Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 43—44, 311).

Несмотря на то что из Империи в Киев посланы легаты <sup>25</sup>, надежды на возвращение престола мало. Изяслав и Гертруда, перешедшая вновь в католичество, отринув полученное по обычаю в православии имя Елисавета (Олисава), решаются на отчаянный шаг: прибегнуть к содействию Рима. Их сын Ярополк также переходит в католическую веру, присваивает имя святого патрона Петра, покровительству которого отдает себя и «свое» (киевское) королевство. Об этом речь идет в письме папы Григория Изяславу, где изъясняется согласие принять под защиту апостольского престола русское королевство <sup>26</sup>. Вторым свидетельством является знаменитая Трирская псалтирь <sup>27</sup>, на миниатюрах которой изображены Олисава-Гертруда, Ярополк-Петр и его жена, припадающие к стопам св. Петра, а в молитвах названа владелица «раба божья Гертруда» <sup>28</sup>.

Однако власть Изяслава в Киеве была восстановлена без вмешательства папы. Изменившаяся ситуация позволила Изяславу вернуться с женой и сыном на Русь. Не оправдались чаяния Рима сделать леном Киевское королевство. Ярополк, хотя и не сразу, но вернулся в «греческую веру». Он никогда не сидел на киевском троне, «подаренном» ему в 1075 г. папой <sup>29</sup>.

Гертруда пережила и мужа, и двух сыновей. Будучи уже в преклонном возрасте, вывезенная из сыновьего дома в Луцке, побывала в плену у Мономаха <sup>30</sup>. В конце жизни оправдались ее надежды. В 1093 г. сел в Киеве второй ее сын Святополк. Дочь его, Сбыслава, в 1103 г. отправилась в Польшу <sup>31</sup>. Ей, русской княжне, будущей католичке, невесте самого знаменитого европейского князя XII в. Болеслава Кривоустого, передала бабка священную реликвию, свой молитвенник.

Гертруда и дед Кривоустого — родные брат и сестра. Следо-

---

<sup>25</sup> Посольство возглавлял Бурхардт, брат жены Святослава, изгнавшего из Киева гертрудиного мужа. По мнению исследователей, Изяславу не приходилось надеяться на помощь (*Янин В. Л.* Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк // *Нумизматика и эпиграфика*. М., 1963. Вып. 4).

<sup>26</sup> *Das Register Gregors VII / Hrsg. von Erlich Caspar*. В., 1920. Bd. 1. P. 236—237; HRM. SPb., 1841. Т. 1. P. 1.

<sup>27</sup> Псалтирь конца X в. была подарена Гертруде упомянутым Бурхардтом, а в 1075—1076 гг. к псалтири была подшита специально выполненная рукопись, украшенная миниатюрами, — знаменитый молитвенник, или кодекс Гертруды (*Янин В. Л.* Указ. соч. С. 157, 163). В польской историографии бытует мнение, что молитвенник, написанный Гертрудой, следует считать первым польским литературным произведением, свидетельствующим о «духовной культуре поляков XI в.» (*Kętrzyński S.* *Gertruda* // *PSB*. Kraków, 1958. Т. VII, z. 35. S. 406; *Żylińska S.* *Op. cit.* S. 82).

<sup>28</sup> *Kärbis B.* *Modlitwy Księżnej Gertrudy z psalterium Egberti przyczynek do dziejów kultury dworu panującego w Polsce i na Rusi* // *Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół nauk. Sprawozdania. Wydział Nauk o Sztuce*. Poznań, 1978. N 96. S. 3—11.

<sup>29</sup> *Янин В. Л.* Указ. соч. С. 158, 162; *Пашуто В. Т.* Указ. соч. С. 42—43.

<sup>30</sup> ПСРЛ. Т. 2. Стб. 197.

<sup>31</sup> Там же. Т. 1, вып. 1. Стб. 276; Т. 2. Стб. 252; МРН. Lwów, 1872. Т. II. P. 773; *Янин В. Л.* Указ. соч. С. 148—149.

вательно, Сбыслава и Болеслав — родственники в третьем колене. Галл писал, что «краковский епископ Балдвин испрашивал специальное разрешение на этот брак у папы Пасхалия II»<sup>32</sup>. Мотивы были привычными: «необходимость этого брака для Родины»<sup>33</sup>.

Есть предположение, что вскоре сыну Святополка, т. е. внуку Гертруды, брату Сбыславы, была отдана в жены сестра Болеслава Кривоустого. Овдовевший в 1106 г. после смерти дочери венгерского короля Ласло<sup>34</sup> Ярослав Святополчич, княживший во Владимире-Волынском, должен был соединить Польшу с Юго-Западной Русью, а в будущем укрепить польские позиции в Киеве. Польский историк Б. Влодарский ставит под сомнение этот брак<sup>35</sup>. Однако в пользу его достоверности говорят тесные связи Ярослава с Польшей, участие его в борьбе польского шурина со сводным братом Збигневом. В хронике Галла имя Ярослава соседствует с именем епископа Балдина<sup>36</sup>. Малая известность третьей польки, попавшей на Русь, объясняется кратковременностью ее пребывания: в 1112 г. Ярослав был уже женат на внучке Мономаха<sup>37</sup>. Сестры Болеслава, видимо, уже не было в живых. Следует отметить, что мы снова столкнулись с так называемыми перекрестными браками, как в случае Гертруды и Добронеги.

Внук Добронеги, муж Сбыславы, Болеслав Кривоустый особенно широко использовал матримониальные узы в «русской политике»<sup>38</sup>. С 1113 по 1139 г. в Киеве прочно сидели недружественные Польше князья: Владимир Мономах и его сыновья. Неприязнь суздальских князей, восходящая к 80-м годам XI в. (см. выше, когда Гертруда была вывезена Мономахом в Киев), не давала надежд на родственные контакты. Кривоустому приходилось искать сближения с другими княжескими группировками<sup>39</sup>. Первой отправилась на Русь дочь Сбыславы, отданная в 1124 г. за муромского князя Всеволода Давыдовича. «Томъ же лете ведоша Ляховицю Мюрому за Давыдовича Всеволода»<sup>40</sup>. Крайне мало известно о судьбе этой четвертой польки на русской стороне. Полагают, что брак этот был гарантией союза Польши с Черниговом против Мономаховичей<sup>41</sup>.

<sup>32</sup> Gall. L. II. C. 23.

<sup>33</sup> Ibidem. Немецкий хронист XII в. Герборд полагал, что этот союз хранил в целости дружбу между зятем и тестем: «...vinculo, quo tota inter generum et socerum constabat amicitia» (Herbordi dialogus de Vita Ottonis episcopi Bambergensis / Wyd. A. Bielowski // MPH. T. II. P. 74).

<sup>34</sup> Balzer O. Op. cit. S. 123 n.; Wertner M. Az Árpádök családi történé. Nagybecskerek, 1892. S. 205—210.

<sup>35</sup> Włodarski B. Ruś w planach politycznych Bolesława Krzywoustego // Zeszyty naukowe Uniwersytetu M. Kopernika w Toruniu. 1966. Z. 2: Historia. S. 44 i n.

<sup>36</sup> ПСРЛ. Т. 1, вып. 1. Стб. 115, 128; Т. 2. Стб. 246; Gall. L. II. C. 38.

<sup>37</sup> ПСРЛ. Т. 2. Стб. 273.

<sup>38</sup> Kuczyński S. Studia z dziejów Europy wschodniej X—XVII w. W-wa, 1965. S. 317.

<sup>39</sup> Włodarski B. Op. cit. S. 46—54.

<sup>40</sup> ПСРЛ. Т. 2. Стб. 288.

<sup>41</sup> Włodarski B. Op. cit. S. 48; Maleczyński K. Bolesław III Krzywousty. W-wa, 1975.



В следующее десятилетие закрепляются связи Польши с Новгородом. Там появляется в 1136 г. Рикса, дочь Кривоустого от второго брака, посланная для упрочения позиций Польши. В 1134 г. Рикса потеряла первого мужа, коим был наследник шведского и датского трона Магнус. Шестнадцатилетняя вдова с маленьким сыном Кнутом вернулась в дом отца. Тот, не долго размышляя, отправил ее на Русь, выдав замуж за сына новгородского князя Всеволода<sup>42</sup>. Не случаен был этот выбор. Всеволод Мстиславич был сыном шведской королевы Христины, имел давние тесные связи со скандинавскими странами. Как старший из Мономаховичей мог наследовать киевский стол<sup>43</sup>. Русские источники не говорят об этом браке, зато отмечают замужество сестры Риксиного мужа Владимира Всеволодовича, Верхуславы<sup>44</sup>. Мужем ее стал родной брат Риксы мазовецкий князь Болеслав Кудрявый. Очередной перекрестный брак датируется 1137 г. Недолго оставалась Рикса (пятая полька) в женах русского князя. Владимир умер в 1138 г., и польская княгиня вскоре стала женой короля Швеции Сверкера.

На середину XII в. приходится долгожданный союз польских князей с наследниками великокняжеской власти в Киеве. Дочь овдовевшего киевского князя Изяслава становится женой великопольского Мешко III, или Старого<sup>45</sup>. И, мы уже привыкли к подобной ситуации, для закрепления позиций на Руси, теперь уже Малой Польши, уезжает на Русь сестра Мешко Агнешка. Она выходит замуж за брата Евдокии Мстислава Изяславича. Снова дети Кривоустого соединяются с (родными братом и сестрой) детьми русского князя<sup>46</sup>.

Судьба Агнешки была связана с Русью от младенчества. Бальцер считает ее той самой принцессой, которая, по свидетельству Ортлиба Цвифальтенского, была просватана за русского короля (черниговского князя Всеволода Ольговича) в трехлетнем возра-

---

<sup>42</sup> Есть мнение, что мужем Риксы стал князь минский Володарь Глебович (ум. в 1159 г.) (*Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. М., 1978. С. 59; Gallen J. Vem var Valdemar den stores drottning Sofia // Särtryck ur Historisk Tidskrift för Finland. Helsinki, 1976. N 4. S. 273—288*). Однако польские историки полагают, что именно брак Риксы с Владимиром Всеволодовичем был противопоставлен союзу Дании с Поморьем и закреплял договор Новгорода с Польшей (*Kościelak L. Związki dynastyczne pomorskie-ruskie w XII wieku // Zapiski historyczne. R. 1983. T. XLVIII, z. 1. S. 198*).

<sup>43</sup> Дочь Риксы от брака с Владимиром, по имени Софья, в будущем стала женой короля Дании (*Баумгартен Н. София русская — королева датская, а затем ландграфиня тюрингенская // SK. Prague, 1931. T. IV. P. 95—104*).

<sup>44</sup> «Всеволодъ Мъстислаличъ отда дщерь свою в Ляхы Верхоуславоу» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 300).

<sup>45</sup> О второй жене Мешко (*filia Ruthenorum*) пишет Кадлубек, польский хронист XII в. (МРН. Т. II. Р. 378). Бальцер датирует этот брак 1151—1154 гг., справедливо полагая, что союз приходится на годы правления Изяслава в Киеве (*Balzer O. Op. cit. S. 179*).

<sup>46</sup> *Balzer O. Op. cit. S. 182—183*.

сте<sup>47</sup>. Спустя десять лет ситуация изменилась, и актуальным стало родство не с Ольговичами, а Мономаховичами. Замужество приходится на 50-е годы. Возможно, о нем условились в 1152 г., когда Мстислав, получивший от отца Дорогобуж (1150 г.), а затем Переяславль (1151 г.), был отправлен Изяславом в Польшу и Венгрию за помощью против Владимира Галицкого<sup>48</sup>. По крайней мере в 1154 г. Агнешка уже в Переяславле<sup>49</sup>. Поддержка, обеспеченная кровным родством с поляками, придает уверенности Мстиславу, стремящемуся к расширению власти. Не без помощи «ляхов» занимал он трижды и Киевский стол.

Агнешка вырастила четырех сыновей, один из которых, Роман, стал великим князем галицким, объединив в руках всю Южную Русь. Это его называет автор «Слова о полку Игореве» буй-Роман, да и остальные три брата — Святослав, Владимир и Всеволод — «не худого гнезда шестокрилици», годятся для характеристики, данной трем Мстиславичам в великом памятнике русской литературы, где недвусмысленно подчеркивается их связь с Польшей<sup>50</sup>. О непрерывающихся контактах сыновей Мстислава с польскими родственниками пишут и русские и польские источники. Роман и его брат Всеволод Белзский немалую роль играют в борьбе польских кузенов за Краков, выступают на стороне Казимировичей против Менко Старого, мужа их родной тетки Евдокии<sup>51</sup>. Не остаются и те в долгу, способствуя утверждению Романа в Галиче.

Следующие матримониальные союзы переносят нас к другому поколению. В браки вступают внуки и внучки Кривоустого. Под 1179 г. Ипатьевская летопись сообщает: «В то же лето приведе Святославъ за Всеволода за среднего сына женоу из Ляховъ Казимерноу во Филипово Говенье»<sup>52</sup>. Дочь Казимира Справедливого становится, и это не первый случай, невесткой киевского князя. Налаживается дружба с линией Ольговичей (Черпигов). В летописи есть свидетельство о великой любви Всеволода к детям Романа Галицкого<sup>53</sup>. Немудрено — его жена приходилась двоюродной сестрой Роману, возможно, была близка к Агнешке. Не терял знакомств в Польше и их сын Михаил Всеволодович

<sup>47</sup> Ortliebi Zwifaltensis Chronicon / Ed. A. Bielowski (МРН. Т. II. Р. 4). В 1141 г. был созван Ленчицкий съезд, на котором официально ставился вопрос о будущем Агнешки. Было решено не отдавать девочку в Цвифальтенский монастырь, как предполагалось, а выдать за русского князя, который в дальнейшем мог бы оказаться достойным союзником.

<sup>48</sup> ПСРЛ. Т. 1, вып. 1. Стб. 336; *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 63—64, 155—156.

<sup>49</sup> ПСРЛ. Т. 1, вып. 1. Стб. 343.

<sup>50</sup> *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 96; *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978. С. 140—141.

<sup>51</sup> МРН. Т. II. Р. 433—436.

<sup>52</sup> ПСРЛ. Т. 2. Стб. 612.

<sup>53</sup> Там же. Стб. 729.

Черниговский, благоволивший католикам. Не раз находил он убежище у своих польских дядьев Лешко и Конрада Казимировичей <sup>54</sup>, которые в начале XIII в. были женаты на русских княгинях.

Сдержаны источники, и все же, завершая перечень польских принцесс, побывавших на Руси до 1242 г., можно сделать следующие выводы: замужество полек, как правило, подкреплялось перекрестными родственными браками Пястов с русскими князьями; польские правители прежде всего стремились породниться с киевскими князьями, несмотря на старания вместе с кровью влить в отпрысков русских властителей дух латинской веры, о чем мечтали «поборники католицизма». «Но дальше мечтаний дело. . . не шло» <sup>55</sup>; польские жены русских князей, безусловно, способствовали укреплению отношений между государствами. Если на первых порах Пясты стремились влиять на расстановку сил и политическую ситуацию в Древней Руси, то уже к середине XII в. посланные на Русь Пястовны становились гарантией взаимопомощи и поддержки в борьбе с внешней опасностью и внутренними противниками.

*А. В. Юрасовский*

## О СООТНОШЕНИИ ПРОСТРАННОЙ И КРАТКОЙ РЕДАКЦИЙ «ПОВЕСТИ О ЛИПИЦКОЙ БИТВЕ» В НОВГОРОДСКОМ ЛЕТОПИСАНИИ

События, приведшие к сокрушительному разгрому владимиро-суздальской рати, которой командовали князья Юрий и Ярослав Всеволодовичи, в 1216 г. на р. Липице, от рук новгородцев во главе с Мстиславом Удалым, и ростовского войска Константина Всеволодовича, вошли в летописание в двух редакциях «Повести о Липицкой битве». Древняя (краткая) редакция появляется в Новгородской I летописи старшего и младшего изводов (далее: НІЛ) <sup>1</sup>, тогда как пространная редакция Повести записывается в Новгородской IV (далее: НІVЛ) <sup>2</sup>, Софийской I и зависимых от нее летописях.

Темой настоящего исследования становятся НІЛ и НІVЛ,

---

<sup>54</sup> «. . . идоста Михаилъ и Ростиславъ ко оуеви своему в Ляхы и ко Кондратови» (Там же. Стб. 783).

<sup>55</sup> *Пашуто В. Т.* Указ. соч. С. 129.

<sup>1</sup> Текст приводится по изданию: НІЛ. М.; Л., 1950.

<sup>2</sup> Текст приводится по изданию: ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4, ч. 1, вып. 1.



тогда как дальнейшие изменения, которые претерпевает в летописании пространная редакция Повести, нами здесь не рассматриваются.

На основании анализа текстов двух редакций Повести Я. С. Лурье приходит к выводу о том, что при составлении пространной редакции Повести составителем НІІЛ был использован «дополнительный источник, который также обнаруживает черты раннего происхождения и хорошей осведомленности. Здесь мы находим множество конкретных географических указаний и точных дат, появляются имена, которых нет в Новгородской версии»<sup>3</sup>.

О краткой редакции исследователь пишет: «Повеествование НІ однородно по своему характеру. Принадлежность его новгородскому автору не вызывает сомнений — краткие сообщения о событиях в лагере противника (поведение Ярослава в Переяславле и Юрия во Владимире) легко могли быть получены новгородским автором после сражения. Патетические восклицания (О, много победы, братье. . . О велик, е братье, промысел божий. . .) также нет оснований рассматривать как инородный элемент в повествовании»<sup>4</sup>.

Итак, в этом вопросе Лурье приходит к мысли о наличии двух источников Повести, каждый из которых лег в основу соответственно рассказа о Липицкой битве в НІІЛ и НІІІЛ. Противоположную точку зрения отстаивает Б. А. Рыбаков. О двух редакциях Повести он пишет следующее: «Обе они, по всей вероятности, являются разновременными сокращениями первоначальной подробной „Повести о Липицкой битве“. При составлении Новгородской I летописи сокращение было проведено основательно, хотя предыстория битвы оказалась изложенной более подробно, чем в Новгородской четвертой летописи»<sup>5</sup>.

Какая же из двух концепций, на наш взгляд, более соответствует истине? Рыбаков не развил свою точку зрения. Лурье, проведя скрупулезное исследование текстов, отметил ряд явных перестановок и лакун в соответствующих редакциях Повести, со своей стороны не всегда дал им соответствующее истолкование. А подобное истолкование и сопутствующие ему выводы, вероятно, смогли бы внести известные изменения в трактовку данной темы и дать более обоснованный ответ, в частности, на вопрос, сколько было изначально изводов у «Повести о Липицкой битвы» и не свелась ли работа составителя НІІЛ к тенденциозной редактуре Повести.

Постараемся вслед за Лурье проанализировать текст Повести именно в данном ключе.

---

<sup>3</sup> Лурье Я. С. Повесть о битве на Липице // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. XXXIV. С. 113.

<sup>4</sup> Там же. С. 98.

<sup>5</sup> Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 166.

После веча на Ярославовом дворище 1 марта 1216 г. Мстислав Мстиславич выступает в поход на Ярослава. Расхождение между редакциями минимально: «Месяця марта в 1 день, в вѣторник по чистей недели, поиде князь Мѣстислав на зять свои Ярослава с новгородци, а в четверток побегоша к Ярославу преступници кресту: человали бо бяху хрест честьныи к Мѣстиславу с всеми новгородци, яко всем одинакым быти, Володислав Завидиць, Гаврила Игоревиць, Гюрги Ольксиниць, Гаврильць Милятиниць, и с женами и с детьми»<sup>6</sup>. «Марта в 1 день в вѣторник поиде князь Мѣстислав с Новгородци на зять свои на Ярослава, а в четверг побегоша к Арославу крестопреступници: Володислав Завидовиць, Гаврила Игоревиць, Юрьи Олексиниць, Гаврил Милятиниць, и с женами и с детми»<sup>7</sup>. Далее, вплоть до того момента, когда на помощь князю Мстиславу приходит смоленское войско Владимира Рюриковича, тексты обеих редакций совпадают во многом дословно, описывая передвижения союзных ратей<sup>8</sup>. Затем мнение союзников разделилось: «Володимир Рюриковиць. . . рекоша ему (Мстиславу Мстиславичу. — А. Ю.): „княже, поиди к Торожку“. Рече же Мѣстислав и Володимир (Мстиславич, князь псковский. — А. Ю.): „поидем к Переяслалю; есть у нас третии друг“»<sup>9</sup> (в НІВЛ сообщение о Переяславле отсутствует). Следом в НІЛ идет фраза: «И не бы вести, кде Ярослав, в Торожку ли, в Тѣхвери ли»<sup>10</sup>, тогда как в НІВЛ после слов «прииде Володимерь Рюриковиць со Смолняны» дан рассказ о посольстве «на Торжек ко Ярославу о миру»<sup>11</sup>. После провала переговоров (о чем НІЛ умалчивает) новгородцы пошли грабить города по Волге<sup>12</sup>, а «Ярослав же, слышав, оже емлють села, еха ис Торьжку в Тѣерь, поима со собою старейшая моужи Новгородцкиа и молодых избором, а Новоторжци вси; и посла 100 моужь избранных в сторожую. . .»<sup>13</sup>. Сообщение об уходе Ярослава с Торжка (причем не в Тверь, а в Переяславль) появляется в НІЛ много позднее, и в значительно упрощенном контексте, ход же событий описывается следующим образом: «. . . и приде Володимир Рюриковиць с смольняны, идоша по Волзе, воююче; и рекоша ему: „княже, поиди к Торожку“. Рече же Мѣстислав и Володимир: „поидем к Переяслалю; есть у наю третии друг“. И не бы вести, кде Ярослав, в Торожку ли, в Тѣхвери ли. И наехаша на Яруна сторожи за Тѣхверью Ярославли; и пособи бог Яруну, и многы побиша, а иных измаша, а инии убежаша в Тѣхверь. И бы весть у тех на Ярослава, и поидоша по Волзе, воююче. . . И устрете Еремеи от князя Костян-

<sup>6</sup> НПЛ. С. 55, 254—255.

<sup>7</sup> ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 186.

<sup>8</sup> НПЛ. С. 55, 255; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 186.

<sup>9</sup> НПЛ. С. 55, 255.

<sup>10</sup> Там же.

<sup>11</sup> ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 186.

<sup>12</sup> НПЛ. С. 55, 255; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 187.

<sup>13</sup> ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 187.

тина с любовью и с поклоном; поидоша к Переяславу, воююще. . . Ярослав же поиде с Торожку, поймав старейшие мужи с собою новгородстии, и молодых избором, а новотържъци вси; и приде Переяславу. . .»<sup>14</sup>.

Таким образом, используя одни и те же выражения, что и автор пространной редакции Повести, летописец НІЛ дает существенно иную картину ситуации: о пребывании Ярослава в Твери из его рассказа мы не узнаем ничего, стражники, взятые в плен Яруном, сообщают о местопребывании своего князя, им, судя по НІЛ, оказывается Торжок (!), и откуда он направляется в Переяславль, взяв заложников. Рассказ оказывается более или менее связным, но весь тверской эпизод автором НІЛ опускается. Достигается это перестановкой нескольких эпизодов текста пространной редакции. В итоге, летописец НІЛ, попутно опустив подробности о разворачивании сил антисуздальской коалиции, сразу же подытоживает: Ярослав Всеволодович «скопи волость свою всю, а Гюрги свою Володимири такоже, а Святослав такоже; и выиде ис Переяслава с пълкы, и с новгородъци и с новотържъци»<sup>15</sup>, о чем в НІVЛ говорится гораздо более подробно<sup>16</sup>.

После слов «с новгородъци и с новотържъци» тексты НІЛ и НІVЛ практически совпадают до фразы: «И ста Ярослав и Гюрги с братьею на рече Хзе»<sup>17</sup>. Далее летописец НІЛ, несколько сократив (относительно текста НІVЛ) пассаж о расстановке сил антисуздальской коалиции (со слов «Мъстислав же» и до «на рече Липичи»)<sup>18</sup>, переходит к описанию дипломатической фазы противостояния, за которой последует битва.

Между враждующими сторонами происходит обмен посланиями:

#### НІЛ

и узреша пълкы стояща и послаша Лариона сочьскаго к Гюргю: «кланяем ти ся; нету ны с тобою обиды, с Ярославом ны обида;

пусти мужи мои новгородъци и новотържъци и, что еси зашъл волости нашей новгородской Волок, въспяти; мир с нами възми, а крест к нам целуй, а крѣви не проливайме». Отвечаша же: «мира не хотим, мужи у мене; а далече есте шли, и вышли есте акы рыбы на сухо». И сказа

#### НІVЛ

И оузриша полки стояще Ярославли и Юрьевы, и послаша Лариона съцкого к Юрью: «кланяем ти ся; нету с тобою обиды, обидам нам с Ярославом». Отвещав же Юрьи: «Один есмь брат с Ярославом». И посласта к Ярославу, глаголюще:

«пусти мужи Новгородци и Новотържъци; что еси зашел волости Новгородцкии, Волок, воспати, а мир с нами възми, а крест к нам целуй, а крѣви не проливай».

Отвещав же Ярослав: «мира не хочу, а мужи оу мене, а далече есте шли, и вышли есте акы риба на со-

<sup>14</sup> НІЛ. С. 55.

<sup>15</sup> Там же. С. 55—56, 255—256.

<sup>16</sup> ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 188.

<sup>17</sup> НІЛ. С. 56, 256; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 188.

<sup>18</sup> Там же.



Ларьян ту речь Мьстиславу и новгородьчем<sup>19</sup>.

ухо». И сказа Ларьян ту речь княземь и Новгородцем; и паки посласта обема княземь с последнею речью: «мы пришли есмя, брате Юрьи и Ярославe, не на пролитье крови; не даи Бог сътворити того! оуправимся, мы есме племенници; а дадим старишиньство Костянтину, а посадите его в Володимере, а вам земля Суздальская вся». Юрьи же рече: «рци брату Мьстиславоу и Володимерю: «пришли есте, да куды хотите отъити? А брату Костянтиноу молвим: «перемогаи нас, тебе вся земля»<sup>20</sup>.

Мы видим, что составитель НПЛ жертвует здесь рядом подробностей, опуская целый ряд фактов: вместо трех поездок сотского Лариона в суздальский стан и соответственно трех ответов на его послания в НПЛ остается одно послание и один ответ; кроме того, отрывки изначального текста комбинируются таким образом, что читатель остается в неведении и относительно реального объема произносимых речей. Опускается ответ Юрия и сообщение о посольстве к Ярославу, из двух посланий составляется одно, и получается, что все переговоры ведутся лишь с Юрием Всеволодовичем: «послаша к Гюргю» — «отвечаща же» (Юрий. — А. Ю.). От проведенной операции остается почти незаметный след: в «комбинированной» речи Лариона осталась не замеченная летописцем НПЛ несогласованность: в первой части послания обращение делается в первом лице множественного числа; во второй — в единственном («кланяем ти ся» — «пусти мужи мои»). Деталь немаловажная, она явно показывает, какой из текстов был первичен. . .

Далее, после слов «и сказа Ларьян ту речь Мьстиславу и новгородьчем» составитель НПЛ вновь строит свой текст таким образом, что из него выпадает ряд эпизодов, охватывающих события целых суток: совещание в шатре Юрия и Святослава, говорившиеся там речи и т. д.<sup>21</sup> Присутствие автора Повести, сторонника Мстислава Мстиславича, вероятно сопровождавшего его войско в поход, на пиршестве в шатре, несомненно, исключалось<sup>22</sup>. Все говорившееся на пиру относится, следовательно, к области авторского вымысла. О сути переговоров между Юрием и Ярославом остались темные свидетельства: грамоты, в текст Повести, а следовательно, и в летопись не попавшие: «И рече Юрьи: „мне же, брате Ярославе, Володимерьскаа земля и Ростовская, а тебе Новьгород, а Смоленск братоу нашему Святославоу, а Киев дадим Черниговьским княземь, а Галичъ нам же“. Целоваше крест межю собою и писаша грамоты того не съступити; тыи же грамоты взяша Смолняне по победе в станех Ярославлих и дана своим княземь»<sup>23</sup>. Возможно, хотя и необязательно, эти грамоты и были

<sup>19</sup> НПЛ. С. 56, 256.

<sup>20</sup> ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 188—189.

<sup>21</sup> Там же. С. 190.

<sup>22</sup> Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 169.

<sup>23</sup> ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 190.

единственными документами, которые мог видеть автор Повести. Не переписав их, он «домысливает на их основании» речь Юрия Всеволодовича. Не исключено, впрочем, что он лишь слышал о содержании захваченных грамот, но не держал их в руках.

Составителем НПЛ, кроме того, опущена клятва князей Владимира, Константина и Мстислава <sup>24</sup>, нет у него и описания позиции, занятой поутру войсками антисуздальской коалиции <sup>25</sup>, отсутствует и сведение об отправке в суздальский стан очередного предложения о мире <sup>26</sup>. Посольство, как и предыдущие, окончилось неудачно, репликой Юрия «еда оударять на нас в ночь» <sup>27</sup>.

Наутро «нача Мьстислав с Володимером оукрепляти Новгородцев и Смолняны: „братье! се, въшли есme в землю сплную, а зря на Бога, станем крепко . . . да хто хоцетъ пешь, или кто на конех“. Новгородци же глаголаша: „и мы не хоцем измрети на конех, но, яко же отци наши билися на Колакьши, пешь“» <sup>28</sup>.

Лакуна, существующая в краткой редакции Повести, здесь кончается. В НПЛ мы читаем почти то же, что и в НІVЛ; но сразу же за словами Лариона-сотского, вернувшегося из своей третьей поездки к суздальцам двумя днями раньше! («И сказа Лариян ту речь Мьстиславу и новгородьчем; и рекоша новгородци: „княже, не хоцем измерети на коних, нъ яко отци наши билися на Кулачьскеи пешь“» <sup>29</sup>). Итак, тексты краткой и пространной редакций Повести, наконец, совпадают:

#### НПЛ

Князь же Мьстислав рад бысть тому; новгородци же съседавше с конь и порты съметавше, босии, сапогы съметавше, поскочиша <sup>30</sup>.

#### НІVЛ

Мьстислав рад тому бысть. Новгородци же, съседавше и порты с себе и сапозы сметавше, боси поскочиша <sup>31</sup>.

Описание последовавшей битвы на р. Лицице занимает в НПЛ всего несколько строк: «. . . и съступися пълк новгородьскыи с Ярославим пълкомъ. И тако, божиею силою и помочью святыя София одоле Мьстислав, а Ярослав вда плечи, и пълк его. Гюрги же състоя Костянтину, и узре Ярославъ полк побегъшь Гюрги, и тъ вда плече, месяца априля в 21, на святого Тимофея и Федора и Альксандры цесариця» <sup>32</sup>. Подробнейшая картина сечи завершается в НІVЛ эллигическим восклицанием: «О, много победы, братье! бесчисленное число, яко не можетъ оум чловечьскый достигнути Юрьевых и Ярославлих избиеных, а изыманных бьяше во станех в всех, Новгородцких и во Смоленских, 60 моужь. . .» <sup>33</sup>. Эта же фраза, правда, в урезанном варианте, делающем ее малопонятной

<sup>24</sup> Там же.

<sup>25</sup> Там же.

<sup>26</sup> Там же.

<sup>27</sup> Там же. С. 191.

<sup>28</sup> Там же. С. 191—192.

<sup>29</sup> НПЛ. С. 56, 256.

<sup>30</sup> Там же.

<sup>31</sup> ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 192.

<sup>32</sup> НПЛ. С. 56, 256—257.

<sup>33</sup> ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 193.

и как бы вырванной из контекста (что и есть на самом деле!), завершает описание боя в НПЛ: «О мьного победы, братье, бецильное число, око не может ум человекьск домыслити избьеных а повязаных; Ярослав въбегл в Переяслаль. . .»<sup>34</sup>.

В целом можно отметить, что ход событий во второй части Повести в обеих ее редакциях с бóльшими или меньшими подробностями следует установившейся канве, причем многочисленные сокращения в тексте краткой редакции не носят столь принципиальный характер, как отмечалось относительно первой ее части.

Проделанная работа, согласно нашему мнению, является подтверждением той точки зрения, согласно которой у «Повести о Липицкой битвы» был один протограф; при его использовании составитель НПЛ допустил значительные перестановки текста и его сокращения, вследствие чего более подробно и ближе к своему первоначальному виду Повесть сохранилась в Новгородской IV летоиси.

*А. К. Зайцев*

## О МАЛОИЗВЕСТНЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ ПОДМОСКОВЬЯ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIII В. (Голубино, Волочок и Уполозы)

Историко-географический аспект исследования проблем феодальной раздробленности в Северо-Восточной Руси является одним из важнейших и сложных в изучении формирования русской народности и ее государства, консолидировавшегося вокруг Москвы. При этом значительное место принадлежит вопросам локализации древних населенных пунктов, так как определение границ древнерусских княжеств исходит в первую очередь из «привязки» географической номенклатуры наших древнейших письменных источников к археологическим памятникам путем определения района нахождения древнего поселения и посредством выявления основных промежуточных звеньев этой связи по поздним источникам, несущим достаточную географическую информацию.

Юго-западная половина современной Московской области в XII—первой трети XIII в. была местом соприкосновения крупнейших государственных образований Руси: Ростово-Суздальской, Новгородской, Смоленской, Черниговской земель, а также менее сильного Рязанского княжества. Границы были в основном определены отечественными историками уже к концу XIX в., не вызвали значительных сомнений и в несколько уточненном виде

---

<sup>34</sup> НПЛ. С. 56, 257.



были отражены в фундаментальном исследовании А. Н. Насонова<sup>1</sup>. Положение изменилось с конца 60-х годов, когда началась работа над академическим Атласом истории СССР. Выяснилось, что принимавшиеся прежде локализации были сделаны без достаточно строгой методики, нередко лишь по внешнему созвучию названий. К их ревизии обязывал исследователей и значительный опыт изучения древнерусских поселений, накопленный советской археологией. Изображение на исторических картах XII—XIII вв. указанного стыка границ стало проблематичным, так как более половины локализаций древнерусских поселений на его территории вызывает ныне разноречивые суждения (Добрятино, Добročков, Бобровницы, Путтин, Беницы — 1136 г., Лопасна, Сверилеск — 1175 г.)<sup>2</sup>. В связи с этим следует обратиться к локализации поселений, которые не привлекали достаточного внимания: Голубино, Волочок — 1209 г., Уполозы — 1231 г.

Под 1209 г. Московский летописный свод 1479 года рассказывает, как, воспользовавшись отсутствием сыновей Всеволода Большое Гнездо, ушедших в поход на новгородцев, рязанские князья Изяслав Владимирович и Михаил Всеволодович пришли к Москве. Не зная, что Всеволодовичи уже вернулись, рязанцы стали «воевати села около Москвы». Всеволод срочно («вборзе») послал против них сына Юрия. «Пришедшу же ему на Голубино вечеръ и посла сторожи пытати рати; и бысть ему вестъ, оже Изяславъ стоитъ на Мерьске, а Кюръ Михаилъ на Литове. . .» Юрий пошел «черес ночь противу Изяславу на Мерьску, тои бе ему нареди, и бывъ на Волочьцѣ и оттолѣ ряди сторожевыи полк за реку Клязму. . . И в раннюю зорю срѣтошася сторожеве их, и погнаша Юрьевы сторожи Изяславлих. . .» Юрий, следуя за ними, «приде к реце Дрозднѣ и ту удари на Изяслава, онъ же побеже. . . чрес реку, и многа дружина истопаша около его». Сражение произошло 26 марта 1209 г. Узнав о нем, бежал и Михаил Всеволодович со своим полком<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. Вклейки между С. 64 и 65, 160 и 161, 184 и 185.

<sup>2</sup> Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 142; ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 602; ср.: Алексеев Л. В. Устав Ростислава Смоленского 1136 г. и процесс феодализации Смоленской земли // *Słowiene w dziejach Europy*. Poznań, 1974. Вклейка между С. 104 и 105; Он же. Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980. С. 41 (рис. 4), 44—46, 52, 60—62; Седов В. В. Смоленская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 250—251, 255—257; Кучкин В. А. Ростово-Суздальская земля в X—первой трети XIII в.: (Центры и границы) // История СССР. 1969. № 2. С. 64, 78, 92; Зайцев А. К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества. . . Вклейка между С. 80—81; Юшко А. А. О некоторых волостях и волостных центрах Московской земли XIV в. // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 282—284.

<sup>3</sup> ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 107—108 (ср.: Там же. Л., 1926. Т. 1, вып. 1. Стб. 434); Бережков Н. Г. Хронология русского летописания М., 1963. С. 101. Восходя к великокняжескому владимирскому летописанию Юрия Всеволодовича, статья 1209 г. имела в основе современную событиям запись либо устные сообщения очевидца (Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969. С. 217—218).

Из географических ориентиров похода Юрия Всеволодовича хорошо известны: отправной пункт — Владимир, промежуточный — р. Клязьма и цель похода — окрестности Москвы. Мерьска, дважды до этого упоминавшаяся летописью и неоднократно в источниках последующего времени, надежно отождествляется с левым притоком р. Москвы — р. Нерской<sup>4</sup>. Между Клязьмой и верховьем Нерской, почти параллельно последнему (в 17—20 км) течет р. Дрезна, известная по писцовым книгам как Дрозна<sup>5</sup>. По незначительной величине Дрезны нужно полагать, что сражение, в котором рязанцы «истопоша» в реке, происходило в ее низовье, где-то около современного г. Дрезны. Принимая во внимание время года (конец марта) и суток (с вечера до утра), расстояние марша от Голубина до р. Дрозды должно быть не менее 25 км и не более 50 км (вполне очевидно, поход был конным). Так как Дрозда по отношению к летописным Волочку и Голубину находилась за Клязьмой, последний пункт следует искать на карте между дугами, проведенными из пунсона г. Дрезны в левобережье Клязьмы с радиусами в 25 и 50 км.

В отмеченном районе известна по сотнице с Переяславских книг 1562 г. в Борисоглебском стане Марининской волости «деревня Голубино на реке на Шередаре», купля Благовещенского Киржацкого монастыря<sup>6</sup>. Уже в книгах 1592—1593 гг. — это пустошь сельца Халино, и таковой она фигурирует в последующее время (1599—1764 гг.) до упразднения монастыря. Халино (Холипо) располагалось на р. Утроке (Утренке), нижнем правом притоке р. Шередарь (левый приток р. Киржач), в 10 верстах к юго-востоку от Киржацкого монастыря<sup>7</sup>. К сожалению, в археологическом отношении Шередарь не изучена. Точное, археологическое обнаружение Голубина возможно с привлечением материалов Генерального межевания. По этим данным пустошь Голубино находилась на правом берегу Шередари. Примечателен факт, что ее название сохранилось до настоящего времени как название урочища, хорошо известное жителям близлежащих сел Холино и Хмельёво (Киржацкий район Владимирской области)<sup>8</sup>.

<sup>4</sup> ПСРЛ. Т. 1. Стб. 379, 433 (ср.: Т. 25. С. 86, 106); ДДГ. М.; Л., 1950. С. 7—9 и др.; ПКМГ. СПб., 1872. Ч. 1, отд. I. С. 480, 501; Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 183—184; Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки: (Список рек и озер). М., 1976. С. 110.

<sup>5</sup> ПКМГ. Ч. 1, отд. I. С. 88, 89, 91, 254, 289; Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 183, 184; Смолицкая Г. П. Указ. соч. С. 225.

<sup>6</sup> Токмаков И. Ф. Историко-статистическое описание города Киржача (Владимирской губернии). М., 1884. С. 108; Шумаков С. Обзор «Грамот Коллегии экономии». М., 1917. Вып. 4. С. 557 (№ 8927).

<sup>7</sup> ПКМГ. Ч. 1, отд. I. С. 838; Токмаков И. Ф. Указ. соч. С. 119, 130, 275; Шумаков С. Указ. соч. Вып. 4. С. 464, 551 (№ 1283, 1521); Смирнов М. И. Прошлое Переяславль-Залесской деревни. Феодальные владения Троице-Сергиева монастыря в Переяславль-Залесском уезде XV—XVIII вв. // Тр. Переяславль-Залесского историко-художественного и краеведного музея. Переяславль-Залесский, 1928. Вып. VI/VII. С. 46—152.

<sup>8</sup> Был составлен «Геометрический специальный план Борисоглебского стана» (11 июня 1774 г., межевал капитан Ф. Квашнин-Самарин) (Токма-

Расположенный на пути из Голубина к Дроздне Волочок обнаруживается в дворцовой волости Куныя. Это с. Волочок-Зуев, старое название левобережной части современного г. Орехово-Зуево (на р. Клязьме)<sup>9</sup>. Учитывая положение села в месте, где отсутствует потребность в волоке (т. е. транспортировке судов по водоразделу), название его, вероятно, следует связывать со словом «волоок» — вид пелоуда (ср.: «волочище» — место, где ловят рыбу волоком<sup>10</sup>). В черте города, на левом берегу известны древнерусские курганы, а к юго-западу близ него — поселение того времени<sup>11</sup>. При редком характере названия локализация Волочка представляется надежной.

Зная, что Михаил Всеволодович находился далее от Голубина, чем Изяслав («тои бе ему напреди»), можно теперь ограничить район поиска неизвестного урочища или реки Литовы. Для этого, принимая условно окрестности современной ст. Куровское за местонахождение Изяслава на Нерской, нужно от Голубина провести дугу радиусом до Куровского. Таким образом, Литову следует искать в полосе около 60 км шириной, идущей по Москве-реке от Москвы почти до устья р. Северки. Надежные топонимические ориентиры пока не обнаружены<sup>12</sup>.

На то, что Голубино и Волочок следует искать на левом берегу Клязьмы, верно указали Н. И. Надеждин и К. А. Неволин в дополнениях к «Розысканиям о городах и пределах русских княжеств» М. П. Погодина. Последний, однако, отождествлял Голубино с подмосковным с. Голубино<sup>13</sup> (ныне в черте Москвы, Голубинская ул., в Ясенево). Выявляя чернигово-суздальский рубеж, А. Н. Насонов предложил иное — с. Голубино на р. Выдре, правом притоке Северки (Домодедовский район)<sup>14</sup>. Как от того, так и от другого пункта до низовья Дрезны по прямой свыше 80 км. После дневного перехода такой ночной марш в условиях весенней слякоти или гололеда маловероятен. Итак, локализация Голубина не может служить уточнению суздальской границы.

---

ков И. Ф. Указ. соч. С. 313—314; ЦГАДА. Ф. 1355. № 54. Л. 31). В 1980 г. вместе с владимирским археологом В. П. Глазовым автор осмотрел это урочище. Пустошь почти полностью заросла лесом, а прибрежная ее часть повреждена сельскохозяйственными работами. Поэтому археологических следов летописного Голубина обнаружить не удалось.

<sup>9</sup> Московский и Серпуховской уезды XVI—XVII вв. по писцовым книгам: Карта / Сост. С. Б. Веселовский и В. Н. Перцов // Архив АН СССР. Ф. 620.

<sup>10</sup> Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1976. Вып. 3. С. 6, 12.

<sup>11</sup> Успенская А. В., Фехнер М. В. Указатель к карте «Поселения и курганные могильники Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X—XIII вв.» // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.: Тр. Государственного исторического музея. М., 1956. Вып. 32. С. 179 (№ 179-а), 236 (№ 1041).

<sup>12</sup> Обнаружена лишь д. Летова (она же Выползово, Глухово, Численное) в 25 км к югу от Москвы, близ старой Калужской дороги, к востоку от р. Ликова (Лекова, Титова), но, возможно, это лишь случайное созвучие.

<sup>13</sup> Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции. М., 1850. Т. IV С. 285—286.

<sup>14</sup> Насонов А. Н. «Русская земля». . . С. 184.



Вместе с тем рассмотренные известия могут служить для определения района восточного пограничья территории, тянувшей в начале XIII в. непосредственно к Москве. Мы знаем, что Изяслав Владимирович и Михаил Всеволодович «воевали волость Всеволожю. . . около Москвы», следовательно, район р. Дроздыны (Дрезны), где стоял Изяслав, отнесен к московской волости. Судя по характеру действий Юрия Всеволодовича в районе Голубина и Волочка (начало военных действий — высылка сторожи, а затем и сторожевого полка), указанные пункты находились в пограничье земель Москвы и, очевидно, Переяславля-Залесского и Владимира.

Очевидно, близ чернигово-суздальских рубежей находились Уполозы, упомянутые Лаврентьевской летописью при описании осеннего похода 1231 г. в «Черниговскую волость» Юрия и Ярослава Всеволодовичей с ростовскими князьями и новгородцами: «поиде князь великий Гюрги к Сереньску и стоявъ станом на Уполозах и възвратися в Володимерь». Ярослав же с союзниками «идоша к Сереньску», сожгли его и возвратились после осады Мосальска<sup>15</sup>. Поход к Сереньску (городок XII—XVI вв. на Серене, левом притоке Жиздры) шел, очевидно, через броды на нижней Угре. Участие в нем новгородцев заставляет предполагать, что войска шли путем, связывавшим Торжок (через Волок Ламский) с бассейном средней Десны и верхней Оки. Это маршруты Михаила Всеволодовича Черниговского в марте 1229 г., Ростислава Михайловича 1230 г., Святослава Трубчевского 1232 г.<sup>16</sup> Южный предел района нахождения Уполоз формально определяется минимальным расстоянием дневного перехода, дугой радиусом в 30 км к северо-востоку от Серенска. С севера он ограничивается полосой сообщения Москвы и Волоколамска, включая в себя почти весь юго-западный сектор Московской области и северную треть Калужской. Тожественные топонимы сохранились в писцовых книгах — их два. Первый (погост Уполозы на Клязьме, в волости Вохна, восточнее современного г. Павловский Посад) находится восточнее района поиска<sup>17</sup>. В нем обнаруживается другое название — «с. Уполозы на р. Москве» (часть его принадлежала А. И. Уполотцкому) в Горетовском стане. Ныне это усадьба-музей Архангельское, где известны следы древнерусского поселения<sup>18</sup>. В ином случае подобные данные были бы достаточны для надежной локализации, но обширность ориентировочного района нахождения обязывает обратиться к топонимическому анализу.

Бесспорные однокоренные параллели есть неподалеку от района поиска, в Смоленской и на юге Калужской областей. На р. Во-

<sup>15</sup> ПСРЛ. Т. 1. Стб. 459; Т. 25. С. 125; ср.: НПЛ. М.; Л., 1950. С. 71, 280; *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 108.

<sup>16</sup> НПЛ. С. 67, 274; 70, 278; 71, 278; 76, 288.

<sup>17</sup> ПКМГ. СПб., 1877. Ч. 1, отд. II. С. 89, 288.

<sup>18</sup> Там же. С. 141; Подмосковье: Памятные места в истории русской культуры XIV—XIX вв. М., 1962. С. 248; Все Подмосковье: Географический словарь Московской области. М., 1967. С. 14.

ре, в 37 км от Гжати (ныне г. Гагарин) встречаем «с. Выполозы, Уполозы тож»<sup>19</sup>, а в Брянском уезде (1595 г.) — р. Уполозну (Полозну), левый приток Ресеты<sup>20</sup>. Следовательно, нельзя исключить возможность трансформации летописных Уполозов через Выполозы или Полозы в Выполозово — Полозово. В нашем районе нахождения по источникам XVI в. обнаруживаются с. Полозово на р. Молодильне (левый приток Москвы, Рузский район) и пустошь Выполозова на р. Рудице (правый приток Малгуши, Истринский район)<sup>21</sup>. По данным же XIX в. известны упомянутая д. Летова-Выполозово (по писцовым — Летова, Глухово, Численное), с. Выполозово (ныне в черте г. Подольска) и Якшино-Выполозово на р. Яченке (левый приток Оки) в 5 км от Калуги<sup>22</sup>. По археологическим публикациям в этих пунктах древнерусские поселения не обнаружены. Поэтому локализацию летописного селения Уполозы на левом берегу Москвы-реки (Архангельское) можно считать верным. По близости к Москве следует считать Уполозы поселением Ростово-Суздальского княжества<sup>23</sup>.

Подводя итоги предпринятых локализаций Волочка (на Клязьме), Голубина (на Шередари) и Уполозов (на р. Москве), необходимо заметить, кроме указанных выше ошибочных сопоставлений, и некоторые другие, встречающиеся в указателях к изданиям летописей.

Вполне очевидна ошибочность сопоставления Волочка с Волоком-Ламским и Уполозов с новгородскими Уполозами под Порховом<sup>24</sup>. Менее очевидна ошибка, связанная с упомянутой выше Дрозьдой.

В Ермолинской летописи, протограф который имел общий со Сводом 1479 г. источник — общерусский свод около 1474—1477 гг.<sup>25</sup>, рассказ о событиях 1209 г., как и многие другие, сокращен, причем единственное сохранившееся географическое название было искажено. В Ермолинской летописи и соответственно в сводах 1497 и 1518 гг., Львовской летописи, Тверском сборнике и в некоторых других летописях Дрозьда названа Тростной. В результате издатели спутали Дрозьдну 1209 г. с р. Тростной

<sup>19</sup> Списки населенных мест Российской империи. СПб., 1868. Т. XI. Смоленская губерния. № 4034.

<sup>20</sup> Шумаков С. Сотницы, грамоты и выписи. М., 1902. Вып. 1. С. 192, 194; Смолицкая Г. П. Указ. соч. С. 33.

<sup>21</sup> ДДГ. С. 386; ПКМГ. Ч. 1, отд. I. С. 103.

<sup>22</sup> Списки населенных мест. . . СПб., 1862. Т. XXIV: Московская губерния № 4690, 4795; СПб., 1863. Т. XV. Калужская губерния. № 36.

<sup>23</sup> Более подробно локализация Уполозов рассмотрена мною в статье «Подмосковные Уполозы 1231 г.» // Проблемы исторической географии России. М., 1982. Вып. 1: Формирование государственной территории России. С. 31—44. Ротапр.

<sup>24</sup> ПСРЛ. Т. 25. С. 432, 446.

<sup>25</sup> Насонов А. Н. История русского летописания. С. 261, 264—265, 268—274; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 156—165; Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980. С. 149—150.

(левый приток Нары), упомянутой в связи с нападением Ольгерда на Москву 1368 г.<sup>26</sup>

Конкретизируя наши представления о юго-западной части Ростово-Суздальской земли, предложенные здесь локализации приближают к завершению карту ее поселений, упомянутых до вторжения Батыя. На этой карте не нашел своего места лишь небольшой городок Петров, в котором Всеволодом Большое Гнездо были заключены рязанские князья (1207 г.)<sup>27</sup>.

---

<sup>26</sup> ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 62, 115, 237; М., 1963. Т. 28. С. 45, 75, 202, 237, 396; СПб., 1910. Т. 20, ч. 1. С. 146, 192; Пг., 1914. Ч. 2. С. 678; ср.: Т. 25. С. 445.

<sup>27</sup> Когда данный сборник находился в издательстве, вышла в свет статья А. А. Юшко «О междукняжеских границах в бассейне р. Москвы в середине XII—начале XIII в.» (СА. 1987. № 3. С. 86—97), где автор, применяя несколько иную методику, предлагает локализацию Голубина, близкую к рассмотренной выше, а Волочек верно отождествляет с Волочком-Зуевом. В статье Юшко отмечается особо значительная для Подмосковья концентрация древнерусских поселений к югу от Москвы, т. е. как раз в том районе, где фиксируется указанный выше топоним «Летова» (см. примеч. 12). Несомненно, этот район был наиболее привлекателен для грабительского похода рязанцев 1209 г. Поэтому «Летова» представляется теперь надежным ориентиром поиска летописной Литовы.



# РОССИЯ ЭПОХИ РАЗВИТОГО И ПОЗДНЕГО ФЕОДАЛИЗМА

---

*Я. Д. Исаевич*

## ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЕ КНЯЖЕСТВО В КОНЦЕ XIII—НАЧАЛЕ XIV В.

В. Т. Пашуто довел свой рассказ о политической истории Галицко-Волынского княжества до событий 1289—1290 гг., которыми кончается изложение в Волынской (Галицко-Волынской) летописи. При этом он справедливо отметил, что отсутствие летописного повествования, посвященного истории последующих десятилетий, требует привлечения иного круга источников и ставит перед исследователями совершенно иные источниковедческие задачи<sup>1</sup>.

Действительно, содержащиеся в немногочисленных сохранившихся грамотах и иностранных хрониках сведения об истории Галицкой и Волынской земель весьма фрагментарны. В большинстве случаев неизвестны даже даты изменений политической карты региона. Напомним, что на 1290 г. в большей части Волыни и Полесья (княжения Луцкое и Владимиро-Берестейское) правил Мстислав Данилович, в Галичине (княжения Галицкое и Перемышльское) князем был Лев Данилович, под верховной его властью оставался и удел его сына Юрия — Холмская и Белзская земли, а также земля, получившая вскоре наименование Подляшья (район Мельника — Дорогичина)<sup>2</sup>. К началу XIV в. все перечисленные земли были объединены в руках Юрия Львовича, именовавшего себя «королем Руси, князем Володимирии» (под Русью надо здесь понимать Галицкую землю, под Володимирией — княжество Владимирское, т. е. Волынь). Но когда и как произошло объединение, мы не знаем.

Первые исследователи истории Галицко-Волынского княжества полагали, что Юрий Львович стал галицким князем в 1301 г., поскольку к этому году отнесли смерть Льва Даниловича. Такая датировка основывалась на том, что последний документ от имени князя Льва — его уставная грамота Галицкой епископской кафедре, датированная 8 марта 1301 г.<sup>3</sup> Но поскольку гра-

---

<sup>1</sup> Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 302.

<sup>2</sup> ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 944.

<sup>3</sup> Последнюю публикацию грамоты (на украинском языке, а также в польском и латинском переводах) см.: Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Шапов. М., 1976. С. 166—173.

мота оказалась подложной<sup>4</sup>, хронологически последнее упоминание о Льве Даниловиче — запись в хронике Генриха Геймбургского под 1299 годом о том, что «король Руси прибыл к королю Венцеславу в Брно»<sup>5</sup>. Историки не сомневаются, что под «королем Руси» можно понимать только Льва Даниловича, причем посещение им Чешского королевства могло иметь место не ранее начала марта и не позже середины мая 1299 г., когда король Чехии Вацлав II уехал из Брно<sup>6</sup>. Результатом встречи, учитывая исторический контекст, была договоренность о нейтралитете Льва, может быть, даже о поддержке им Вацлава II в связи с планируемым им походом на ленчицко-куявского князя Владислава Локетка — главного конкурента чешского короля в его борьбе за объединение под своей властью большинства польских земель. Но когда летом 1300 г. Вацлав II двинулся на Владислава Локетка, чтобы вытеснить его из Польши, то «русины» (Rutheni) напали на Сандомирскую землю, воспользовавшись отсутствием рыцарей этой земли (отправившихся вместе с остальными войсками Вацлава в поход против Локетка)<sup>7</sup>. Таким образом, русины действовали не в пользу Вацлава, а в пользу его противника. Историки считают это доказательством того, что в Галицком княжестве к тому времени правил не союзник Вацлава Лев, а Юрий Львович, женатый вторым браком на сестре Владислава Локетка Евфемии<sup>8</sup>. Учитывая масштаб похода («русины» прошли всю Сандомирскую землю и разрушили Нове Место Корчин — недалеко от границ Краковской земли), можно предположить, что союзник Локетка — а им мог быть только Юрий Львович — владел к тому времени объединенным Галицко-Волынским княжеством либо, по крайней мере, его галицкой частью. Владея одним лишь холмско-дорогичинским уделом в качестве «подручного» своего отца, Юрий Львович вряд ли решился бы на столь серьезную военную акцию.

Таким образом, после смерти Льва, т. е. в конце 1299 г. или начале 1300 г., Юрий Львович объединил в своих руках унаследованное Галицко-Перемышльское княжество с прежними своими владениями — Холмско-Червенской, Белзской и Дорогичинской землями. К сожалению, нет никаких данных, чтобы определить, когда Юрий овладел также Волынью (Владимирским и Луцким княжествами): до или после получения галицко-перемышльского наследства. Скорее всего, волынские земли перешли к Юрию Львовичу мирным путем, согласно завещанию Мстислава Данило-

<sup>4</sup> Об истории изучения данной грамоты, а также других грамот Льва Даниловича см.: *Купчинський О. А.* Дослідження і публікації грамот Галицько-Волинського князівства у XVIII—першій половині XIX ст. // *Київська Русь: культура, традиції*. Київ, 1982. С. 129—149.

<sup>5</sup> *Fontes rerum Bohemicarum*. Praha, 1882. Т. III. Р. 321.

<sup>6</sup> *Пашыто В. Т.* Указ. соч. С. 302; *Włodarski B.* Polska i Ruś 1194—1340. W-wa, 1966. S. 225.

<sup>7</sup> МРН. Leopoli, 1872. Т. II. Р. 853.

<sup>8</sup> *Włodarski B.* Polska i Ruś. S. 225, 229.

вича или его сына <sup>9</sup>, подобно тому как сам Мстислав вокняжился на Владимире по завещанию Владимира Васильковича.

Не только начальная, но и конечная даты правления Юрия вызывают сомнения. Сообщив о смерти княгини Евфемии 18 марта 1308 г., Ян Длугош утверждает, что, «следуя за ней, ее муж князь Руси Юрий умер 21 апреля. Он родился и был крещен в день святого Юрия и в тот же день скончался» <sup>10</sup>. В связи с этим ряд историков считает, что Юрий Львович умер в 1308 г., в Юрьев день (23 апреля). Б. Влодарский думает, что необходимость поддержать сыновей Юрия (и своих племянников) после его смерти в 1308 г. лишила Владислава Локетка возможности противодействовать захвату Гдањского Поморья Тевтонским орденом <sup>11</sup>. Другие исследователи полагают, что рассказ о смерти Юрия Львовича отнесен Длугошем к 1308 г. без должных оснований. Сыновья Юрия впервые названы самостоятельными правителями в документе, датированном июлем 1315 г.; в 1316 г. они направили Ордену грамоту, подтверждавшую договоры отца и сына. Поскольку такие подтверждения грамот предшественников выдавались обычно в начале правления <sup>12</sup>, естественно предположить, что Андрей и Лев Юрьевичи сменили Юрия Львовича примерно в первой половине 1315 г. <sup>13</sup>

Вполне надежное свидетельство того, что Юрий Львович объединил в одно княжество Галичину и Волынь, — его печать с надписями «[S]igillum Domini Georgii regis Russiae» (аверс) и «[S]igillum Domini Georgii principis Ladimiriae» (реверс) <sup>14</sup>. Титул короля Руси не обязательно свидетельствует о коронации Юрия: ряд западноевропейских источников фиксирует признание статуса королевства именно за Галицко-Владимирским княжеством, а не за его отдельными владетелями <sup>15</sup>. Напомним, что западные хронисты именуют королем Льва Даниловича, никогда не короновавшегося. Название «королевство Русь» при Данииле Романовиче и Льве Даниловиче относили к Галицко-Холмскому княжеству, хотя в более широком смысле под ним иногда понимали и все Галицко-Волынские земли.

Судя по наименованию «princeps Ladimiriae», а также по тому, что наследники Юрия чаще всего пребывали во Владимире, именно

<sup>9</sup> Сын Мстислава Даниловича Даниил упомянут в летописи под 1280 г. Неизвестно, правил ли он после смерти отца или, может быть, умер раньше.

<sup>10</sup> *Długosz J. Opera omnia cura A. Przeździecki edita. T. XII // Historiae Polonicae. Cracoviae, 1876. T. III. P. 39.*

<sup>11</sup> *Włodarski B. Polska i Ruś. S. 238—239.*

<sup>12</sup> *Režábek J. Jiří II poslední kníže veškeré Malé Rusi // Časopis Musea Království Českého. Praha, 1883. R. 57. S. 124.*

<sup>13</sup> *Крин'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. Київ, 1984. С. 109.*

<sup>14</sup> Вслед за Б. Влодарским считаем наиболее вероятным чтение, зафиксированное директором Кенигсбергского архива Э. Хеннингом в начале XIX в., когда печать была еще целой (*Лаппо-Данилевский А. С. Печати последних галицко-владимирских князей и их советников // Болеслав-Юрий II князь всей Малой Руси. СПб., 1907. С. 241; Włodarski B. Op. cit. S. 227.*)

<sup>15</sup> *Sieradzki J. Regnum Russiae // Kwartalnik Historyczny. 1958. N 2. S. 505.*



данный город стал при нем главным в объединенном княжестве. Это можно объяснить как возросшей ролью Владимира в международной торговле, так и стремлением князя опереться на связанные с этим городом исторические традиции. Утверждение С. Томашевского и некоторых других авторов, что королевский титул доказывает признание Юрием Львовичем церковной унии<sup>16</sup>, лишено каких-либо оснований. Наоборот, именно к Юрию можно отнести рассказ Длугоша о «короле русинов», которого папа Климент V безуспешно увещевал «приступить к повиновению Римской церкви и к союзу с ней»: король, «отослав апостолических послов ни с чем, остался непоколебимым в застарелой схизме и заблуждение греков считал предпочтительнее католической чистоты»<sup>17</sup>.

Неизвестно, пользовался ли Юрий Львович титулом короля также внутри страны, или только в международных сношениях. Во всяком случае, он имел основания подчеркнуть в титулатуре свое превосходство над предшественниками. Ведь только при нем Галицко-Волынское княжество объединилось под властью одного князя. Митрополит Киприан в конце XIV в. писал, что в годы правления Юрия «беше в своей чести и времени земля Волынская, аще ныне по многих ратях и не такова»<sup>18</sup>. А в «Истории» Длугоша читаем, что Юрий был «муж мудрый и добрый, к духовным щедрый, под правлением которого Русь славилась благами мира и изобилием»<sup>19</sup>.

Международная обстановка в конце XIII—начале XIV в. была благоприятнее, чем в предыдущий период. При изложении событий 1275 г. на Волыни и Полесье летописец заметил: «Тогда бо бяху вси князи в воли татарской»<sup>20</sup>. Очевидно, писалось это, когда «неволя» стала менее чувствительной. При Юрии Львовиче ослабела зависимость княжества от Золотой Орды в связи с ее внутренними неурядицами. Это давало галицко-волынскому князю несколько большую свободу маневрирования, возможность пользоваться в отдельных случаях поддержкой золотоордынских отрядов, не опасаясь усиления зависимости от них.

Известно, что после смерти Юрия Львовича его сыновья подтверждали договорные отношения с Орденом, существовавшие при их отце и деде. Из этого можно сделать вывод о заключении аналогичного договора и Юрием Львовичем. Контакты Галицко-Волынского княжества с Орденом в этот период не были направлены против Польши и имели целью главным образом обеспечение условий для торговых связей<sup>21</sup>.

Как уже отмечалось, Юрий Львович с самого начала своего

<sup>16</sup> *Томашівський С.* Українська історія. Львів, 1919. I. Старинні і середні віки. С. 107—108.

<sup>17</sup> *Długosz J.* Op. cit. Т. XII. Р. 43. Перевод по кн.: *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972. С. 61.

<sup>18</sup> *Барсуков Н. П.* Источники русской агиографии. СПб., 1882. С. 431.

<sup>19</sup> *Długosz J.* Op. cit. Т. XII. Р. 39.

<sup>20</sup> ПСРЛ. Т. 2. Стб. 872.

<sup>21</sup> *Włodarski B.* Polska i Ruś. S. 245, 247.

правления поддержал ленчицко-куявского князя Владислава Локетка в борьбе с его более счастливым соперником Вацлавом Чешским, ставшим вскоре и польским королем. Такая позиция Юрия Львовича объясняется не только родственными связями Владислава с Юрием, но и нежеланием последнего иметь столь мощного соседа, как объединенное Польско-Чешское королевство. Влодарский убедительно доказал, что вытесненный Вацлавом из Польши Владислав Локеток нашел приют именно у Юрия<sup>22</sup>. В одном из источников прямо указано о бегстве Локетка в «чужие схизматические страны»<sup>23</sup>. В 1302 г. он с помощью войск Юрия атаковал Сандомирскую землю. Очевидно, в отместку за это лояльные королю Вацлаву II краковские и сандомирские рыцари «напали на Русь, а именно добыли Новый Люблин, который русины занимали ряд лет»<sup>24</sup>.

Потеря Люблина была для Юрия Львовича тяжелым ударом. Однако галицко-волынский князь и далее остался союзником Владислава Локетка, которому вскоре удалось достичь крупных успехов: в 1304—1305 гг. он возвратил себе Сандомирскую землю, а в 1306 г. утвердился в Кракове.

Юрий Львович не стоял в стороне и от событий, развертывавшихся в Венгрии. Здесь в 1307 г. началась война между претендентами на престол — Карлом Анжуйским и двоюродным братом Юрия Оттоном Баварским (матери Юрия Львовича и Оттопа Баварского были сестрами, дочерьми короля Венгрии Белы IV). Вытесненный из Венгрии Оттон некоторое время гостил у Юрия Львовича. В рифмованной хронике Оттокара Штирийского специально отмечен хороший прием, оказанный «королем Руси» Юрием Оттону<sup>25</sup>.

Участие Юрия Львовича в международной жизни позволяет предположить наличие у него квалифицированных канцеляристов, готовивших грамоты и письма. Грамоты самого Юрия не сохранились, однако дошли до нас совместная грамота его сыновей Андрея и Льва, две грамоты Андрея Юрьевича<sup>26</sup> и две грамоты, приписываемые Льву Юрьевичу<sup>27</sup>. Без сомнения, образцом для них были грамоты предшественников, в том числе Юрия Львовича. Можно предположить, что уже при Юрии были в употреблении элементы дипломатического формуляра, оказавшие впоследствии

<sup>22</sup> Włodarski B. Stanowisko Rusi Halicko-Wołyńskiej wobec akcji zjednoczeniowej Władysława Łokietka i jego powiązanie z utratą Pomorza Gdańskiego // *Zapiski Historyczne*. Toruń, 1962. T. 27, z. 3. S. 342—343.

<sup>23</sup> *Monumenta Poloniae Vaticana*. Cracoviae, 1914. T. III. N 121. P. 78.

<sup>24</sup> МРН. Т. II. P. 853.

<sup>25</sup> MGH. *Scriptores qui vernacula lingua usi sunt*. Hannoverae, 1893. T. V, pars II. P. 1152, 1154.

<sup>26</sup> Куник А. А. Объяснительное введение к грамотам и летописным сказаниям, касающееся истории Червонной Руси в XIV в. с приложением подлинных текстов // *Болеслав-Юрий II князь всей Малой Руси*. С. 113—116. № 1, 3.

<sup>27</sup> Дашкевич Я. Р. Грамоты князя Льва Даниловича как исследовательская проблема // *Историографические и источниковедческие проблемы отечественной истории*. Днепрпетровск, 1985. С. 136.

влияние на практику канцелярий Великого княжества Литовского. А. Золтан выдвинул недавно интересную гипотезу, согласно которой соответствие терминов «dominus» и «господар» в значении «владелец», «глава государства» установилось в первой половине XIV в. в канцелярии галицко-волынских князей. Утвердившись сначала в Великом княжестве Литовском, а с XV в. и в России, термин «господарь» стал источником возникновения русских слов «государь» и «государство»<sup>28</sup>.

Свидетельством усиления Галицко-Волынского княжества в начале XIV в. явилось учреждение особой Галицкой (Волынской-Галицкой) митрополии. То, что не только византийский император, но и константинопольский патриарх впервые согласился на существование на Руси второго митрополита, показывает, насколько большим авторитетом пользовался Юрий Львович. Как известно, первым галицким митрополитом стал Нифонт, после чего Юрий Львович выдвинул в качестве кандидата на галицкую кафедру Петра — основателя монастыря на р. Рате, близ Белза. Став вскоре митрополитом всей Руси, Петр поселился в Москве. Деятельность («волынянина», бывшего первым митрополитом в Москве, способствовала культурным связям Галицко-Волынского княжества с Северо-Восточной Русью.

Нельзя не согласиться с выводом Я. Н. Щанова, что учреждение в начале XIV в. Галицкой митрополии было крупным политическим успехом Галицко-Волынского княжества. «Самостоятельная православная митрополия, — указывает исследователь, — несомненно, была сильным политическим оружием в руках князя в его борьбе за усиление княжества и его политическую независимость»<sup>29</sup>. Именно с начальным этапом существования Галицкой митрополии можно связывать возникновение Волынской редакции Устава Владимира. Обработка текста устава подчинена интересам борьбы как против экспансии католицизма, так и против засилия Константинопольской патриархии. В этом плане понятно возвышение киевского митрополита как «второго патриарха». В общих чертах борьба за Галицкую митрополию созвучна таким важным событиям в церковно-политической жизни славянских стран, как возникновение своих патриархий в Болгарии (1235 г.) и Сербии (1346 г.)<sup>30</sup>.

Как справедливо указал О. Бальцер<sup>31</sup>, данная Длугошем характеристика Юрия Львовича — летописного происхождения. Однако в дошедшем до нас летописном своде, кончающимся изложением событий 1289—1290 гг., нет следов редактирования текста в пользу Льва Даниловича и Юрия Львовича<sup>32</sup>. В то же время именно Юрий Львович, стремясь к созданию владимирско-га-

<sup>28</sup> Золтан А. К предыстории русского «государь» // Acta Slavica. Budapest, 1983. Т. 29. С. 78—79.

<sup>29</sup> Щанов Я. Н. Указ. соч. С. 61.

<sup>30</sup> Там же. С. 62.

<sup>31</sup> Balcer O. Genealogia Piastów. Kraków, 1895. S. 347.

<sup>32</sup> Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 4—5, 132—133.



лицкой митрополии, был заинтересован в обосновании исторических традиций Владимира как политического и культурного центра волыньско-галицких земель <sup>33</sup>. Думается, что создание летописного свода в таком духе могло быть начато сразу после обоснования Юрия Львовича во Владимире. По тем или иным причинам работа остановилась в самом начале: состав летописи отражает интересы Юрия Львовича, однако в тексте ее еще не успели устранить или переделать места, невыгодные этому князю.

Немногочисленные дошедшие до наших дней памятники литературы и искусства Галицко-Волынского княжества хронологически определяются лишь в самых общих чертах <sup>34</sup>. Дальнейшее изучение позволит расширить круг известных памятников, что, в свою очередь, обогатит наши представления о культурных центрах Галичины и Волыни конца XIII—начала XIV в. Более глубокое исследование Галицко-Волынского княжества этого периода в том плане, в каком был изучен В. Т. Пашуто предыдущий период истории княжества, — одна из актуальных задач отечественной медиевистики.

А. Л. Хорошкевич

## «КРЕПОСТНАЯ», ИЛИ «КРЕПКАЯ» ГРАМОТА

В творчестве В. Т. Пашуто вопросы внешней политики Древней (или Киевской) Руси занимали важное место <sup>1</sup>. Предпосылкой исследования этой проблемы применительно к Русскому государству должен быть источниковедческий анализ разнородного материала, в том числе актового.

В сфере русско-крымских отношений, принципиально отличавшихся от русско-ордынских, возникли особые типы документов, подобных которым не было ни в одной другой области международных отношений Руси. К одному из них принадлежат так

<sup>33</sup> Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 55—57.

<sup>34</sup> Исаевич Я. Д. Культура Галицко-Волынской Руси // Вопр. истории. 1973. № 1. С. 106.

<sup>1</sup> Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968; Он же. Итоги и проблемы изучения внешней политики Русского государства с древнейших времен до начала XVII в. // Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография. М., 1981. С. 68, 84, 85. Вопрос о дипломатике русско-крымских соглашений не привлек внимания. В новейшей зарубежной историографии исследуется лишь применение оборота «челом бью» в посланиях Ивана III крымскому хану (Croskey R. M. The diplomatic forms of Ivan III's relationship with the Crimean Khan // Slavic review. Champaign (Illinois), 1984. Vol. 43, N 2. P. 257—269).

называемые «крепостные», «крепкие» грамоты, или просто «крепости»<sup>2</sup>. Смысл их заключался в предоставлении гарантии безопасности приезжавшим на Русь крымским феодалам, обеспечении им не только убежища, но и средств к существованию.

Инициативной стороной в создании «крепких» грамот выступали крымцы<sup>3</sup>, они присылали образец, по которому и составлялись грамоты лицами, ответственными за упрочение отношений с Крымским ханством (точнее было бы сказать — «царством», поскольку крымские ханы на Руси именовались царями). На заре русско-крымских отношений в 70—90-е годы XV в. в Москве было составлено несколько таких грамот: одна была направлена в сентябре 1477 г. Джанибеку, другая — в апреле 1480 г. Менгли-Гирею, третья, сохранившаяся лишь в виде изложения в посольских книгах, — в апреле 1481 г. Довлетеку, наконец, две грамоты — в октябре 1490 г. Уздемиру и Девлешу<sup>4</sup>. Инициативной стороной составления двух последних грамот выступили русские, что наложило отпечаток на дипломатическое оформление грамот.

Начальный протокол грамот отличается. Грамота Менгли-Гирею открывается благопожелательной формулой («Дай, господи, тебе лиха не было»), отличающейся от аналогичной в грамоте Джанибеку («Нынеча еси твоему добру рад везде»). Остальные акты лишены подобной формулы. Они открываются интитуляцио и инскрипцио. В грамоте Довлетеку они звучат: «Великого князя Иванова слово княжу Именекову сыну Довлетек-мурзе». Обращает на себя внимание термин «слово», в котором есть несомненный оттенок приказа, повелительного распоряжения вышестоящего нижестоящему<sup>5</sup>. Странно отсутствие этого термина в грамотах Уздемиру и Девлешу, в них просто «от великого князя. . . царевичу».

Наррацио в грамотах 1477, 1480, 1481 гг. аналогичны: либо со ссылкой на предшествующее обращение крымца к великому князю (Довлетека), либо без нее излагаются условия, при которых может стать необходимым переезд на Русь: «каково твое дело състанется» (Довлетеку), «а каково придет твое дело» (Джанибеку), «състанет каково дело, в юрте отца твоего царя дело будет» (Менгли-Гирею). И в «крепкой» грамоте, и в пересказе употреблено одно и то же слово «дело» в значении «неудачи», «невзгоды», под чем подразумевается возможность потери своего положения в Крыму.

<sup>2</sup> Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 41. № 5. С. 22. 16 апреля 1480 г.

<sup>3</sup> Грамота Менгли-Гирею переведена с его «списка» (Там же.). С просьбой о предоставлении убежища обращался к Ивану III и Довлетек и Джанибек, еще когда был «казак» (по-видимому, так посольские деятели характеризовали его статус до борьбы за крымскую «юрту») (Там же. № 3, 4, 6. С. 14—16, 28).

<sup>4</sup> Там же. № 3. С. 14. 5 сентября 1477 г.; № 5. С. 22. 16 апреля 1480 г.; № 6. С. 28. 26 апреля 1481 г.; № 27. С. 100. Октябрь 1490 г.

<sup>5</sup> Усманов М. А. Термин «ярлык» и вопросы классификации официальных актов ханств Джучиева улуса // Актовое источниковедение. М., 1979. С. 223—226; Он же. Жалованные грамоты Джучиева улуса. Казань, 1982. С. 185—205.

Для обозначения этой ситуации в канцелярии Великого княжества Литовского (далее: ВКЛ) употреблялось иное словосочетание: «пригода пригоживалася»<sup>6</sup>. В грамоте Менгли-Гирею характеристика обстоятельств и причин необходимости эмиграции несколько расширена и уточнена в связи с тем, что его возможные потери связаны с лишением, по русской терминологии, престола, а по крымской — юрты как символа высшей государственности в ханстве<sup>7</sup>. «Крепость» Менгли-Гирею подчеркивает и законность его власти, преемственность ее от отца, что полностью соответствует и идее русских государей о патримониальном характере наследия власти<sup>8</sup>.

Наррацио в грамотах Уздемиру и Девлешу построено иначе. Оно состоит из апелляции к старине, характеристики нынешнего положения адресата («... в чюжом юрте стоишь, а конь твои потен»), мотивации выдачи грамоты («поминая к собе отца» или «деда твоего дружбу да и братьи твсей») и т. д.<sup>9</sup> Наррацио грамот испытало очевидное влияние литовской дипломатики: первую часть мотивации (причин выдачи) можно сравнить с грамотой Александра Менгли-Гирею. Чувствуется воздействие и крымской дипломатики: во второй части наррацио буквальный перевод с тюркского «конь потен». В связи с учетом реального положения крымских царевичей на Руси, в частности, Нурдаулета именно он, а не крымский хан поставлен на первое место. Вероятно, это сделано потому, что положение Уздемира и Девлеша на Руси в случае их приезда туда могло соответствовать положению именно Нурдаулета. Тюркизмы «крепких» грамот этим царевичам объясняются, вероятно, тем, что составителем их был Абляз Бакшей, придерживавшийся традиций крымской дипломатики.

Заключительная часть наррацио грамот 1477 и 1480 гг. описывает конкретные условия их ввода в действие в случае появления получателя грамоты на Руси: в грамоте Менгли-Гирею — «приедешь ко мне, к великому князю Ивану, к брату своему»; слов «брату своему», естественно, нет в грамоте Довлетеку, который согласно неписанной табели о рангах феодалов Руси и Крыма никак не мог быть «братом», т. е. равным великому князю Ивану. В обеих грамотах предусматривается прибытие на Русь большой свиты, во главе которой и должен был стоять крымский «эмигрант». Думается, формулировка «собою почен в головах» представляет буквальный перевод с тюркского.

<sup>6</sup> О значении термина «дело» как «всего, что . . . свершилось» см.: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. I. С. 511. О термине «пригода» см.: АЗР. СПб., 1846. Т. 1. № 102. С. 118—120. 27 июля 1492 г.

<sup>7</sup> *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 64.

<sup>8</sup> *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960. С. 365; *Сокольский В.* Участие русского духовенства и монашества в развитии единой державы и самодержавия в Московском государстве в конце XV и первой половине XVI в. Харьков, 1902. С. 69—70.

<sup>9</sup> АЗР. Т. 1. № 102. С. 119. 27 июля 1492 г.



Заключительная часть наррации в изложении грамоты Джанибеку, равно как и в грамотах Уздемиру и Девлешу, изложена совершенно иначе: «а похочешь у меня (или: у нас) опочива. . .». В переводных грамотах приезд изображается как добровольный акт независимых политических деятелей, характер их пребывания на Руси вообще не характеризуется. В грамотах Джанибеку, Уздемиру и Девлешу подчеркивается прекращение им политической деятельности: «опочив» по значению близок к современному термину «отдых». Джанибека и царевичей Иван III зовет отдохнуть от превратностей политической карьеры, для ширинского же князя Довлотека и крымского хана Менгли-Гирея пребывание на Руси могло и не значить окончательного отказа от политической деятельности. Таким же было и пребывание Хаджи-Гирея в ВКЛ, где хан «коня потного. . . разседлал»<sup>10</sup>.

Диспозитивная часть грамот 1477, 1480, 1481 гг. гарантирует безопасность крымским изгнанникам на Руси, причем Иван III выступает в качестве гаранта не только от своего собственного имени, но и от имени всех представителей московского княжеского дома, своих вассалов, будь то князья или бояре. Их обещания в грамотах 1490 г. Уздемиру и Девлешу изложены несколько иначе: «ми тебе хотим дружбу свою чинити», «добро свое. . . хотим тебе чинити». Если в предшествующих грамотах это обещание носило негативный характер, то в грамотах 1490 г. утвердительный. В отличие от ранних грамот грамоты 1490 г. написаны исключительно от имени великого князя, не считавшегося ни с Андреем Васильевичем, ни с «великими князьями», ни с боярами. Очевидно, уже к октябрю 1490 г. фактическое единовластие Ивана III было полным<sup>11</sup>.

Перечислению представителей власти и знати на Руси в ранних грамотах соответствовало аналогичное перечисление состава возможной свиты выходцев из Крыма: в грамоте хану — «царю, брату, и твоему брату и твоим детем и великим князем и добрым слугам», и более краткое и скромное в грамоте Довлотеку — «тобе и твоим детем и твоим добрым слугам». В «крепости» Менгли-Гирею примечательно указание на великих князей в Крыму, по рангу соответствовавших таким же на Руси. Великий князь всея Руси готов был принять родственников хана как по боковой, так и нисходящей линии, а также многочисленный отряд его вассалов. О последних — «твоих людях» — говорится и в грамотах Уздемиру и Девлешу.

Изложение «крепости» Джанибеку и грамоты Уздемиру и Девлешу в диспозитивной части отличается от актов 1477 и 1480 гг.: в первой — «опочив. . . дам и истому твою подоиму», а в остальных — «опочив учиним». Обе эти формулировки резко отличаются от переводных крепостей: нет никакой точности в характеристике состава выезжих крымцев, опять идет речь об «опочиве», наряду

<sup>10</sup> Там же; ср.: *Даль В. И.* Указ. соч. М., 1955. Т. II. С. 683.

<sup>11</sup> *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982. С. 68.

с которым появляется еще один русский термин «истома» — «труд», «забота», хотя обычное значение этого термина и в XV, и в XIX вв. — утомление, усталость<sup>12</sup>. Для русско-крымских отношений рассматриваемый термин имел и некоторый экономический смысл. Пожалуй, «истома» — это комплекс мероприятий по содержанию хана и ханского двора или других представителей элиты крымцев, бежавших или удалявшихся на Русь. «Поднять истому» — значило возложить на великокняжеский двор и его подданных новые тягости и заботы. Более красноречивы и точны выражения в литовском послании Менгли-Гирею 1492 г.: отцу и родственникам Менгли-Гирея, приезжавшим в ВКЛ, «хлеба и соли не боронено»<sup>13</sup>.

Пребывание крымских эмигрантов на Руси, согласно грамотам 70—80-х годов, должно быть добровольным. Хану, а равно и другим представителям верхов крымского общества обещали добровольный отъезд. В грамоте Довleteку добавлено: «и ты, наше жалование видев, пойдешь добровольно». Это дополнение объясняется и социальным положением Довleteка, которому Иван III мог что-то пожаловать<sup>14</sup>. В грамотах царевичу Уздемиру и Девлешу Иван III считал возможным вообще опустить пункт о добровольности пребывания на Руси и свободе отъезда. Вероятно, этим и объясняется, почему царевичи предпочли остаться в ВКЛ, нежели переехать на Русь.

Крымскому же хану Иван III обещал значительно больше, он сулил ему полную поддержку («сколко сила моя имет») в возвращении «юрты»: «печаловати ми ся царева отца твоего места, Орды досягати». Термин «печаловати», как правило, употреблялся для обозначения «ходатайства»<sup>15</sup>, здесь же его следовало бы понимать как «стремиться, заботиться». Русские переводчики не нашли более адекватного термина для соответствующего тюркского выражения. Калькой смотрится и продолжение этого предложения: «печаль свою учиню».

Диспозитивная часть грамот Менгли-Гирею и Довleteку завершается еще одним посулом — доказать свою верность с оружием в руках: «. . . и на коне учиню» следует в обеих грамотах, но с дополнением в первой — «по той правде, как есми по своей вере и крест целовал». В ней обещание исполнить свои обязательства дополнены ссылкой не только и не столько на договор, который по крымскому обычаю и в русском языке носил «тюркизиро-

<sup>12</sup> Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. М., 1958. Т. 1. Стб. 1149—1150; Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1979. Вып. 6. С 326—327; Даль В. И. Указ. соч. Т. II. С. 61.

<sup>13</sup> АЗР. Т. 1. № 102. С. 119.

<sup>14</sup> Свободу передвижения приезжих крымцев вне зависимости от их социального положения предоставлял и Александр — предки и родственники Менгли-Гирея «как добровольно приездживали, так добровольно отъезжали» (Там же).

<sup>15</sup> Срезневский И. И. Указ. соч. Т. II. Стб. 922.

«ванное» название «шертного ярлыка», а на утверждение этого договора. Полисемантический термин «правда» в русско-крымских посольских отношениях обозначал в основном факт ратификации договора и полностью соответствовал термину «рота»<sup>16</sup>. По-видимому, при крестоцеловании произносились какие-то слова, которые и именовались «правдой». Неслучайно в ВКЛ «роте» русских посольских книг и актов соответствовал термин «присяга»<sup>17</sup>.

Конечный протокол в грамотах Менгли-Гирею и Довлетеку совершенно одинаков: «Так молвя из своих уст, сю крепкую грамоту с золотою своею печатью дал есми». Ссылка на устное сообщение или обещание, скрепленное письменным документом или печатью, не характерна для русских актов. Деепричастный оборот в конечном протоколе также восходит к обычаям оформления грамот на востоке. Употреблялся он и в переводах ярлыков ордынских ханов.

К сожалению, нельзя сказать, как назывались подобные грамоты в тюркоязычной дипломатике. Трудно подыскать для этой грамоты и соответствующее современное определение. Вряд ли ее можно назвать «опасной». Такие давались исключительно послам и обеспечивали свободный проезд, приезд и отъезд дипломатическим представителям из другой страны. Целью «крепкой» грамоты было гарантировать предоставление убежища и материального обеспечения на Руси выезжим представителям крымской аристократии. Гарантийно-утвердительная грамота предоставлялась, по-видимому, только выезжим с востока.

Крымцы были не единственными приезжими на Русь. Сюда же из ВКЛ устремился огромный поток феодалов из западных и юго-западных русских земель. Однако посольские книги по сношениям с ВКЛ не сохранили документов, подобных «крепкой» грамоте. Чем можно это объяснить? Вероятно, в первую очередь тем, что соотношение сил русского государя и знати Крымского ханства и ВКЛ было разным. Князья Западной и Юго-Западной Руси практически потеряли возможность осуществления власти над территориями, входившими в необозримые тогда просторы ВКЛ. Перед крымской же знатью открывался выбор даже в случае потери прежнего статуса в ханстве — их охотно приглашал не только князь всея Руси, но и литовский, каждый из которых надеялся иметь в их лице орудие воздействия на внешнеполитическую, да и на внутривосточную позицию ханства. И Иван III, и Казимир были озабочены привлечением на свою сторону даже отдельных вельмож Крымского ханства, ибо крымская конница в то время была одной из сильнейших, равной по силе ордынской. Менгли-Гирей, заключая с Иваном III договор,

<sup>16</sup> Черепнин Л. В. Из наблюдений над лексикой древнерусских актов: (К вопросу о термине ПРАВДА) // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974. С. 211—218. В ВКЛ применительно к литовско-крымским отношениям термин «правда» означал сам «договор» (АЗР. Т. 1. № 102. С. 119).

<sup>17</sup> АЗР. Т. 1. № 102. С. 119.



и в 1474, и в 1479 гг. просил об отправке против своего главного внешнеполитического врага хана Большой орды Ахмата конницы «царевичей» Даньяра и Муртазы, царевичей буферного Касимовского княжества. Только эти войска рассматривались крымским ханом достойными противниками Ахмата.

Создание такого типа документов, как «крепкая» грамота, обуславливалось и разностью вер, хотя этот фактор скорее влиял на оформление грамоты. Иван III, как ни был заинтересован в упрочении отношений с Крымским ханством, не принимал безоговорочно его условий. В «крепость» Менгли-Гирею он сознательно не включил обязательства, занесенного в «список» Менгли-Гирея и названного великим князем «запрещением», где речь шла о проклятии и призыве на себя смерти («за те слова христианину убиту быти»). Отказ Ивана III внести подобное условие в санкцию Иванча Белый должен был объяснить христианскими обычаями «тех слов. . . по христьянскому закону не мощно молвити».

«Крепкая» грамота — это результат взаимодействия двух культур — «крымско-мусульманской» и «русско-православной», взаимодействия отнюдь не дружественного или доброжелательного. Русско-крымские отношения конца XV в. при всей внешней видимости союза — антиордынского — были чреваты аптагонистическими противоречиями, ибо Крым как один из преемников Золотой Орды унаследовал ее традиции — рассматривать Русь в качестве источника неиссякаемых материальных доходов и людских резервов. «Крепкие» грамоты возникли в сфере социально-политических отношений двух государств Восточной Европы. Подобные отношения провоцировались бесконечной нестабильностью власти в Орде и государствах — ее преемниках, использовались Русью и ВКЛ как средство усугубления этой нестабильности, как инструмент вмешательства во внутривнутриполитическую обстановку сопредельных кочевнических государств. Ограничиваясь сферой социальных верхов Руси, ВКЛ и Крыма, они оказывали воздействие и на положение широких народных масс. «Истома», которой сопровождалось внедрение крымских выходцев на Русь, усугубляла эксплуатацию коренного населения, ибо на земледельческое население возлагались обязанности по полному содержанию значительных крымских отрядов.

«Крепости» способствовали привлечению на русскую сторону части верхов крымского общества. Испытав по форме значительное воздействие крымской дипломатической традиции, по существу они оказались инструментом мощного воздействия на внутривнутриполитическую обстановку в Крымском ханстве, инструментов упрочения международного положения Русского государства в период его борьбы за независимость от Большой Орды.

Их хронология показательна. Все они составлены в период, когда ханство еще не приобрело стабильности после потрясений, связанных с упрочением Османского султаната в его непосредственной близости в бывших итальянских колониях на Черном море и подчинением ханства. Верный союзу с Менгли-Гиреем даже

В тот момент, когда тот временно лишился «юрты» в 1477—1479 гг. Иван III охотно предоставлял убежище не только противнику хана — Джанибеку, но и представителю одного из крупнейших крымских родов — Ширинов. Дипломатия Ивана III по отношению к Крымскому ханству в критический момент его истории, как и в критический момент молодого Русского государства, обеспечила успех «стояния на Угре» — освобождения Руси от иностранной зависимости. «Крепости» 1477, 1479 гг. могут оцениваться как памятники, косвенно свидетельствующие о дипломатической подготовке этого величайшего в истории страны события.

*В. Д. Назаров*

## О ПРОЕЗДНОМ СУДЕ НАМЕСТНИКОВ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

Институт проездного суда — княжеского или наместничьего — является одним из важнейших в длительной эволюции органов феодального судопроизводства в России. Тем не менее сюжет мало разработан. В досоветской литературе налицо лишь отдельные замечания, в советской же следует назвать книгу Ю. Г. Алексеева, где этот вопрос затронут в связи со спецификой княжеского суда в Пскове по сравнению с Новгородом. По автору, проездной суд окончательно исчез к концу XV в., причем как в Новгороде, так и в Северо-Восточной Руси. Еще в XIII—середине XV в. такой суд был реальностью в Новгороде, хотя уже в предшествующий век «проездной суд странствующего судьи-вирника (? — ранее автор видит в вирнике лишь „сборщика уголовных штрафов“. — В. Н.) . . . в свою очередь вытесняется новой системой суда, опирающейся на постоянный штат доводчиков. . .»<sup>1</sup>

Как ни заманчива подобная схема, повременим с ней соглашаться. Преждевременны сближения или противопоставления новгородских порядков институтам судопроизводства Северо-Восточной Руси. И то и другое должно быть обследовано. Ниже будут проанализированы данные о Северо-Восточной Руси.

В корпусе княжеских актов этого региона упоминания о проездном суде наместников содержатся лишь в четырех. Это жалованные грамоты властям Троице-Сергиева монастыря на с. Присеки в Бежецком Верхе — удельного князя Дмитрия Шемяки 5 декабря 1440 г., великого князя Василия Темного от октября 1441 г., удельного князя Ивана Можайского 27 мая 1446 г. и великого князя Ивана III 17 мая 1462 г.<sup>2</sup> Уже предварительное сличение

<sup>1</sup> Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV—XV вв. Л., 1980. С. 15—17.

<sup>2</sup> АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 165, 170, 179, 304.

показывает чрезвычайную близость и формуляров, и текстов трех первых пожалований. Акт 1462 г. соединяет их традицию с особенностями иммунитетных грамот на другие троицкие владения в Бежецком Верхе. Прежде необходимо коснуться владельческих судебных указанной вотчины и политико-административной истории Бежецкого Верха (последний вопрос специально разбирается нами в особой работе). В литературе противоречивые показания документальных и нарративных источников пока не приведены во внутренне согласованную систему фактов<sup>3</sup>.

В начале XVI в. монастырская традиция начинала историю Присек как троицкого села с вклада его князем Дмитрием Шемякой по душе своего младшего брата, удельного князя Дмитрия Юрьевича Красного. Об этом же сообщали упомянутые жалованные грамоты. Сохранился и подлинник данной, где говорится о даче Присек согласно духовной князя Дмитрия Красного и о поминании родителей завещателя и вкладчика, а также их брата инока Игнатия (остается открытым вопрос о его идентификации со старшим братом двух Дмитриев князем Василием Юрьевичем Косым). Позднее троицкие власти связывали вклад только с князем Дмитрием Красным, и понятно почему. Именно он приобрел Присеки и с-цо Воробьевское за крупную сумму в 300 руб. у вдовы некоего Ивана Юрьевича Фетиньи, а Бежецкий Верх в 1434—1440 гг. входил в его удел. По купчей Воробьевское оставалось в пользовании за Фетиньей до ее кончины, поэтому оно и не упоминается в иммунитетных актах 40—50-х годов XV в. В монастырь оно все же попало: в сотной начала XVI в. упомянута д. Воробьево с езами — в купчей езы и перевесья фигурируют в угодьях сельца, но не Присек. Выговоренное Фетиньей условие почти наверняка свидетельствует об ее одиночестве к моменту сделки<sup>4</sup>.

1434/1435

<sup>3</sup> О владельческой истории Присек см.: *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 350—351; *Черкасова М. С.* Бежецкая вотчина Троице-Сергиева монастыря в XIV—XVI вв. // Проблемы истории СССР. М., 1982. Вып. XII. О политико-административной истории Бежецкого Верха см.: *Михайлов А. И.* Очерки по истории Бежецкого края. Тверь, 1924. С. 38—53; *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929. С. 95, 97—101; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М.; Л., 1948. Ч. I. С. 111—128; М., 1951. Ч. II. С. 84, 145—148; *Он же.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960. С. 699—701, 760—771; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 48, 155—157, 254.

<sup>4</sup> АРГ, 1505—1526 гг. М., 1975. С. 186—188, 190; АСЭИ. Т. 1. № 163—165, 170, 179, 304. Уточним датировки купчей и данной. Сын Фетиньи Дмитрий Каиса погиб, по С. М. Каштанову, в декабре 1437 г., князь Дмитрий Красный умер 22 сентября 1440 г. Купчая была совершена в период между этими датами. Смерть князя произошла в Галиче, Шемяка прибыл 29 сентября, на восьмой день, погребение состоялось в Москве в Архангельском соборе 14 октября (ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 109—111; СПб., 1910. Т. 23. С. 150; М.; Л., 1949. Т. 25. С. 261). Итак, до 14 октября завещание князя Дмитрия не прошло окончательного утверждения Василием II, а Шемяка не имел суверенных прав на Бежецкий Верх, которые он утерял ровно



Сказанное подтверждается судным списком (датируем его между 14 октября 1440—октябрем 1441 г. и усваиваем князю Дмитрию Шемяке). Монастырь выиграл процесс, указав, что крестьяне четырех спорных деревень в течение 50 лет «тянули . . . судом, и поспой, и данию, и повозом» к владельцам Присек — Юрию Васильевичу Шукке и его внуку Дмитрию Каисе. Крестьяне этого не оспаривали, но утверждали, что до перехода села к вотчинникам деревни были «государевыми, княжими» и «приданы к святому Спасу на темьян в Новьгород в Великой». У них не оказалось ни документальных подтверждений, ни свидетелей, что предопределило их поражение. Однако и троицкие старцы не подвергали сомнению показания крестьян. Сообразуя приведенные известия, получаем такую цепочку фактов. На рубеже 80—90-х годов XIV в. Присеки, бывшие до того «княжими землями», неизвестным для нас способом стали светской вотчиной. Позднее при прекращении мужского потомства в фамилии владельцев были куплены у Фетины удельным князем, а после его смерти в качестве вклада с санкции великокняжеской власти поступили в монастырь<sup>5</sup>.

Этой ясной картине противостоят две грамоты Василия II троицким властям. Одна из них, предоставляющая населению троицких сел в Бежецком Верхе Присеки и Вилгоц право вызова на суд в Москву лишь на два срока в году, выдана 26 сентября 1432 г. в монастыре, т. е. вскоре после возвращения великого князя из Орды, на следующий день после дня памяти Сергия Радонежского — 25 сентября. Вторая грамота вообще уникальна. В ней великий князь выступил в роли своеобразного местоблюстителя московского митрополита: Фотий умер 1 или 2 июля 1431 г., митрополит же Исидор появился в Москве лишь 2 апреля 1437 г. Василий II озаботился выдачей акта, освобождающего священников и дьяконов трех церквей вотчины (возможно, что Никольская церковь располагалась в с. Вилгоци, именно такой храм известен в данном селе по источникам XVI в.) от поборов, платежей и пошлин в пользу иерарха и агентов его администрации — десятильников с тиунами и т. п., причем последних великий князь именует «своими». Необычайность ситуации в том, что Бежецкий Верх входил в епархию новгородского архиепископа, а вовсе не московского митрополита. Но это же все и разъясняет. К концу 20-х годов XV в. вновь обострился конфликт между Фотием и Новгородом из-за «позывного» митрополичьего суда. В итоге Фотий отказался ставить Ефимия II, «нареченного» в новгородские владыки еще в ноябре 1428 г. Возник даже кризис с рукоположением священников в ряде районов, в том числе Бежецком Верхе. Так, Фотий в послании тверскому епископу Илье, правильно датиро-

---

через год. Иными словами, вкладную Шемяка оформил между 14 октября и 5 декабря 1440 г. — датой его жалованной грамоты на Присеки.

<sup>5</sup> *Каштанов С. М.* Указ. соч. С. 349—351; АРГ, 1505—1526 гг. С. 188 — в сотной начала XVI в. упомянуты две из четырех спорных деревень.

ванном Голубинским 8 августа 1430 г., разрешил ему ставить священников в две соседние с Тверской епархией области — в Бежецкий Верх и на Волоке-Ламском. Отношения Москвы с Новгородом оставались напряженными в начале 30-х годов, а одной из болевых точек конфликта был вопрос о владении Бежецким Верхом. Так что уникальное пожалование московского государя хорошо вписывается в политический контекст осени 1432—зимы 1433 г. — этим временем его и надо датировать. Позднее, с началом феодальной войны острота споров постепенно уменьшалась, к тому же с 1433 по 1441 г. Бежецкий Верх почти все время входил в удел галицких князей — сначала князя Юрия Дмитриевича, затем его младшего сына князя Дмитрия Красного и, наконец, Шемяки <sup>6</sup>.

Итак, в конце 1432—начале 1433 г. Присеки были одной из троицких вотчин, а затем вновь попали в руки прежних светских владельцев, причем последующая документация игнорирует данное обстоятельство. Это объяснимо лишь краткостью первого пребывания села в составе монастырщины. Приведем аргументы. В сентябрьской грамоте 1432 г. Присеки и Вилгощ фигурируют как единый владельческий комплекс и иммунитетный округ. Второе село, однако, троицким владением позднее не стало. В XVI в. оно последовательно было дворцовым селом, а затем светской вотчиной. Когда и как было изъято с. Вилгощ, а вместе с ним, скорее всего, и Присеки из состава троицких владений, сказать точно нельзя. Очень может быть, что суть дела разъясняет одна из статей dokonчания 1433 г. Василия II с князем Юрием Дмитриевичем: он был «волен» во всех, за небольшим исключением, «грамотах», которые «подавали» в Бежецком Верхе и Василий I и Василий II. Иными словами, сохранение владельческих прав при изменении политического статуса Бежецкого Верха требовало обязательного подтверждения со стороны нового суверена. Очевидно, что троицкие акты 1432 г. такой санкции не получили, а указанные владения были выкуплены прежними вотчинниками <sup>7</sup>. Уместно сейчас подчеркнуть, что в литературе, пожалуй, недооценивается сила связи собственнических прав на землю с политическими факторами функционирования отношений собственности.

Реконструированная владельческая история с. Присеки многое проясняет в пожалованиях с упоминанием проездного суда наместников. Так, все они содержат отсылки на предшествующие акты. В грамоте Шемяки упомянуты пожалования великих князей Дмитрия Донского и Юрия Дмитриевича <sup>8</sup>, в грамоте Василия II — Дмитрия Донского, князь Иван Можайский называет

<sup>6</sup> АСЭИ. Т. 1. № 74, 76; РИБ. СПб., 1880. Т. 6, ч. 1. С. 421—423; Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1900. Т. II, 1-я пол. С. 394—395; ДДГ. М.; Л., 1950. № 30. С. 76, 79; № 34. С. 87, 89; № 35. С. 90, 93, 95—96, 100; № 46. С. 141.

<sup>7</sup> АСЭИ. Т. 1. № 74; РИБ. Пг., 1915. Т. 32. С. 574—577, 601—602; ДДГ. № 30. С. 76, 78; ср. № 34, С. 87.

<sup>8</sup> АСЭИ. Т. 1. № 165.

документы Дмитрия Донского, Юрия Галицкого и Дмитрия Шемяки. Наконец, Иван III опирается на акты Василия II<sup>9</sup>. Такие указания, судя по другим грамотам XV—XVI вв., точны хотя бы в том, что перечисленные источники действительно существовали. Естествен вопрос — кому выдал пожалование Дмитрий Донской. Очевидно, не Троице-Сергиеву монастырю, поскольку обитель в конце 80-х годов XIV в. к Присекам не имела отношения. Следовательно, речь идет об имунитетном акте светскому владельцу. Сообразуясь с приведенными данными, можно думать, что им был Юрий Васильевич Шека. Под грамотой князя Юрия Дмитриевича надо понимать близкий акт, выданный на имя Дмитрия Каисы и утвердивший восстановление его вотчинных прав на Присеки. Осходстве формуляров и текстов грамот Дмитрия Донского и Юрия Галицкого заключаем из простого сопоставления. Акты Шемяки и Василия II фактически тождественны. Но если Василий II основывался на пожаловании Дмитрия Донского, а Шемяка на нем и пожаловании князя Юрия, то, следовательно, эти два документа были очень близки.

Еще одно указание на реальность грамоты Дмитрия Донского. В актах 1440, 1441 и 1446 гг. Присеки фигурируют то как село, то как слобода, куда старцам запрещено принимать людей из Бежецкого Верха. Клаузула показательна для начального освоения московской властью какого-то района и более характерна скорее для XIV, чем XV в. В слободчике, «копившем слободу», опять-таки уместнее видеть светского феодала, использовавшего покровительство великого князя и пограничное, рядом с Новгородом и Тверью расположение Бежецкого Верха. Показательно, что в грамоте 1462 г. этой статьи уже нет.

Текст интересующей нас статьи краток и одинаков в пожалованиях Шемяки, Василия II и Ивана Можайского: «Также и проездным судом наместници мои къ ним не въездят, ни корму у нихъ проездного не емлют». В грамоте Ивана III три добавления: рядом с наместниками указаны их тиуны; текст о невзимании проездного корма развит за счет запрета наместникам взимать «иные некоторые кормы свои»; в конце статьи введен запрет праведчикам великого князя и наместничьим доводчикам взимать «свои поборы» и вообще «въезжать» во владения монастыря<sup>10</sup>. Дополнения вроде бы создают впечатление реальных изменений в механизме действия проездного суда наместников, но это иллюзия.

Внешнее логичное присовокупление тиуна к наместнику (в большинстве несудимых или заповедных статей они закономерно упоминаются рядом), здесь вряд ли верно. Тиун замещал и представлял своего господина в административно-судебной сфере, как правило, при отсутствии наместника. Последнее объясняется тем, что наместники обычно (если только речь не шла о военных действиях) не находились в управляемой области постоянно, они

<sup>9</sup> Там же. № 170, 179, 304.

<sup>10</sup> Там же. № 165, 170, 179, 304.



«наезжали» туда несколько раз в году. Но это не увязывается с проездным судом, он по своей сути периодичен, осуществлялся один или два раза в год при объезде кормленщиком подведомственной ему территории, когда исполнение судебных прерогатив наместником было основным его занятием. Иными словами, тиун не мог фигурировать здесь как заместитель наместника, хотя и входил в его «поезд» — свиту. Отсюда тиун появился в грамоте Ивана III в результате привнесения в нее норм «стационарного» наместничьего суда и управления. То же самое следует сказать о дополнительном запрете взимать «иные . . . кормы свои». И совсем алогично введение в статью запрещения великокняжеским праведчикам взимать «поборы» и въезжать в монастырские владения. В систему проездного суда наместников вмонтировать княжеского праведчика очень трудно, фактически невозможно. Здесь чисто механическое расширение текста — к имевшейся заповедной клаузуле сделано внешне аналогичное добавление, но противоположное по сути и заимствованное из норм, относящихся к «стационарной» форме наместничьего судопроизводства <sup>11</sup>.

Противоречива не только грамота Ивана III. В актах Шемяки, Василия II, Ивана Можайского статья о проездном суде соседствует с несудимо-заповедным разделом, который ей предшествует, и текстом о сместном суде, следующим за ней. Указанные разделы традиционны, отчасти архаичны. Так, в тексте о подсудности архаично обозначение дворян как лиц из аппарата наместничьего суда, им запрещен доступ на территорию иммуниста. Подчеркнута монастырская юрисдикция в отношении дел о татьбе внутри монастырского населения Присек, причем наименование здесь крестьян сиротами также указывает на архаизирующую традицию. Иммунитет монастыря ограничивается лишь душегубством.

Раздел о сместном суде приведен в краткой редакции. В нем констатируется необходимость такого суда при конфликте лиц с разной подсудностью, ответственность каждого из них перед своим судьей и «невступление» другого судьи. Это не просто краткая, но одна из ранних редакций текста о сместном суде <sup>12</sup>.

В обоих разделах главное действующее лицо наряду с троицким игуменом и его «приказником» — наместник. Описываемые процедуры его действий, особенно в разделе о сместном суде, указывают на «стационарную» форму функционирования наместничьего суда. Отсюда вопрос — являются ли указания на проездной суд в упомянутых грамотах механическим заимствованием из более ранних пожалований или они отражают крайне сложную и противоречивую ситуацию, когда имело место наложение, переkreщивание старых и новых форм судопроизводства, юрисдикций разных государственных образований. Не забудем, что, как показано выше, формуляры и тексты актов 40-х годов XV в. восходят по крайней мере к концу 80-х годов XIV в. Вот откуда арха-

<sup>11</sup> Там же. № 304.

<sup>12</sup> Там же. № 165, 170, 179.

ичные термины и нормы. Для этих лет характерно временное функционирование различных юрисдикций, институтов суда на территории Бежецкого Верха. Проникновение сюда московской великокняжеской власти началось раньше, при князе Юрии Даниловиче и Иване Калите. Однако серьезные успехи обозначились, судя по летописным и документальным источникам, лишь в 70-е годы XIV в. Устойчивость новгородских институтов и норм в Бежецком Верхе была значительна, ее преодоление могло мыслиться и происходить лишь как симбиоз новгородских и московских порядков.

Есть ли свидетельства в пользу силы новгородских традиций, прямые подтверждения сказанному? Несомненно. Вспомним доводы троицких старцев: 50 лет крестьяне спорных деревень «тянули» к Присекам «судом, данью, поспой и повозом». Емкая и в целом новгородская формула, особенно показательны здесь — посп и повоз. Напомним, речь идет о полустолетии, когда Бежецкий Верх находился в основном под московским управлением, речь идет о вотчине, принадлежавшей представителям почти наверняка московского служилого рода. Об этом говорят собранные Каштановым факты биографии Ю. В. Щеки и его внука, а также систематизированного нами известия об Аисиных в XV—XVI вв. Эту фамилию усваивали троицкие власти в начале XVI в. владельцам Присек конца XIV—середины XV в. Служилые люди средней руки, Аисины входили в уездные корпорации Костромы, Коломны, Переяславля-Залесского, Бежецкого Верха, были помещены в Новгороде как выходцы из центральных уездов<sup>13</sup>.

Мы не знаем, как Присеки стали вотчиной Ю. В. Щеки и кому они ранее принадлежали. Вполне вероятно, что село было княжеским владением. На это указывают показания крестьян: спорные деревни были «государевыми, княжими» и «приданы . . . к святому Спасу на темьян в Новъгород в Великой». Для дальнейших выводов важно определить адресат пожалования. Это скорее монастырь, чем собор. Спасских обителей в Новгороде было немало, но «придача» московскими князьями должна иметь реальную мотивировку. Возможны два ответа. Деревни могли быть «приданы на темьян» Спасо-Нередицкому монастырю, основанному именно княжеской властью, в котором приехал постриг и был погребен князь Афанасий, брат московских великих князей Юрия и Ивана Калиты. Из ряда летописных текстов следует, что Нередица рассматривалась как монастырь при княжеской резиденции в Новгороде-Городище. Однако более верным представляется другой ответ. «Святой Спас в Великом Новгороде» — Юрьевская обитель, главный монастырь — магистрат в Новгороде, местопребывание новгородского архимандрита, возглавлявшего совокупность мо-

<sup>13</sup> Каштанов С. М. Указ. соч. С. 350—351; Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1966. С. 217—218; АГР. Киев, 1860. Т. 1. С. 165—166; НПК, по именному указателю; АСЭИ. Т. 1. № 483; АФЗХ. Акты московского Спмонова монастыря / Сост. Л. И. Ивина. Л., 1983. № 198.

настырей республики и черного духовенства. Такое неожиданное отождествление имеет опору в источниках. В сугубо официальном документе (рядной крестьян-робичичан с юрьевскими властями) обитель именуется двояко: просто «Юрьевым монастырем», а вторично, и что важно — при описании порядка доставки хлеба крестьянами, — она названа «монастырь святого Спаса и святого Георгия». Если современный театр начинается с вешалки, то монастыри «начинались» с въездных ворот, в данном случае — с надвратной Спасской церкви. Не исключено поэтому, что именно она оказалась зафиксированной в сознании крестьян, весьма редко бывавших в Новгороде. Но при любом решении налицо типично новгородский способ симбиоза разных форм государственной земельной собственности <sup>14</sup>.

Наконец, грамоты Шемяки, Василия II и князя Ивана Можайского содержат любопытнейшую статью (ее нет в акте Ивана III): «А о посадницех — как было при великом князе Иване Даниловиче. . .», а затем перечень московских великих князей — Семен Гордый, Иван Красный, Дмитрий Донской и Юрий Дмитриевич. Не решаемся однозначно определять, какие посадники упомянуты — новгородские или городецкие (бежецкие), хотя второй ответ представляется более верным. Укажем в связи с этим на посадников в Торжке и Волоке Ламском, иных совместных владениях Владимирского великого княжения и Новгорода. В любом случае посадники были представителями новгородской административной и судебной системы, сосуществующей и противостоящей великокняжеской. Формула «как было при великом князе. . .» фиксирует какое-то документально оформленное разделение судебно-административных прерогатив (сомневаемся, чтобы оно исходило из чисто территориального признака) и доходов. Именно посадничьему суду противостоял проездной суд наместников московского великого князя в Бежецком Верхе. Прямые показания источника датируют такие порядки княжением Ивана Калиты <sup>15</sup>.

Подобная ситуация вообще типична для совместных владений Новгорода с Владимирским великим княжеством, а также для собственно новгородских территорий, где сталкивались и сосуществовали разные юрисдикции, прежде всего княжеская (московская, тверская, литовская) и республиканско-новгородская. Во всех таких случаях проездной суд князя или княжеского наместника был формой функционирования именно княжеского суда. Вроде парадоксальный вывод, коль скоро в литературе признано

<sup>14</sup> *Каштанов С. М.* Указ. соч. С. 349; НПЛ. М.; Л., 1950. С. 44, 60, 96, 237—238, 261 и др.; ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. С. 62; ГВНП. М.; Л., 1949. № 115; *Назаров В. Д.* Из истории землевладения и хозяйства монастырей Новгорода в XV в.: (И особенности новгородской социальной структуры) // Аграрный строй в феодальной России. XV—начало XVIII в.: Сб. статей. М., 1986. С. 46—50; *Он же.* О феодальном землевладении в Новгородской республике // История СССР. 1984. № 2. С. 116—121; История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. М., 1986. Т. 2. С. 262—265.

<sup>15</sup> АСЭИ. Т. 1. № 165, 170, 179.



широкое развитие проездного суда именно в Новгороде. Однако сформулированный тезис требует все же реального раскрытия и строгих доказательств. Сейчас отметим только политическую выгоду данной формулы для великокняжеской власти в качестве инструмента по закреплению своих позиций на новгородской или совместной территории. Отсюда во многом и устойчивость указанного института, сохранявшего жизнеспособность в XIV в., а частью и в XV в. и сосуществовавшего не только с посадничьим судом, но, вероятно, и со «стационарным» наместничьим судом.

Типологически проездной суд наместников был ранней формой становления наместничьего, кормленщицкого управления. Но это особая тема, требующая специального рассмотрения и привлечения новых источников.

*И. П. Старостина*

## К ВОПРОСУ О СХОДСТВЕ И РАЗЛИЧИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В XV В.

Вопрос о типологическом сходстве или различии феодальной государственности и права Великого княжества Литовского и Русского государства конца XV в. в современной исторической литературе не исследован, хотя его разработка представляется перспективной в силу особенностей исторических условий становления и развития Великого княжества Литовского.

Здесь будут сопоставлены некоторые юридические памятники Великого княжества Литовского XV в. и Судебник Ивана III 1497 г., что может быть полезным в уяснении вопроса о сходстве и своеобразии в развитии литовской государственности и права в сопоставлении с Русским государством XV в.

Историография по этой теме ограничивается статьей А. В. Семенова<sup>1</sup>, в которой он сопоставил целый ряд литовских и русских памятников. В ней приведены параллели между постановлениями о татбе Судебника Казимира 1468 г. и Судебника Ивана III 1497 г. Он отметил, что Судебник Казимира определял телесное наказание за первое воровство, совершенное невольным паробком, так же наказывалось первое воровство по Судебнику 1497 г.,

---

<sup>1</sup> Семенов А. В. О сходстве древних узаконений восточной и западной Руси // Временник имп. Московского общества истории и древностей российских. 1854. Кн. 19.

но без указания на социальный статус виновного. Оба Судебника предписывали стоимость украденного взыскивать из имущества вора <sup>2</sup>.

Внимательное прочтение указанных фрагментов Судебников обнаруживает тем не менее даже большее сходство, нежели это было отмечено Семеновым. Более того, эти постановления Судебника Ивана III показывают также сходство с другими юридическими памятниками Великого княжества Литовского, постановлениями о татьбе Витебского и Полоцкого привилеев.

С. В. Юшков считал, что статьи 10—13 (а именно здесь находились отмеченные выше постановления о татьбе) возникли в процессе составления Судебника 1497 г. <sup>3</sup>

Характерно, что Л. В. Черепнин выделил в Судебнике эту часть, которая представлялась ему «явной вставкой». По его мнению, статьи 10—14 различались в тексте и композиционно и по содержанию. Он отметил: «Прежде всего, в противоположность всем постановлениям раздела о московском боярском суде, в этих статьях речь идет не о боярине, окольном, дьяке, а в общей форме о судье. Кроме того, здесь говорится не столько о вознаграждении судьи из имущества виновного, сколько о различных видах татьбы, представляющих собой с точки зрения феодального права более или менее тяжкие преступления, о системе доказательств, личном и т. д. Таким образом, по своему содержанию перед нами краткий кодекс уголовно-процессуального характера» (курсив наш. — И. С.). Черепнин возводил его к «отдельному памятнику, своего рода губной грамоте», составленной в 90-е годы XV в. <sup>4</sup>

С такой трактовкой статей 10—14 не согласился А. А. Зимин. Он полагал, что «источником ст. 10—14 были нормы обычного права, частично известные юридическим памятникам XIV—XV вв.», а «весь изучаемый раздел Судебника (т. е. ст. 9—14) принадлежит перу одного составителя, т. е. создателю самого кодекса» <sup>5</sup>.

Обратимся к соответствующим статьям Судебников <sup>6</sup>.

Судебник 1497 г.

Судебник Казимира

(10) А которого татя поймают с какою татбою ни буди впервые, опроче церковные татбы и головные, а в ыной татбе в прежней довода на него не будет, ино его казнити

(14) А который впервые украдет, а дотоль будеть не крадывал, ино за первую

(19) А коли чии па-робькы украдут што у кого, а пак у сем листу верху писано, как за которую татбу

<sup>2</sup> Там же. С. II, III, X.

<sup>3</sup> Юшков С. В. Судебник 1497 г.: (К внешней истории памятника) // Учен. зап. Саратовского гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. 1926. Т. V, вып. III. Факультет хозяйства и права. С. 23—25.

<sup>4</sup> Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М., 1951. Ч. II. С. 367—369, 384.

<sup>5</sup> Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982. С. 119; ср. также комментарий А. Г. Поляка: ПРП. М., 1955. Вып. 3. С. 386.

<sup>6</sup> Судебники XV—XVI вв. М.; Л., 1952. С. 20; Kazimiero Teisynas 1468 m. Vilnius, 1967. P. 27, 29, 30.

торговою казнию, бити кнутием да исцево на нем доправя, да судие его продати. *А не будет у того татя статка, чем исцево заплатить, ино его бив кнутием, да исцю его выдать въ его гибели головою на продажу, а судье не имати пичего на нем.*

татбу виною его казнити: *коли первое украдетъ, ино его не вешати, заплатити бондою его; а не будетъ бонды, ино осподарь его за него заплатить, а паробка казнити и пробити.* . .

В обоих Судебниках речь идет о первом воровстве, не наказываемом смертью, совпадают термины «татба», «казнити»; некоторые определения одного памятника получают разъяснение в содержании второго. Например, в Судебнике Казимира предписано невольных паробков «сказнити и пробити». Некоторые исследователи поняли глагол «сказнити» как особое наказание — лишение свободы и переводили его как посадить в тюрьму (казнь). Но этот глагол имеет общее значение — наказать. Именно в таком смысле он употреблен в Судебнике Ивана III: «ино его *казнити* торговою казнию, *бити* кнутием. . .» Приведенные статьи похожи композиционно, отчасти сюжетно, нормативно и терминологически. Продолжим сопоставление.

Судебник 1497 г.

(11) А поймают татя въдруге с татбою, ино его казнити смертною казнию, а исцево заплатить изъ его статка, а досталь его статка судье. А не будет у того татя статка с исцеву гибель, ино его исцу в гибели не выдати, *казнити его смертною казнью.*

(12) А на кого взмолвят детей боярских человек пять или шесть добрых, по великого князя по крестному целованию, или черных человек пять-шесть добрых христиан целовальников, что он тать, а довода на него в прежнем деле не будет, *у кого крал или кому татбу плачивал*, ино на том взяти исцеву гибель бес суда.

(13) О поличном. А с поличным его приведут впервые, а взмолвят на него человек пять или шесть по великого князя по крестному целованию, что он тать ведомой, и преж того *неодинова крадывал*, ино *того казнити смертною казнию*, а исцево заплатить из его статка.

Судебник Казимира

(1) Што с лицом привести татя, будетъ ли мочи чим платити, ино заплатить истинну; пак ли чего у дому не будетъ, а будетъ ли то жена ведала з детьми уже изрослыми, ино жоною и детми заплатить, а самого на шибеницу; а что будутъ малыи дети ниже семи годов, тьи в том невинни.

(2) А пак ли злодеи не имети будетъ чим платити, ино и лица у двор не имать, воротити истьцу, у кого украдено, и просоки половину верьнути; а злодеа на обещение, а просока по старому.

(17) А пак ли сок усочить на кого, а лица не будетъ, а перво будетъ украл, и околица будетъ перво злодейство на него не ведала, *а будетъ никому не плачивал*: ино ему платити татбу истьцю и вину; *а смертною раною его не казнити.*

(16) А коли татя привести, а на кого сок усочить, а домучатся татбы, а будетъ *перво того крадывал и кому плачивал*, а околица то будетъ ведала: и без лица обесити.

(18) А коли тать дать ся на муку, а зелие знаа, а знатники будутъ добрыи на него, сок усочить, *а будетъ первой того крадывал*, а любо мучиваа, а съведомо то будетъ околици: ино того зелеиника, хотя не домучатся, ино его обесити.



Судебники обнаруживают несомненное сходство в выборе ситуаций: первое воровство с поличным, рецидив, наказание, возмещение интересов истца, воровство без поличного. В памятнике много одинаковых терминов (тать, статок, татьба для обозначения воровства и украденного, истец, выдать, платити, казнити и др.), похожих формул [«у кого крал или кому татбу плачивал», «и преж того неодинова крадывал» Судебника Ивана III находят соответствие в «а будеть никому не плачивал», «а будеть перво того крадывал и кому плачивал», «а будеть первей того крадывал» Судебника Казимира (статьи 16, 18)]; есть совпадающие термины и в других статьях Судебника Казимира: «судьи» (статьи 3, 4, 20), «довод» (статьи 7, 8). «Ведомой тать» Судебника 1497 г. соотносится с татем Судебника Казимира, за которым околица «ведала» («съведомо») другие случаи воровства (статьи 16, 18). Сходство выражается и в общем подходе к определению наказаний за некоторые виды преступлений; например, оба Судебника строже наказывают рецидив.

Различия между Судебниками, однако, также несомненны. Во-первых, содержание Судебника Казимира значительно уже Судебника Ивана III, поскольку это памятники разного объема и назначения. Во-вторых, сопоставляемый материал лучше и строже систематизирован в Судебнике Ивана III, в нем более четко сформулированы ситуации, они раскрыты более последовательно и подробно. Самое же значительное расхождение заключается в содержании постановлений. Оба Судебника санкционируют смертную казнь, но за разные виды преступлений. По Судебнику Казимира, смертью наказывалась конская татьба с поличным, воровство коровы, имущества стоимостью свыше полукопы грошей (30 грошей), домашних вещей стоимостью свыше полтины грошей, а также вывод людей и челяди, если преступник будет пойман с поличным. По Судебнику 1497 г., смертью карались церковная и головная татьба, убийство господина, поджигательство, измена. В Судебнике Казимира граничные цены, полкопы и полтина совпадают с ценой животных, за кражу которых предусмотрена смертная казнь (стоимость коровы полкопы грошей, «мужиковы клячи, або жеребца доморосленого полтина грошей») <sup>2</sup>. Таким образом, в Судебнике Казимира зафиксированы более жесткие карательные меры по отношению к нарушителям права собственности, нежели в Судебнике 1497 г.

Судебники существенно различаются в решении вопроса о приведении в исполнение высшей меры наказания. По Судебнику Ивана III, «лихой» в случае несостоятельности не выдается истцу «в его гибсли», но боярину предписано «велети его казнити смертною казнию тиуну великого князя московскому да дворскому» (ст. 8). Согласно Судебнику Казимира вор для казни выдается

---

<sup>2</sup> Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Минск, 1960. Раздел XII. Статьи 1, 8.

потерпевшему (см. 12). Государство для приведения в исполнение санкционируемых законом наказаний не имеет аппарата.

Судебники определяют разные наказания за первое воровство, не наказуемое смертью. По литовским законам, такой вор платит штраф — «вину»; по Судебнику Ивана III, и вора, сплатившего истцу «гибель», и вора, выданного истцу в его «гибели», бьют кнутом. В Судебнике Казимира телесному наказанию подвергается только вор невольный (паробок), да и то, если паробок не имеет имущества («бонды»).

Литовский судебник значительно отличается от московского в отношении семейной ответственности. По Судебнику Ивана III, несостоятельного вора, укравшего впервые, выдавали «исцу... головою на продажу», вора-рецидивиста казнили (статьи 10, 11). О семейной ответственности Судебник умалчивает. Судебник Казимира предписывал выдачу истцу жены и детей старше семи лет, если они знали о краже и пользовались украденным. По Русской Правде, памятнику более раннего времени, в похожей ситуации жену и детей холопа-вора выдавали лишь, если они активно помогали отцу («крали и хоронили», ст. 121 Пространной Правды). Но даже и это суровое предписание Судебника Казимира было прогрессом, поскольку законодательно ограничивало ответственность семьи, реализуя общеевропейские идеи индивидуализации наказания<sup>8</sup>.

Большую строгость проявляет Судебник Казимира при наказании воровства без поличного. В соответствии с Судебником Ивана III для обвинения подозреваемого в воровстве требовались показания пяти-шести детей боярских или «черных человек... добрых христиан», подкрепленные крестным целованием. В этом случае подозреваемый оплачивал истцу весь причиненный ущерб без суда. Процедура обвинения по Судебнику Казимира более примитивна. Достаточно было показаний одного лица без присяги [из позднейших актов и I Литовского статута выясняется, что показание свидетеля (сока) подкрепляется торпостом, по-видимому, лицом, пользующимся общественным доверием] для того, чтобы обвиняемый с незапятнанной репутацией должен был оплатить убытки истца и судебный штраф, т. е. понести такое же наказание, как и вор, пойманный впервые с поличным. К тому же отныне такой человек терял свое доброе имя и становился подозрительным в глазах соседей — околицы.

Остальные ситуации воровства без поличного Судебника Казимира (статьи 16, 18) трудно сопоставимы с Судебником Ивана III. Статьи Судебника Ивана III о воровстве без поличного имеют более отчетливо выраженный классовый характер. Обвинителями на первом месте здесь выступают представители дворянства, а затем вер-

---

<sup>8</sup> Подробнее см.: *Старостина И. П.* Судебник Казимира 1468 г. о личной и семейной ответственности при уголовных преступлениях // *Восточная Европа в древности и средневековье*. М., 1978. С. 252—260.

хушечной части черносопного крестьянства<sup>9</sup>. В Судебнике Казимира социальное положение сока вовсе не очерчено, а добрую или плохую славу обвиненного свидетельствует «околица». Конечно, татьба была преступлением в основном непривилегированных слоев населения, и именно в этой среде чаще находили применение нормы Судебника о татьбе. Социальный статус обвинителя и обвиненного, разумеется, мог иметь решающее значение и во время издания Судебника при реальном применении наказания. Но сам факт отсутствия социальной характеристики при обозначении сторон в статьях Судебника показывает, что социальная дифференциация еще не в полной мере получила нормативное оформление реальных преимуществ феодального сословия в сфере уголовного права.

По-разному решается в Судебниках вопрос о вознаграждении судебной власти и судебных штрафах. В Судебнике Казимира нашла отражение иммунитетная политика Великого княжества Литовского (далее: ВКЛ). Так, ст. 3 предписывает после удовлетворения интересов истца брать «свою вину» государю татя. В Судебнике Ивана III этот вопрос не затрагивается.

Чем же можно объяснить сходство и различия Судебников? Выбор ситуаций, общий подход к определению наказаний могли бы получить объяснение в общих современных правовых тенденциях, актуальности поднимаемых вопросов, поскольку памятники разделяют всего 30 лет. Эта общность свидетельствует об определенной синхронности процессов развития уголовного права соседних государств.

Различия между Судебниками обнаруживают особенности, обусловленные внутренним строем этих государств. Статьи о татьбе Судебника Казимира показывают общество с прочным патриархальным устоем, с неотчетливо выраженной в уголовном законодательстве социальной расчлененностью, с недостаточно развитым судебным аппаратом. Определяя смертную казнь за воровство домашних животных и вещей, реальных средств для проведения в жизнь этих постановлений литовские правители не имели, передавая исполнение приговора в руки частных лиц. Неизбежно возникавшие при этом нарушения расценивались как «выступ» из «земского» права и подлежали в первой инстанции рассмотрению лично великого князя и рады (ст. 12).

Общие черты в форме изложения, терминология, формулы могли бы получить объяснение в том, что в конце XV в. юридический язык ВКЛ мало отличался от языка, употреблявшегося в Московском государстве. Такое состояние предполагает наличие прочных контактов в этой сфере, а также наличие устойчивых языковых стереотипов. Все же подобное толкование не представляется вполне удовлетворительным, поскольку сходство и в выборе ситуаций, и терминологическая, и композиционная близость,

---

<sup>9</sup> Черепнин Л. В. Указ. соч. Ч. II, С. 384; ПРП. Вып. 3. С. 385—386.



кажется, не могут быть объяснены лишь общими причинами. Сомнение увеличивается при рассмотрении параллелей между Судебником Ивана III и областными привилеями ВКЛ<sup>10</sup>.

Судебник 1497 г.

Полоцкий привилей Витебский привилей

(10) . . . А не будет у того татя статка, чем исцево заплатитъ, ино его бав кнутиемъ, да исцу его выдать въ его гибели головою на продажу, а судье не имати ничего на нем.

А чего не до-  
станет, ино  
тата выдати.

А не будет у татя чим платити татъбы, ино его истъцу выдати, и где его всхоchet там его денет.

Формулировки Полоцкого привилея короче, а Витебский привилей и Судебник 1497 г. обнаруживают сюжетное, композиционное, терминологическое, а частично нормативное и текстологическое совпадение. Несмотря на большую близость, в сопоставляемых нормах видны большие различия по существу. Формулировка Витебского привилея отражает стадияльно более раннюю норму. Несостоятельный вор выдается в полное распоряжение истца. Судебник предусматривает телесное наказание — битье кнутом, а несостоятельный вор выдается «головой на продажу». Постановления о татъбе Витебского и Полоцкого привилеев восходят к древнейшей редакции, датируемой концом XIV в.<sup>11</sup> Наблюдения над Витебским привилеем позволяют проследить связь с нормами, восходящими к XIII в. Здесь имеется в виду сходство заключительных формул постановлений о татъбе Витебского привилея и статьи о тате Смоленского договора 1229 г. с Ригой и Готским берегом<sup>12</sup>, действие которого распространялось и на Витебск.

Витебский привилей

Смоленский договор

А не будет у татя чим платити татъбы, ино его истъцу выдати, и где его всхоchet, там его денет.

Который Русин или латиньский иметь татя, над темь ему своя воля, камо его хочеть, там дежеть.

Отмеченные параллели, кажется, позволяют по-новому рассмотреть соотношение между Судебником Ивана III и законами Казимира 1468 г., а также Витебским привилеем. Составители Судебника 1497 г. провели большую работу по систематизации, включив в него целый ряд переработанных источников. В числе источников Судебника отмечены Русская Правда, Псковская судная грамота, уставные грамоты и др.<sup>13</sup> Могли ли составители Судебника Ивана III иметь законы Казимира и Витебский привилей? Не исключая в принципе такой возможности, нужно все же сказать, что это сомнительно. Более вероятно предположить, что

<sup>10</sup> Тексты Витебского и Полоцкого привилеев цитируются по кн.: Ясинский М. Н. Уставные земские грамоты Литовско-русского государства. Киев, 1889. С. 177—178.

<sup>11</sup> Якубовский И. А. Областные привилеи Великого княжества Литовского // ЖМНП. 1903. № 6. С. 297.

<sup>12</sup> ПРП. М., 1953. Вып. 2. С. 68.

<sup>13</sup> Черепнин Л. В. Указ. соч. Ч. II. С. 369, 371—374 и др.; ПРП. Вып. 3. С. 376, 380, 386, 396—403 и др.

и литовские памятники, и Судебник 1497 г. сохранили следы какого-то недошедшего до нас источника. Какого? Можно вспомнить, например, сообщение Михалона Литвина о заимствовании москвичами законов Витовта<sup>14</sup>. Во время пребывания в Москве Михалон мог слышать о том, что составители Судебника Ивана III имели какие-то литовские законы. Задача осложняется полной неразработанностью вопроса о законах Витовта, наличие которых вызывает у исследователей сомнение. Эта особая проблема здесь не рассматривается. Дальнейшие исследования позволят более удовлетворительно объяснить сходство Судебников.

*В. А. Кучкин*

## К ДАТИРОВКЕ ЗАВЕЩАНИЯ СИМЕОНА ГОРДОГО

Время составления духовной грамоты великого князя Симеона Ивановича до недавнего времени никаких сомнений у исследователей не вызывало. Уже М. М. Щербатов, первым из историков введший в научный оборот эту грамоту, считал, что она написана в 1353 г., т. е. в год смерти Симеона<sup>1</sup>. Такая точка зрения основывалась на имени великого князя, названном в грамоте: Созонт. По мнению Щербатова, это было монашеское имя Симеона Гордого, а принятие такого имени могло иметь место только перед кончиной великого князя. Отсюда и предложенная историком датировка грамоты. Временем около 1353 г. или просто 1353 г. датировали завещание первый публикатор этого документа Н. И. Новиков<sup>2</sup> и составители «Собрания государственных грамот и договоров»<sup>3</sup>. Уточнение в датировку внес Н. М. Карамзин. Он привел дату смерти первенца Ивана Калиты с указанием месяца и числа — 26 апреля 1353 г. — и, основываясь, как и Щербатов, на том, что в духовной Симеон назван Созонтом, посчитал это имя принятым великим князем при пострижении ввиду неизбежной кончины<sup>4</sup>. Таким образом, завещание Симеона было отнесено Карамзиным к самому концу жизни этого князя.

<sup>14</sup> Mykolas Lietuvis. Apie totorių lietuvių ir maskvėnų papročius. Vilnius, 1966. P. 23.

<sup>1</sup> Щербатов М. М. История российская от древнейших времен. СПб., 1902. Т. III. Стб. 467—468, 540.

<sup>2</sup> Древняя российская вифлиофика. СПб., 1775. Ч. 8. № IV. С. 230.

<sup>3</sup> Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Ч. I. № 24. С. 37.

<sup>4</sup> Карамзин Н. М. История государства Российского / Изд. И. Эйнерлинга. СПб., 1842. Кн. II, т. IV. Стб. 169 и примеч. 362, 365.

Точку зрения Щербатова и Карамзина приняли последующие исследователи <sup>5</sup>. Однако точнее время составления духовной грамоты Симеона ими не определялось. Долго не назывались даже источники, на основании которых принималась дата смерти Симеона. Лишь в конце XIX в. А. В. Экземплярский указал на ряд летописей, сообщавших под 6861 годом от так называемого сотворения мира о кончине Симеона Ивановича. Это были тома 1, 4, 5, 7, 15 «Полного собрания русских летописей», а также Никоновская летопись <sup>6</sup>. Самыми ранними из них были Софийская I летопись (т. 5) и Новгородская IV летопись (т. 4) <sup>7</sup>, имевшие общий источник, восходивший, в свою очередь, как это было выяснено позднее А. А. Шахматовым, к общерусскому митрополичьему своду 1423 г. <sup>8</sup> Этот восстанавливаемый свод отстоял на 70 лет от смерти Симеона. Таким образом, год кончины великого князя определялся на основании поздних летописных текстов.

Уже после опубликования работы Экземплярского были обнаружены и изданы Симеоновская летопись и Рогожский летописец, восходившие к своду 1409 г., а через него — к более раннему летописному памятнику XIV в. В Рогожском летописце и Симеоновской летописи помещен самый подробный рассказ о смерти Симеона, но он датирован там не 6861, а 6862 годом <sup>9</sup>. Последнее дало основание автору этих строк считать, что Симеон умер не в 1353 г., а в 1354 г. <sup>10</sup> Однако такой вывод оказался неправильным. 1354 г. возможен лишь в том случае, если 6862 г. летописи — мартовский. К сожалению, летописная статья 6862 г., как и примыкающие к ней другие годовые статьи, не содержит полных дат, т. е. одновременного указания на месяц, число и день недели, по которым можно легко определить, какого стиля летосчисления придерживался летописец. Поэтому для определения такого стиля приходится прибегать к источникам, имеющим точную датировку.

---

<sup>5</sup> Ключевский В. О. Курс русской истории // Ключевский В. О. Сочинения. М., 1957. Т. II. С. 30; Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1889. Т. 1. С. 87; Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 170. Л. В. Черепнин поступил несколько формально, указав, что Карамзин и некоторые другие из названных исследователей вообще не датировали завещание Симеона (см.: ДДГ. М.; Л., 1950. Таблица «Датировка духовных и договорных грамот в различных изданиях и исследованиях»). Действительно, Карамзин и другие историки XIX—начала XX в. прямо не писали, что духовная грамота Симеона написана тогда-то, но весь контекст их изложения событий 1353 г. не оставляет сомнений в том, что они относили составление завещания Симеона ко времени, близкому к его смерти.

<sup>6</sup> Экземплярский А. В. Указ. соч. Т. 1. С. 88, примеч. 222.

<sup>7</sup> ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 228; Пг., 1915. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 286.

<sup>8</sup> Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 156—157, 160.

<sup>9</sup> ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15, вып. 1. Стб. 62; СПб., 1913. Т. 18. С. 98.

<sup>10</sup> Кучкин В. А. Сподвижник Дмитрия Донского // Вопр. истории. 1979. № 8. С. 104, примеч. 1.



Летописная статья 6862 г. Рогожского летописца и Симеоновской летописи завершается сообщениями о возвращении из Константинополя русского посольства, которое привезло грамоты от византийского императора и константинопольского патриарха, разрешавшие поставить русским митрополитом выходца из московских бояр владимирского епископа Алексея; об отправлении в Константинополь Алексея; о церковном скандале, разразившемся там, когда на Русскую митрополию были поставлены сразу двое: Алексей и некий Роман, родом тверской боярин.

В статье 6863 г. Рогожского летописца и Симеоновской летописи сообщается: «Того же лѣта Алексии владыка поставленъ бысть митрополитомъ на всю Роусскую землю, а на осень ту выиде изъ Царягорода»<sup>11</sup>. Соперничество Алексея и Романа кончилось, таким образом, в пользу Алексея.

В подлиннике сохранилась настольная грамота патриарха Филофея Алексею на Русскую митрополию. Грамота была дана, когда Алексей уже около года находился в Константинополе. Патриаршья грамота имеет точную дату — 30 июня, 7 индикта, лета 6862<sup>12</sup>, т. е. 30 июня 1354 г. Сопоставляя дату грамоты и содержащееся в ней сведение о пребывании в Византии примерно с год Алексея с приведенными выше свидетельствами под 6862 и 6863 гг. русских летописей, можно убедиться в том, что грамота соответствует летописному рассказу 6863 г. Статья 6863 г. оказывается, таким образом, ультрамартовской. Ультрамартовской становится и статья 6862 г., тесно связанная со статьей 6863 г. сюжетно. Следовательно, описанная под 6862 г. кончина Симеона Гордого должна датироваться 26 апреля 1353 г. Это тот хронологический предел, позже которого не могло быть составлено завещание названного князя.

Другой хронологический рубеж, ранее которого духовная грамота Симеона не могла быть написана, почему-то долгое время не интересовал ученых. Первым, кто попытался его определить, был Л. В. Черепнин. В своих изысканиях он исходил из следующих фактов. В завещании Симеона Гордого не упомянуты прямо его сыновья. «Последние из них: Иван и Семен, погибли от морового поветрия в марте 1353 г., через неделю после смерти митрополита Феогноста»<sup>13</sup>. Послухами в завещании Симеона выступали видные церковные иерархи. Первый и третий из них владимирский епископ Алексей (будущий митрополит) и коломенский епископ Афанасий участвовали в погребении митрополита Феогноста 13 марта 1353 г.<sup>14</sup> Поскольку сам Феогност в завещании Симеона не упоминался, Черепнин сделал вывод, что духовная грамота Симеона «была написана сразу после похорон митрополита и кня-

<sup>11</sup> ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 64; Т. 18. С. 99.

<sup>12</sup> РИБ. СПб., 1908. Т. VI. 2-е изд. Прил. Стб. 52. О времени пребывания в Константинополе Алексея см.: Там же. Стб. 44.

<sup>13</sup> Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М.; Л., 1948. Ч. I. С. 25.

<sup>14</sup> Там же.

жеских сыновей, в середине марта 1353 г.»<sup>15</sup>. Только мимоходом Черепнин отметил факт, бывший у Щербатова и Н. М. Карамзина самым важным датирующим признаком при определении времени написания завещания Симеона: «В духовной Семен называет себя Созонтом: это имя он, очевидно, принял при пострижении»<sup>16</sup>.

То, что Черепнин не придал факту пострижения Симеона значения решающего аргумента при датировке его завещания, объясняется достаточно просто. Дело в том, что в 1947 г. М. Н. Тихомиров обратил внимание на одно обстоятельство. Оказалось, что имя Созонт, под которым фигурировал Симеон в своей духовной грамоте, совпадает с именем святого Созонта, память которого отмечалась в день рождения Симеона — 7 сентября. Поэтому Тихомиров посчитал, что Созонт — христианское имя Симеона<sup>17</sup>. При таком толковании получалось, что Симеон — уже не крестильное имя старшего сына Ивана Калиты, а его домашнее, бытовое имя, каким, например, было имя Владимир-Мономах (крестильное — Василий)<sup>18</sup>. Официальным же именем Симеона было Созонт. Им он и назвал себя в таком официальном документе, как духовная грамота. Отсюда вытекало, что составление последней не было связано с пострижением Симеона. Но, сославшись на точку зрения Тихомирова, Черепнин поступил непоследовательно. Хотя и с оговоркой, но имя Созонт оказалось у него именем князя-монаха. А в таком случае в рассуждениях Черепнина проступала одна неясность. Если духовная Симеона была написана в середине марта 1353 г., примерно за пять недель до смерти завещателя, то трудно было установить, почему в то время Симеон уже постригся. Возможно, что эта трудность побудила Черепнина несколько позднее при издании духовной грамоты Симеона отказаться от ее датировки серединой марта 1353 г. и дать более широкие хронологические рамки: 18 марта — 26 апреля 1353 г.<sup>19</sup>

Нижний хронологический предел написания грамоты в последнее время попытался уточнить С. М. Каштанов. Считая, что Черепнин «убедительно доказал, что духовная Семена Ивановича была составлена после смерти митрополита Феогноста и сыновей великого князя», Каштанов обратил внимание на древнейший рассказ о кончине младших сыновей Симеона Ивана и Семена, где было сказано, что эти княжичи скончались «на единой недѣли» с митрополитом Феогностом<sup>20</sup>. Выражение «на единой недѣли» (Каштанов дает вариант «на той же недели») не равнозначно понятию «через неделю», которым оперировал Черепнин. Каштанов выяснил, что 11 марта, когда умер митрополит Феогност, было поне-

<sup>15</sup> Там же.

<sup>16</sup> Там же. С. 26.

<sup>17</sup> Тихомиров М. Н. Древняя Москва. М., 1947. С. 39, примеч. 3.

<sup>18</sup> ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Стб. 240. Владимир и Мономах — двойное имя этого старшего сына князя Всеволода Ярославича.

<sup>19</sup> ДДГ. № 3. С. 13.

<sup>20</sup> Каштанов С. М. К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XIV—начала XVI в. // ВИД. Л., 1979. Вып. 11. С. 244; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 62.

дельником <sup>21</sup>. Тогда указание «на той же недели» имеет в виду промежуток времени между вторником 12 и воскресеньем 17 марта 1353 г. Отсюда Каштанов заключил, что духовная Симеона написана между 17 марта и 26 апреля 1353 г. <sup>22</sup>

Кроме того, исследователь обратил внимание еще на два момента. Первый — уже обсуждавшийся историками факт изменения имени великого князя в его завещании на Созонта. Возражая Тихомирову, Каштанов указал, что имя Созонт не могло быть крестильным (патрональным) именем старшего из Калитовичей. Во-первых, в интитуляции договорной грамоты Симеона с братьями, документе не менее официальном, чем завещание Симеона, стоит имя Семен, а не Созонт. Во-вторых, на великокняжеской печати, скрепляющей духовную грамоту Симеона, «изображен св. Симеон Перс», а это заставляет думать, что именно данный святой был патроном Симеона <sup>23</sup>. Таким образом были реабилитированы Щербатов и Карамзин, считавшие, что Созонт — имя Симеона, принятое им при пострижении. Отсюда, как заключает Каштанов, составление духовной грамоты Симеона надо относить «ближе к моменту смерти» великого князя, поскольку «пострижение на одре болезни обычно делалось, когда положение больного казалось безнадежным. . .» <sup>24</sup>.

О том, что Симеон во время составления своей духовной грамоты был болен, свидетельствует, по мнению Каштанова, формулировка статьи этой грамоты о физическом и психическом состоянии завещателя. Такая статья есть во всех завещаниях московских великих князей. В духовной Симеона она имела следующий вид: «при своемъ животѣ, целымъ своимъ оумомъ» <sup>25</sup>. Первый оборот (в сочетании с заменяющим второй оборот духовной Симеона оборотом «в своемъ смысле») встречается еще только в духовных Василия Темного и Ивана III, которые составлялись во время тяжелых болезней этих князей <sup>26</sup>. Отсюда Каштанов сделал вывод, что и завещание Симеона было написано во время болезни этого князя.

В то же время Каштанов отвел один из аргументов Черепнина о составлении завещания Симеона в середине марта 1353 г. Он обратил внимание на то, что в погребении митрополита Феогноста 13 марта 1353 г. вместе с Алексеем, епископом Владимирским, и коломенским Афанасием участвовал и Афанасий, епископ Волынский. Послухом же в духовной Симеона кроме двух упомянутых выше иерархов был Афанасий, епископ Переяславский. Принимая вслед за П. М. Строевым волынского Афанасия за одно

<sup>21</sup> Каштанов С. М. Указ. соч. С. 245.

<sup>22</sup> Там же и примеч. 38.

<sup>23</sup> Там же. С. 241, примеч. 27. На печати действительно изображен и даже подписан св. Симеон, но это не Симеон Перс, а или Симеон, епископ Александрийский, или Симеон священномученик. Об этом см.: Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. II. С. 26.

<sup>24</sup> Каштанов С. М. Указ. соч. С. 246.

<sup>25</sup> ДДГ. № 3. С. 13.

<sup>26</sup> Каштанов С. М. Указ. соч. С. 241, 248, 249.



лицо с переяславским Афанасием, Каштанов отметил, что разница в титуловании Афанасия объясняется временным разрывом между похоронами Феогноста и написанием завещания Симеона, «в течение которого вновь прибывший западнорусский иерарх получил право именоваться владыкой Переяславским»<sup>27</sup>.

Многие соображения Каштанова о времени и обстоятельствах написания завещания Симеона Гордого представляются вполне убедительными. Многие, но не все. Так, несомненно верна корректировка Каштановым утверждения Черепнина, будто сыновья Симеона Иван и Семен умерли через неделю после смерти митрополита Феогноста. На самом деле они умерли на одной неделе с Феогностом. Каштанов справедливо указал на то, что это могло быть между вторником 12 марта и воскресеньем 17 марта 1353 г. Однако правильный результат получился на основании неверных данных. 11 марта не было в 1353 г. понедельником третьей недели великого поста, пасха в 1353 г. приходилась не на 14 апреля<sup>28</sup>, а на 24 марта<sup>29</sup>, т. е. ровно на три недели раньше указанного Каштановым срока. Поэтому в его расчетах 12 и 17 марта 1353 г. и пришлись на те же дни недели, какими они были в действительности. Если датировать духовную грамоту Симеона временем после смерти его младших сыновей, то тогда нижней хронологической гранью ее написания будет не 17 марта, как считает Каштанов, а 12 марта. Ранее 17 марта грамота могла быть составлена, а ранее 12 марта — нет. Это, однако, при условии, что неупоминание в духовной сыновей Симеона — ясный показатель их небытия. К сожалению, последнее не было аргументировано ни Каштановым, ни Черепниным, на которого Каштанов сослался. Между тем такой аргумент обнаруживается.

В духовной Симеона имеется статья, согласно которой жене великого князя завещалось среди других «стадо дѣтино Ивашково»<sup>30</sup>. Речь идет о стаде, ранее выделенном дитяте Ивашке, т. е. маленькому княжичу Ивану. Переход этого стада в иные руки был возможен только после смерти владельца стада. А двухлетний Иван и умер между 12 и 17 марта 1353 г. Следовательно, духовная грамота Симеона могла быть написана только в промежуток времени между 12 марта и 26 апреля 1353 г.

Полученные хронологические рамки можно сузить. Каштанов, несомненно, прав, когда считает, что завещание было написано после пострижения Симеона, когда он уже стал Созонтом, а само пострижение имело место в последние дни жизни великого князя. В подкрепление его заключения, что Созонт — не патрональное имя Симеона, а имя, принятое при пострижении, можно привести еще некоторые доводы. В один день с Симеоном «мѣсяца сеп[тября] въ 7 на память святаго мученика Созонта», но на треть века позже родился второй сын Симеона от его последнего брака.

<sup>27</sup> Там же. С. 246.

<sup>28</sup> Там же. С. 245.

<sup>29</sup> Черепнин Л. В. Русская хронология. М., 1944. С. 61.

<sup>30</sup> ДДГ. № 3. С. 14.

Хотя мальчик родился «на. . . Созонта», ему не дали имени этого святого, а назвали в честь деда матери Михаилом <sup>31</sup>. Выясняется, что рождение в день какого-либо святого не обязательно в княжеских семьях вело к тому, что новорожденному давали имя этого святого. Поэтому заключение Тихомирова, будто родившийся «на Созонта» Семен должен был иметь крестильное имя Созонт, неправомерно. Что крестильным именем старшего сына Ивана Калиты было Симеон (Семен), подтверждает не только такой официальный акт, как его договор с братьями, но и официальное послание к нему византийского императора Иоанна Кантакузина. В послании, сохранившемся в подлиннике, русский князь назван Симеоном (Συμεων) <sup>32</sup>. Таким образом, имя Созонт, читающееся в завещании Симеона, является его именем, принятым при пострижении. А отсюда сама духовная грамота должна, как справедливо считает Каштанов, относиться к последним дням жизни Симеона.

Вникая в содержание грамоты, можно заметить в ней разного рода неточности, недомолвки, наконец, просто нелогичность. Так, среди принадлежавших Симеону сел, которыми его как будто «бла(а)г(о)с(ло)вилъ о(те)ць», в духовной грамоте названы с. Дегуниинское и с. Александровское в Костроме <sup>33</sup>. Однако эти села, согласно последнему завещанию Ивана Калиты, предназначались не Симеону, а жене Калиты Ульяне с меньшими детьми <sup>34</sup>.

В духовной грамоте Симеона было указано, что он из своих собственных коней «ѣздовых велѣлъ есмь дати своей княгини пам(ь)дес(а)ть конь» <sup>35</sup>. О судьбе остальных «ездовых», т. е. боевых, коней в завещании не сказано ни слова. Своим братьям Симеон запрещал пересматривать решения великокняжеских судов: «А что б(у)д(у) судиль (е)гда великомъ княженьѣ и в отч(и)нѣ въ своей на Москвѣ. . .» <sup>36</sup>. Если запрещение отменять судебные постановления, касающиеся московской отчины Симеона, было действенным, то подобное запрещение, относящееся к великому княжению, т. е. Владимирскому великому княжеству, таковым быть не могло. Великое княжение не было наследственным владением московских князей, оно находилось под контролем Орды, и сохранение там установлений Симеона зависело от того, князь какой династии станет преемником Симеона на владимирском столе. Сам Симеон, видимо, надеялся, что этот стол останется за московским княжеским домом, однако никаких юридических гарантий в том не было. Предсмертное пожелание Симеона не учитывало всей специфики статуса великого княжения и с этой точки зрения было не до конца обдуманно. Очевидно, что названные

<sup>31</sup> ПСРЛ. Т. 15. вып. 1. Стб. 59. Под 6857 годом.

<sup>32</sup> РИБ. Т. VI, ч. 1. 2-е изд. Прил. Стб. 25.

<sup>33</sup> ДДГ. № 3. С. 13, 14.

<sup>34</sup> Там же. № 1. С. 9, 10.

<sup>35</sup> Там же. № 3. С. 14.

<sup>36</sup> Там же.

несообразности в духовной грамоте Симеона — результат той поспешности, с которой она была составлена.

Итак, анализ завещания Симеона свидетельствует о том, что оно было написано между 12 марта и 26 апреля 1353 г., когда великий князь уже принял постриг, стал Созонтом, во время его болезни и в обстановке спешки.

К любопытному результату приводят наблюдения над подлинником завещания<sup>37</sup>. Он написан писцом-профессионалом, размеренно и четко. Тем не менее в нем встречается ряд описок, исправленных и неисправленных, что почему-то никогда не отмечалось его издателями. Некоторые из описок весьма показательны. Так, в строке 11 слово «кнагини» было первоначально написано с «а» на конце, а затем «а» было переправлено на «и». В строке 13 вместо «на Купавнѣ» написано «на Пупавнѣ». В строке 22 в ее середине союз «и» между словами «купли» и «оучастка» почему-то вынесен над строкой. В строке 53 допущена явная описка — «родилии». Характер описок достаточно ясен. В первом случае после слова «кнагини» следовало слово «Анна». Очевидно, под влиянием этого слова писец написал сначала «кнагина», но заметил ошибку и исправил ее. Во втором случае «П» появилось вместо «К», описка довольно типичная, поскольку «к» похожа на «п», особенно при небрежном письме. Союз «и» не попал в строку потому, что предыдущее слово «купли» также оканчивалось на «и». Писец принял два «и» за одно и только позднее, заметив оплошность, второе «и» сделал выносным. Пропуск слога в слове «родилии» объясняется тем, что это, скорее всего, был слог «ти», а не «те», т. е. первоначально было написано «родитилии». Наличие в этом слове трех слогов подряд, оканчивающихся на «и», привело к тому, что переписчик «потерял» один из них. Все перечисленные описки относятся к так называемым «глазным». Это ошибки прочтения<sup>38</sup>. Они свидетельствуют о том, что сохранившийся оригинал завещания Симеона представляет собой беловой текст, которому предшествовал еще один, недошедший черновой. Существование черновика духовной грамоты Симеона при выясненных выше обстоятельствах составления ее текста приводит к мысли, что завещание Симеона сначала было продиктовано больным великим князем, а затем срочно переписано.

36-летний Симеон умер во время эпидемии легочной чумы и, судя по всему, именно от нее. Современник Симеона, псковский летописец оставил «сущимъ по нас» потомкам описание страшной болезни: «аще кто отхракнетъ кровью, то на 2 день или на 3 день оумираше, то вскорѣ помышляше о своемъ животѣ и о души. . .»<sup>39</sup> Кровохарканье было четким симптомом, означавшим неизбежную смерть на следующий день или через день. Очевидно, после появления такого симптома и было составлено завещание Симеона Гордого. Отсюда дата этого документа — 24—25 апреля 1353 г.

<sup>37</sup> ЦГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. 1. № 3. Л. 1.

<sup>38</sup> Дихачев Д. С. Текстология. Л., 1983. С. 65—72.

<sup>39</sup> Псковские летописи. М., 1955. Вып. II. С. 100; ср. С. 102.



## ТАТАРСКИЕ ЦАРЕВИЧИ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ (XV—XVI вв.)

Оживленные контакты Литвы с Золотой Ордой и активное вмешательство Витовта и его преемников в борьбу претендентов на власть над улусом Джучи имели одним из последствий появление на землях Великого княжества Литовского (Далее: ВКЛ) татарского населения. В Литве находили убежище свергнутые ханы с семьями, благодаря поддержке Вильно отдельным Чингизидам удалось утвердиться на ханском престоле. Но некоторые царевици осели в Литве. Получая земли и крестьян, ханские сыновья (солтаны), как и другие татары, вливались в состав класса феодалов ВКЛ, сохраняя при этом и даже передавая по наследству свой титул.

### *Потомство «царевица Сихдохмана»*

В 1559 г. князь Б. Огинский со слов татарина Ясена Тивешевича отметил в ревизии татарских имений, что еще при Казимире (т. е. до 1492 г.) «приехал царевиц на име Сихъдохъман с Перекопа, цара перекопъского Менъкереев брат», которому король пожаловал под Зеймами (неподалеку от Ковно) свой Мордасовский двор и 80 служб крестьян. У него было два сына — царевици Воймин и Кирко. Последний потомства не оставил, а у Воймина было трое детей: бездетный царевиц Ахмат (ум. до 1559 г.) и царицны Роза («Рожа»), жена Ясена Тивешевича, и Каника, замужем за Сонком Стерковичем. Со своих владений Сихдохман и его детиставляли на службу 30 всадников, но уже вдова Воймина продала это имение панам Завишам (владевшим им и в 1559 г.)<sup>1</sup>.

В переписи литовского войска 1528 г. среди бояр Ковенского повета отдельно названы «люди царевица, што под ним же мешкают» (четыре человека, один из них «з братьею»; судя по именам — литовцы)<sup>2</sup>. Возможно, речь идет именно о владениях потомков «Сихдохмана». Численность их отряда, отмеченная в ревизии 1559 г., по обычным нормам (всадник с восьми крестьянских служб)<sup>3</sup> должна была быть втрое меньше. Не исключено, что царевици простоставляли всех татар, оставшихся у них на службе.

Данные ревизии, казалось бы, позволяют отнести этих царевицей к роду Гиреев, но в родословной Гиреев «царевиц Сихдохман», якобы брат Менгли-Гирея, не упоминается<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> ЦГАДА. Ф. 389. Д. 569. Л. 911—911 об. В 1542 г. татарский хорунжий Олишко Казкевич судился за двор на р. Святой с татариним Есенем Тивешевичем и его женой Рожей (Там же. Д. 27. Л. 187 об.).

<sup>2</sup> РИБ. Пг., 1915. Т. 33. Стб. 68.

<sup>3</sup> Там же. Стб. 7 (постановление сейма 1528 г.).

<sup>4</sup> Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевицах. СПб., 1863. Ч. 1. С. 98—99.

Более вероятно, что речь идет о хане Большой Орды Сеид-Ахмеде. Он в середине XV в. потерпел поражение в борьбе с Хаджи-Гиреем за Крым (отсюда, может быть, и смутные воспоминания его потомков о выезде «с Перекопа»), бежал в Киев, затем был перевезен в Вильно, позже поселен в Ковно, где и умер <sup>5</sup>. Неподалеку от Ковно был расположен и Мордасовский двор, видимо, переданный ему в «кормление».

*Царевич Азубек Довлеш-Солтанович*

Из грамоты Менгли-Гирея королю Сигизмунду I (около 1507 г.) явствует, что крымский посол Мамыш-улан, воротясь из Литвы, сообщил хану, что «брата нашего с[ы]на, Довлеш Солтанова с[ы]на [О]зубек солтана, што ж в него королева данина отънята, и дано одному москвитину». Хан просил короля «сего Озубека солтана брата нашего... чести ховати» и вернуть ему имение <sup>6</sup>. Судя по этому документу, царевич приходился Менгли-Гирею племянником.

Его отцом мог быть брат и соперник Менгли-Гирея Нур-Даулет, который в 1478 г. ненадолго укрылся в Литве, а затем «отъехал» в Москву <sup>7</sup>. В 1491 г. в Литву прибыли также брат Менгли-Гирея Изтемир с племянником Девлешем <sup>8</sup>. Вполне вероятно, что Азубек мог быть и сыном последнего («братом» хан называет в послании не только отца Азубека, но и его самого, следовательно, это указывает на близкое родство, не определяя его точно).

Азубек-солтан упомянут ок. 1524 г. в числе крымских царевичей, извещавших Сигизмунда I о воцарении Саадет-Гирея. В «листе» королю Азубек вспоминает его «хлеб и соль», т. е., очевидно, свое пребывание в Литве <sup>9</sup>. Можно предположить, что племянник Менгли-Гирея так и не получил потерянного имения и в конце концов вернулся в Крым. Но с 1514 г. в Литовской метрике неоднократно упоминается его тезка, родоначальник царевичей Острынских.

*«Царевичи Заволжские»*

В 1502 г., после разгрома его войск Менгли-Гиреем, в литовских владениях укрылся последний хан Большой Орды Шейх-Ахмед (Шах-Ахмат). В Литве он фактически находился на положении почетного пленника, хотя титуловался «царем Заволжским» и сопровождал короля Сигизмунда I в некоторых торжественных случаях. Лишь весной 1527 г. по просьбе нагайских татар хан был отпущен в Орду <sup>10</sup>. Среди татар, служивших великому князю, Шейх-Ахмед пользовался определенным авторитетом;

<sup>5</sup> Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963. С. 123—124; Kolańkowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. W-wa, 1930. T. 1. S. 256—259.

<sup>6</sup> ЦГАДА. Ф. 389. Д. 7. Л. 97 об.—98.

<sup>7</sup> Вельяминов-Зернов В. В. Указ. соч. Ч. 1. С. 98—148.

<sup>8</sup> Borawski P. Tatarzy w dawnej Rzeczypospolitej. W-wa, 1986. S. 75—76.

<sup>9</sup> ЦГАДА. Ф. 389. Д. 7. Л. 454—454 об.

<sup>10</sup> ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. С. 170, 192, 213, 235; ЦГАДА. Ф. 389. Д. 7. Л. 459—460, 1010—1014 и др.

к нему татарские князья обращались с просьбой подтвердить их место в старшинстве родов, и эти свидетельства признавал Сигизмунд I<sup>11</sup>. Хан породнился с одним из родов служилой литовско-татарской знати — князьями Найманами, женившись на дочери виленского татарского хорунжего князя Кадыша Петровича. Судьба этой «царицы Заволжской», как ее именуют документы, необычна. После отъезда мужа в Орду она осталась в Литве. Вскоре до хана дошел слух, что «царица» вышла замуж. Шейх-Ахмед просил короля наказать ее и прислать к нему оставленную в Литве дочь. В ответном послании Сигизмунд I уверял, что «царица твоя замуж не шла и тепер[ь] на мѣстѣцѣ своем мешкает, а дочку твою, кгда на то воля твоя есть, до тебе есѣмо отпустили с послы твоими»<sup>12</sup>. Однако жена хана приняла католичество с именем Дорота (ее мусульманское имя неизвестно) и вышла замуж за королевского придворного Яна Габрыяловича. Вскоре она умерла. В 1532 г. ее муж судился с князьями Иваном, Андреем, Яхном и Магметом Кадышевичами, которые претендовали на опеку над племянниками<sup>13</sup>.

Сам Шейх-Ахмед не получил в Литве пожалований, он считался «гостем» короля. Однако два царевича из его рода поступили на королевскую службу и стали родоначальниками царевичей Острынских и Пунских. Мы вынуждены ограничиться здесь рассмотрением истории рода Острынских. Отметим лишь, что сложилась традиция считать царевичей Пунских потомками крымских ханов, выехавшими в Литву еще в XV в.<sup>14</sup> Но в купчих на земли в Троцком повете 1543—1545 гг. родоначальник этой семьи Енбек-солтан именуется царевичем Заволжским<sup>15</sup>, что прямо указывает на его происхождение из рода ханов Большой Орды. Очевидно, это он (царевич «Дчжебек Солтан») одновременно с Азюбек-Солтаном получил в 1532 г. из казны ВКЛ несколько коп грошей и постав сукна<sup>16</sup>. В 1542 г. Сигизмунд I распорядился ежегодно выдавать князю Шуйскому — 80 коп, а царевичу Пунскому вместо прежних 50 — 100 коп грошей<sup>17</sup>.

<sup>11</sup> ЦГАДА. Ф. 389. Д. 12. Л. 145 об.—147, 336—336 об.

<sup>12</sup> Там же. Д. 7. Л. 1014—1015, 1021.

<sup>13</sup> Там же. Д. 15. Л. 132—132 об. В 1548 г. Габриялович пытался отсудить у Кадышевичей для своих сыновей Данилы и Яхима имения Сельцо и Пилиповичи (Там же. Д. 235. Л. 64—64 об.).

<sup>14</sup> Wolff J. *Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku*. W-wa, 1895. S. 641; *Dziadulewicz S. Herbarz rodzin tatarskich w Polsce*. Wilno, 1929. S. 258; *Borawski P. Tatarzy*. . . S. 70—71 etc.

<sup>15</sup> ЦГИА. ЛитССР. Ф. Древние акты. Д. 111. Л. 1770—1771, 1778—1779.

<sup>16</sup> ЦГАДА. Ф. 389. Д. 15. Л. 186. В форме Джебек-Енбек-Янбек-Ямбек-Амбек передано в источниках имя Джанибек-Янибек.

<sup>17</sup> Там же. Д. 28. Л. 27. Они били челом о «хлебокормлении», т. е. имении, но король предпочел «на тот час» ежегодно «давати им некоторую суму». Видимо, Пунские получили свои имения (земли в Пунской волости, Колдычево в Новогрудском повете) после 1542 г., т. е. позже, чем Острынские. Рамки данной статьи не позволяют нам рассмотреть историю этой семьи, существовавшей в ВКЛ до конца XVII в.



### *Царевичи Острынские*

11 апреля 1514 г. Сигизмунд I известил остринского наместника о пожаловании царевичу Узубек (Азубек)-солтану 70 конюхов, 6 пустошей и двух паробков под Острыной<sup>18</sup> (Лидский повет). По местоположению этого имения (позже известного как Рыча) Азубека и его потомков стали именовать царевичами Острынскими.

Азубек-солтана принято считать сыном Шейх-Ахмеда<sup>19</sup>. Потомком Шейх-Ахмеда называет Азубека привилей Стефана Батория 1585 г.<sup>20</sup> Азубек-солтан действительно принадлежал к ближайшему окружению этого хана, видимо находился с ним в родстве, странно, однако, что в известных нам документах сыном Шейх-Ахмеда он ни разу не назван<sup>21</sup>.

После возвращения хана в Орду Азубек-солтан оставался в Литве (первоначально, видимо, в качестве одного из заложников, вместе с ханским братом Халлеком и упоминавшейся выше женой Шейх-Ахмеда). Шейх-Ахмед просил короля прислать ему на помощь «до Черкас» его «брата» Халлек-солтана и «Озубек-солтана», «и з ыншими люд[ь]ми добрыми». Сигизмунд I обещал хану, что пришлет обоих царевичей в Киев и велит там жить, «поки ты, брат наш, з войском своим на неприятеля своего не выйдешь»<sup>22</sup>. Но в конечном итоге Азубек остался в ВКЛ.

18 октября 1529 г., когда королевич Сигизмунд Август, провозглашенный великим князем литовским, был торжественно посажен на трон рядом с Сигизмундом I в числе прочих лиц (епископов, литовских и польских панов, представителей боярства разных земель), «против моистату блиско сидели два царевича на лавках»<sup>23</sup>. Одним из них, несомненно, был Азубек, вторым — возможно, Халлек-солтан. В свите короля Азубек присутствовал на сеймах<sup>24</sup>. Он занимал первое место в иерархии литовско-татарских родов<sup>25</sup> и выполнял функции арбитра и судьи в спорах

<sup>18</sup> Там же. Д. 9. Л. 79 об.—80.

<sup>19</sup> *Dziadulewicz S.* Op. cit. S. 245; *Borawski P.* *Tatarzy...* S. 77.

<sup>20</sup> АВАК. Вильна, 1906. Т. 31. С. 49. Если верить ему, Колдычево Сигизмунд Август «дать рачыл потомку Шагахметь цара завол[ж]ского Азыбек Солтану, вземшы от царевичов Острыньских». Но, может быть, составители привилея путают Азубека с царевичем Пунским Енбек-солтаном. Сыновья последнего Ислам-солтан, Темур и Селим Ямбековичи в 1571—1585 гг. продали Колдычево канцлеру О. Воловичу (Там же. С. 42—43, 50—53).

<sup>21</sup> Если бы мы отождествили этого Азубека с его упоминавшимся выше тезкой, то можно было бы предположить, что его отцом был сводный брат Шейх-Ахмеда Даулет-султан (о нем см.: *Вельяминов-Зернов В. В.* Указ. соч. С. 241). Но крымский хан вряд ли стал бы хлопотать за союзника и племянника своего злейшего врага и соперника (в том же документе он пишет королю: «а коли бы вы неприятеля нашего в себе не мели есте, вси бы дети наши к вам, к великому королю, втекалися вам на послугу, и некоторые лихие люди межи нами не могли бы лиха вчинити» // ЦГАДА. Ф. 389. Д. 7. Л. 97 об.).

<sup>22</sup> ЦГАДА. Ф. 389. Д. 7. Л. 1017, 1021.

<sup>23</sup> ПСРЛ. Т. 35. С. 236.

<sup>24</sup> АВАК. Т. 31. С. 230.

<sup>25</sup> ЦГАДА. Ф. 389. Д. 12. Л. 336—336 об.

между местными татарами<sup>26</sup>. По поручению Сигизмунда I этот царевич выдавал служилым татарам и свидетельства о шляхетстве, подтверждаемые королем на тех же основаниях, что и аналогичные «листы», выданные боярам-шляхте назначенными для этого литовскими панами<sup>27</sup>. Уже после отъезда Шейх-Ахмеда Азубек получил несколько дополнительных пожалований. В 1531 г. ему было пожаловано имение Положин (Минский повет), в 1536 г. — земля Степановщина (Трокский повет)<sup>28</sup>. В 1532 г. ему были выданы из литовской казны 10 коп грошей и постав сукна<sup>29</sup>. В «реестре чинения заплаты за службы дворянам господарским» (придворным) за 1536 г. есть записи о выдаче «царевичу Азибек солтану» адаманка на одежду, сукна, денег (10, затем 15 коп грошей)<sup>30</sup>, т. е. в это время он находился в свите Сигизмунда I. Последнее известное нам упоминание о нем относится к июлю 1540 г., когда трое татар представили на утверждение королю «лист судовой царевича Озубек солтана и Фурса Улана Асанчюковича»<sup>31</sup>.

В Литве Азубек женился на дочери крымского заложника (затем карачая улуса ширинов) княжне Зане (Зосе) Маликбашевне и оставил сыновей Богатыр-Солтана, Джаная и Чингиса.

Царевич Острынский Богатыр-Солтан и его брат (не названный по имени) в 1547 г. проиграли процесс о землях в Положине с крестьянами Любошанского двора<sup>32</sup>. Позже «братья царевичи» уступили часть Положина пану М. Нарушевичу<sup>33</sup>. Царевичи Джанай («Дчанай») и Чингис упоминаются в 1555 г. Из челобитья королю «царыцы Острынское Узубек Солтановой Зоси Медябошовны» и ее сына Чингиса явствует, что по приговору трокского воеводы и лидского державцы М. Радзивилла ее сын Джанай получил равную часть «с тем другим сыном ее» (т. е. Чингисом) в имении под Острыной, но, «будучи розуму незуполного», притеснял своих людей, и те ушли на земли острынского старосты. Несмотря на отсутствие у Острынских документов на этих крестьян (по словам «царыцы», королевский лист пропал в Новогрудке у слуги ее сына, царевича Острынского Богатыр-Солтана), Сигизмунд Август («якож без перестани тая царыца и з сыном своим Чингисом доуки нам чынила», — с некоторым раздражением отмечает король в «листе» к старосте 25 сентября

<sup>26</sup> Там же. Д. 24. Л. 70—70 об.; *Wolff J. Op. cit. S. 639; Dziadulewicz S. Op. cit. S. 245.*

<sup>27</sup> АВАК. Т. 31. С. 230.

<sup>28</sup> *Wolff J. Op. cit. S. 639; Dziadulewicz S. Op. cit. S. 245—246.* Кроме того, сын Азубека царевич Чингис владел имением Берестовица (Бжостовица)-Бигене в Волковысском повете, «на повинности военной» пожалованным его «предкам», т. е., очевидно, также отцу (ЦГАДА. Ф. 389. Д. 569. Л. 850—850 об.).

<sup>29</sup> ЦГАДА. Ф. 389. Д. 15. Л. 185—185 об.

<sup>30</sup> Там же. Д. 21. Л. 37—38.

<sup>31</sup> Там же. Д. 24. Л. 70—70 об.

<sup>32</sup> *Wolff J. Op. cit. S. 639.* Богатыр-Солтан начал это дело в 1546 г. (ЦГАДА. Ф. 389. Д. 29. Л. 83 об.—84).

<sup>33</sup> *Wolff J. Op. cit. S. 639.*

1555 г.) распорядился вернуть им ушедших людей и утвердил имение под Острыной «на хлебокормление» ей, Чингису и их потомкам, с обязанностью служить королю «потому, яко и муж ее а отец того Чингиса Узубек Солтан служил»<sup>34</sup>. Джанай, видимо, владел также частью Колдычева в Новогрудском повете, затем перешедшей к его жене. 11 марта 1595 г. Сигизмунд III утвердил за Г. П. Униховским 5 волок земли в этом имении, которые ему продала «Семшубаниная Такътамышовна Дчанаева Азъбек Солтановича царевичовая Остринская»<sup>35</sup>.

Богатыр-Солтан и Джанай, вероятно, умерли бездетными до 16 ноября 1555 г., когда король подтвердил их матери и брату, царевичу Чингису Азюбек-Солтановичу Острынскому, владение Рычей. 13 августа 1583 г. Чингис внес этот привилей в книги Литовского трибунала<sup>36</sup>. В том же году он записал жене денежное обязательство на имении Бжостовица-Бигене в Волковысском повете, а в 1588 г. продал это имение господарскому маршалку М. Курчу<sup>37</sup>. От брака с двоюродной племянницей, княжной Умной Агишевной Ширинской<sup>38</sup>, Чингис оставил малолетних детей. После его смерти их дядя и опекун, князь Ян Агишевич Ширинский, 3 апреля 1598 г. получил для них от Сигизмунда III подтверждения на Рычу и Положин<sup>39</sup>. Вскоре после этого вдова Чингиса, вторично выйдя замуж за князя Фурса Асановича Улана, продала Рычу шляхтичам Халецким<sup>40</sup>. Вероятно, дети Чингиса умерли малолетними, и с ними род царевичей Острынских пресекся.

Сыновья Азубека не подчинялись татарским хорунжим, управлявшим татарскими стягами (ополчениями, к которым были приписаны в принципе все служилые татары)<sup>41</sup>, и сохраняли привилегию являться на службу со своим отрядом прямо к гетману. В 1567 г., например, царевич Острынский (очевидно, Чингис) отдельно выставил со своих владений 8 всадников<sup>42</sup>. Это право царевичей имеет четкую аналогию в привилегиях литовских князей и панов, также первоначально не входивших в состав поветового посполитого рушения и являвшихся на службу с собственными отрядами<sup>43</sup>.

<sup>34</sup> ЦГАДА. Ф. 389. Д. 39. Л. 21—24 об.

<sup>35</sup> Там же. Д. 76. Л. 522. Видимо, и после пожалования Колдычева Пунским Острынские сохранили за собой часть этого имения.

<sup>36</sup> Там же. Д. 84. Л. 229—230 об.; Д. 83. Л. 314.

<sup>37</sup> Там же. Д. 569. Л. 850—850 об.

<sup>38</sup> В завещании ее матери, вдовы Агиша Муртозича Маликбашича Ширинского Янки Качалаевны (Нурумовичевны), 30 мая 1591 г. жена Чингиса названа Уланой (Там же. Д. 85. Л. 28 об.—30).

<sup>39</sup> Там же. Д. 84. Л. 229 об.—230.

<sup>40</sup> Там же. Д. 104. Л. 190—191 об.; Д. 569. Л. 775—776.

<sup>41</sup> Borawski P. Tatarskie chorągwie plemienne w armii Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI i pierwszej połowie XVII w. // Acta Baltico-Slavica. Wrocław; W-wa; Kraków; Gdańsk, 1979. Т. XII. S. 133—167.

<sup>42</sup> РИБ. Т. 33. Стб. 1378 (как и царевич Пунский, который выставил тогда же трех всадников).

<sup>43</sup> Там же.



Владения этой семьи принадлежали к числу наиболее крупных татарских имений, хотя, разумеется, далеко уступали магнатским латифундиям (с которых выставлялось по сто и более коней). Но их статус не отличался от статуса остальных татарских имений ВКЛ, даже после Брестского сейма 1566 г. и Люблинской унии 1569 г. их владельцы в отличие от остальной шляхты формально не имели права отчуждать пожалованные земли без разрешения короля (хотя фактически и пользовались им)<sup>44</sup>, т. е. и по отношению к имениям татарских царевичей король сохранял право верховной собственности, что отличало их от шляхетских земских имений и сближало с ленными владениями.

Сохраняя в ВКЛ некоторые привилегии и почетный титул, царевичи и их потомки в XVI—XVII вв. занимали положение служилых землевладельцев, принадлежали к числу сначала средних, а затем и мелких феодалов. При этом, как и у других служилых татар, их право распоряжаться пожалованной землей было формально ограничено необходимостью утверждения королем всех земельных сделок. Невольно напрашивается сравнение с Русским государством, где некоторые потомки ханов (царевичи Касимовские и Сибирские) не только играли вплоть до XVII в. видную роль при царском дворе, но и получили огромные пожалования, и где до 1681 г. существовало удельное татарское княжество — Касимовское ханство. Видимо, дело в том, что литовское правительство после падения Большой Орды уже не рассматривало татарских царевичей в качестве возможных претендентов на ханский престол, а сами они уже не имели в Орде сторонников и не могли быть использованы в качестве самостоятельной политической силы. Поэтому их собственное положение в ВКЛ определялось в основном размерами полученных от великого князя имений, — более крупных, чем у большинства других татар, но далеко уступавших владениям литовской аристократии. Если Шейх-Ахмед и Азюбек-солтан еще могли украсить королевскую свиту, быть может, символизируя иллюзорный «сюзеренитет» Литвы над татарскими ордами, то их ближайшие потомки затерялись среди литовских служилых татар и утратили даже остатки своих привилегий. В отличие от России, среди аристократии ВКЛ Чингизидам не нашлось места, и в конечном итоге это было результатом существенных различий во внешней и внутренней политике данных государств, их роли в процессе формирования политической структуры Восточной Европы.

---

<sup>44</sup> См., например: АВАК. Т. 31. С. 49—50.

## МОСКОВСКИЕ СТАНЫ И ВОЛОСТИ XIV—XVI ВВ.

Русская административно-территориальная система XIV—XVII вв. знала две самые мелкие административно-территориальные единицы, меньшие, чем уезд, — стан и волость. Происхождение этих терминов не до конца ясно и уходит своими корнями в глубокую старину. Несомненно, что первоначальное их значение было различным, причем разница улавливалась людьми средневековья. Так, в XIV—XV вв. конкретная волость никогда не называлась станом, и наоборот. Позднее, в XVI—XVII вв., разница между двумя указанными понятиями стирается и термин «стан» постепенно вытесняет «волость»<sup>1</sup>. В то время они обозначают определенную часть уезда, что отразилось в известной формуле купчих грамот: «се яз, такой-то, купил есми у такого-то его сельцо в таком-то стану (или волости)».

Чем отличались станы от волостей? Ответ на поставленный вопрос дает анализ административно-территориальной структуры Московского уезда, состоявшего в середине XVII в. из трех десятков станов и вдвое меньшего количества волостей. Это, пожалуй, единственный район Русского государства, по которому источники по истории феодального землевладения сохранились начиная со второй четверти XIV в.

Впервые с достаточной степенью подробности территория Подмосковья описывается в завещании Калиты, где перечислено около ста подмосковных сел и волостей. Московское княжество было поделено на четыре удела: старший из сыновей Семен получил Можайск и Коломну с прилегающими волостями, Иван — Звенигород с соседними волостями, Андрею достались земли на юго-западе княжества, волости на северо-востоке и частично на северо-западе Подмосковья стали владением вдовы Калиты совместно с «меньшими детьми»<sup>2</sup>.

Поместив перечисленные Калитой волости на карту, можно увидеть, что все они располагались исключительно на окраинах княжества. В округе радиусом около 40 км от Москвы завещание Калиты не называет ни одной волости. В непосредственной близости от столицы упоминались только княжеские села<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> По наблюдению Ю. В. Готье, в XVI—XVII вв. многие волости начинают называться станами (*Готье Ю. В. Замосковский край в XVII в. 2-е изд. М., 1937. С. 94*).

<sup>2</sup> ДДГ. М.; Л., 1950. С. 7—9.

<sup>3</sup> Исторической географии духовных и договорных грамот посвящено специальное исследование: *Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. СПб., 1901—1902. Вып. I—II.*

Среди прочих завещание Калиты упоминает волость Горетову. О ее локализации следует сказать особо. Почти все исследователи помещали ее около Москвы, там, где в XV—XVII вв. лежал Горетов стан, получивший свое название от речки Горетовки, притока Сходни<sup>4</sup>. Подобная локализация может быть оспорена.

Тождество этих двух названий несомненно, но, основываясь только на нем, нельзя делать вывода об идентичности волости Горетовы и Горетова стана. Так, С. М. Соловьев считал Горетову коломенской волостью. Это подтверждается тем, что Калита, перечисляя волости, отданные Семену, называет исключительно коломенские волости. И только Горетова, если предположить, что она находилась близ Москвы, почему-то странно упоминается рядом с коломенскими волостями Гжелью и Горками. Здесь можно было бы заподозрить ошибку или небрежность составителя, однако в том же соседстве она упомянута завещанием Калиты во втором случае и духовной грамотой Ивана Красного<sup>5</sup>. Во-вторых, гидроним «Горетова», от которого производят название волости, не относится к числу редких<sup>6</sup>.

Попробуем локализовать эту волость на карте. В своем завещании Иван Красный оговорил, что Горетова и другие волости, владелицей которых была вдова Семена Гордого Марья, после ее смерти переходят к Дмитрию (будущему Донскому)<sup>7</sup>. Хотя она умерла лишь в 1399 г., ее владения перешли к Дмитрию задолго до ее смерти (А. Е. Пресняков полагал, что в конце жизни она удалилась в монастырь). Во всяком случае, они упоминаются в завещании Дмитрия как его собственность<sup>8</sup>. Но Горетова в их числе не упомянута. Это можно объяснить тем, что договором 1381 г. между Дмитрием и Олегом Рязанским граница их владений была установлена по рекам Оке и Цне<sup>9</sup>, и Горетова отошла к Рязани. Действительно, в «Списках населенных мест» недалеко от Луковиц упоминается существующее и ныне с. Горетово. Встречается оно в источниках и более раннего времени. В платежной книге Зарайска и ряда соседних станов 1594—1597 гг. в Перевитском стане упоминаются «монастырь Горетовский да слободка»<sup>10</sup>.

В тексте договора 1381 г. среди обмениваемых земель Горетова не названа. Очевидно, к тому времени она была разорена и пере-

<sup>4</sup> Там же. Вып. I. С. 8—10; *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 389—390; *Забелин И. Е.* История города Москвы. М., 1905. Ч. 1. С. 12—17.

<sup>5</sup> *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. II. С. 458; ДДГ. С. 9, 15, 17.

<sup>6</sup> По данным Г. П. Смолицкой, только в бассейне Оки имеются три группы подобных гидронимов (*Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки. М., 1975. С. 30, 107, 167).

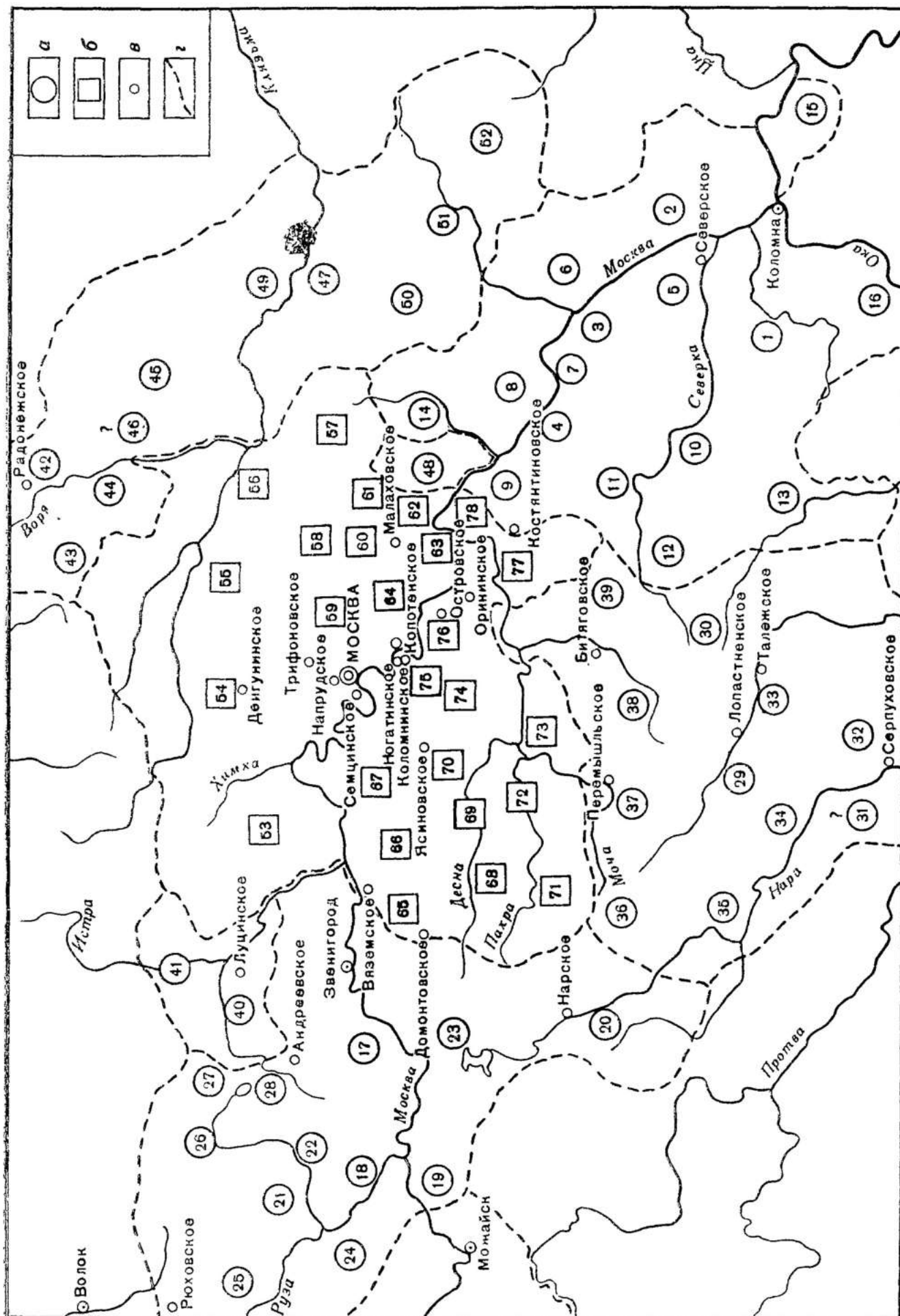
<sup>7</sup> ДДГ. С. 15, 17.

<sup>8</sup> ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 130; СПб., 1859. Т. 8. С. 72; *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 170—171; ДДГ. С. 33.

<sup>9</sup> ДДГ. С. 29.

<sup>10</sup> Списки населенных мест Российской империи. СПб., 1862. Т. XXXV: Рязанская губерния. № 1360; Писцовые книги Рязанского края XVI в. Рязань, 1898. Т. I, вып. 1. С. 186.





стала существовать как волость. На рубеже 70—80-х годов XIV в. этот район стал ареной многочисленных военных столкновений. Недалеко отсюда произошло известное сражение на р. Воже (1378 г.), после чего Мамай опустошил Рязанскую землю<sup>11</sup>.

Предложенную локализацию этой волости подтверждают археологические данные. Вблизи от Горетова находятся группа из 11 курганов и два городища, имеющие слой славянского времени<sup>12</sup>.

Установив действительное местоположение этой волости, видим, что в ближайшей подмосковной округе завещание Калиты не фиксирует ни одной волости. Более того, ни одна из духовных грамот московских князей XIV—XVI вв. не упоминает здесь наличия волостей. Что это была за территория?

Привлечен достаточно поздний источник — писцовые книги 20-х годов XVII в., первое наиболее полное из сохранившихся описаний Московского уезда<sup>13</sup>. Используя их материалы, замечаем, что всю ближайшую подмосковную округу занимали исключительно станы. Более того, если очертить на карте территорию московских станов XVII в., за исключением тех, что в более раннее время упоминаются как волости (Шеренский, Воря и Корзенов и др.), выяснится, что территория станов точно совпадает с тер-

<sup>11</sup> ПСРЛ. М., 1965. Т. 11. С. 16—17 (московско-язанский конфликт 1372 г.), С. 42—43 (сражение на р. Воже и поход Мамай на Рязанскую землю). Вероятно, центр опустошенной волости был перенесен в более безопасное место во вновь основанный городок Перевитск, упоминающийся впервые с 1389 г. (Там же. С. 95).

<sup>12</sup> Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961. С. 43—45, 240—242.

<sup>13</sup> Готье Ю. В. Из истории хозяйственных описаний Московского уезда // ЖМНП. 1902. № 3. С. 67—118. Более ранние писцовые книги XVI в. в сохранившейся своей части охватывают менее четверти территории уезда (Сташевский Е. Д. Опыты изучения писцовых книг Московского государства XVI в. Киев, 1907. Вып. 1: Московский уезд. С. 10, 24, 25).

←

#### Подмосковье в первой половине XIV в.

а — волости по духовной Ивана Калиты; б — станы Московского уезда по данным писцовых книг 20-х годов XVII в.; в — села по духовной Ивана Калиты; г — границы уделов наследников Ивана Калиты

Удел Семена Гордого: 1 — Городенка; 2 — Мезыня; 3 — Песочна; 4 — Середокорытна; 5 — Похряне; 6 — Оусть-Мерска; 7 — Брашева; 8 — Гвоздна; 9 — Ивани; 10 — Маковец; 11 — Левичин; 12 — Скульнев; 13 — Канев; 14 — Гжеля; 15 — Горетова; 16 — Горки

Удел Ивана Красного: 17 — Кремишна; 18 — Руза; 19 — Фоминское; 20 — Суходол; 21 — Великая слобода; 22 — Замошская слобода; 23 — Угожь; 24 — Ростовцы; 25 — Окатьева слобода; 26 — Скирмановское; 27 — Тростна; 28 — Негуча

Удел Андрея: 29 — Лопастна; 30 — Северска; 31 — Нарунжское; 32 — Серпохов; 33 — Нивна; 34 — Темна; 35 — Голичичи; 36 — Щитов; 37 — Перемышль; 38 — Растовец; 39 — Тухачев

Удел Ульяны: 40 — Сурожик; 41 — Мушкова гора; 42 — Радонеж; 43 — Бели; 44 — Воря; 45 — Черноголовль; 46 — на Вори слободка Софроновская; 47 — Вохна; 48 — Деиково Раменье; 49 — Данилищева слободка; 50 — Машев; 51 — Сельна; 52 — Раменье

Станы Московского уезда по данным писцовых книг 20-х годов XVII в.: 53 — Горетов; 54 — Манатын, Быков, Коровин; 55 — Бохов; 56 — Кошелев; 57 — Доблинский; 58 — Пехорский; 59 — Васильцов; 60 — Почернев; 61 — Каменский; 62 — Обарнич; 63 — Островецкий; 64 — Капотенский; 65 — Вяземский; 66 — Медвенский; 67 — Сетунский; 68 — Гоголев; 69 — Торокманов; 70 — Сосенский; 71 — Шахов; 72 — Лукомский; 73 — Молоцкий; 74 — Чермнев; 75 — Ратуев; 76 — Терехов; 77 — Жданский; 78 — Лужецкий

Вопросительным знаком обозначены объекты, локализация которых дана условно.

риторией, на которой завещание Калиты не упоминает волостей<sup>14</sup>. Следует сказать, что актовые источники XIV—XVI вв. никогда не упоминают здесь волостей. Однако существует мнение, что и здесь имелись волости, поделенные между наследниками Калиты. Так, А. А. Юшко полагает, что Калите «невозможно было выделить здесь сплошные волости, принадлежащие великокняжескому дому, а лишь отдельные села». Поэтому волости в центре княжества не упоминаются его завещанием<sup>15</sup>. Но князья уже в то далекое время прекрасно умели делить землю, что зафиксировано источниками. В конце XIV в. Василий I и его дядя Владимир Андреевич Серпуховской разделили на трети волость Мушкову гору, между ними же была поделена Добрятинская борть к югу от Москвы. Уже в это время известны примеры размежевания отдельных сел<sup>16</sup>.

Вполне оправданным будет предположение, что именно данная территория находилась под совместным управлением московских князей, что подтверждает московско-серпуховской договор 1389 г., предусматривающий здесь совместный сбор ордынской дани: «А коли иму слати свои данщики в город и въ станы, а тебе слати свои данщики с моими вместе»<sup>17</sup>. О совместном управлении этой территорией говорит и то, что при подробнейшем перечислении сумм ордынского «выхода» с удела каждого князя никогда не определяются его размеры, собирающиеся с московских станов.

Территория московских станов и в судебном отношении управлялась совместно потомками Калиты. В договоре 1390 г. между Василием I и его дядей Владимиром Андреевичем Серпуховским читаем: «А городскихъ судовъ и *становыхъ*, что к городу тянеть, того ми безъ твоего наместника не судити, ни тебе безъ нашихъ наместниковъ не судити»<sup>18</sup>.

Поскольку московские станы находились под совместным управлением князей московского дома, становится ясным, почему они не упоминаются в их завещаниях: они не принадлежали лично одному из князей.

Княжеская власть, как и всякая другая власть в средневековье, носила расщепленный характер: с одной стороны, князь выступал как верховный глава своего княжества, с другой — как обычный вотчинник в своих селах. Для средневековых феодалов, связанных с Москвой, особую ценность представляли подмосковные села. В условиях тогдашнего хозяйства каждый феодал стремился

<sup>14</sup> В писцовых книгах XVI в. Шерна, Воря, Корзенева упоминаются как станы, но в завещании Ивана IV они перечислены как волости (ПКМГ. СПб., 1872. Ч. 1, отд. 1. С. 11—17, 71—78, 248—263, 284; ДДГ. С. 434). Карта административно-территориального деления Московского уезда по данным писцовых книг XVII в. помещена в приложении к первому изданию книги Ю. В. Готье «Замосковский край в XVII в.» (СПб., 1906).

<sup>15</sup> Юшко А. А. Историческая география Московской земли XII—XIV вв.: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. М., 1973. С. 10—11.

<sup>16</sup> ДДГ. С. 37, 46, 48; Юшко А. А. О пределах Московского княжества Ивана Калиты // СА. 1985. № 2. С. 124.

<sup>17</sup> ДДГ. С. 31.

<sup>18</sup> Там же. С. 38. Курсив наш. — К. А.



завести небольшую вотчину поблизости от столицы, откуда он мог получать трудноперевозимые и громоздкие припасы (сено, дрова и т. п.)<sup>19</sup>. Этими селами каждый из князей владел на правах личной собственности.

Изучая духовные грамоты московских князей, можно выяснить, что все они, начиная с завещания Дмитрия Донского, особо выделяют подмосковные села. В источниках они упоминаются как «московские села», «села у Москвы», «села на Москве». Всего их перечисляется свыше ста, подавляющее большинство которых локализуется на карте<sup>20</sup>. Все они находились на территории, свободной от волостей.

В современном источниковедении существует спорная проблема — включалось ли в духовные грамоты все имущество завещателя или только его часть. Не вступая в детальное рассмотрение этого вопроса, отметим, что начиная с середины XIV в. завещания московских князей перечисляют явно не все княжеские села. Так, Семен Гордый по отцовскому завещанию и договору с братьями получил десять сел. Позднее он стал обладателем еще четырех<sup>21</sup>. Все они, за исключением Вышневого, Константиновского и села на Северце, перечислены в его завещании. Между тем из духовной грамоты его брата Ивана Красного явствует, что два последних принадлежали вдове Семена Гордого и должны были быть упомянуты в его завещании<sup>22</sup>. Все перечисленные Семеном Гордым села находились на территории, свободной от волостей. Неупомянутые им села лежали за ее пределами. Село на Северце (современное Северское) находилось в коломенской волости Похряне, а Константиновское (на месте современного одноименного села в низовьях Пахры) — в волости Ивани. Отсутствие двух перечисленных сел в завещании Семена Гордого объясняет та оговорка завещания, что в нем перечислены лишь села «на Москве в Городскомъ оуезде»<sup>23</sup>. Это была территория совместного управления, и необходимо было особо оговорить владельческую принадлежность находившихся здесь сел. Два других села лежали непосредственно в уделе вдовы Семена Гордого, и указывать их владельческую принадлежность в данном случае было излишним.

Таким образом, явствует, что под совместным управлением московских князей находилась территория Московского уезда, разбиравшаяся на станы. Здесь в округе радиусом около 40 км от Москвы в единоличном владении князей были только села, особо выделявшиеся в княжеских духовных грамотах.

Делилась ли ближайшая подмосковная округа на трети? На заданный вопрос источники дают отрицательный ответ. Нет ни одного свидетельства, что какой-либо из московских станов управлялся одним из князей. Хотя сведения о наличии на этой

<sup>19</sup> Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 78.

<sup>20</sup> ДДГ. С. 33—35, далее по Указателю.

<sup>21</sup> Там же. С. 7, 9, 11, 14.

<sup>22</sup> Там же. С. 13, 14, 15, 17.

<sup>23</sup> Там же. С. 13. Вышневское, очевидно, было отдано в монастырь.

территории станов относятся уже к XIV в., впервые названия отдельных станов начинают упоминаться в актах феодального землевладения только с конца XV—начала XVI в. (примерно с рубежа 60—70-х годов XV в.)<sup>24</sup>. Связано это было с разложением системы совместного управления Москвой, в результате чего великий князь постепенно становился практически единственным владельцем этой территории. Как следствие этого в понятие «стан» начало вкладываться новое содержание, и оно сблизилось с понятием «волость».

С историей московских станов очень тесно связана судьба так называемых замосковских волостей. Основой их территории был удел Ульяны, вдовы Калиты. Выделенные ей волости охватывали городские станы широкой дугой с северо-запада на юго-восток. Завещание Ивана Красного закрепляло эти земли за их прежней владелицей и предусматривало, что «по ее животе дети мои, князь Дмитрий и князь Иванъ, и братаничъ князь Володимер, и моя княгини (Александра. — К. А.) поделятся на четверо, безъ обиды». (Часть удела Ульяны — волость Сурожик и с. Лучинское — отходили к дочери Ульяны<sup>25</sup>.)

Еще при жизни Ульяны принадлежавшие ей волости, формально оставаясь за пей, фактически управлялись совместно Дмитрием Донским и его двоюродным братом Владимиром (брат Дмитрия Иван умер в младенчестве, вскоре после чего умерла и Александра). Московско-серпуховской договор 1366 г. предусматривал здесь совместный сбор ордынской дани: «А коли ми будетъ слати свои данцики в город и на перевары, и которые волости за княгинею за Ульянею, и в Бели, а тебе свои данцики слати с моими данциками вместе»<sup>26</sup>. Начиная примерно с того же времени эти волости в судебном отношении «тянули» к Москве. Подобное положение сохранилось и в последующее время, о чем говорят московско-серпуховской договор 1390 г. («А которые суды потягли к городу из нашихъ волостии и ис твоихъ при нашихъ отцехъ,

<sup>24</sup> В завещании Ивана Калиты и последующих московских князей упоминается «Васильцово сто». Ряд исследователей полагает, что здесь имеется в виду позднейший Васильцов стан Московского уезда. Однако великокняжеская борть — Васильцово сто находилась гораздо восточнее — в волости Сельне, о чем говорит завещание Ивана III: «А что в Селне деревни деловые бортные Василцова ста: Бекренево, Беляницино, Новое Беляницино, Харитоновское, Дедевево, Нероново, Враниково, Якимовское, Новое Якимовское, да пустоши Лопакново, Исачково, Грибачево, и яз те деревни и пустоши со всемъ даю сыну же своему Андрею. . .» (Там же. С. 360—361). Это свидетельство подтверждает и анализ картографического материала — в «Списках населенных мест» в бывшем Богородском уезде находим следующие пункты: Якимово, Лопакново (единственные в губернии), Исаково (может быть, искаженное Исачково?); упоминается и речка Бекреневка (Списки населенных мест Российской империи. СПб., 1862. Т. XXIV. Московская губерния. № 577, 578, 595, 878, 975; см. также: Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1954. Т. II. С. 25; Назаров В. Д. Дмитровский удел в конце XIV—середине XV в. // Историческая география России. XII—начало XX в. М., 1975. С. 49. примеч. 18).

<sup>25</sup> ДДГ. С. 15, 16. Подробнее см.: Назаров В. Д. Указ. соч. С. 48.

<sup>26</sup> ДДГ. С. 20.

а те суды судят наши наместники по тому же, какъ было и доселе») и так называемая «Запись о душегубстве» середины XV в., конкретизирующая, какие именно из этих волостей «тянули» судом к Москве <sup>27</sup>.

Точная дата смерти Ульяны неизвестна, однако на основании косвенных свидетельств ее кончину можно отнести к промежутку между 1366 и 1372 гг. В плохо сохранившемся московско-серпуховском договоре 1372 г. видим: «А коли, господине, имемъ слати данщици . . . оудель Оульянинъ, тебе, князю великому, два же-ребья, а мь. . . и с города, и съ становъ, и изо княгинина оудела Оульянина. . .» <sup>28</sup>. Из договора 1389 г. явствует, что Дмитрий получал две трети доходов, а Владимир Андреевич — только треть <sup>29</sup>.

Совместное управление этими волостями вызывало, без сомнения, определенные трения между двоюродными братьями, и позже бывший удел Ульяны был поделен. Дмитрий получил две трети волостей (Мушкову гору, Ижво, Раменку, слободку княж Иванову, Вори, Корзенево, Рогожъ, Загарье, Вохну, Сельну, Гуслицу, Шерну), а Владимир Андреевич их треть (Радонеж, Бели, Черноголовль) <sup>30</sup>. Серпуховской князь чувствовал себя обделенным, и Василию I пришлось уступить ему треть волости Мушкова гора и треть Добрятинской борти <sup>31</sup>.

Дмитрий Донской завещал свою часть этих волостей вместе с Дмитровом своему младшему сыну Петру. В 1432 г. этот удел получил Юрий Галицкий <sup>32</sup>. Так как данные волости на протяжении всего XV в. были причислены к Дмитрову, то в это время они именуются дмитровскими волостями. Ввиду того что они продолжали «тянуть» судом к Москве, они иногда называются замосковскими волостями.

В результате феодальной войны второй четверти XV в. и последующих событий весь бывший удел Ульяны перешел к Василию Темному. Позже он сосредоточивается в руках Ивана III, который разделил эти волости между своими сыновьями Василием и Андреем <sup>33</sup>. По обменной грамоте 1566 г. их часть, находившаяся в уделе Владимира Андреевича Старицкого, перешла к Ивану Грозному <sup>34</sup>, почти сразу после чего эти земли слились с остальной территорией Московского уезда. В писцовых книгах XVI в. они упоминаются как его неотъемлемая часть.

Как видим, деление Московского уезда XVII в. на станы и волости имело свои исторические корни. Территория, совместно управлявшаяся наследниками Калиты, делилась исключительно

<sup>27</sup> Там же. С. 38; АСЭИ. М.; Л., 1964. Т. III, № 12.

<sup>28</sup> ДДГ. С. 23.

<sup>29</sup> Там же. С. 31.

<sup>30</sup> Там же. С. 34, 46.

<sup>31</sup> Там же. С. 37, 43. По завещанию Ивана Красного, Владимир Андреевич должен был получить четверть этих волостей и половину доли Александры, фактически он получил всего треть.

<sup>32</sup> Там же. С. 74; Назаров В. Д. Указ. соч. С. 55 и др.

<sup>33</sup> ДДГ. С. 194, 354, 359, 360.

<sup>34</sup> Там же. С. 424.



на станы, в то время как земли, находившиеся в единоличном обладании одного из князей, разбивались только на волости. Видимо, здесь и следует искать главное различие между терминами «стан» и «волость». Позднее, одновременно с разложением системы совместного управления, эти два понятия сближаются по смыслу и начинают обозначать определенную часть уезда.

Подобное административно-территориальное деление было характерным не только для столичного уезда, но и для других городов Русского государства, где существовала система совместного управления.

Думается, что дальнейшее изучение данной тематики, уже на общерусском материале, с подробным выяснением эволюции понятий «стан» и «волость», уточнит и конкретизирует выводы данной статьи.

*Г. В. Семенченко*

## ЦЕРКОВНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА НА БЕЛООЗЕРЕ В 60-Х ГОДАХ XV В.

В 60-х годах XV в. в Кирилло-Белозерском монастыре (основные владения которого располагались в пределах Белозерского удела князя Михаила Андреевича) вспыхнул острый конфликт, в котором оказались замешаны видные политические и церковные деятели тогдашней Руси. Наиболее подробно фактическую сторону этого конфликта изложил в 1478/79 г. дьяк верейского и белозерского князя Михаила Андреевича Иван Ципля: «...поставил было Трифон архиепископ (ростовский. — Г. С.) в Кирилов монастырь игумена Филофея, брата своего родного, а без ведома и без веленья государя моего князь Михайло Андреевича. И государь мой, князь Михайло Андреевичь того игумена Филофея велел поимати и оковати, да и монастырь велел у него отняти, а игуменити ему не велел; и учинил, господине, государь мой князь Михайло в Кирилове монастыре игумена Касьяна, по челобитью и по прошению всеа братии старцов Кирилова монастыря; толко, господине, велел игумену Касьяну у архиепископа благословение взять; и судил его государь мой князь Михайло, опричь духовных дел, а в духовных, господине, делах игумена ведает архиепископ»<sup>1</sup>.

Из рассказа Ивана Ципли заключаем, что острый церковно-политический конфликт, имевший место в Кирилло-Белозерском монастыре, произошел при игумене Трифоне, т. е. в мае 1461 — августе 1467 г.<sup>2</sup> Уточнить время этого конфликта в указанных хро-

<sup>1</sup> АСЭИ. М., 1958. Т. II. № 315. С. 280—281.

<sup>2</sup> ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 185—186. Высказывалось мнение, что Филофей

нологических рамках попытался Н. К. Никольский. В одной из рукописей (ГПБ. Соф. 1462. Л. 2 об.) он обнаружил явно неточное известие, будто Кассиан игуменствовал в Кирилло-Белозерском монастыре 22 года, затем его на один год сменил Филофей, после чего Кассиан еще на пять лет стал кирилловским настоятелем. Кассиан стал кирилловским настоятелем 11 апреля 1448 г.<sup>3</sup>, и если верить упомянутой рукописи, то выходит, что Кассиан был настоятелем в 1448—1470 и в 1471—1476 гг., а Филофей — в 1470—1471 гг. Но это — явно искаженная хронология, ибо в 1471—1576 гг. кирилловскими игуменами были Игнатий и Нифонт<sup>4</sup>, а вовсе не Кассиан. Стремясь обойти указанное противоречие, Никольский высказывает предположение, что 22 года обозначали общий срок игуменства Кассиана в Кирилловом монастыре (включая его первое и второе игуменства), а пять лет — срок его второго игуменства — 1466—1471 гг. В таком случае, заключает Никольский, игуменство Филофея, которое разрывало на две части 22-летнее игуменство Кассиана, следует датировать 1465—1466 гг.<sup>5</sup> Эти соображения Никольского в целом принимал И. А. Голубцов<sup>6</sup>.

На мой взгляд, соображения Никольского, принятые Голубцовым, очень условны, так как основаны на произвольной интерпретации явно ошибочного известия. Чтобы датировать игуменство Филофея точнее, следует обратиться к актам Кирилло-Белозерского монастыря. Иван III подтвердил на имя Филофея грамоту Василия Темного Кирилло-Белозерскому монастырю на право беспощинной торговли в великокняжеском домене: «По отца своего грамоте великого князя, князь велики Иван пожаловал кирилловского игумена Филофея з братьею. А подписал Феодор дьяк»<sup>7</sup>. Сохранились еще две грамоты, в которых упомянут игумен Филофей, — его купчая у А. Г. Никитиных на ночь (место рыбной ловли) на р. Шексне и жалованная грамота Михаила Верейского игумену Филофею на 400 копен сена<sup>8</sup>. Подтверждение Ивана III на имя Филофея, на мой взгляд, дает надежную основу для датировки времени игуменства этого настоятеля в Кирилло-Белозерском монастыре. Такого рода подтверждения на жалованных грамотах, выданных предшественниками, обычно давались

---

был игуменом в 1469 г. или в 1470 г. (АЮ. СПб., 1838. Т. I. № 74. С. 120; Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 55; Дебольский Н. Н. Из актов и грамот Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 1900. С. 24, 33).

<sup>3</sup> АСЭИ. Т. II. № 97. С. 58.

<sup>4</sup> Там же. № 191—223, 228, 229, 234—236, 236—239, 244а—247, 249 и др.

<sup>5</sup> Памятники древней письменности. СПб., 1895. CXI: Отчеты за 1894—1895 гг. Правая грамота митрополита Геронтия / Сообщение Н. К. Никольского. С. 60—64; Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397—1625). СПб., 1910. Т. 1, вып. II. С. 12, 41, примеч. 1.

<sup>6</sup> АСЭИ. Т. II. С. 282.

<sup>7</sup> Там же. № 98. С. 58.

<sup>8</sup> Там же. № 178—179. С. 112—113.

при вокняжении нового правителя, в первые недели и месяцы его княжения. Подтверждение Ивана III на грамоте отца, выданное на имя Филофея, не является единственным в своем роде. Аналогичные подтверждения Ивана III есть и на ряде других грамот его отца на земли Московского<sup>9</sup>, Владимирского<sup>10</sup>, Переяславского<sup>11</sup>, Суздальского<sup>12</sup>, Боровского<sup>13</sup>, Вологодского<sup>14</sup>, Галицкого<sup>15</sup>, Бежецкого<sup>16</sup>, Ржевского<sup>17</sup> уездов. Причем во всех случаях, когда представляется возможным уточнить хронологию этих подтверждений, то оказывается, что они даны в начале княжения Ивана III<sup>18</sup>.

Представляется сомнительным, чтобы Иван III продолжал подтверждать пожалования отца вплоть до 1465—1466 гг. Куда вероятнее, на мой взгляд, датировать подтверждение Ивана III игумену Филофею временем, близким к вокняжению нового великого князя, т. е. к марту 1462 г. Таким образом, оказывается, что Филофей, скорее всего, игуменствовал не в 1465—1466 гг., а весной 1462 г. Причем около весны 1462 г. место настоятеля перешло к Кассиану. До нас дошло не только подтверждение Иваном III грамоты отца, адресованное на имя Филофея, но и ряд аналогичных по формуляру (и даже подписанных тем же дьяком) подтверждений нового великого князя на имя Кассиана: «По сей грамоте отца своего великого князя, князь велики Иван пожаловал игумена Касияна з братьею, грамоты сее рушати не велел. А подписал Федоръ дьяк»<sup>19</sup>.

Похоже, что подтверждение грамот Василия Темного Кирилло-Белозерскому монастырю новым великим князем Иваном III началось при Филофее, а закончилось при Кассиане. В таком случае получается, что падение Филофея следует датировать временем, близким к началу княжения Ивана III. И, действительно, 27 июня 1462 г. Кассиан, несомненно, уже был кирилловским игуменом: в этот день ростовский архиепископ Трифон выдал на имя Кассиана три жалованные грамоты, в которых владыка освобождал мона-

<sup>9</sup> Там же. № 349.

<sup>10</sup> АФЗХ. М., 1951. Ч. 1. № 173, 225.

<sup>11</sup> АСЭИ. М., 1952. Т. I. № 224.

<sup>12</sup> Там же. Т. II. № 452, 454; М., 1964. Т. III. № 101, 496.

<sup>13</sup> Там же. Т. III. № 49.

<sup>14</sup> Там же. Т. II. № 101, 103, 169, 170.

<sup>15</sup> Там же. Т. I. № 245.

<sup>16</sup> Там же. Т. I. № 304.

<sup>17</sup> Там же. Т. II. № 349, 360.

<sup>18</sup> Одно из этих подтверждений датировано 17 мая 1462 г. (Там же. Т. I. № 304). В некоторых других подтверждениях Ивана III упомянуты митрополит Феодосий (АФЗХ. Ч. 1, № 173, 225), симоновский настоятель Афанасий (АСЭИ. Т. II. № 349, 360), архимандрит Спасо-Евфимиева монастыря Исаакий (Там же. № 452, 454). Феодосий скончался в сентябре 1464 г. (ПСРЛ. Т. 24. С. 186). До 1464 г. был спасо-евфимиевским архимандритом и Исаакий. Последнее точно датированное известие об архимандритстве Афанасия в Симоновском монастыре мы имеем от 5 июня 1462 г.; 30 октября 1463 г. в обители определенно был другой настоятель, Антоний (АСЭИ. Т. II. № 362, 373).

<sup>19</sup> АСЭИ. Т. II. № 101. С. 62; № 103. С. 64; № 169. С. 106; № 170. С. 107.



стырские церкви в Рукиной слободке, на Сезде и в Романовской слободке от подсудности в мирских делах («не надобна им моя дань, ни даньские пошлины, ни десятинични пошлины, ни доводъщичи, ни иные некоторые пошлины, ни судят ихъ мои десятинични в какихъ делехъ, ни пристава на них не дают ни въ чем»), оставляя за собой только контроль за соблюдением «духовныхъ делъ» («А будетъ дело духовное, и игумень, того пообыскавъ, да пошлетъ ко мне») <sup>20</sup>. В выдаче сразу нескольких грамот такого содержания едва ли можно не усмотреть отказ Трифона от претензий на административный контроль над Кирилло-Белозерским монастырем. Из судебного дела 1478/79 г. нам известно, что в бытность Филофея кирилловским настоятелем Трифон собирал в монастырских владениях дань, посылал в монастырь своих приставов и доводчиков. Эти действия ростовского владыки опирались на жалованные грамоты, в которых фиксировался новый статус Кирилло-Белозерского монастыря: «поставил игумена Филофея в Кириллов монастырь, да и грамоты, господине, ему свои жаловалнии на тот монастырь подавал» <sup>21</sup>. Естественно, в новых условиях, когда «все вернулось на круги своя» и Кирилло-Белозерский монастырь вновь перешел под суверенитет Михаила Андреевича, Трифону пришлось выдать серию новых жалованных, которые отменяли постановления ранее выданных им Филофею грамот. В то же время выдача Трифоном грамот, в которых он освобождал Кирилло-Белозерский монастырь от дани и приставов до игуменства Филофея, представляется маловероятной, так как с момента основания Белозерской обители и вплоть до 1460-х годов никто не подвергал сомнению суверенитет над ней белозерских князей <sup>22</sup>. Выдача жалованных грамот ростовского владыки, в которых монастырю предоставлялся иммунитет, в такой ситуации выглядела неуместной: ростовский владыка не мог освобождать обитель от тех повинностей, которые монастырь по отношению к нему не нес.

<sup>20</sup> Там же. № 174—176.

<sup>21</sup> Там же. № 315. С. 280.

<sup>22</sup> Ростовский владычный свод, отраженный в Типографской летописи, рассказывая о событиях 1478/79 гг., когда Вассиану удалось добиться передачи Белозерской обители под юрисдикцию ростовской кафедры, представляет дело так, будто ростовские владыки «ведали» этот монастырь «по старине», еще со времен Кирилла, и лишь игумен Нифонт в конце 1470-х годов по наущению Михаила Андреевича и при поддержке новых чернецов захотел было перейти под покровительство белозерского князя (ПСРЛ. Т. 24. С. 197). Но это — явное искажение действительной истории Кирилло-Белозерского монастыря. На самом деле утверждение дьяка Михаила Верейского Ивана Ципли, что Кириллов монастырь, подобно Спасо-Андрониевскому, Симоновскому и Николо-Угрешскому монастырям, с самого начала был под юрисдикцией князя (АСЭИ. Т. II. № 315. С. 280), совершенно справедливо. Патронат князя над монастырем зафиксирован в духовной Кирилла Белозерского (Там же. № 314, 1427 г.; подробнее о духовной грамоте Кирилла см.: Семенченко Г. В. Завещания церковных иерархов XV в. как исторический источник // Источниковедение отечественной истории, 1984 г. М., 1986. С. 154—156, 159—161). Благословенная грамота епископа Ефрема игумену Кассиану фиксирует власть епископа над монастырем только в духовных делах (АСЭИ. Т. II. № 97. 11 апреля 1448 г.).

Итак, анализ актовых источников позволяет заключить, что игуменство Филофея приходится не на 1465—1466 гг., как принято думать, а на весну 1461 г. (после того как ростовским владыкой стал Трифон) — весну (или начало лета) 1462 г. Перерыв в игуменстве Кассиана, позволивший ростовскому архиепископу временно посадить в Кирилло-Белозерском монастыре своего ставленника, приходится как раз на конец 1450-х—начало 1460-х годов. В 1458 г. митрополит Иона отправил Кассиана послом в Литву<sup>23</sup>, а по возвращении оттуда в Москву, Иона отправил Кассиана в новую поездку — на сей раз в Константинополь. В написанной в конце XV в. Паисием Ярославовым Повести о Спасо-Каменном монастыре Паисий, лично знавший современников Кассиана, сообщает следующий факт из его биографии: «О игумене Касиане. Игумень Касианъ каменской и въ Кирилове монастыре игуменилъ много летъ и житию Кирила чюдотворца свидетель. За пекую же потребу князь великий Василий Васильевич и митрополит Иона посылали его въ Царьградъ двою о церковномъ исправлении къ патриарху. И прииде изъ Царьграда на Москву, и князь великий Василий Васильевич почтилъ его, и далъ ему довольная требования монастырю, и отпустилъ его в пострижение свое на Каменной»<sup>24</sup>. Итак, перерыв в деятельности Кассиана в Кирилло-Белозерском монастыре, очевидно, был связан с его поездками в Литву, а затем в Константинополь. В Константинополь Кассиан отправился еще при Ионе (т. е. ранее 31 марта 1461 г., дня смерти митрополита), а вернулся в Москву, когда еще был жив Василий Темный (т. е. до 27 марта 1462 г.). Ясно, что, находясь в составе различных посольств, Кассиан не мог игуменствовать в Кирилло-Белозерском монастыре. Монастырская братия нуждалась в новом настоятеле. По-видимому, место игумена Кирилло-Белозерского монастыря некоторое время оставалось вакантным. Ростовский владыка Трифон (ставший архиепископом весной 1461 г.) решил использовать сложившуюся ситуацию, чтобы установить контроль над Кирилло-Белозерским монастырем, вырвав эту обитель из-под юрисдикции белозерского князя Михаила Андреевича. Проводником политики Трифона в Кирилло-Белозерском монастыре стал его брат Филофей.

Думаю, Трифон решился на столь решительные действия, затрагивающие интересы удельного князя, чувствуя за своей спиной очень влиятельную поддержку. Не забудем, что он сменил в Ростове Феодосия Бывальцева, который после смерти Ионы стал митрополитом. Очевидно, Трифон был доверенным лицом Феодосия и действовал в отношении Кирилло-Белозерского монастыря с ведома и согласия митрополита. Проект перехода Кирилло-Белозерского монастыря под юрисдикцию ростовского архиепископа, как мне кажется, должен был встретить сочувственное

<sup>23</sup> РИБ. СПб., 1880. Т. VI. № 80, 86.

<sup>24</sup> Православный собеседник. 1861. Март. С. 210; *Ключевский В. О. Древнерусские жития святых, как исторический источник*. М., 1871. С. 189—192; *Макарий. История русской церкви*. СПб., 1887. Т. VI. С. 22, примеч. 22.

отношение и со стороны Василия Темного. К концу его жизни Москва полностью контролировала ситуацию в Ростове<sup>25</sup>. Это давало возможность использовать ростовского владыку как проводника московского влияния. Установление юрисдикции ростовского архиепископа над Кирилло-Белозерским монастырем фактически создавало предпосылки для вмешательства Москвы в дела Белозерского удела.

Успех Трифона оказался кратковременным. Уже к середине 1462 г., как мы видели, ему пришлось согласиться на восстановление административного контроля над Кирилло-Белозерским монастырем со стороны Михаила Андреевича. Ставленник Трифона Филофей был низложен, место настоятеля вновь занял Кассиан (вызванный, по всей вероятности, на Белоозеро из Спасо-Каменного монастыря, куда он, судя по повести Паисия Ярославсва, был направлен Василием Темным по возвращении из Константинополя<sup>26</sup>), который был, думается, убежденным сторонником административного подчинения обители верейско-белозерскому князю.

С чем связана уступка ростовским владыкой своих завоеванных было в Кирилло-Белозерском монастыре позиций? Может быть, в сложной внутри- и внешнеполитической обстановке первой половины 1462 г. (ощущалась угроза столкновения с Новгородом, выступления против Москвы бежавших в Литву сторонников князя Ивана Можайского и сына арестованного в 1456 г. князя Василия Ярославича Серпуховского Ивана<sup>27</sup>) в Москве, которая стояла за спиной Трифона, решили пойти на некоторые уступки князю Михаилу Верейскому, чтобы быть уверенными в его абсолютной лояльности<sup>28</sup>. Но уступка Михаилу Андреевичу административного контроля над Кирилло-Белозерским монастырем была временной. Идея переподчинения этой обители ростовскому владыке продолжала витать в высоких церковно-политических кругах Руси, и в 1478/79 г. она была реализована. Ростовскому архиепископу Кассиану с помощью Ивана III удалось добиться (вопреки

<sup>25</sup> Семенченко Г. В. Присоединение Ростовского княжества к Москве // *Вопр. истории*. 1986. № 7. С. 171—172.

<sup>26</sup> Вопрос о времени пребывания Кассиана в Спасо-Каменном монастыре был до сих пор не вполне ясен. Исследователи относили его к последним годам жизни Кассиана, ко времени после оставления им игуменства в Кирилловом монастыре в 1470 г. Правда, отмечались и факты, которые как будто бы противоречили этому выводу, — свидетельства о жизни Кассиана в Кирилловом монастыре уже после оставления им игуменства (АСЭИ. Т. II. № 215), упоминание Кассиана в числе настоятелей, захороненных в Белозерской обители (Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь. . . СПб., 1897. Т. 1, вып. I. Прил. V. С. IX; АСЭИ. Т. II. № 315. С. 282). Теперь ясно, что Кассиан игуменствовал в Спасо-Каменном монастыре в начале 1460-х годов, до лета 1462 г.

<sup>27</sup> ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. Стб. 207—208; М.; Л., 1949. Т. 25. С. 227—278.

<sup>28</sup> Не в самом ли начале княжения Ивана III, между прочим, был заключен договор Ивана III с Михаилом Верейским, в котором подтверждалось пожалование Михаилу Вышгорода, вскоре отнятого у него (ДДГ. М.; Л., 1950. № 64. С. 208, 210—211; № 65. С. 213)?



сопротивлению Михаила Верейского и поддержавшего его в этом споре митрополита Геронтия) перехода Кирилло-Белозерского монастыря под сюзеренитет ростовского владыки<sup>29</sup>. Причем прецедент, происшедший весной 1461—весной 1462 г., был использован как одно из доказательств законности претензий ростовского епископа на юрисдикцию над Кирилло-Белозерским монастырем. На этот прецедент ссылался на суде представитель архиепископа Вассиана Ф. Пулуханов<sup>30</sup>.

*Н. А. Соболева*

## О СТАНОВЛЕНИИ ВОСКОВОЙ ПЕЧАТИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ

Несмотря на значительные успехи, достигнутые в изучении русских печатей<sup>1</sup>, многие вопросы отечественной сфрагистики остаются невыясненными. Проблематичным, в частности, является становление восковой печати на Руси — время появления, цель употребления, ее связь с правовыми понятиями общества, типология, иконография и пр.

Развитие института печати в Древней Руси на протяжении первых почти пяти веков его существования отражено в отечественной историографии. Определены первоисточки этого института, выделен архаический «довизантийский» тип печати, какой является булла князя Святослава Игоревича (ум. в 972 г.)<sup>2</sup>, разграничены этапы бытования в Древней Руси того или иного типа буллы, сформулирован тезис о функциональной сущности русской буллы<sup>3</sup>. В целом для Руси в течение ряда столетий характерно использование вислой металлической печати по византийскому обычаю.

В течение XIV—XV вв. в дипломатической практике русских княжеств, а затем и общерусского государства удостоверитьную функцию начинает выполнять восковая печать<sup>4</sup>.

<sup>29</sup> Подробнее о событиях 1478/79 г. см.: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М., 1951. Ч. II. С. 191—194; *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—первой трети XVI в. М.; Л., 1960. С. 54—58; ПСРЛ. Т. 24. С. 197; АСЭИ. Т. II. № 315. С. 280—282.

<sup>30</sup> АСЭИ. Т. II. № 315. С. 280—281.

<sup>1</sup> См. об этом: *Соболева Н. А.* Развитие отечественной сфрагистики // *Вопр. истории.* 1985. № 2.

<sup>2</sup> *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. I. С. 40.

<sup>3</sup> Там же. С. 157.

<sup>4</sup> Восковые печати представляют собой следующий по времени этап развития русской сфрагистики после металлических печатей, однако не исключается сосуществование тех и других. Находки перстней-печатей, особенно

Следует подчеркнуть, что переход от металлических печатей к восковым предполагает не только перемену материала печати, но также утверждение нового по сравнению с прежним изображения, как правило, светского, за исключением печатей лиц духовного звания, круговой легенды определенного содержания, варьирования способа опечатывания документа, скрепляемого вислой или прикладной печатью, и т. п. Процесс утверждения восковой печати в дипломатической практике Руси происходил постепенно, имел региональные особенности. Выяснение всех аспектов этого процесса — задача будущих исследований. В настоящей же статье внимание сосредоточено на выявлении факторов, способствовавших усвоению восковых печатей в дипломатической практике Северо-Восточной Руси — регионе, где впоследствии возникла печать единого Русского государства.

\* \* \*

Хронологический рубеж замены свинцовых булл восковыми печатями в литературе намечался лишь приблизительно<sup>5</sup>. Более четко определил границу перехода от металлических печатей к восковым Н. П. Лихачев. По его мнению, византийская традиция с ее преобладанием металлических булл удерживает свое влияние на Руси до конца XIV в. Далее в отечественной сфрагистике преобладали различные виды восковых печатей — вислых и прикладных. С конца XV в., считал Лихачев, западноевропейский характер в изображениях и стиле печатей господствует<sup>6</sup>. Разграничивая этапы развития отечественной сфрагистики, Лихачев исходил из общеизвестного положения, что западноевропейская сфрагистика, не отвергая металлических булл, в основе своей имела воско-мастичные печати.

Картина преемственности нарисована Лихачевым только в общих чертах. Если детальнее рассматривать этот процесс, то необходимо проследить, по каким каналам осуществлялась данная преемственность. Многие исследователи печатей считали посредни-

---

на юге России, могут свидетельствовать об употреблении наряду с буллами прикладных восковых печатей. Об этом говорят и находки металлических, деревянных, костяных печатей-матриц в древнерусских городах (*Жизневский А. К.* Описание Тверского музея. Археологический отдел. М., 1888. С. 186—188; *Милонов Н. П.* Тверская печать XV в. // *СА.* 1946. Вып. VIII. С. 299; *Полубояринова М. Д.* Костяная печать из Серенска // *КСИА.* М., 1971. Вып. 125. С. 95—97 (в данной работе отмечены случаи находок металлических и костяных матриц XIII—XV вв. в Москве, Новгороде, Смоленске и других древнерусских городах); *Седова М. В.* Печать из Суздаля // *СА.* 1979. № 4. С. 278—280).

<sup>5</sup> См., например: *Орешников А. В.* Материалы к русской сфрагистике // *Тр. Москов. нумизматич. о-ва.* М., 1903. Т. III, вып. 1. С. 150.

<sup>6</sup> *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1928. Вып. 1. С. 1. Тем не менее Лихачев допускает, что начало западноевропейского влияния на сфрагистическое изображение наблюдается уже с конца XIII—начала XIV в. (Там же. С. 22—23, 30—31, 48, 51, 68—69; Л., 1930. Вып. 2. С. 31).

ком между Западной Европой и Русью Литву<sup>7</sup>. Подобную возможность проникновения на Русь западноевропейских влияний отрицать нельзя. Простое сравнение печатей великого князя Василия Дмитриевича, привешенных ко второй и третьей духовным грамотам<sup>8</sup>, и печатей Витовта последних десятилетий его правления<sup>9</sup> позволяет установить их тождественность. Печать Василия Дмитриевича у третьей духовной оттиснута в восковой чаше, что характерно не только для печатей Витовта, но является особенностью западноевропейской средневековой сфрагистики. Можно привести и другие примеры, говорящие о посредничестве Великого княжества Литовского в становлении на Руси нового способа скрепления документа: одновременное использование литовскими князьями печатей с латинскими и русскими легендами, адекватность художественных образов и мотивов русских, литовских, польских и других западноевропейских печатей XIV—XV вв. На эти моменты обращали в свое время внимание исследователи русских печатей А. Б. Лакиер, А. В. Орешников, Н. П. Лихачев.

Однако это был не единственный путь проникновения новых традиций в отечественную сфрагистику. В середине XIV в.<sup>10</sup>, а по мнению некоторых ученых, даже в начале XIV в.<sup>11</sup> наблюдается восстановление связей Руси с Балканскими странами, прерванных монголо-татарским нашествием. Связи Руси указанного времени с южнославянскими странами и Византией нашли отражение в языке, литературе, искусстве<sup>12</sup>. Прослеживаются они и по линии идейно-политических воздействий<sup>13</sup>. Однако не все аспекты взаимодействия стран, включенных в это умственное движение, изучены с достаточной полнотой. Например, лишь намечены элементы сходства в делопроизводстве Руси, южных славян и Византии<sup>14</sup>. Между тем специальное дипломатическое исследование, как считал М. Н. Тихомиров, во многом способствовало бы выяснению этого вопроса. А. С. Лаппо-Данилевский полагал, что

<sup>7</sup> Лакиер А. Б. Русская геральдика. СПб., 1855. С. 117—118, 125—127; Koehn B. Notice sur les sceaux et les armoiries de la Russie. P., 1861. P. 6—7; Лихачев Н. П. Указ. соч. Вып. 2. С. 237, 257.

<sup>8</sup> ДДГ. М.; Л., 1950. № 21, 22. Рисунки печатей см.: СГГД. М., 1813. Ч. 1. № 41, 42.

<sup>9</sup> Semkowicz W. Sfragistyka Witolda // Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne. Kraków, 1931. XIII. S. 84—85; Vossberg F. Siegel des Mittelalters von Polen, Lithauen, Schlesien, Pommern und Preussen. B., 1854. Taf. 22.

<sup>10</sup> Лихачев Д. С. Литература времени национального подъема // Памятники литературы Древней Руси. XIV—середина XV в. М., 1981. С. 5.

<sup>11</sup> Мошин В. О периодизации русско-югославянских литературных связей X—XV вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. XIX. С. 100.

<sup>12</sup> См. об этом: Тихомиров М. Н. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. // Славянский сборник. М., 1947; Он же. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969; Лихачев Д. С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958.

<sup>13</sup> Хорошкевич А. Д. Русско-славянские связи конца XV—начала XVI в. и их роль в становлении национального самосознания России // VII Международный съезд славистов. Варшава, 1973. С. 416—421.

<sup>14</sup> Тихомиров М. Н. Исторические связи русского народа. С. 176—177.



формы некоторых русских актов, в частности духовных грамот, складывались под византийским влиянием<sup>15</sup>.

По единодушному мнению исследователей, взаимодействие Руси со странами юго-востока Европы наиболее заметно ощущается в области письменности. В местах общения русских, греков и южных славян, а такими центрами являлись Константинополь, монастыри Афона, возможно, монастыри Сербии и Болгарии, русские могли познакомиться не только с литературными, но и с делопроизводственными памятниками, с дипломатическими нормами. Согласно традиционной точке зрения дипломатическая практика южнославянских стран и Византии была идентичной<sup>16</sup>. Между тем, по данным современных исследований, это положение не является безусловным. Византия оказала бесспорное воздействие на дипломатику южнославянских стран. Речь идет прежде всего о публичном акте. Наиболее распространенным среди них является хрисозул. Именно хрисовулы служили моделью в канцеляриях суверенов Болгарии и Сербии. Но другие типы византийских актов не оказали заметного влияния на дипломатику этих стран<sup>17</sup>. Общность с Византией сказывается и в использовании обычая металлической печати — золотой, позолоченной, свинцовой<sup>18</sup>. Однако исследователи отмечали, по крайней мере в отношении Сербии, что металлических печатей здесь много меньше, нежели восковых<sup>19</sup>. Восковые византийские печати не сохранились<sup>20</sup>. Но они существовали для скрепления распоряжений императоров — простагм, обеспечивая их сохранность и секретность<sup>21</sup>. Печати оттискивались при помощи императорского перстня. Тот же прием «закрытия» документа (он складывался особым способом) переняла сербская канцелярия и использовала прикладные печати в течение XIII—XV вв., когда в Западной Европе они ред-

<sup>15</sup> Давид-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920. С. 124—125.

<sup>16</sup> Dölger F. Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953. S. 268—269; *Idem*. Aus den Schatzkammern des heiligen Berges. München, 1948. S. 319; *Idem*. Die byzantinische und die mittelalterliche serbische Herrscherkanzlei // XII-e Congrès international des études byzantines. Belgrade-Ochride, 1961. S. 101—102.

<sup>17</sup> Lascaris M. Influences byzantines dans la diplomatie bulgare, serbe et slavo-roumaine // Byzantinoslavica. Praha, 1931. T. III. P. 503.

<sup>18</sup> До недавнего времени считалось, что среди сербских печатей нет ни одной свинцовой (Ивић А. Стари српски печати и грбови. Нови Сад, 1910. С. 11), однако сейчас известия о них опубликованы (Mošin V. Les sceaux de Stephan Nemanja // Actes du VI-e Congrès international d'études byzantines. Paris, 1951. T. II. P. 303—306; Andelić P. Srednjovjekovni pečati iz Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 1970. S. 55—58).

<sup>19</sup> Ивић А. *Op. cit.* С. 11.

<sup>20</sup> Dölger F. Byzantinische Diplomatie. Ettal, 1956. S. 47; Dölger F., Karayannopoulos J. Byzantinische Urkundenlehre. München, 1968. S. 45; Dölger F. Die byzantinische und die mittelalterliche serbische Herrscherkanzlei. S. 98; Zacos G., Vegler A. Byzantine lead seals. Basel. 1972. Vol. 1. S. 5.

<sup>21</sup> Яковенко П. А. Исследования в области византийских грамот. Грамоты Нового монастыря на о-ве Хиосе. Юрьев, 1917. С. 65, 107; Dölger F. Byzantinische Diplomatie. S. 47; Dölger F., Karayannopoulos J. *Op. cit.* S. 44—45.

ки<sup>22</sup>. Иконография византийских восковых печатей не ясна. В отношении же перстневых печатей сербских правителей известно, во-первых, что в XIII—XV вв. они многочисленны; во-вторых, что они употреблялись наряду с хрисовулами и восковыми печатями другого типа<sup>23</sup>; в-третьих, в качестве печатей использовались геммы с изображением льва, орла, различных монограмм вместо герба; в-четвертых, перстневая печать считалась «малой» печатью, большой же — большая вислая двухсторонняя печать<sup>24</sup>.

Хотя всесторонне осветить сходство и различие византийской и южнославянской дипломатики позволит лишь специальное сравнительно-источниковедческое исследование, уже сейчас ученые подчеркивают, что наряду с утверждением византийских норм и правил в дипломатике южных славян заметно и отступление от них. Последнее сказывается, например, в отличающейся от византийской формальной стороне грамот (пожалований) на славянском языке, которые обнаруживают целый ряд характерных особенностей. Так, санкция в византийских хрисовулах перестает встречаться с XIII в., в сербских же и болгарских хрисовулах в XIV в. духовная санкция употребляется очень часто<sup>25</sup>; подпись красными чернилами в славянских актах существует, с той разницей, однако, что она не является автографом, как было принято в Византии; болгарские цари, сербские короли не подписывали акты собственноручно<sup>26</sup>. Замечены и другие отличия актов на славянском языке. В частности, они касаются печатей, где наряду с византийской традицией прослеживается очень сильное западноевропейское влияние, что выражается как в широком использовании в качестве материала воска, так и в характере изображительного типа<sup>27</sup>.

Светская символика занимает прочное место в оформлении печатей и монет Болгарии. Некоторые болгарские цари в конце XIII—начале XIV в. чеканят монеты с изображением двуглавого орла, царя на коне. На болгарских монетах XIV в. можно видеть и льва с высунутым языком, идущего на задних лапах. Данные эмблемы типичны для монет и печатей Западной Европы. В Византии они,

<sup>22</sup> Čremošnik G. Studije za srednjovjekovnu diplomatiku i sigilografiju južnih slovena. Sarajevo, 1976. S. 82.

<sup>23</sup> См. об этом: Станојевих С. Студије о српској дипломатици // Глас српске краљевске академије. Београд, 1928. С. XXXII; Ивић А. Op. cit. Tabl. I—XVII.

<sup>24</sup> Станојевих С. Op. cit. С. 14, 17, 23—24; см. также: Ивић А. Op. cit. С. 13, 16; Јуречек К. Историја Срба. Београд, 1923. Св. 3-я. С. 32; Čremošnik G. Op. cit. S. 66. Тождество печати и перстня в сербской сфрагистике подтверждается круговой надписью на печати короля Вукашина, оттиснутой на зеленом воске и датированной 1370 г.: «Благоверна крале Вљкашина пръстенъ» (Ивић А. Op. cit. Табл. IV, 22).

<sup>25</sup> Мошин В. А. К вопросу о составлении хрисовулов у южных славян и в Византии // Юбилейный сборник Рус. археологич. о-ва в королевстве Югославия. Белград, 1936. С. 6.

<sup>26</sup> Lascares M. Op. cit. P. 505.

<sup>27</sup> Јуречек К. Op. cit. С. V, 32; Dölger F. Aus den Schatzkammern. S. 322, 334.

как правило, в этом качестве не употреблялись<sup>28</sup>. Золотые буллы болгарских царей наряду с византийским обычаем расположения надписей используют и круговую легенду на западноевропейский манер<sup>29</sup>.

Более, чем в Болгарии, западноевропейские традиции сказываются на сербских печатях. В Сербии с начала XIII в. появилась восковая булла, которая в XV в. почти полностью заменила золотые буллы даже в документах, квалифицированных в тексте грамот как «хрисовулы»<sup>30</sup>. Примером могут служить грамоты «на сербском наречии», выданные русскому монастырю на Афоне в XIV—XV вв. сербскими королями и деспотами. При некоторых из них сохранились печати «все из темного воску и привесные на шелковых разного цвета снурках»<sup>31</sup>.

Широкое применение восковых печатей в Сербии обусловлено в первую очередь, по-видимому, распространением в делопроизводстве такого материала для письма, как бумага. Сербская канцелярия была первой из канцелярий южнобалканских стран, где бумага начала использоваться наряду с пергаменом для важных актов<sup>32</sup>. Это произошло в начале XIV в. В остальных южнославянских канцеляриях бумага никогда «не достигла ранга» пергамента<sup>33</sup>. Характерным для Сербии является использование как средства внешнего оформления верховной власти тронных, конных печатей, бытующих в западноевропейской сфрагистике. Изображению короля, сидящего на троне или верхом на коне, в рыцарской одежде, обычно сопутствует круговая легенда на славянском или латинском языке<sup>34</sup>.

Наряду с такими западноевропейскими приемами, как использование печати отца (предшественника) или своей же, но более раннего периода правления, употребление античных гемм вместо герба на печатях не только частными лицами, но и правителями, помещение на печатях латинской легенды или ее перевода<sup>35</sup> и т. д., исследователи подмечают и отличительные особенности сербской сфрагистики: в ней отсутствует стройная схема как в развитии

---

<sup>28</sup> Герасимов Т. Антични и средновековни монети в България. София, 1975. С. 129—135; Мушмов Н. Монетитѣ и печатитѣ на Българскитѣ царе. София, 1924. С. 61, 76—77, 86—87, 94—96, 99, 102—103, 134, 144—145. Мушмов считает, что в конце XIV в. сюжет всадника от болгарских царей заимствовали византийские императоры; что же касается двуглавого орла, то он, по мнению автора, явился примером для русского великого князя Ивана III.

<sup>29</sup> Мушмов Н. Op. cit. С. 144—145, 162; Gerasimov Th. Sceaux bulgares en or de XIII-e et XIV-e siècles // Byzantino-slavica. Prague, 1960. T. XXI. N 1. P. 66.

<sup>30</sup> Lascaris M. Op. cit. P. 505.

<sup>31</sup> Акты русского на св. Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона. Киев, 1873. С. 412.

<sup>32</sup> Čremošnik G. Op. cit. S. 37.

<sup>33</sup> Ibid. S. 38; Lascaris M. Op. cit. P. 506.

<sup>34</sup> Ivešić A. Op. cit. С. 14—15. Табл. I—XVII; Andelić P. Op. cit. S. 9—10.

<sup>35</sup> Јуречек К. Op. cit. С. 15—32; Ivešić A. Op. cit. С. 16; Čremošnik G. Op. cit. S. 61.



отдельных типов печатей, так и в их употреблении в качестве правовой категории, какую можно наблюдать в некоторых государствах Западной Европы этого времени <sup>36</sup>, совершенно не используется контрпечать, и если речь идет о двусторонней печати, то размер оттисков с обеих сторон одинаков <sup>37</sup>, прослеживается явная тенденция к использованию односторонних вислых восковых печатей <sup>38</sup>.

К числу западноевропейских влияний, по-видимому, следует отнести и использование в Сербии в качестве государственной эмблемы двуглавого орла, о чем говорит изображение последнего на печатях правителей конца XIV—начала XV в. <sup>39</sup> Есть предположение, что эмблема двуглавого орла получила геральдическое значение в начале XV в. при деспоте Стефане Лазаревиче <sup>40</sup>. Традиция связала двуглавого орла с Неманичами, и эта эмблема вошла в историю как символ сербской государственности <sup>41</sup>. Хотелось бы подчеркнуть, что эта традиция не прослеживается в Византийской империи <sup>42</sup>. Что касается императорских печатей, то после завоевания крестоносцами Константинополя и основания Латинской империи они приобрели сугубо западноевропейский вид: скачущий на коне рыцарь, сидящий на троне император, круговая легенда <sup>43</sup>. Реставрация империи (1261 г.) повлекла за собой возврат к обычному византийскому типу печати. Однако в конце существования империи в Византии появляются красновосковые, а также оттиснутые через бумагу печати, что рассматривается как подражание Западной Европе <sup>44</sup>.

Печати Северо-Восточной Руси в той мере, в какой они известны к настоящему времени, позволяют сделать ряд наблюдений, свидетельствующих об усвоении отечественной сфрагистикой византийских и южнославянских традиций. Скрепление княжеского документа металлическими печатями (золотыми, свинцовыми) для Северо-Восточной Руси XIV в. оставалось традиционным. Однако нельзя не заметить все усиливающейся в XIV в. тенденции к упрочению восковой печати, что связано с употреблением в канцелярской практике Северо-Восточной

<sup>36</sup> *Ivić A.* Op. cit. С. 17.

<sup>37</sup> *Čremošnik G.* Op. cit. S. 49, 63.

<sup>38</sup> *Ibid.* S. 63; *Ivić A.* Op. cit. Таблицы.

<sup>39</sup> *Čremošnik G.* Op. cit. S. 138—139, 145.

<sup>40</sup> *Soloviev A.* *Istoriја srpskog grba*. Melburn, 1958. Эта работа известна нам лишь по рецензии на нее: *Grothusen K. D.* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1959. Bd. 7. S. 507—512.

<sup>41</sup> См., например: *Жефаровић Х.* Стематологија. Нови Сад, 1961. Рисунок герба царства Неманичей представляет собой двуглавого орла под короной, на каждой голове по короне, крылья распахнуты. Стих под рисунком начинается с фразы: «Сербский Орел Римского превзыити. . .».

<sup>42</sup> См. об этом: *Соболева Н. А.* Символы русской государственности // *Вопр. истории*. 1979. № 6.

<sup>43</sup> *Zacos G., Veglery A.* Op. cit. S. 102.

<sup>44</sup> *Dölger F., Karayannopoulos J.* Op. cit. S. 45; *Dölger F.* *Aus den Schatzkammern*. S. 316; см. также: *Кашианов С. М.* Современные проблемы европейской дипломатии // *АЕ* за 1981 год. М., 1982. С. 29.

Руси бумаги. Анализ сохранившихся княжеских печатей XIV—XV вв. показывает преобладание вислых восковых односторонних печатей. Подобный способ скрепления документа характерен для Сербии XIV—XV вв., но не для Византии, где восковые печати таким образом запечатывали документ, что неизбежно ломались при его вскрытии, поэтому они и не сохранились. Характерным является также использование в качестве печатей перстней с геммами, отсутствие контрпечати (хотя иногда оттиски разных перстней формируют лицевую и обратную стороны вислой восковой печати)<sup>45</sup>, использование печати предшественника<sup>46</sup> и т. д. С вариантом круговой легенды («ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА»), содержащей титул и имя князя, знакомит нас золотая печать Ивана Калиты при его духовной 1339 г.<sup>47</sup> Круговую легенду несут многие восковые печати XIV—XV вв. В литературе<sup>48</sup> уже отмечался факт сходства золотой буллы Стефана Душана 1349 г. (у Ивича — 1350 г.) и аналогичной печати Симеона Гордого, привешенной к его духовной 1353 г.<sup>49</sup> Вместо греческого «агнос» здесь рядом с фигурой святого имеется надпись: «семен с(вя)ты». На печати царя Стефана Душана<sup>50</sup> — «стефане првомученик(к)». Хотя лицевые стороны печатей различны (на печати Стефана Душана — изображение стоящего царя в короне и царском одеянии, а на печати Симеона Гордого — строчная надпись), их сближает легенда, упоминающая в титуле «все земли српске» и «всая Руси».

Наблюдаются аналогии в становлении отдельных государственных эмблем. Так, с XIV в. на русских княжеских восковых печатях появляется вооруженный всадник<sup>51</sup>. Данный сюжет характерен как для сербских конных печатей, так и для аналогичных печатей Западной Европы в целом, где он служил указанием на принадлежность владельца печати к правящему дому. Однако в отечественной сфрагистической практике отсутствуют тронные печати, употреблявшиеся в этот период сербскими королями, что объясняется титулом русских правителей. С XIV в. Северо-Восточной Руси была известна эмблема двуглавого орла как атрибута власти<sup>52</sup>. Не исключено, что знакомству способствовали связи с южными славянами, у которых двуглавый орел помещался на монетах и печатях. Однако в качестве общегосударственного символа двуглавый орел был принят Иваном III лишь в начале или в течение последнего десятилетия XV в.<sup>53</sup>

<sup>45</sup> СГГД. Ч. 1. № 33, 41, 44, 86—87.

<sup>46</sup> Там же. № 44 и 35; 89 и 87.

<sup>47</sup> Орешников А. В. Материалы к русской сфрагистике. Табл. 1, № 1.

<sup>48</sup> Тихомиров М. Н. Исторические связи русского народа. С. 176—177.

<sup>49</sup> Орешников А. В. Материалы. Табл. 1, № 3.

<sup>50</sup> Давић А. Ор. cit. Табл. III, № 15—16.

<sup>51</sup> Янин В. Л. Указ. соч. М., 1970. Т. II. С. 37.

<sup>52</sup> Орешников А. В. Древнейшее русское изображение двуглавого орла // Тр. Москов. нумизматич. о-ва. М., 1899. Т. II, вып. 1. С. 12—14.

<sup>53</sup> Подробнее об этом см.: Соболева Н. А. Символы русской государственности.

Отмеченные нами факты параллелизма в практике оформления атрибутов власти сопоставимы с явлениями, характеризующими общее интеллектуальное движение, которое с XIV в. охватило христианский мир юго-востока и востока Европы. На протяжении всего периода вычленяются этапы большего или меньшего взаимовлияния Руси и Балканских стран. Так, в середине XIV в. Афон вошел в политические границы «царства сербов и греков» Стефана Душана. Известны, как уже отмечалось, грамоты сербских королей и деспотов русскому монастырю на Афоне. Афон же был одним из основных центров культурного и идейного общения Руси и Балканских стран. Вполне вероятно, что в результате подобного общения взаимно усваивались государственные идеи, олицетворяющие их символы и эмблемы, дипломатическая практика, трансформируясь в зависимости от собственных, уже существующих особенностей. Если учесть, например, такие факты, как поддержка сербскими правителями русского монастыря на Афоне вплоть до падения монгольского ига<sup>54</sup>, извещение Стефаном Душаном московского великого князя и русской церкви о провозглашении царства и установлении сербской патриархии<sup>55</sup>, знакомство русских читателей с биографиями сербских «кравлей» Неманичей, попытки породниться с сербским правящим домом<sup>56</sup>, а также стремление московских великих князей и царей предстать в роли хранителей славянского православия и наследников сербского правящего дома<sup>57</sup>, последующие тесные связи России с Сербией, то отмеченные нами аналогии в сфрагистике Сербии и Северо-Восточной Руси приобретают особое значение<sup>58</sup>. Они подкрепляют наблюдения и выводы М. Н. Тихомирова о приоритете Сербии (со всеми ее отличными от Византии особенностями) в сложном механизме взаимодействий восточных славян с балканскими народами, известном под названием второго южнославянского влияния<sup>59</sup>. Последнее, разумеется, не было только внешним явлением, а обуславливалось социально-политическим состоянием Руси и развитием ее государственности.

В русле общих тенденций, влияющих на процесс становления единого Русского государства, протекало и формирование тех или иных его институтов, ранее находившихся в сфере безусловного византийского влияния. В частности, отечественный сфрагистический материал указанного времени в сопоставлении с введенными в научный оборот аналогичными памятниками юго-востока Европы позволяет резюмировать, что в южнославянских

<sup>54</sup> Акты русского на св. Афоне монастыря. С. VIII.

<sup>55</sup> Мошин В. О периодизации. С. 99.

<sup>56</sup> Хорошкевич А. Л. Указ. соч. С. 408.

<sup>57</sup> Тихомиров М. Н. Исторические связи России. С. 83—93; Хорошкевич А. Л. Указ. соч. С. 408—409.

<sup>58</sup> Как уже отмечалось, сфрагистика Сербии испытала сильное западноевропейское влияние. Таким образом, на Русь пришла хоть и трансформированная в сербской дипломатической практике, но западноевропейская традиция скрепления документа при помощи восковой печати.

<sup>59</sup> Тихомиров М. Н. Исторические связи России. С. 9.



государствах и в русских землях византийская традиция в использовании материала для печатей и оформлении типа последних не осталась доминирующей вплоть до падения Византийской империи. Общность с Византией в использовании обычая металлической печати, общность иконографии постепенно теряют свою обязательность. Новые факторы, в основе которых лежала иная культурно-историческая ориентация, способствовали развитию сфрагистики единого Русского централизованного государства, и в этом процессе существенную роль сыграли связи с южными славянами.

*Р. Г. Скрынников*

## ЗЕМЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ОПРИЧНИНЫ

Закрепощение крестьян и зарождение самодержавия оказали глубокое влияние на развитие всей социально-политической структуры Русского государства в XVI в. Опричнина явилась первой в русской истории попыткой утвердить самодержавную систему правления, неограниченную власть царя. История опричнины вызвала к жизни огромную литературу. Наибольшие споры вызывает до настоящего времени вопрос об опричной земельной политике.

Известный русский историк С. Ф. Платонов предположил, будто через опричнину царь Иван IV свел княжат с их родовых вотчин и тем самым разрушил гнезда княжеского землевладения на Руси. Согласно гипотезе Платонова, в рамках опричнины оказались земли с наибольшим количеством удельнокняжеских вотчин. Самые общие соображения по поводу опричной географии позволили заключить, что опричнина была крупной государственной реформой<sup>1</sup>. Однако уже С. Б. Веселовский установил, что Платонов недостаточно точно определил территориальные границы опричнины. Основные гнезда удельнокняжеского землевладения располагались за пределами опричных владений царя, а следовательно, внутриопричные конфискации не могли их затронуть. Жертвами опричных мер стали помещики, поскольку в опричных уездах полностью преобладала помещная система землевладения. Не принятые на опричную службу дворяне были изгнаны в земские уезды. «Указом об опричнине началось великое переселение служилых землевладельцев, разорившее несколько десятков тысяч средних и мелких владельцев. . .»<sup>2</sup> На основании подобного рода наблюдений Веселовский категорически отверг

<sup>1</sup> Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937. С. 119.

<sup>2</sup> Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 178.

типотезу Платонова, согласно которой опричная земельная политика была направлена против князей и бояр<sup>3</sup>.

А. А. Зимин развил тезис Веселовского о том, что опричнина не была направлена против княжат-бояр, но не согласился с его выводом насчет бессмысленности опричных репрессий против церкви и Новгорода. По мнению Зимина, Новгородская земля и всероссийская церковь были последними форпостами удельной децентрализации в XVI в., из чего следует, что репрессии против них имели глубокий политический смысл<sup>4</sup>. Зимин не разделял мнение Веселовского о массовом выселении служилых людей, считая, что указ о выселении земских из опричнины не был полностью осуществлен<sup>5</sup>. В. Б. Кобрин в своих основных оценках согласился с Зиминим. С точки зрения Кобрина, «опричнина не была переломом в судьбах княжеского землевладения». Касаясь положения дел в Суздале, Кобрин пишет, что даже применительно к этому крупнейшему опричному уезду факт массового выселения местных землевладельцев не доказан<sup>6</sup>.

Обратимся к фактам, характеризующим политику Ивана IV в отношении поместных земель опричных уездов. Очевидцы и участники опричных смотров неоднократно писали о выселении земских помещиков из уездов, взятых в опричину. Так, И. Таубе и Э. Крузе сообщали, что при учреждении опричнины на смотр явилось 6 тыс. местных дворян, из которых в опричину было зачислено 560 человек, а прочие подлежали выселению<sup>7</sup>.

Показания нарративных источников могут быть уточнены с помощью данных массового источника — подлинных Разрядных записей XVI в. Особую ценность представляют Роспись похода на Полоцк 1563 г. и похода против крымцев в 1572 г. В обоих походах участвовали главные силы дворянского ополчения. Разряды отразили положение дел накануне опричнины и в момент ее отмены. Наибольшие перемены отмечены в Суздальском уезде. В походе 1572 г. суздальских детей боярских было в три раза меньше, чем в походе 1563 г. Сравнение приведенных цифр, возможно, является некорректным, ибо в походе 1572 г. участвовало в полтора раза меньше служилых людей, чем в 1563 г., а часть суздальцев могла находиться в других местах. Оно требует проверки.

Анализ данных о крупнейших мобилизациях второй половины XVI в. обнаруживает устойчивую тенденцию к сокращению поместного ополчения. В кампании 1563 г. участвовало 18 105 дворян и детей боярских, а походе 1577 г. — только 10 532<sup>8</sup>.

<sup>3</sup> Там же. С. 29—36, 478—479.

<sup>4</sup> Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 477.

<sup>5</sup> Там же. С. 314.

<sup>6</sup> Кобрин В. Б. Землевладение светских феодалов и социально-политический строй России XV—XVI вв.: Автореф. дис. . . . докт. ист. наук. Л., 1983. С. 30—31.

<sup>7</sup> Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Рус. исторический журн. Пг., 1922. Кн. 8. С. 36.

<sup>8</sup> Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. Л., 1975. С. 46.

Сведения Разрядных росписей полностью согласуются с данными другого массового источника — писцовых книг второй половины XVI в. Писцовые книги показывают, что в результате разорения 70—80-х годов XVI в. значительная часть поместного фонда запустела и множество обнищавших помещиков выбыло со службы. Самое значительное сокращение уездных дворян (в ополчении) падает на период опричнины.

ЧИСЛЕННОСТЬ ДВОРЯН В ОПОЛЧЕНИИ ПО РАЗРЯДАМ<sup>9</sup>

|                                                         | 1563 г. | 1572 г.    |
|---------------------------------------------------------|---------|------------|
| По всем уездам государства                              | 18 105  | 11 972     |
| в том числе по уездам, включенным в 1565 г. в опричнину | 2 392   | 967        |
| По отдельным уездам, включенным в 1565 г. в опричнину   |         |            |
| Суздаль                                                 | 636     | 210        |
| Можайск                                                 | 486     | 127        |
| Вязьма                                                  | 314     | 180        |
| Козельск                                                | 290     | 130        |
| Галич                                                   | 250     | 150        |
| Медынь                                                  | 218     | 95         |
| Малый Ярославец                                         | 148     | 75         |
| Белев                                                   | 50      | нет данных |

Согласно указу об опричнине (в летописном изложении), Иван IV приказал образовать опричную армию в составе 1 тыс. дворян и детей боярских и испоместить их «с одново» в опричных уездах, передав им поместья, конфискованные у уездных дворян, высланных в земщину. Судя по Разрядам, царский приказ был выполнен. В 1565 г. опричные уезды могли выставить в поле 2 тыс. помещиков, а в 1572 г. те же уезды послали в поход 967 детей боярских. Разрядная и летописная цифры совпадают почти полностью, учитывая отсутствие данных по Белеву.

Насколько надежен метод сопоставления разрядных цифр? По мнению Кобрин, нет никаких доказательств того, что уменьшение числа суздальцев (если такое уменьшение было) связано с опричным генеральным смотром и выселением, поскольку часть суздальцев-опричников в 1572 г. могла находиться в Новгороде с царем, а часть — отдыхать после похода на Швецию<sup>10</sup>. Если возникает необходимость в анализе того, что могло быть (а не того, что было), тогда надо возможно более точно представить реальное положение дел. В 1571 г. крымцы сожгли Москву, а в 1572 г. решили нанести России окончательное поражение. В том же 1572 г. царь послал всю опрично-земскую армию оборонять Москву, а сам заявил, что идет воевать со Швецией и уехал в Новгород. Совершенно очевидно, что война со шведами была для

<sup>9</sup> Скрынников Р. Г. Начало опричнины. Л., 1966. С. 263.

<sup>10</sup> Кобрин В. Б. Указ. соч. С. 30.



царя лишь благовидным предлогом, позволившим ему уклониться от участия в грандиозном сражении под Москвой. Никакого шведского похода с участием суздальских детей боярских не было и не могло быть. Разрядные записи и новгородские летописи засвидетельствовали, что весь шведский поход свелся к тому, что служилые татары совершили набег на Финляндию<sup>11</sup>. Татар послали на север только потому, что их надо было убрать с южных границ. Татарские отряды предпочитали не использовать в войнах с крымцами. К 1572 г. Иван IV казнил многих видных опричников и готовился распустить опричнину. Все эти факты никак не согласуются с гипотезой, что опричники-суздальцы в 1572 г. могли окружать царя в Новгороде, могли отдыхать после похода в Швецию и пр.

Итак, в 1563—1572 гг. общая численность поместного ополчения (в главных походах) сократилась в полтора раза, тогда как в опричных уездах число дворян уменьшилось вдвое, а в Суздале — втрое. Известно, что некоторые земские уезды были разгромлены опричниками и там были казнены сотни дворян. Почему же наибольшее сокращение наблюдается не в земских, а в привилегированных опричных уездах? Приведенные цифры доказывают, что принципы земельной политики, определенные указом об опричнине, осуществлялись на практике, в результате чего значительное количество местных помещиков, не принятых в опричнину, были выселены в земщину и лишились поместий в своих прежних уездах. Почему численность служилых людей помещиков Суздаля сократилась наибольшим образом? Рассмотрение этого вопроса подводит нас к анализу второй проблемы — проблемы опричной земельной политики в отношении землевладения суздальской знати.

Поместное землевладение преобладало в большинстве опричных уездов. Исключением был Суздаль, где находились крупные вотчины князей Шуйских и Горбатов-Суздальских. «Ничем, кроме сообщения о казни двух членов рода, — пишет Кобрин, — не доказано, что главные удары опричнины были обращены против „суздальской знати“»<sup>12</sup>. Если отказаться от рассмотрения изолированных фактов и исследовать факты в их системе, это значительно уточнит картину. Казнь боярина князя А. Б. Горбатого-Суздальского и его сына Петра явилась центральным политическим событием в момент учреждения опричнины. Один из лучших русских воевод, сыгравший выдающуюся роль при взятии Казани, А. Б. Горбатовый был крупнейшей политической фигурой своего времени. Казни пресекли род Горбатовых. Что касается князей Шуйских, то все они к моменту учреждения опричнины были молодыми людьми и не имели большого влияния. Тем не менее Иван IV не только конфисковал вотчины Горбатовых, но и забрал в опричнину весь Суздальский уезд. По свидетельству современников,

<sup>11</sup> Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л., 1969. С. 165.

<sup>12</sup> Кобрин В. Б. Указ. соч. С. 31.

из опричных уездов изгоняли тех землевладельцев, которые состояли в родстве или дружбе со знатью. Все сказанное объясняет, почему из Суздаля было выселено наибольшее число местных детей боярских. Власти стремились порвать традиционные связи потомков местной династии с их бывшими вассалами, многочисленным и влиятельным суздальским дворянством.

В летописном отчете об учреждении опричнины перечислено несколько бояр, подвергшихся гонениям и казням. При чтении летописи невольно возникает вопрос: почему царь не мог расправиться с кучкой неугодных ему лиц, не прибегая к дорогостоящей опричной затее? На размежевание земель, организацию особого опричного управления и войска были затрачены огромные средства. Официальный летописный отчет заканчивался следующими словами: «А дворяне и дети боярские, которые дошли до государьские опалы, и на тех опалу свою клал и животы их имал на себя, а иных сослал в вотчину свою в Казань на житье з женами и з детми»<sup>13</sup>. Можно ли толковать приведенный текст так, что одни дворяне подверглись опале и лишились имущества, а другие были посланы в Казань на житье? Представляется, что более точным будет иной перевод: опальные дворяне лишились имущества, причем часть из них («иные») были сосланы на поселение в Казань. Подтверждением этому может служить следующая запись Разрядных книг: в 1565 г. «послал государь в своей государеве опале князей Ярославских и Ростовских и иных многих князей и дворян и детей боярских в Казань на житье. . .»<sup>14</sup>. Служилые иноземцы Таубе и Крузе, принятые в опричнину, описали меры Грозного как очевидцы. «Представители знатных родов, — писали они, — были изгнаны безжалостным образом из старинных, унаследованных от праотцов имений, так что они не могли и не имели права взять с собой даже движимое имущество и вообще ничего из своих имений. . . Они были переведены на новые места, где им были указаны поместья. Их жены и дети были также игнаны и должны были идти пенком к своим мужьям и отцам. . .»<sup>15</sup> Имеются все основания соотнести свидетельство Таубе и Крузе с летописным известием о казанской ссылке. В обоих случаях речь идет о гонении на знать, о конфискации у опальных всего имущества в казну, об отобрании у них их родовых вотчин и переселении на новые места, где им дали поместья, наконец, о высылке на поселение жен и детей ссыльных. Свидетельства очевидцев не оставляют сомнения в том, что опричнина подвергала подлинному разграблению имущества князей и дворян, высланных из их уездов на окраину.

Архивные писцовые книги Казанского края помогли окончательно определить характер и значение казанской ссылки, крупнейшего мероприятия опричнины в сфере землевладения. Важность казанских книг стала очевидна после того, как удалось

<sup>13</sup> ПСРЛ. М., 1965. Т. 13. С. 395—396.

<sup>14</sup> Разрядная книга 1375—1605 гг. // ГПБ. Эрмитажное собр. Д. 390. Л. 327 об.

<sup>15</sup> Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 278.

доказать, что казанская опись была составлена в 1565 г. в прямой связи с реализацией царского указа, изложенного в московской летописи.

До сибирского похода Ермака Казанский край был восточной окраиной России, и, по существу, казанская ссылка явилась первым опытом будущей сибирской ссылки. Чтобы избавить себя от лишних расходов, правительство, конфисковав у ссыльных княжат родовые земли, наделило их крохотными поместьями в местах поселения. Казанские писцовые книги — это точные, юридически зафиксированные данные о передаче поместной земли опальным, из которых более половины носили княжеский титул. Вновь найденный массовый источник впервые дал надежную почву для решения вопроса о политике опричнины в отношении крупного княжеского землевладения. Казна конфисковала крупные вотчины у князей Горбатовых (в опричном Суздале), у князей Ярославских (в земском Ярославле), у князей Стародубских (в земском Стародубе), у князей Ростовских (в разных уездах). Можно считать доказанным, что при своем учреждении опричнина носила четко выраженный антикняжеский характер.

Несколько веков феодальной раздробленности оставили в наследство единому Русскому государству могущественную боярскую аристократию. Структура московского боярства запечатлела в себе всю историю объединения русских земель. Знать из различных земель приняла участие в формировании высшей московской иерархии, но не в одинаковой мере. Раньше, чем где бы то ни было, крупное феодальное землевладение сформировалось в Новгородской земле. Древнее новгородское боярство одержало верх над княжеской властью и основало феодальную республику. До присоединения Новгорода к Москве местное боярство сохраняло огромные земельные богатства и политическое господство. Именно боярство было носителем традиций раздробленности в Новгороде. Но Иван III конфисковал боярское землевладение и тем самым уничтожил древнее боярство на всей территории обширной Новгородской земли. Конфискованные земли были переданы на поместном праве московским служилым людям помещикам. Разгром новгородского боярства и развитие поместной системы землевладения в Новгороде стали одной из важных предпосылок формирования самодержавия в XVI в.

Княжества Владимиро-Суздальской земли давно тяготели к Москве, и их присоединение не сопровождалось продолжительной и кровавой войной. Поэтому местная титулованная знать избежала катастрофы, постигшей новгородскую аристократию. Князья Суздальские, Ярославские, Ростовские, Стародубские, происходившие (как и члены династии Калиты) от владимирского князя Всеволода Большое Гнездо, перешли на московскую службу, сохранив значительную часть своих земельных богатств. К середине XVI в. 282 представителя указанных княжеских фамилий заседали в Боярской думе или служили по особым княжеским и дворовым спискам. Процесс дробления княжеских вотчин неиз-



бежно привел к тому, что часть из них покинула пределы своих княжеств. Однако значительная часть потомков династий Северо-Восточной Руси продолжали сидеть крупными гнездами в районе Суздаля, Ярославля и Стародуба. Эта знать, условно названная нами суздальской знатью, была сильна не только своим количеством и вотчинами, но и тем, что в силу древней традиции она сохранила многообразные и прочные связи с массой местного дворянства, некогда вассального по отношению к местным династиям. Потомки этих династий не забыли своего бывшего величия. В их среде неизбежно сохранился запас политических настроений и традиций того времени, когда на Руси господствовала раздробленность.

Исследование казанской ссылки впервые высветило значение суздальской знати в качестве фактора политического развития. Потомки местных династий Северо-Восточной Руси едва ли стремились к тому, чтобы возродить феодальную раздробленность, но они претендовали на то, чтобы делить власть с московским государем и противились введению самодержавных форм управления. Именно поэтому Иван IV, задумав утвердить свою неограниченную власть, нанес удар суздальской знати. Намеривался ли царь целиком уничтожить политическое влияние этой знати и повторить то, что Иван III сделал с новгородской аристократией? Такое заключение было бы неверным. Накануне опричнины службу при дворе и в думе несли около 300 князей из названных выше фамилий. Из них в казанскую ссылку отправилось менее 100 семей. Прочие остались на своих вотчинах. Однако среди ссыльных было немало крупных землевладельцев. Конфисковав у них родовые вотчины, Иван IV нанес основательный удар суздальской знати. Становится понятным, зачем понадобились царю опричная охрана и опричный «удел» — своего рода «государство в государстве». Посягая на землевладение своих могущественных вассалов, Иван IV ждал отпора и готовился вооруженной рукой подавить сопротивление в среде аристократии. Казанские писцовые книги позволили установить еще одну важную веху в истории опричнины. Иван Грозный держал опальных княжат в ссылке всего год, а потом объявил об их прощении и возвращении им земель. Княжатам отдавали либо их старые вотчины, либо равноценные в других местах. Итак, в ряде случаев им удавалось вернуться в свои родовые гнезда. Но едва ли можно представлять дело так, будто казна могла возратить ссыльным, прожившим в местах поселения год и более, конфискованные вотчины в прежнем цветущем состоянии или полностью возместить движимое, разграбленное опричниками. Известно, как быстро развозили крестьян из выморочных имений и вотчин, лишившихся владельцев. Княжата должны были довольствоваться основательно опустевшими землями или ждать компенсации. Но у казны не было свободного фонда населенных земель, чтобы обеспечить всех вернувшихся из казанской ссылки. Никакие царские «прощения», по-видимому, не могли возместить Ярославским, Ростовским и Стародубским

князьям материальный ущерб, нанесенный им опричными конфискациями и ссылкой.

Почему опричная политика сохраняла антикняжескую направленность лишь в течение года, после чего потерпела полный крах? В XVI в. государство не располагало ни регулярной армией, ни развитыми карательными органами, отделенными от феодального сословия. А потому монарх не мог долгое время проводить политику, грубо попиравшую материальные интересы господствующего сословия. Недовольство охватило как титулованную знать, так и среднее дворянство, затронутое опричными выселениями. Традиционные взаимоотношения между монархией и правящим боярством оказались нарушенными. Авторитет самодержца катастрофически упал. Тогда перед лицом всеобщего недовольства Иван IV стал искать примирения со своими вассалами. Он вернул из ссылки удельного князя Воротынского, объявил о прощении опальных княжат. Попытки достичь политического компромисса не удались. Когда власти созвали в столице Земский собор для рассмотрения вопроса о войне, члены собора обратились к царю с настойчивым ходатайством об отмене опричнины. Описанные события послужили прологом для второго периода в истории опричнины, периода террора 1567—1571 гг. В этот период гонениям подверглась не столько знать, сколько высшая приказная бюрократия, мелкие новгородские помещики, церковные деятели, горожане. Многие опальные того времени либо несли службу непосредственно в государственных учреждениях, либо принадлежали к социальным слоям, которые составляли опору централизующегося государства. Эти общественные группы невозможно связать с традициями феодальной раздробленности. Реконструкция приказного списка синодика опальных Ивана IV, представляющего краткий конспект документов опричного архива, позволила установить достоверные данные по истории опричнины в 1567—1571 гг. Эти данные дают основания утверждать, что царский террор был политически бессмысленной мерой.

Вопреки традиционному взгляду опричнина никогда не была целью политики. Ни ее земельные мероприятия, ни ее репрессивные проявления в действительности не были подчинены единому принципу или единой программе на протяжении семи лет существования опричнины. Попытка утвердить самодержавный образ правления, опираясь исключительно на насилие, не удалась. К 1572 г. опричнина завела страну в тупик, и Иван IV вынужден был вернуться к традиционным методам управления государством, отменив опричнину.

## ИЖОРСКАЯ ЗЕМЛЯ (ИНГЕРМАНЛАНДИЯ) В ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ ШВЕДСКОЙ ВЛАСТИ (1702—1703 гг.)

Известно, что Ижорская земля с берегами Невы, захваченная шведами в период «Смутного времени» (в 1611—1612 гг.) и по Столбовскому мирному договору 1617 г. оставшаяся во владении Швеции, находилась в шведских руках до походов Петра I на Нотебург в 1702 г. и на Ниеншанц в 1703 г. Но в научной литературе до сих пор не было сведений о том, что происходило на берегах Невы и шире — в Ижорской земле в промежуток времени между двумя военными операциями — взятием Нотебурга (11 октября 1702 г.) и Ниеншанца (1 мая 1703 г.). В частности, нам не была известна для этого периода судьба Ниеншанца — шведского торгового города в низовьях Невы. Из имеющейся литературы и опубликованных источников<sup>1</sup> о походе на Ниеншанц в апреле 1703 г. совершенно неясно, продолжал ли город существовать к моменту приближения русских войск к одноименной крепости<sup>2</sup>, или к концу апреля 1703 г. города уже не было, существовала только крепость.

В недавнее время найдены новые источники, которые позволяют осветить внутреннюю историю берегов Невы и дают сведения о судьбе г. Ниеншанца в последние месяцы шведской власти (октябрь 1702—апрель 1703 г.).

Ижорская земля (по-шведски и по-немецки — Ingermanland) в период шведского господства (1617—1702/03 гг.) охватывала территорию берегов Невы и юга Карельского перешейка вместе со всем исконным русским побережьем Финского залива — от устья Невы до устья Наровы, а также часть юго-западного Приладожья; и под шведской властью Ижорская земля сохраняла сложившееся еще в XV в. и отраженное в новгородских писцовых книгах конца XV в. административное деление на четыре уезда (по-шведски «лены», а внутри них — на погосты или приходы):

---

<sup>1</sup> Главные источники: Книга Марсова. СПб., 1766; Журнал, или Поденная записка Петра Великого. СПб., 1770. Ч. 1; Устрялов П. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. IV, ч. 2; Материалы Военно-ученого архива Генштаба. СПб., 1871. Т. I. Раздел III (Походный журнал Б. П. Шереметева); Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1899. Т. II; Nordberg J. Konung Karl XII-tes historia. Stockholm, 1740. D. I.

<sup>2</sup> По-шведски Ниеншанцем (Nyenskans — «Невский шанец», земляное укрепление на Неве) называлась только крепость, город назывался Ниен (Nyep=Нева); в русской исторической литературе с XVIII в. принято называть Ниеншанцем и город, и крепость.



Ивангородский, Ямский, Копорский и Нотебургский (бывший Ореховский)<sup>3</sup>, последний включал восточную часть Ижорской земли вместе с берегами Невы и югом Карельского перешейка. Самой важной частью Нотебургского уезда и всей Ижорской земли был Спасский (в XV—XVI вв. — Спасский Городенский) погост, охватывавший оба берега главной водной артерии края — Невы; здесь, в истоке Невы из Ладожского озера, стояла крепость Нотебург, там же находился (неизвестно — в крепости или на прибрежном посаде) административный центр уезда с чиновничьим аппаратом и регулярно ведшейся документацией; в пределах того же погоста, вблизи устья Невы, находилась вторая шведская крепость и единственный значительный торговый город края — Ниеншанц. Административным центром Ингерманландии был лежавший на западном (эстонском) берегу реки Наровы крупный город и порт Нарва.

Крепости на Неве, Нотебург и Ниеншанц, были опорой шведской власти в Ингерманландии. Ниеншанц, сооруженный шведами на мысу у впадения речки Охты в Неву, являлся небольшой крепостью с земляными валами и был неспособен выдержать длительную осаду. Не имели большого стратегического значения и старые крепости Ям и Копорье, находившиеся в западной части Ижорской земли. Зато Нотебург, древний новгородский Орешек с его мощными каменными стенами, сооруженными русскими мастерами еще в XVI в., был в XVII в. главной шведской твердыней на берегах Невы.

Город Ниеншанц располагался на берегу речки Охты против крепости Ниеншанц. Город по правилам фортификации должен был во время войны в случае подхода неприятельских войск сжигаться, чтобы создать открытое пространство для действий крепостной артиллерии; поэтому в Ниеншанце могли строиться лишь деревянные дома.

В первые два года Северной войны военные действия развертывались в Эстляндии и Лифляндии. В 1702 г. война пришла и в Ижорскую землю. Летом этого года было нанесено поражение шведским полковым войскам в крае. В сентябре 1702 г. русская армия двинулась на главную твердыню края — Нотебург.

После 10-дневной бомбардировки русские войска направились на штурм крепости. И благодаря мужеству и героизму русских солдат после 13-часового штурма шведский гарнизон Нотебурга вынужден был капитулировать.

Поскольку Нотебург был решающей позицией на берегах Невы, взятие его определяло судьбу всей Ижорской земли, имевшей важное значение для России. Крепость Ниеншанц, как уже говорилось, была невелика и не могла остановить движение России к берегам моря.

---

<sup>3</sup> Центр уезда, старинный русский город Орешек (Орехов, Ореховец) шведы переименовали в Нотебург (Nöteborg — «Ореховая крепость», «крепость Орех»).

Отступающие шведские солдаты принесли известие о падении Нотебурга в Ниеншанц, весть эта распространилась по всему невскому краю. В Ниеншанце (и в крепости, и в городе) среди шведского дворянства и чиновничества начинается паника, многотысячное русское войско, взявшее Нотебург, находится от Ниеншанца всего в 40—45 верстах (40 верст по существовавшей тогда прямой дороге севернее Невы, 45 — вдоль Невы, отклоняющейся от прямой дороги к югу) — меньше двух дневных переходов; приближения русского войска к Ниеншанцу можно было ожидать в любой день.

Шведское командование в Ниеншанце знало, что его крепость невелика и не сможет устоять против многотысячного войска, только что одолевшего могучую твердыню в Нотебурге. Трудно было тогда думать, что на гребне успеха русское войско не двинется на лежащий почти рядом плохо укрепленный Ниеншанц.

Сведения о судьбе г. Ниеншанца дает не привлекавшийся до сих пор источник — Журнал Петра I, составленный Г. Гизеном<sup>4</sup>. В нем сообщается, что 29 октября из армии, стоявшей под Нотебургом, был прислан отряд для набега на Ниеншанц. Набег имел чисто разведывательные цели: «в тамошних посадах неприятельский караул, в 40 человеках состоящий, побил и с командующим шведским офицером в полон взял», и этим ограничился. Но в Ниеншанце расценили этот набег как нападение передового отряда, за которым надо ждать прихода всей находившейся почти рядом русской армии и начала осады крепости. Решено было принять крайние меры — сжечь деревянный посад на правом берегу Охты, т. е. г. Ниеншанц. Как пишет Гизен: «неприятель после того как отрезан был, что он, опасаясь осады, весь город<sup>5</sup> без фортификации сущей<sup>6</sup> против шанца<sup>7</sup> выжег, и больше двух дней в городе горело»<sup>8</sup>.

О том же событии сообщает и один недавно выявленный в Государственном архиве Финляндии шведский источник — автобиографическое сочинение последнего ректора городской школы Ниеншанца Габриэля Хиннеля<sup>9</sup>. В сочинении Хиннеля сообщается, что в 1702 г. Ниеншанц «с церковью и школой был 20 октября из страха перед врагом впоследствии нашими офицерами превращен в пепел»<sup>10</sup>.

<sup>4</sup> Гизен Г. Журнал государя Петра I с 1695 г. по 1709 г. // Собрание разных записок и сочинений. . . / Изд. Ф. Туманским. СПб., 1787. Ч. III. С. 315—316.

<sup>5</sup> Здесь термин «город» употребляется в современном нам смысле, а не в обычном для начала XVIII в. смысле «крепость».

<sup>6</sup> Т. е. город, не окруженный укреплениями, неукрепленное городское поселение, лежавшее на правом берегу Охты.

<sup>7</sup> Шанц — Ниеншанц, невский шанц.

<sup>8</sup> Гизен Г. Указ. соч. С. 316.

<sup>9</sup> Г. Хиннель (1677—1735) — сын одного из бургомистров Ниеншанца. Источник найден и указан мне финляндским историком Г. Лютером, за что приношу ему свою благодарность.

<sup>10</sup> Luther G. Hinnel. Ett fynd i Laguska samlingen // Genos. Helsinki, 1969. N 4. S. 89.

В обоих известиях, исходящих из разных воюющих лагерей, содержатся одинаковые сведения: г. Ниеншанц был сожжен шведским командованием, ожидавшим в ближайшие дни нападения многотысячного русского войска на крепость Ниеншанц. Небольшое расхождение в датах <sup>11</sup> ничего не меняет. Независимо друг от друга два источника впервые дают точное время гибели г. Ниеншанца <sup>12</sup>, стоявшего на месте Петербурга—Ленинграда. Благодаря им впервые становится возможно с определенностью сказать, что Петербург не был прямым продолжением г. Ниеншанца, что между двумя городами не было никакой преемственной связи. Ниеншанц был сожжен в конце октября 1702 г. шведским командованием, и, следовательно, все население города должно было его покинуть <sup>13</sup> и бежать в ближайшие соседние шведские владения — в Финляндию <sup>14</sup>.

<sup>11</sup> Дата «20 октября», через 6 дней после выхода шведского гарнизона из Нотебурга (и через 4 дня после прихода этого гарнизона в Ниеншанц), — более вероятна, ибо паническое настроение тогда должно было быть острее.

<sup>12</sup> Историк Ниеншанца К. Бонсдорф по неуказанным им источникам сообщил, что в жизнь Ниеншанца большие (чем начало Северной войны) перемены принесло вторжение 1702 г., когда комендант крепости «по военным соображениям предоставил сжечь часть города» (*Bonsdorff C. v. Nyen och Nyenskans. Helsingfors, 1891. S. 39*); но окончание существования города Бонсдорф относит все-таки к 1703 г., считает, что город и крепость перестали существовать одновременно (*ibid.*; см. также: *Nordberg J. Op. cit. D. I. S. 433*). Как мы видим по данным приведенных выше двух источников, Бонсдорф ошибался: город погиб еще в 1702 г., более чем на полгода ранее крепости. Из шведских историков только Ф. Карлсон и О. Шёгрэн указывают правильное время сожжения Ниеншанца (*Sjögren O. Sveriges historia. Malmö, 1939. VI. S. 228*; *Carlson F. F. Sveriges historia. Stockholm, 1885. II. S. 272*).

<sup>13</sup> На основе двух известий иногда считается, что какая-то часть жителей города оставалась в Ниеншанце (в крепости) до его взятия русскими войсками 1 мая 1703 г. В договоре о капитуляции крепости, проект которого вчерне был составлен комендантом (*Устрялов Н. Г. Указ. соч. СПб., 1863. Т. IV, Ч. 1. С. 231*), есть 5-й пункт, по которому право свободного выхода из крепости должны получить, наряду с гарнизоном, «все чиновные люди, пасторы, гражданские служители и все, которые тамо обретаются» (Там же. Ч. 2. С. 316), — тут могли подразумеваться и горожане, но каким-то причинам не бежавшие в октябре 1702 г. и нашедшие приют внутри крепости; но внутреннее пространство крепости было невелико и занято военными; речь скорее идет о членах семей гарнизонных офицеров. Есть также известие, идущее от одного из дипломатов, посетивших Петербург в конце войны, что некоторые взятые в плен русскими в Ниеншанце женщины, девицы и вдовы стали служить в Петербурге у княгини Меншиковой и других придворных дам (*Bonsdorff C. v. Op. cit. S. 39*). Но здесь источник явно путает: в Ниеншанце не было взято пленных, речь идет о пленных из Лифляндии 1701—1702 гг. Ко времени основания Петербурга гражданских жителей Ниеншанца уже не было на берегах Невы.

<sup>14</sup> В финляндских и шведских источниках сохранился ряд сведений о горожанах из Ниеншанца, переселившихся в финляндские города Выборг, Борго, Гельсингфорс; некоторые горожане Ниеншанца переселились даже в Стокгольм: *Möller P., Luther G. De Nyensche hemma och i Stockholm // Genos. Helsingfors, 1981. N 3*; см. также: *Bonsdorff C. v. Op. cit. S. 39*; *Helsingfors stads historia. Helsingfors, 1950. I. S. 404*; *Luther G. Op. cit. S. 89, 93—96*; *Snellman K. Svensk flyktingpolitik under Stora Nordiska kriget åren 1700—1702 // Karolinska förbundets årsskrift. 1970. S. 87, 101; Vii-*



Однако опасения шведского командования и городского населения в Ниеншанце оказались напрасными: поход на Ниеншанц был отложен до весны следующего (1703) года.

Осада и взятие мощной Нотебургской крепости, господствовавшей над берегами Невы, были началом конца шведского владычества во всем крае, прежде всего — на территории Нотебургского уезда. С конца сентября 1702 г. многотысячное русское войско находилось под Нотебургом, и шведской уездной администрации, казалось бы, оставалось лишь перед подходом русских войск спастись бегством, побросав все дела. И взятие русскими Нотебурга, действительно, как мы видели, привело в панику шведское офицерство и городское население в Ниеншанце. Но чиновничий аппарат проявил удивительную живучесть.

Архивные материалы<sup>15</sup> позволяют в какой-то мере проследить деятельность шведской местной администрации Ингерманландии, установив годы, когда прекращалось составление различных видов чиновничьей документации. Сохранились два ее вида: книги государственного хозяйства Ингерманландской губернии, включающие земельные переписи и различные материалы о землевладении<sup>16</sup>, и книги судебных протоколов. Книги обоих типов составлялись путем обработки и сведения воедино первичной документации, поступавшей из уездных центров<sup>17</sup>; составление книг производилось в губернском городе Нарве по окончании каждого истекшего года и требовало какого-то времени. Книги государственного хозяйства заканчиваются 1699 годом<sup>18</sup>; книги за 1700 г. (по итогам года) должны были составляться в 1701 г., уже после начала войны и в выдержавшей в 1700 г. тяжелую осаду Нарве, где чиновничий аппарат был, видимо, деморализован осадой; да и чиновничий аппарат в уездах, видимо, перестал после начала войны регулярно поставлять отчетную документацию в Нарву. Но уездный чиновничий аппарат еще продолжал работать и в 1701,

---

purin kaupungin historia. Lappeenranta, 1975. III. S. 53. Отметим здесь же ошибочность распространенного в литературе утверждения, что ниеншанцкий купец Фризиус (Фризенфельм) был столь богат, что мог давать ссуды шведскому правительству во время Северной войны ([Миллер Г. Ф.]. Известие о бывшем городе Ниеншанце // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1755. Март. С. 182; Мансуров Б. Охтенские адмиралтейские селения // Морской сборник. 1854. № 11. С. 269; Гиппинг А. И. Нева и Ниеншанц. СПб., 1909. Т. II. С. 161; Рухманова Э. Д. Русско-шведская торговля по Невскому пути и город Канцы // Вопр. истории европейского Севера. Петрозаводск, 1976. С. 162; и др.). Фризиус действительно давал ссуды, но после отъезда из Ниеншанца, когда стал жить и вести торговлю в Финляндии.

<sup>15</sup> Шаскольский И. П. Материалы по истории Ижорской земли и Корельского уезда XVII в. в Государственном архиве Финляндии // ВИД. Л., 1979. Вып. XI. С. 113—134.

<sup>16</sup> Там же. С. 121—134.

<sup>17</sup> Архивные материалы всех уездных центров Ингерманландии были утрачены во время военных действий 1702—1703 гг.

<sup>18</sup> Книгами 1699 г. заканчиваются собрания ежегодно составлявшихся по-земельных и генерал-губернаторских книг Ингерманландии и Кексгольмского уезда (Там же. С. 131—134).

и в 1702, а в одном случае и в 1703 гг. — это видно по сохранившимся книгам судебных протоколов уездов и губернии<sup>19</sup>. Книги протоколов уездных судов Нотебургского<sup>20</sup>, Ивангородского и Ямского<sup>21</sup> уездов заканчиваются 1702 г., Копорского<sup>22</sup> — даже 1703 г.; книги протоколов Ингерманландского губернского суда для сельской местности<sup>23</sup> — 1701 годом; лишь книги протоколов городских судов Ниеншанца заканчиваются 1698 и 1699 гг.<sup>24</sup> При этом, скорее всего, шведские чиновники в Ивангородском и Ямском уездах продолжали работать и в 1703 г., до подхода русских войск к стенам этих городов, но до начала осады г. Ямы не успели вывезти наиболее важные материалы.

Поразительно, что в Нотебургском уезде, явившемся в 1702 г. ареной военных действий, шведский чиновничий аппарат продолжал действовать до конца года. Книга судебных протоколов Нотебургского уезда заканчивается протоколом заседания от 2, 3, 4 и 5 декабря 1702 г.<sup>25</sup> Где проходило это заседание — не указано; видимо, при вести о приближении русских войск уездная администрация бежала из Нотебурга и в период осады и после падения крепости продолжала работать где-то на территории уезда, скорее всего — к северу от Невы, ближе к шведским владениям в Финляндии. Уездные чиновники захватили с собой и основную документацию о сборе повинностей с населения уезда, и на своем последнем заседании 2—5 декабря подвергли судебному преследованию шестерых крестьян уезда за неуплату повинностей<sup>26</sup>. Где-то рядом стояли уже русские войска, а шведские чиновники, как ни в чем ни бывало, продолжали взыскивать с крестьян недоимки.

<sup>19</sup> Все судебные инстанции Ингерманландии с 1684 г. были подчинены гофгерихту (надворный суд, с 1684 г. являвшийся высшей судебной инстанцией для Финляндии, Ингерманландии и Кексгольмского уезда) в Або и должны были по окончании каждого года представлять в гофгерихт сведенные в одну книгу (переписанные в хронологическом порядке в рамках одной рукописной книги) судебные протоколы за истекший год.

<sup>20</sup> Государственный архив Финляндии. к к к 17. Nöteborgs läns dombock 1701—1702 (в печатном каталоге архива ошибочно указано, что книга заканчивается 1701 годом: Översiktskatalog för Riksarkivet. Helsinki, 1956. S. 104).

<sup>21</sup> Ivangorods och Jamas läns dombock 1701 (Översiktskatalog. S. 103); микрофильм этой книги: ЦГАОР СССР. КМФ-1. ЗА—155. № 145.

<sup>22</sup> Kopperie härads dombock 1703 (Översiktskatalog. S. 103).

<sup>23</sup> Ingermanlands lagsaga 1701 (Ibid. S. 102).

<sup>24</sup> Nyens rådstuguprotokoll dombock (книга протоколов магистратского суда Ниеншанца) 1698 г. // Государственный архив Финляндии. № 12; Nyens kämnerättens dombock (книга протоколов суда низшей инстанции г. Ниеншанца) 1699 г. // Государственный архив Финляндии. № 24.

<sup>25</sup> Государственный архив Финляндии. Nöteborgs läns dombock 1701—1702. S. 375—385.

<sup>26</sup> Были привлечены шесть крестьян (финские имена и фамилии) из Тохово (Токсово), Waliasari (может быть, Valkeasari — Белоостров?), Seratola by (деревня Сертолово?) и Loppis (Лоппис), не уплатившие в казну повинности (700 копен ржи и 2000 снопов овса). Токсово, Сертолово, Белоостров — селения, и сейчас существующие к северу (и неподалеку) от Ленинграда.

Из перечисленных в протоколе селений, в которых жили судившиеся крестьяне-недоимщики, три находились севернее Невы, вне сферы действий русских войск. Но четвертое названное там селение — Лоппис — находилось в одноименном приходе Лоппис (по-русски — Лопца), лежавшем к юго-востоку от Нотебурга, между Нотебургом и русской границей, в зоне передвижения русских войск. И все же шведские чиновники считали еще себя вправе судить за неуплату повинностей крестьянина, жившего на территории, уже не подвластной Швеции.

К последнему протоколу Нотебургского уездного суда приложена (на 15 страницах) ведомость денежных штрафов, возложенных этой сессией суда на крестьян уезда за невыполнение повинностей в пользу шведской казны<sup>27</sup>. Перечислены крестьяне, жившие в деревнях Келтушского, Куйвошского и Токсовского прихода (=погостов) к северу от Невы, Сласского прихода, лежавшего на обоих берегах Невы, и Ижорского, Словянского и Дудоровского приходов к югу от Невы. Шведское уездное чиновничество, несмотря на падение Нотебурга, в конце 1702 г., видимо, еще рассчитывало заставить крестьян Нотебургского уезда уплатить недоимки, причитающиеся с них в шведскую казну. Действия отдельных русских отрядов, ходивших зимой 1702/03 г. по Ижорской земле, а затем поход на Ниеншанц весны 1703 г. не позволили этим расчетам осуществиться<sup>28</sup>.

В конце апреля 1703 г. русские войска подошли к Ниеншанцу, и после короткой осады шведская крепость капитулировала. Русские войска вернули России устье Невы — выход к Балтийскому морю. В течение мая после недолгого сопротивления были взяты обе крепости в западной части Ижорской земли — Ям и Копорье. 90-летнее шведское господство в Ижорской земле кончилось, край был возвращен в состав России.

---

<sup>27</sup> Государственный архив Финляндии. Nöteborgs läns dombock 1701—1702. S. 386—397. В Ведомости в пяти графах подробно указаны все виды недоимок — денежные и натуральные.

<sup>28</sup> Вероятно, в первые месяцы 1703 г. шведские чиновники Нотебургского уезда бежали из северной части уезда в Выборг.



# ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ФЕОДАЛЬНОЙ РОССИИ

---

*Л. Н. Пушкарёв*

## ОСНОВНЫЕ ПЕРИОДЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ФЕОДАЛЬНОЙ РОССИИ X—XVII ВВ.

Периодизация истории общественной мысли теснейшим образом связана с проблемой отображения реальной исторической действительности во взглядах, идеях, образах и концепциях, господствовавших в то или иное время. При определении периодов развития общественной мысли важно учесть и постоянно меняющееся ее положение в обществе, ее общественное значение, которое было различным в разные исторические периоды.

Общественная мысль — неотъемлемая часть исторического процесса, единого в своей сущности и проявляющегося в самых различных формах: истории экономической, политической, военной, культурной и пр. Как часть этого единого процесса, общественная мысль развивается, естественно, в рамках общественных формаций, законы развития которых были установлены Марксом и Энгельсом, и проходит те же этапы развития — общинно-патриархальную, рабовладельческую формации, феодализм, капитализм и т. д. Следовательно, периодизация общественной мысли тесно связана с периодизацией всего исторического процесса в целом.

Однако отдельные народы, как это уже давно установлено, могут миновать ту или иную стадию развития. Русь, как известно, от общинно-патриархальной формации, минуя рабовладельческую, перешла к феодализму.

Каждой формации в развитии общества соответствует определенная стадия и в развитии культуры. Таковы первобытная культура, античность, средневековье, Возрождение — эти стадии общи для всех народов, прошедших «полный» путь своего развития. Пропуск той или иной стадии обычно восполняется использованием опыта других народов. Так, Русь, как и большинство других народов Европы, не знала античной стадии в развитии своей культуры и использовала опыт Византии и Болгарии в формировании своей литературы и общественной мысли.

Подчиняясь общим закономерностям исторического развития и проходя вместе с обществом одни и те же формации, обществен-

ная мысль внутри этих формаций развивается по своим внутренним, имманентным закономерностям. Отображая реальную историческую действительность и составляя одновременно ее неотъемлемую часть, общественная мысль не следует за этой действительностью буквально по пятам, не является простым ее зеркальным отражением. Если бы это было так, то и никакой проблемы периодизации общественной мысли (равно как и философии, литературы, искусства, духовной культуры вообще) попросту не существовало бы. Сложность как раз в том и заключается, что общественная мысль отображает реальную действительность в виде исторически обусловленной динамической системы идей, взглядов, концепций и теорий, своеобразно преломляющих данные конкретной реальной действительности данного общества (класса, социальной группы и т. д.) в данное время<sup>1</sup>. Она не только по-своему их отображает и осмысляет, но и старается изменить существующую реальную действительность в соответствии со своими взглядами, идеями, концепциями, теориями. Иначе говоря, перед нами — не пассивное отражение, а активное отображение реальной действительности, приводящее к ее изменению.

Что должно быть положено в основу периодизации истории общественной мысли? В решении этого вопроса надо исходить из результатов дискуссии о периодизации истории СССР, прошедшей в 1950—1951 гг. на страницах журнала «Вопросы истории»<sup>2</sup>. При всей незаконченности и незавершенности этой дискуссии следует признать большим ее достижением вывод о том, что лишь совокупность принципов или критериев, которыми следует руководствоваться при определении границ отдельных периодов, может быть положена в основу периодизации<sup>3</sup>. Нельзя определять периоды внутри формации, исходя только из явлений социально-экономического (базисного) или государственного (надстроечного) характера, совершенно обходя вопросы классовой борьбы, внешне-политических событий и т. д. Соглашаясь с этим, хотелось бы добавить, что для определения границ периодов в развитии общественной мысли важное значение имеет также история церкви и православной религии в России, оказывавших серьезное влияние на развитие общественной мысли.

В. И. Ленин в статье «Еще о думском министерстве» писал в 1906 г., что «действительным двигателем истории является революционная борьба классов»<sup>4</sup>. Надо только иметь в виду, что эта борьба находила различное конкретное воплощение на разных этапах исторического развития — от изменения общественного

<sup>1</sup> См. об этом подробнее: *Пушкаръов Л. М.* Методологічні проблеми вивчення суспільної думки // Український історичний журнал. 1984. № 3. С. 55—65.

<sup>2</sup> См. итоговую редакционную статью «Об итогах дискуссии о периодизации истории СССР» // *Вопр. истории.* 1951. № 3. С. 52—60.

<sup>3</sup> О невозможности применения универсального, единого для всех формаций принципа см.: *Дружинин Н. М.* О периодизации истории капиталистических отношений в России: (К итогам дискуссии) // *Вопр. истории.* 1951. № 1. С. 59.

<sup>4</sup> *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 263.

настроения и изменения государственных законов, форм правления<sup>5</sup> до жалоб, побегов, восстаний и крестьянских войн.

На разных этапах исторического развития различные (как внутренние, так и внешние, как базисные, так и надстроечные) принципы или критерии определяли собой границы того или иного периода в истории общественной мысли России в феодальной формации<sup>6</sup>. Следует также иметь в виду, что нередко это был целый комплекс подобных принципов или критериев, указывающих на изменение общественной мысли, на появление нового периода в ее развитии. Поэтому в предлагаемой ниже периодизации истории общественной мысли России периода феодализма решающими моментами в определении границ отдельных периодов будут самые различные факторы: классовая борьба, перемены государственного строя, факты церковной истории, внешнеполитических событий и пр., одним словом, не один, а несколько критериев последовательно или одновременно определяют собой границы того или иного периода.

Прежде чем переходить к рассмотрению основных периодов в развитии общественной мысли феодальной России, необходимо попытаться найти ответ на вопрос — с чего начинается история общественной мысли на Руси? Она уходит своими корнями, безусловно, еще в первобытнообщинный строй. Но у нас нет источников, которые могли бы рассказать нам о том, какой была общественная мысль в то время. И раннефеодальный период в истории Древней Руси также не может дать нам достаточного материала для реконструкции общественной мысли того времени, когда восточные славяне не были объединены еще в одно политическое целое. Поэтому нам приходится начинать историю общественной мысли с того времени, когда окончательно сформировалась огромная раннефеодальная империя восточных славян<sup>7</sup>. Это государство в то время не имело еще прочных внутренних связей. Оно было раздираемо междоусобицами русских князей, особенно усилившимися после смерти Владимира I Святославича и продолжавшимися вплоть до ордынского нашествия. Военное положение страны было непрочным.

Главное, что могло сохранить единство власти и государства, что было в состоянии оборонить Русь от непрерывных нападений кочевников извне, с одной стороны, и от непрекращающихся попыток захвата власти — с другой, это высокая патриотическая сознательность и князей, и народа. Не случайно именно идея единства и неделимости Руси становится в это время ведущей в общественной мысли. Она звучит в решении Любечского съезда князей

<sup>5</sup> О значении формы государства, структуры власти для определения границ периодов истории СССР см.: *Смирнов И. И.* Общие вопросы периодизации истории СССР // *Вопр. истории.* 1950. № 12. С. 88—89.

<sup>6</sup> См. об этом подробнее: *Предтеченский А. А.* Вопросы периодизации истории СССР. // *Вопр. истории.* 1950. № 12. С. 105.

<sup>7</sup> *Новосельцев А. П., Пашута В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Шапов Я. Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.



1097 г., когда был провозглашен принцип: «Пусть каждый князь владеет землей своего отца». Она находит яркое выражение в Повести временных лет с ее обостренным чувством истории, в «Слове о полку Игореве» с его призывами к политическому единению, в летописных повестях и сказаниях, разоблачающих злоупотребления властью, и т. д.

Идея единства Руси была свойственна всем классам древнерусского общества, хотя в каждом классе она проявлялась в разных формах и служила различным целям. В народном эпосе она отвечала глубоким патриотическим чувствам трудового народа, видевшего в защите Родины от иноземных захватчиков главную цель своего существования. В летописях единство Руси воспевалось представителями класса феодалов как единство княжеского рода, а понятие Родины, «Русской земли» сводилось к вотчине великого князя. В церковных поучениях, проповедях и житиях святых (особенно в житии Бориса и Глеба) единство Руси предстает как освященные церковью отношения вассалитета-сюзеренитета, «покорения» старшему брату, приобретающие культовые формы. Идея единства Руси продиктована теми государствообразующими процессами, которые связаны с формированием древнерусской народности, с развитием международных сношений Древнерусского государства<sup>8</sup>.

Идея единства Руси, зародившаяся в Древнерусском государстве, не умерла в период феодальной раздробленности. Она продолжала не только жить, но и развиваться, поскольку продолжало существовать (в какой-то степени, конечно!) и само это единство и поскольку в неизмеримо большей степени увеличивалась необходимость идеологически его обосновать, оправдать и возвеличить. Уже не внутренние раздоры, а внешняя опасность требовала сплочения всего народа вокруг «светло светлой и украсно украшенной земли Русской»...

Было бы неверным, конечно, ограничивать общественную мысль Древней Руси только одной этой идеей. Мы найдем в памятниках того времени и попытки установить происхождение Руси, и место ее в мировой истории, республиканские идеи в новгородском летописании, стремление разобраться в пределах княжеской власти и т. д. Но все эти концепции по своей значимости не могли идти ни в какое сравнение с идеей единства Руси. Они имели более частный характер, их распространение было ограничено определенной средой. То же самое можно сказать и о многих других идеях, волновавших древнерусское общество, — идее княжеской защиты своих смердов, общехристианских идеях милосердия, нищелюбия, любви к ближнему, наконец, об идеях трудового народа, выраженных в эпосе, песнях, сказках, пословицах — темах труда, родины, свободы.

<sup>8</sup> См. об этом подробнее: *Лихачев Д. С.* Некоторые вопросы идеологии феодалов в литературе XI—XIII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 76—91.

Следующий почти трехвековой период в развитии общественной мысли падает на начало XIII—конец XV в., когда Русь стала жертвой ордынского завоевания, сопровождавшегося уничтожением колоссальных материальных ценностей, неисчислимыми бедствиями, опустошением городов и деревень<sup>9</sup>. Все, что было создано трудом и потом многих поколений, было предано огню и мечу. Но не была сломлена душа русского народа, его воля к борьбе и победе. Общественная мысль в этот период не столько отображала картину страшных последствий иноземного завоевания, сколько подчеркивала героизм и мужество русичей, беззаветную храбрость воинов, их преданность Родине. Главной темой общественной мысли в начале этого периода в XIII в. становится тема защиты Родины — именно защиты, а не единства, что было характерно для предшествовавшего периода и возродилось вновь в XIV—XV вв. Тринадцатый век в истории общественной мысли России — это время горьких размышлений о причинах национального бедствия, время осознания страшных, чудовищных по своим размерам потерь — и время страстных призывов к борьбе, к сопротивлению, защите родного очага.

К концу XIII в. Русь оправляется от разорения. Наступило время осмыслить происшедшее, найти пути к выходу из создавшегося положения. В XIV—XV вв. начинает складываться русская (великорусская) народность: сглаживаются местные особенности, формируется общий язык, закладываются основы национальной общности. Вновь начинает усиленно бытовать идея единства Руси, причем во главе центростремительных тенденций становится Северо-Восточная Русь. Растет национальное и государственное самосознание, особенно оживившееся после Куликовской битвы и широко отразившееся и в литературе<sup>10</sup>, и в фольклоре<sup>11</sup>. Не случайно «Задонщина» использует образы и строит «Слова о полку Игореве» — призывы к единству Русской земли заставляют автора «Задонщины» пойти на искажение исторической реальности и изобразить подготовку к Куликовской битве как единый порыв всех Русских земель, даже и тех, кто в этом не участвовал, например Новгорода.

Рост национального и государственного самосознания получает новый толчок в конце данного периода, когда в рукописной литературе получили широкое отражение два важнейших международных события того времени — Флорентийская уния 1439 г. и падение Константинополя в 1480 г.<sup>12</sup>

---

<sup>9</sup> Обоснование ордынского нашествия в качестве рубсжа для этого периода см.: Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. О периодизации истории России эпохи феодализма // *Вопр. истории*. 1954. № 2. С. 60—61.

<sup>10</sup> Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980; Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983.

<sup>11</sup> Пушкирев Л. Н. К вопросу об отражении Куликовской битвы в русском фольклоре // *Куликовская битва: Сб. статей*. М., 1980. С. 265—275.

<sup>12</sup> Буганов В. И. От Куликовской битвы до освобождения от ордынского ига // *Куликовская битва: Сб. статей*. С. 246—264.

Объединительные тенденции, столь характерные для общественной мысли этого периода, нашли достойное воплощение в летописных сводах, особенно в московском летописании. Идея единства Руси получает своеобразное преломление и в народном творчестве. Именно в это время складывается киевский цикл былин, герои которых — богатыри — приобретают черты общерусских защитников Родины, утрачивая черты местных героев.

Специфической особенностью общественной мысли этого периода является и возникновение ересей, представляющих собой одну из форм социального протеста трудящихся масс против феодального строя. Именно этот период в развитии литературы Д. С. Лихачев определяет как «Предвозрождение», трактуя его как осознание ценности человеческой личности в условиях появления исторического сознания<sup>13</sup>.

Следующий период в развитии общественной мысли России падает на конец XV—конец XVI в. — время образования единого Русского государства. В это время завершилось формирование русской (великорусской) народности, начал постепенно изменяться характер культуры — она становится все более светской. Прежние идеи начинают по-новому звучать в это сложное время. Москва изображается преемницей не только Киева и Владимира, но также и Византии, и Рима. «Сказание о князьях Владимирских», теория Москвы — третьего Рима имели целью идеологически обосновать права московских великих князей на все русские земли. История России отныне начинает рассматриваться как часть всемирно-исторического процесса, что и подчеркивается в летописных сводах XVI в. и в хронографе 1512 г.

Конец XVI—первая половина XVII в. — следующий период в развитии общественной мысли. Его начало определили такие события, как усиление закрепощения крестьян, возникновение крестьянских войн, пресечение династии московских государей, события польско-шведской интервенции и вмешательство парода в судьбы страны (участие и в защите Родины, и в обсуждении претендентов на русский престол). Публицистика и исторические сочинения становятся доминирующей формой проявления общественной мысли. Начинает складываться русская нация. Возникает понятие «всей земли» как главной силы и власти в государстве. Вместо провиденциальной точки зрения на причину исторических событий выдвигаются иные объяснения общественного и нравственного характера: «за всего мира безумное молчание, еже о истине к царю не смеюще глаголати» — вот причина бедствий, обрушившихся на Россию. Субъективизм в истолковании исторических событий стал ведущей тенденцией в первой половине XVII в. Автобиографизм, подчеркивание роли народа в судьбе государства — вот что определяет значимость публицистики. Дворянство начинает играть главную роль в общественной

---

<sup>13</sup> Лихачев Д. С. Своеобразие исторического пути русской литературы X—XVII вв. // Рус. литература. 1972. № 2. С. 16—21.



мысли. При его поддержке государство начинает развиваться от сословно-представительной монархии к абсолютизму. Ожесточенная классовая борьба накладывает свой отпечаток на памятники общественной мысли этого времени.

Вторая половина XVII в. — интереснейший период в развитии общественной мысли. Он начался городскими восстаниями середины века, прошел через Крестьянскую войну под предводительством С. Т. Разина и закончился на подступах к реформам начала XVIII в., подготовив их экономически, политически, идеологически. Это — время радикальных перемен в жизни страны, переломный период, рубеж двух эпох в ее истории.

От предшествовавшего времени данный период отличается дальнейшей централизацией власти и укреплением государственного аппарата. Перестают созываться земские соборы, возрастает роль бюрократии в центре и на местах. Появляется армия нового строя. Церковь утрачивает свои позиции и подчиняется государству. Происходит демократизация литературы и культуры, народное творчество активно обогащает язык, искусство, литературу. В общественной мысли явно ощущается влияние западно-европейских идей и взглядов. В архитектуре и литературе формируется особый стиль — своеобразное «русское барокко». Появляются театр и придворная поэзия как новые формы общественной мысли, чего не знали предшествовавшие периоды. Раскол русской церкви свидетельствовал о дальнейшем высвобождении общественной мысли из-под многовекового религиозного гнета. Огнепальный протопоп Аввакум своей страстной критикой социальной несправедливости, произвола властей и церковных порядков, хотя и выступал за сохранение старины, объективно способствовал развитию демократической струи в общественной мысли<sup>14</sup>.

Какие же общие выводы можем мы сделать после обзора основных периодов развития общественной мысли феодальной России X—XVII вв.? Мы видим, что некоторые идеи, раз возникнув, переходят из периода в период, обогащаясь каждый раз новыми мотивами, фактами и оттенками, вызванными к жизни изменившейся действительностью. Таковы идеи защиты Родины, единства Руси, носившие общенародный (а позднее и общенациональный) характер, идеи труда и свободы, столь характерные для народного творчества, и т. д.

При всем своеобразии и неповторимости, индивидуальности развития общественной мысли феодальной России она, правда, с запозданием, повторяла в ускоренном темпе те же пути и этапы развития, что и западноевропейская культура. Пропустив античную стадию развития, Русь воспользовалась историческим опытом сопредельных стран и активно усвоила элементы античной культуры, сохранив в ряде случаев античное наследие, утрачен-

<sup>14</sup> См. более подробную характеристику этого периода: *Пушкарев Л. Н.* Общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVII века: Очерки истории. М., 1982.

ное позже и в Византии, и в Болгарии. На Руси не было Ренессанса в его классической форме, но были широко распространены предвозрожденческие и возрожденческие мотивы, образы, элементы, идеи и пр. А уже в конце XVII в. Россия вливается в общеевропейский стиль барокко, утвердившийся в эпоху интенсивного складывания наций и национальных государств, главным образом абсолютных монархий. Иными словами, национальное своеобразие общественной мысли России X—XVII вв. заключается не в том, что у нее была «особенная статья», а в специфических формах общеевропейского пути развития, обусловленных своеобразием конкретно-исторического процесса.

И, наконец, нельзя не заметить того, что общественная мысль во все периоды своего развития складывалась всегда и постоянно из двух потоков, двух составных частей: из идей, взглядов, концепций и т. д., выдвигавшихся представителями правящего, господствующего класса, и из воззрений трудовых масс, выражавшихся в устном народном творчестве, а позднее и в демократической рукописной литературе. «Народ, — говорил Горький, — не только сила, создающая все материальные ценности, он единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных»<sup>15</sup>.

*Я. Н. Шапов*

## ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ О МЕСТЕ СТРАНЫ В МИРЕ В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РУСИ XI—XIV ВВ.

При изучении политической мысли Руси XVI в., в частности церковно-политической концепции Москвы — третьего Рима, исследователей интересуют прежде всего такие факторы, определившие возникновение последней, как внешнеполитическое положение Руси в XV—XVI вв., место русской церкви в системе восточных христианских церквей, значение Москвы как центра России<sup>1</sup>.

Я хочу обратить внимание еще на один фактор, способствовавший появлению этой теории, — на политические, в том числе церковно-политические теории и претензии, которые были высказаны в России еще до того, как Москва стала центром централизованного

<sup>15</sup> Горький А. М. Литературно-критические статьи. М., 1937. С. 26.

<sup>1</sup> Гольдберг А. Л. Идея «Москва — третий Рим» в цикле сочинений первой половины XVI в. // ТОДРЛ. М., 1983. Т. 37. С. 139—149; *Pašulo V. Mosca — Terza Roma. Storiografia e bibliografia* // Roma — Constantinopoli — Mosca. Napoli, 1983. P. 459—473; *Sinicyna N. V. Les conditions historiques où s'est formée l'idée de «Troisième Rome» et son sens initial* // Popoli e spazio romano tra diritto e profezia. Napoli, 1986. P. 497—519.

государства. Это время, когда столицей Руси был Киев, затем особое место среди древнерусских княжеств занял Владимир Суздальский, и, наконец, уже в ранней Москве XIV в., столице Московского княжества, также появились политические претензии, связывающие древние времена со своим временем.

Каков был прежде всего вклад Киева XI—XII вв. в создание политических теорий о месте Руси в мире? Для характеристики киевских политических и особенно церковно-политических концепций нужно учитывать то обстоятельство, что церковным главой самостоятельного и сильного Древнерусского государства был митрополит, присылавшийся из Константинополя и представлявший интересы не столько Киева, сколько Восточнохристианской империи. Эта тесная связь Киева с Константинополем, с одной стороны, создавала условия для перенесения на Русь византийских церковных концепций, а с другой — препятствовала возникновению каких-либо других теорий, шедших вразрез с официальными взглядами, принятыми в патриархии.

Оригинальные церковно-политические идеи в Киеве возникают поэтому вне круга грека-митрополита, среди местных деятелей.

Таков придворный княжеский священник Иларион, ставший в середине XI в. первым митрополитом из русских. С его именем связано несколько важных идей, в том числе введение местной славянской системы наказаний в церковное право, что отразилось в Уставе князя Ярослава о церковных судах<sup>2</sup>. Но здесь нас интересует другая его идея — оригинальная разработка темы смены «закона» — национально ограниченных и устаревших с возникновением христианства иудейского вероисповедания и морально-этической системы — «благодатью» — христианским учением, которое уравнивает всех и тем самым позволяет людям «ново познавшим» бога занять высокое место, которое прежде было им недоступно<sup>3</sup>. У Илариона, однако, под «ветхим законом» подразумевались церковно-политические идеи Византии, Константинополя, под «новым» — учение, требующее новых людей, к которым принадлежит и Русь. Таким образом концепция Илариона содержит идею перенесения небесного внимания и расположения с одного избранного народа на все человечество. Понятие нового избранного народа Илариону чуждо, ибо его взгляд складывался в борьбе с такой идеей.

Но концепция Илариона не была уникальной в Древней Руси. Столь же гуманистической, причем не только в христианском смысле, была концепция русского исторического сочинения начала XII в. в форме летописи — Повести временных лет. Его автор разрабатывает идею о связи истории Руси с историей ми-

<sup>2</sup> Шапов 'Я. Н. Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси в середине XI в. // ВВ. М., 1971. Т. 31. С. 74—76.

<sup>3</sup> Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984. С. 96.



ровой, о независимости и самостоятельности Руси в избрании своих политических симпатий, что ставит ее на один уровень с другими великими державами, прежде всего с Византией. Летописец вполне лоялен к окружающим Русь неславянским отсталым племенам Прибалтики, северо-востока, Поволжья и юга, не ставя их вне современной ему цивилизации, по находя для них общих библейских предков <sup>4</sup>.

Показательным для политического престижа Киева XI в. является применение его идеологами к киевским князьям имперских титулов, вначале *кагана* (этот титул характерен для восточных правителей, в том числе для ближайшего — главы Хазарского каганата) <sup>5</sup> и затем *царя*. Так, *каганом* называет Ярослава Мудрого его современник Иларион <sup>6</sup>, *царем* он назван и в надписи-граффити на стене киевского Софийского собора <sup>7</sup>. В дальнейшем, в XII в. титул *царь* и глагол *царствовать* применяются к великим князьям, занимавшим киевский престол, т. е. к главам всего государства Руси: Мстиславу Владимировичу, его сыну Ростиславу <sup>8</sup>.

Тема перенесения реликвий в Киев возникла еще в конце X—начале XI в. в связи со взятием князем Владимиром города Корсуня в Крыму и созданием в Киеве Десятинной церкви Богородицы, которая должна была стать русской преемницей древнего византийского города. В этой церкви были помещены привезенные из Корсуня мощи Климента Римского и его ученика Фива, иконы, книги и другая корсунская утварь <sup>9</sup>.

Другая тема перенесения реликвий в Киев, на этот раз из Константинополя, была использована в конце XI в. в Киево-Печерском монастыре применительно к постройке монастырского Успенского собора. Согласно легенде, изложенной в послании епископа Симона к Поликарпу, Киев является признанным христианским центром мира, в который сама Богородица собиралась переселиться из константинопольского Влахернского храма. Она посылает в Киев мастеров для строительства соответствующей церкви, обещая: «Приду же и сама видеть церковь, в которой хочу жить» <sup>10</sup>. Н. Н. Воронин связывает возникновение этой легенды с самим составителем Патерики, епископом Симоном (1217—1226) <sup>11</sup>. Однако Печерская церковь Успения с самого на-

<sup>4</sup> ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 13.

<sup>5</sup> Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. 1982. № 4. С. 150—159.

<sup>6</sup> Молдован А. М. Указ. соч. С. 78 и др. (по указателю); РИБ. Пг., 1920. Т. 36. С. 103.

<sup>7</sup> Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI—XIV вв. М., 1964. № 2.

<sup>8</sup> Апракос Мстислава Великого / Под ред. Л. П. Жуковской. М., 1983. С. 289; Щапов Я. Н. Похвала князю Ростиславу Мстиславичу как памятник литературы Смоленска XII в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 59.

<sup>9</sup> ПВЛ. Ч. 1. С. 83; Бегунов Ю. К. Русское слово о чуде Климента Римского и Кирилло-мефодиевская традиция // Slavica. R. 42. Praha, 1974. P. 34—36.

<sup>10</sup> Патерик Киево-Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 6.

<sup>11</sup> Воронин Н. Н. Политическая легенда [в Киево-Печерском Патерике] // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 102.

чала XII в. была своеобразным образцом для строительства Успенских соборов в Ростове, Смоленске (1101), Старой Рязани, Суздале, Владимире Волынском (1160) и Владимире Суздальском (1158—1161), что находит объяснение в существовавшей уже тогда легенде. Это позволяет присоединиться к мнению М. К. Каргера, который связывал возникновение печерской легенды, как он ее называл, «грекофильской фальсификации», с концом XI в.<sup>12</sup> К XIII в. в таком случае можно относить запись легенды, а не ее возникновение.

Развитие Руси в XI—XII вв. приводило к существенным изменениям в ее социально-политическом строе, в структуре государственной власти. Усиление крупных княжеств, возглавляемых городами и князьями, вело к установлению вместо моноцентрической полицентрической системы и к стремлению Новгородской, Владимиро-Суздальской, Галицко-Волынской, Смоленской и других земель к самостоятельности, к противопоставлению себя «матери городов русских» — номинальной столице Руси Киеву. Эта самостоятельность, бывшая прогрессивным явлением, способствовавшим развитию княжеств, вела, однако, к политической борьбе между ними, к феодальным распрям, и была причиной ослабления отпору кочевникам, вторгавшимся на русские земли.

Одним из новых центров в Северо-Восточной Руси стал город Владимир Суздальский. Обогнав старшие города этого края, Ростов и Суздаль, новая столица в середине и во второй половине XII в., при князьях Андрее Боголюбском и Всеволоде Большое Гнездо, становится крупным политическим и культурным центром. Владимирские князья при поддержке горожан — прототипа третьего сословия — смело вели борьбу с местным боярством, препятствовавшим их «самовластью», использовали политические противоречия в Новгороде, Киеве, Чернигове, Галиче, чтобы поставить эти города и земли под свой контроль, что им удавалось. Реальные политические успехи шли параллельно с выработкой новых политических концепций, помогавших в борьбе. Использование при этом христианской символики и аналогий с Константинополем значило очень много.

Андреем Боголюбским было создано несколько новых культов, которые призваны были освятить выдвижение Владимира не только над старыми городами Северо-Восточной Руси, но и над древним Киевом и другими центрами Руси, показать особое божественное покровительство новой столице.

Первой составной частью большой работы по определению нового места Владимиро-Суздальского княжества в политической структуре Руси было перенесение иконы Богородицы из пригородного киевского города Вышгорода в новую столицу и сопровождавшие его чудеса. Князь Андрей Боголюбский пере-

<sup>12</sup> Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. II, С. 344.

вез византийскую икону рубежа XI—XII вв., почитаемую в княжеской среде Киева, в свой удел, Ростовскую землю. Это перенесение было использовано князем для нескольких политических актов. «Икона сошла с места» и вместе с князем и духовенством отправилась на север. Однако кони, везшие ее в Ростов, остановились там, где затем был воздвигнут княжеский замок под Владимиром, в Боголюбове. Икона так и не была перевезена в Ростов — она «не пожелала» двигаться дальше, осталась во Владимире, и князь Андрей построил для нее в 1158—1160 гг. Успенский собор, ставший в XIV в. кафедральным храмом Киевской митрополии<sup>13</sup>.

Владимирский князь кроме того создает два местных религиозных праздника — Спаса (1 августа) и Покрова Богородицы (1 октября). Важно, что оба они связаны с основными христианскими культами, пользовавшимися признанием в восточной церкви, но князь Андрей использует нити, тянущиеся из Константинополя, чтобы соткать из них собственные, владимирские картины.

Праздник Спаса он установил в честь того, что владимирские войска под его водительством одержали победу над своими соседями — волжскими болгарами, причем помогла им в этом икона Спаса. В тот же день, по рассказу автора Сказания о празднике, император Мануил Комнин в результате чуда от походной иконы Спаса одержал победу над сарацинами. Поэтому оба монарха, Андрей и Мануил, жившие «мирно в любви и братолюбии», установили этот общий праздник. Для нашей темы важно отметить, что в действительности такого совпадения не было, ибо победа императора над сарацинами в указанное время неизвестна и в Византии праздник Спаса 1 августа не отмечался<sup>14</sup>. Для установления прямой связи Владимира с Константинополем Андрею нужно было фиктивное сотрудничество в защите христианских ценностей от язычников. Как раз дальность расстояния и реальное отсутствие тесных связей с византийской столицей и были причиной того, что эта легенда могла получить признание во Владимире. Центром нового княжеского культа стала построенная в том же 1164 г. белокаменная церковь Спаса на княжеском дворе.

Второй праздник, Покрова Богородицы, связан с рассказом о чуде в житии византийского святого Андрея Юродивого, покровителя князя, но в русском варианте он был посвящен видению, явившемуся Андрею на месте будущего Боголюбова и особому

<sup>13</sup> Воронин Н. И. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. М., 1961. Т. 1. С. 118—123.

<sup>14</sup> Воронин Н. И. Сказание о победе над болгарами 1164 г. и празднике Спаса // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 88—92. Издание текста: Сказание о чудесах Владимирской иконы божьей матери / С предисл. В. О. Ключевского. СПб., 1878; Забелин И. Е. Следы литературного труда Андрея Боголюбского // Археологические известия и заметки. М., 1895. Т. III, № 2/3. С. 46—47.]



покровительству князю, городу и его жителям. Покров Богородицы «защищал» город от стрел врагов<sup>15</sup>. Этот владимирский культ был создан с расчетом на широкое распространение в Русской земле.

Не всем планам церковной политики князя Андрея суждено было осуществиться. Его стремление основать во Владимире новую митрополию и получить церковную независимость от Киева не увенчалось успехом — Константинополь не пошел на это, чувствуя, вероятно, самодержавные политические устремления владимирского князя.

Для Владимира этого же времени является характерным применение имперской титулатуры, что также показывает большие сдвиги в государственной идеологии княжества. В «Сказании о празднике Спаса» Андрей назван «верным *царем* нашим князем Андреем». Так же именует его владимирский летописец в рассказе о том, как кандидат в епископы Феодор был удален «рукою благочестивою *царскою* правдивого и благоверного князя Андрея»<sup>16</sup>. В Службе Покрову Богородицы вместо слова *князь* иногда употребляется *царь*<sup>17</sup>. Царский титул применяется здесь неофициально, но важно, что все эти произведения созданы в окружении самого князя Андрея или даже при его участии и именованье его царем может рассматриваться поэтому как отражение претензий главы княжества на равенство с византийским василевсом.

Нужно отметить, однако, что генеалогия царского титула Андрея восходит к василевсу не прямо, а через киевский княжеский стол. В упомянутом «Сказании о празднике Спаса» Андрей называет себя «внуком Мономаховым, именем Володимера, *царя* и князя всея Руси»<sup>18</sup>. Эта связь неофициального титула с Киевом, наряду с конкретными условиями положения Владимиро-Суздальского княжества на Руси в середине XII в., позволяет считать, что применение царского титула Андреем должно было иметь иное значение, чем употребление его в Киеве в XI в. Если там оно свидетельствовало о соперничестве с Константинополем всей Русской державы со столицей на Днепре, то здесь, во Владимире, более важным был внутривластный аспект этого титула, ибо его приложение к владимирскому князю ставило его выше князей всех других русских княжеств (Чернигова, Переяславля, Новгорода и др.), не говоря уже о г. Ростове, и уравнивало его номинально с киевским князем. Однако, как показал парижский исследователь В. Водов, в конце XII—XIII в. царский

---

<sup>15</sup> Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. . . Т. 1. С. 120—124; Ryden L. The Vision of the Virgin of Blachernae and the Feast of Pokrov // *Analecta Bolandiana*. Bruxelles, 1976. Т. 94. Р. 63—82.

<sup>16</sup> ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 357.

<sup>17</sup> Воронин Н. Н. Сказание о победе над болгарами. . . С. 90.

<sup>18</sup> Забелин И. Е. Указ. соч. С. 45, 47. См. также в тексте Сказания: «Благочестивому и верному царю нашему князю Андрею, уставившу с(и)це праздновати. . .» (Там же. С. 46).

титул находит применение при характеристике князей и других русских княжеств <sup>19</sup>.

Политические теории ранней Москвы XIV в., до того как она стала столицей Русского государства, отставали от политических ее успехов при князе Иване Калите и его сыновьях. Здесь мы видим различие с показанными выше претензиями Андрея Боголюбского в XII в. Но и в Москве уже в первой половине XIV в. велась литературная работа, которая должна была идеологически подкрепить политику московских князей и обосновать то реальное место, которое Москва начинала занимать среди княжеств Северо-Восточной Руси. Ведь ко времени смерти Ивана Калиты Московское княжество более чем вдвое увеличило свою территорию, а титул великого князя владимирского делал его главу важнейшим политическим фактором в этом регионе.

Для обоснования новой роли Москвы было использовано то обстоятельство, что в Москве умер и был похоронен митрополит Петр, резиденция которого была во Владимире, а последующие митрополиты тоже остались в Москве, что превратило ее в новый центр русской церкви. То, чего тщетно добивался Андрей Боголюбский для Владимира XII в., московские князья получили с самого начала своей политической деятельности. Используя этот случай, московский великий князь Иван Калита добился на соборе во Владимире (1327) и затем в Константинополе (1339) канонизации митрополита Петра, местом культа которого стал, естественно, город, где он был похоронен.

Важным идеологическим мероприятием московского князя было также каменное строительство в московском Кремле, которое велось очень интенсивно. Оно началось строительством Успенского собора с митрополичьей усыпальницей (до 1328 г.). Тем самым культ Богородицы, характерный для русских княжеств XII—XIV вв., получил сильную поддержку в центре новой митрополии, что установило непрерывную традицию из киевского Печерского монастыря через Владимир в Москву, а потом и в другие города. Затем были построены церкви в честь покровителя великого князя — Ивана Лествичника (заложена 1329), в память о митрополите Петре был построен храм (придел) Поклонения веригам апостола Петра (1329), Спасский собор с монастырем (1330). Это строительство должно было поставить московского великого князя на один уровень с теми монархами прошлого, которые прославились постройкой христианских храмов, начиная с Константина Великого.

Действительно, сравнение Ивана Калиты с Константином Великим и другими византийскими императорами появилось еще при жизни этого князя. Здесь имеется в виду похвала князю Ивану на Сийском евангелии 1340 г. — своеобразный религиозно-политический трактат, в котором его авторы, княжеские

---

<sup>19</sup> *Vodoff W. Remarques sur le valeur du terme «tsar» appliqué aux princes russes avant le milieu du XVe siècle // Oxford Slavonic Papers. 1978. Vol. XI. P. 1—36.*

дьяки, впервые представили место нового Московского княжества в христианском мире прошлого и настоящего. В этом трактате утверждается, что именно «о нем, о великом князе Иване, говорил пророк Иезекииль, что придет время, когда в опустошенной земле на Западе появится царь, любящий правду и справедливость, и при нем настанет мир („тишина“) в Русской земле и воссияет правда». Так, в представлении московских идеологов середины XIV в., их княжеству на земле, разоренной монгольским нашествием, издавна было уготовано великое место в мире, причем в «западном» мире. (Здесь подразумеваются, вероятно, земли потомков Иафета.) Далее князь Иван сравнивается с великими правителями прошлого: он совершил в Русской земле дела, подобные царю Константину, занимался собиранием правил и законов, подражая («ревнуя») царю Юстиниану, строил церкви и распространял просвещение, как царь Мануил. Мы встречаемся здесь вновь с разобранной выше владимирской и псевдоконстантинопольской легендой о царе Мануиле Комнине <sup>20</sup>. Следует отметить, что образ императора Мануила был вообще популярен на Руси <sup>21</sup>.

Задачей настоящей статьи было показать, что в Киеве, Владимире и Москве задолго до образования Русского централизованного государства были созданы местные политические, а также церковно-политические теории о месте соответствующих государственных центров в мире, о наследовании ими дел великих императоров и их столиц. Теория о Москве — третьем Риме создавалась, следовательно, в XVI в. не на пустом месте, но была подготовлена целой серией церковно-политических идей, которые соответствовали условиям разного времени. Русские князья сопоставлялись в различной форме с римскими и византийскими императорами, русские города соотносились с великими столицами древности. Пользовался распространением на Руси и титул царя, причем еще с XI в., и он применялся к тем русским монархам, которые обладали или должны были обладать, по мнению их современников, высшей властью на Руси.

---

<sup>20</sup> Мещерский Н. А. К изучению ранней московской письменности // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969. С. 95—96; Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР. Описание русских и славянских рукописей XI—XVI вв. Л., 1976. С. 79. О дате Похвалы см.: Шапов Я. Н. Древнеримский календарь на Руси // Восточная Европа в древности и средневековье: Сб. статей. М., 1978. С. 340—341.

<sup>21</sup> Седельников А. Д. Эпическая традиция о Мануиле Комнине // *Slavia*. Р.. III, Прага, 1924—1925. Р. 606—618; Брюсова В. Г., Шапов Я. Н. Новгородская легенда о Мануиле царе греческом // ВВ. М., 1971. Т. 31. С. 85—103.



## РУСЬ В ВИЗАНТИЙСКИХ ПАМЯТНИКАХ И ВИЗАНТИЯ В ДРЕВНЕРУССКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ (к сравнительному изучению)

Тема «встречи цивилизаций», взаимовлияния культур различных народов с выявлением места Древнерусского государства в системе средневекового мира<sup>1</sup> обсуждалась на всех последних конгрессах как исторических наук, так и византиноведческих. Так, на XV Конгрессе исторических наук 1980 г. в Бухаресте изучалась проблема зон «встречи цивилизаций»; на XVI Византиноведческом конгрессе 1981 г. в Вене анализировались взаимоотношения византийской и «пограничных» с ней культур. На XVI Международном конгрессе исторических наук в Штутгарте (1985 г.) в формулировке одной из главных проблем конгресса — «Образ других» — акцент был сделан не столько на моментах сближения и взаимопроникновения культур, сколько на противопоставлении: образ «других», чужих, внешних сил. При таком развороте темы необходим сравнительный двусторонний «встречный» анализ, что в конкретном случае — при изучении русско-византийских взаимоотношений выражается в формуле «Русь в византийских памятниках — Образ Византии в древнерусских произведениях». Таков ракурс изучения проблемы, предложенной и для XVII Византиноведческого конгресса 1986 г. в Вашингтоне.

Об образе Руси в византийских памятниках подробно уже неоднократно приходилось писать<sup>2</sup>. Коротко суммируем наблюдения над византийскими представлениями о Руси, подробнее остановившись затем на древнерусских памятниках. Анализ разножанровых средневековых произведений — историографических, риторических и поэтических сочинений, эпистолографии и агиографии, правовых документов, актов и др. — строится с учетом их типологических особенностей и жанровой специфики. Инфор-

<sup>1</sup> Пашуто В. Т. Опыт периодизации истории русской дипломатии (ранний и развитой феодализм) // ДГ за 1982 год. М., 1984. С. 6—25.

<sup>2</sup> Бибиков М. В. Древняя Русь и Византия в свете новых и малоизвестных византийских источников // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 296—301; *Он же*. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII—XIII вв.) // ДГ за 1980 год. М., 1981. С. 61—78. Ссылки на византийские источники приводятся в тексте настоящей статьи в сокращении: Кинн. — Ioannis Cinnami Epitome rerum... / Rec. E. Meineke. Bonnae, 1836; Н. Хон. Ист. — Nicetae Choniatae Historia / Rec. J.-L. van Dieten. B., 1975; Сп. еп. — Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae / Ed. J. Darrouzès. P., 1981. P. 367. N 13.759—770.

мационная значимость этих источников обусловлена литературными принципами жанра, традицией (восходящей к античности), стилистическими особенностями (языковые метафоры, внутренние цитаты, поэтические тропы). Византийские этнонимы, в частности и те, что обозначают население Руси (росы, скифы, тавроскифы и т. п.), не являются этниконами в узком и строгом смысле слова, но содержат широкий спектр географо-культурно-бытовых характеристик.

Устанавливается несколько уровней восприятия образа Древней Руси в Византии — от уходящей в античность антитезы «варварского» мира, частью которого в глазах византийцев являлась Русь как наследница гомеровских гипербореев, геродотовской Киммерии, Скифии или Тавроскифии, до отраженного у Никиты Хониата (Ист. 532.14—20) осознания общности судеб этих средневековых государств. Показательно хорошее знание в Византии административно-политической структуры Древнерусского государства, его областей, центров, церковных епархий, этногеографических особенностей (Константин Багрянородный, *Notitia episcopatuum*, тактикины). В перечне епископий «Великой России», составленном в середине XII в., перечисляются Белгород, Новгород, Чернигов, Полоцк, Владимир, Переяславль, Суздаль, Туров, Канев, Смоленск, Галич (Сп. еп.). Под именем «Киавы» Никита Хониат (Ист. 523.45) и Киннам (236.4) имеют в виду, несомненно, Киев. Наибольшее количество свидетельств византийских источников относится к Галицкой Руси, близкой к Византии территориально и потому занимавшей в международных связях Империи видное место<sup>3</sup>. Галицкое княжество, с одной стороны, рассматривалось как одна из «топархий» Руси (Н. Хон. Ист. 129.29—30), но вместе с тем улавливается отношение византийцев к нему как к некоей самостоятельной территориальной и политической единице: во всяком случае, галицкий князь противопоставляется византийским автором «властителю» Киева (Кинн. 236.4) — центра всей Руси (Н. Хон. Ист. 523.45).

В византийской литературе значителен удельный вес античных полумифологических реминисценций, книжных антикварных знаний, на сетку которых накладываются актуальные свидетельства, современные византийцам представления (Цец, Евстафий Солунский, Михаил Хониат)<sup>4</sup>. Анализируемые параллельно с литературными произведениями актовые и сигиллографические источники официального и полуофициального происхождения говорят

---

<sup>3</sup> Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 277—302.

<sup>4</sup> Подробнее см.: Бибиков М. В. Этнический облик Северного Причерноморья по данным Иоанна Цеца // *Etudes balkaniques*. 1976. № 4. Р. 116—120; Он же. К изучению византийской этнонимии // *Византийские очерки*. М., 1982. С. 148—159; Он же. Архаизация в византийской этнонимии // *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья*. М., 1984. С. 30—36.

об углублении связей Византии с Русью с конца XI—XII в., их интенсификации и обоюдном развитии<sup>5</sup>.

Рассказы о Византии в памятниках Руси неоднородны. Они спорадичны в литературно-риторических произведениях («Слово о полку Игореве», «Александрия», Житие Александра Невского, Слово Даниила Заточника), систематичны, но тематически ограничены в летописях (сведения о походах на Царьград, о брачных посольствах и т. п.), и лишь в сочинениях, так или иначе восходящих к византийским оригиналам или византийской действительности («Девгениево деяние», «Повесть о взятии Царьграда», «Хождение игумена Даниила» и т. п.)<sup>6</sup>, византийский материал оказывается в центре повествования. Византия называется в древнерусских текстах «Греческой землей», а ее столица — Царьградом или Цесареградом, иногда — Костянтинградом (или «Град Костянтин»). Древнерусской этнонимии не свойственно принятое в Византии отождествление византийцев с римлянами — «ромеями»: в «Александрии» отмечается различие в языке «римлян» и греков («...експлоратори ниции, тако нарицаеми римляне, еллинскы же расоцы» — Изборник. С. 238), «римляне» идентифицируются с латинянами в Житии Александра Невского (Изборник. С. 332), называемыми обычно «фрязями» (например, Изборник. С. 284). Вместе с тем византийская история в глазах русского агнографа становится в том же житии основой периодизации всемирно-исторического процесса (в начале своем основанного на библейской традиции). Антиклизированные свидетельства в древнерусских, даже переводных, памятниках составляют в целом сравнительно небольшой элемент.

Основное место в исторических повествованиях о Византии занимают сведения о поездках и походах киевских князей — легендарных и исторических, на Царьград, завершавшихся, как правило, получением дани. В Повести временных лет последовательно сообщается о походах Кия, Аскольда и Дира, затем — Олега на Царьград, о посольстве Ольги в Константинополь, походах Святослава на Дунайские провинции, на Византию, о посольстве от князя Владимира с целями «выбора веры». Византийские подарки выполняли и превентивные функции. Автор «Слова о погибели земли Русской» так повествует о взаимоотношениях Владимира Мономаха и Мануила I Комнина: «И кюр Мануил цесарегородскыи опас имѣя, поне и великыя дары посылаше к нему, абы под ним великыи князь Володимер Цесаря-города не взял» (Изборник. С. 326). Вместе с тем получение византийских даров рассматривалось древним автором как знак правоверности

<sup>5</sup> Литаврин Г. Г., Янин В. Л. Некоторые проблемы русско-византийских отношений в IX—XV вв. // История СССР. 1970. № 4. С. 34 и след.; Бибииков М. В. Византийские источники... С. 97.

<sup>6</sup> Текст Повести временных лет цитируется по изданию: ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. 1; остальные древнерусские памятники — по изданию: Изборник. М., 1969 (Сер. «Библиотека всемирной литературы»). Ссылки на страницы изданий источников даются в тексте статьи.



героев, как, например, в «Повести о разорении Рязани Батыем»: Борис и Глеб «ко греческим царем велику любовь имуща, и дары у нихъ многи взимаша» (Изборник. С. 358).

Внимание летописца фиксируется на роскоши, блеске, богатстве подарков или дани. Как правило, это было золото и шелковые ткани. Так, после похода 907 г. «и приде Олегъ к Киеву, неся злато, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье» (ПВЛ. С. 25). Константин Багрянородный, принимая княгиню Ольгу, «и дастъ ей дары многи, злато и серебро, паволоки и съсуды различныя» (ПВЛ. С. 44). Сами греки, по рассказу летописца, стремятся откупиться от Святослава теми же средствами: на вопрос византийского императора, что делать, «и рѣша ему боляре: „Посли к нему злато, и паволоки. . .“» (ПВЛ. С. 50). Предметы роскоши, а также вина и овощи являются и наиболее желанным византийским импортом на Руси. Выбор Святославом новой дунайской столицы объяснялся, в частности, и тем, что туда стекались «отъ Грекъ злато, поволоки, вина и оwoщеве разноличныя» (ПВЛ. С. 48). Драгоценными камнями, золотом, шелками украшаются русскими авторами одежда, сбруя коня, вооружение византийцев. Характерны в этом отношении описания в «Девгениевом деянии»: «Бысть же Девгениев конь бел, яко голубь, грива же у него плетена драгим камением, и среди камения звонцы златы. . . На лядвях коневых драгою паволокою покрыто летняго ради праха, а узда его бысть златом кована со измарагдом и камением» (Изборник. С. 176). Стратиговна рассказывает в повести: «На отце моем брони златы и шелом злат с драгим камением и жемчюгом сажен, а конь его покрыт паволокою зеленою; а братия мои суть в серебряных бронях, токмо шеломы на них златы, а кони их покрыты паволоками червлеными» (Изборник. С. 184). В одеянии самого Девгения «исподни ж быша хлада ради, а верхни бяху червлены, сухим златом ткани, а предрукавие драгим жемчюгом сажены, а наколенники его бяху драгая паволока, а сапоги его вси златы, сажены драгим жемчюгом и камением магнитом. Острожи его виты златом со измарагдом камением» (Изборник. С. 176). Блеск и величие церковной службы, производящей сильное эстетическое и эмоциональное впечатление на посланников князя Владимира, определили, по мысли летописца, и «выбор веры» для Руси (ПВЛ. С. 75).

На Руси были хорошо известны и многие из византийских василевсов — Константин I, Феодосий II, Юстиниан, Маврикий, Василий I, Лев VI Мудрый и Александр, Константин VII Багрянородный, Иоанн Цимисхий, Василий II и Константин VIII, Иоанн II Комнин, Мануил I Комнин, Исаак II Ангел, Алексей IV Ангел Комнин, Алексей V Мурчуфл. Впрочем, «царь греческий» не является в глазах русских авторов самодержцем *par excellence*. Его авторитет не безусловен, у него сильные соперники — таким представлен «немечский кесарь» Филипп II в «Повести о взятии Царьграда»; император позорно бежит с поля битвы, как, например, Алексей Мурчуфл, судьбами византийского трона правят то

«бояре», то советники, то «философы»: древнерусские авторы с вниманием относятся к социальным силам, окружавшим того или иного василевса. Приближенные императора дают советы Мануилу I Комнину в отношении венецианского дожа Энрико Дандоло: «Сего дужа слѣпилъ Мануилъ цесарь; мнози бо философи моляхуться чесареви: аще сего дужа отпустиши съдрава, тѣ много зла створить твоему царству» (Изборник. С. 286). Именно придворные круги, в изображении автора «Повести о взятии Царьграда», возводят на престол Алексея Мурчюфла: «Цесарь же Исаковиць бяшетъ въ Влахернѣ, и хотяше въвести фрягы отаи боярѣ въ град. Бояре же, увѣдавши, утолиша цесаря, не даша ему напустити фрягъ, рекуче: „Мы с тобою есмь“. Тѣгда бояре, убоявъшися въвѣдения фрягъ, съдумавъше съ Мюрчюфломъ, яша цесаря Исаковиця, а на Мюрчюфла вѣнчъ вѣзложиша» (Изборник. С. 282). Известен на Руси и византийский месадзон, называемый «първыи въ боярехъ» (Изборник. С. 284). Как составная часть императорской столичной гвардии упоминаются в русских текстах и «варягы», хорошо известные из византийских нарративных и актовых источников XI—XII вв.<sup>7</sup> Византийское общество подразделяется русским наблюдателем на а) «чернь», б) «добрых людей», в) особо выделяемых «бояр» (Изборник. С. 282). Хорошо известен по «Девгениеву деянию» и провинциальный наместник — стратиг; выделяются и его люди, называемые «кметами».

Дифференцированному описанию византийского общества в древнерусских произведениях, не имеющему аналогии в византийской литературе по отношению к Руси, соответствуют и топографические наблюдения над византийской столицей. Подробные топографические сведения о Константинополе, его сокровищах содержится в «Повести о взятии Царьграда», где описываются «Судъ» — Золотой Рог, фрески притвора храма св. Софии («И святое Софіе притворъ погорѣ, иде же патриарси вси написани»), ипподром («подрумъ»), Еввергетидский храм («...противу святому Спасу, зовемый Вергетис»), Влахернский храм и, вероятно, дворец («...до Лахерны», «...на Влахѣрнѣ») и др. Подробно перечисляются и сокровища св. Софии (Изборник. С. 282—286).

Византийские памятники, как было сказано, обнаруживают хорошее знание географо-административного устройства Древнерусского государства. Для Руси же византийский мир сконцентрирован в Константинополе (нередко он просто называется «градом»). Исключением является Северное Причерноморье, Крым — зона непосредственных контактов двух культур, а также Афон. «Слово о полку Игореве» в числе основных для Руси районов ойкумены называет Сурож (виз. Сугдея), Корсунь (виз. Херсон(ес)) и Тмутаракань на Тамани. Корсунь — Херсон(ес) вообще неоднократно упоминается в Повести временных лет — как в связи с хождениями Андрея, так и в связи с историей крещения князя

<sup>7</sup> Подробнее см.: Бибиков М. В. Скандинавский мир в византийской литературе и актах // Скандинавский сборник. Таллин, 1986. Т. 30. С. 97—105.

Владимира. В последнем случае сообщаются даже топографические детали Корсуня. В «Александрии» среди «восточных» народов упомянуты «вѣспори» — жители Боспора. Об основанном Никоном монастыре в Тмутаракани известно из Жития Феодосия Печерского. Впрочем, Тмутаракань прочно удерживается в сознании русского автора Киево-Печерского патерика как русская территория: она упоминается в перечне русских епархий.

Подобно тому как Киннам (236.1) отмечает особенности русского характера («варварскую» простоту, неискушенность), психологические характеристики встречаются и в древнерусских памятниках, рассказывающих о «льстивости» (=хитрости), «преlestи» (=коварстве) (Изборник. С. 190; ПВЛ. С. 50) и одновременно — о красоте и рыцарственности византийцев. Женский идеал в «Девгеновом деянии» воплощен в Стратиговне: «. . . И о Стратиговне вопрошаеши, ино, господине, несть таковыя прекрасныя на свете сем. . . , а сама Стратиговна мужескую дерзость имеет, иному некому подобна суть, разве тебе» (т. е. Девгению) (Изборник. С. 178). Девгений же сам, дабы не посрамить свою честь, добивается погони, стремится к открытой битве, честному бою: «И шед на гору борзе обозревся, ест ли по нем погоня. И рече девице: „Велика есмь срама добыл, аще не будет по мне погоня, хощу возвратися и понос им сотворити“» (Изборник. С. 182). В том же духе выдержана и его речь к Стратигу: «. . . И еще возвратихся и понос ти велик сотворих, да не глаголаши последи, что татъбою пришед, исхити у мене тцерь. Аще имееши мужескую дерзость у себе, и кметы твои, то отъими у мене тцерь свою! . . . Аз еду из града и пожду вас на поле, да не молвите, что пришед и обольстив, побеже от нас» (Изборник. С. 184).

Таким образом, культурно-исторический фон формирования представлений Византии и Руси друг о друге неодинаков: в Византии имела место основанная на античной книжной традиции, связанная с непосредственными контактами, на Руси была распространена легендарная (церковная) традиция, а также наблюдения и представления, возникшие в ходе посольств, военных походов, путешествий. Особое место в Древней Руси принадлежит переводным и заимствованным из самой Византии произведениям. «Полицентризм» образа Руси в византийских памятниках противоположен образу Царьграда, олицетворявшему для Руси всю Византийскую империю. Пути же эволюции этих представлений и на Руси, и в Византии обнаруживают черты общности и свидетельствуют об их углублении.



## О ДАТИРОВКЕ И АКТУАЛЬНОСТИ ПОУЧЕНИЙ ВАСИЛИЯ I

Конкретный вопрос о датировке литературного памятника приобретает применительно к такому жанру византийской литературы, как «княжеские зеркала» неформальное значение. Поскольку среди дошедших до нас сочинений этого жанра нет датированных точно<sup>1</sup>, основания для датировки приходится искать в тексте самого памятника. Исследователь, таким образом, вынужден выявлять признаки современности в теоретических трактатах, отвлекающихся в силу специфики жанра от сиюминутной действительности, направленных на пропаганду вневременных, непреходящих достоинств идеального императора. Иными словами, историк оказывается перед все еще актуальным для византиноведения вопросом, в какой степени византийская литература (а в нашем случае — «княжеские зеркала») способна отражать изменяющуюся действительность и отражать ее не только в форме эволюции идей и представлений, но и в форме живых откликов на злободневные события?

Но что может дать для решения такого вопроса материал «княжеских зеркал», если даже развитие их идейного содержания от эпохи к эпохе, как правило, подвергается сомнению? И все же история византийской литературы знает случай, когда этот вопрос неизбежно встает перед исследователем. Сравнительно небогатый жанр византийских «княжеских зеркал» представлен в правление императора Василия I (867—886) сразу двумя сочинениями: «Учительными главами» и «Вторым поучением» Василия своему сыну, будущему императору Льву VI<sup>2</sup>. Если «Учительные главы» относительно известны в византиноведении<sup>3</sup>, то «Второе поучение» практически не упоминается в византиноведческой лите-

---

<sup>1</sup> Наличие в ряде «княжеских зеркал» акростиха (например, у Агапита, Василия I), не только скрепляющего отдельные параграфы сочинения воедино, но и упоминающего адресата, позволяет датировать памятник лишь в рамках правления того императора, к которому обращается автор.

<sup>2</sup> Migne. PG. T. 107. Col. XXI—LX.

<sup>3</sup> На них подробно останавливаются: *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Litteratur. 2. Aufl. München, 1897. S. 457—458; *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1. S. 160—161; ссылается *Simon D.* «Princeps legibus solutus» // Gedächtnisschrift für Wolfgang Kunkel / Hrsg. von D. Nörr und D. Simon. Frankfurt a. M., 1984. S. 480—481; им посвящены статьи: *Čičurov I.* Gesetz und Gerechtigkeit in den byzantinischen Fürstenspiegeln des 6.—9. Jahrhunderts // Cupido legum / Hrsg. von L. Burgmann, M.-Th. Fögen, A. Schminck. Frankfurt a/M., 1985. S. 33—45; *Чичуров И. С.* Традиция и новаторство в политической мысли Византии конца IX в. // ВВ. М., 1986. Т. 47. С. 95—100.

ратуре<sup>4</sup>. Но именно «Второе поучение» подводит исследователя к постановке вопроса, который мы уже задали. Действительно, чем вызвано появление краткого «Второго поучения», тематика которого на первый взгляд ничем не отличается от подробного изложения тех же сентенций, что содержатся в «Учительных главах»? Ответ на вопрос связан с датировкой как первого, так и второго сочинений.

Основание для датировки дает акrostих, объединяющий 66 разделов «Учительных глав»: «Василий во Христе император ромеев Льву, любезному сыну и соправителю»<sup>5</sup>. Поскольку провозглашенный соправителем в 870 г. Лев родился в 866 г.<sup>6</sup>, естественно предположить, как это и делает Г. Хунгер<sup>7</sup>, что сочинение датируется временем около 880 г., когда юному соправителю было не менее 14 лет. Существуют ли другие аргументы, подтверждающие или даже уточняющие предложенную датировку? На помощь приходит опять-таки акrostих, упоминающий лишь одного соправителя Василия — Льва. Как известно, соправителем Василия был с 869 г. и его старший сын Константин, умерший 3 сентября 879 г.<sup>8</sup> Смерть Константина была горько оплакана Василием, о чем мы узнаем из «Хронографии» Льва Грамматика, критически настроенного по отношению к первым императорам македонской династии<sup>9</sup>. Отсутствие Константина в акrostихе при его жизни представляется маловероятным. Следовательно, «Учительные главы» едва ли могли быть составлены до 3 сентября 879 г.

Верхняя хронологическая граница определяется на основании содержания «Второго поучения». Единственным, пожалуй, тематическим отличием «Второго поучения» от «Учительных глав» является совет отца сыну, касающийся супружеской жизни Льва: «Стань частью жены твоей, а на чужую избегай и смотреть»<sup>10</sup>. В «Учительных главах» нет и намек на супружество Льва. Из этого следует, что они были написаны, скорее всего, до женитьбы Льва на Феофано в 882 г.<sup>11</sup>, точнее — зимой 881/882 гг.<sup>12</sup> Тем

---

<sup>4</sup> Краткое упоминание трактата Крумбахером (*Krumbacher K. Op. cit. S. 458*) не воспроизводится в соответствующей части заменяющего этот труд современного издания Хунгера (*Hunger H. Op. cit. Bd. 1. S. 160—161*).

<sup>5</sup> *Migne. PG. T. 107. Col. XXI.*

<sup>6</sup> *Grumel V. La chronologie. P., 1958. P. 357; Mango C. Eudocia Ingerina, the Normans and the Macedonian Dynasty // Сборник радова Византологического Института. Београд, 1973. T. XIV/XV. P. 23.*

<sup>7</sup> *Hunger H. Op. cit. Bd. 1. S. 161, Anm. 11.*

<sup>8</sup> *Grumel V. Op. cit. P. 357; Jenkins R. J. H. The chronological Accuracy of the «Logothete» for the Years A. D. 867—913 // Dumbarton Oaks Papers. Washington, 1965. Vol. 19. P. 97; Mango C. Op. cit. P. 25.*

<sup>9</sup> *Leonis Grammatici Chronographia / Ex rec. I. Bekkeri. Bonnae, 1842. P. 258. 12—14, 259.9—15. (Далее: Leon. Gramm. Chron.)*

<sup>10</sup> *Migne. PG, T. 107. Col. LX B—C.*

<sup>11</sup> *Mango C. Op. cit. P. 25.*

<sup>12</sup> *Vogt A. La jeunesse de Léon le Sage / Revue historique. 1934. Vol. 174. P. 415; ср.: Две византийские хроники X в. М., 1959. С. 94, коммент. 2.*

самым, верхней для «Учительных глав» (и нижней для «Второго поучения») хронологической границей становится зима 881/882 гг.

Попробуем сузить установленные нами хронологические рамки. В акростихе «Учительных глав» отсутствует упоминание не только Константина, но также другого сына и соправителя Василия Александра. Между тем известно, что родившийся 3 ноября 870 г. Александр<sup>13</sup> был провозглашен соправителем лишь по смерти Константина в 879 г.<sup>14</sup> Разница в возрасте между Львом и Александром невелика (четыре года), и трудно представить, чтобы адресованное одному сыну и соправителю поучение не касалось второго. Итак, появление «Учительных глав» естественно связывать с небольшим промежутком времени между 3 сентября 879 г. и концом того же года. Возможно определение верхней хронологической грани и для «Второго поучения». В 883 г. Лев был заточен Василием по подозрению в заговоре против своего отца. Под арестом Лев провел три года<sup>15</sup> и был выпущен на свободу 20 июля 886 г., т. е. за месяц до смерти Василия 21 августа того же года<sup>16</sup>. Вероятным для написания «Второго поучения» остается, таким образом, промежуток времени между женитьбой Льва и его заключением — 882/883 г., коль скоро трудно поверить в то, что Василий, заточивший сына и хотевший было его ослепить, обращается с поучением к злоумышлявшему против него Льву как к преемнику. Да и в самом трактате нет следов, указывающих на испортившиеся отношения между Василием и Львом. Итак, написание двух тождественных по тематике и целям сочинений приходится на сравнительно короткий хронологический отрезок: конец 879 г. для «Учительных глав» и 882—883 гг. для «Второго поучения». В чем причина столь частого обращения к одной и той же теме? Для ответа на вопрос напомним, впрочем, хорошо известные обстоятельства личной жизни первых императоров македонской династии.

Семейные отношения между членами македонской династии были благодарным сюжетом для скандальной придворной хроники. Назначение Василия паракимоменом повлекло за собой вынужденный развод с его первой женой Марией и женитьбу на любовнице императора Михаила III Евдокии Ингерине; в утешение Василий получил от Михаила в любовницы его сестру Феклу.

<sup>13</sup> Jenkins R. J. H. Op. cit. P. 92, 97.

<sup>14</sup> Ostrogorsky G. Geschichte des byzantinischen Staates. 3. Aufl. München, 1963. S. 194; Morisson C. Catalogue des monnaies byzantines de la Bibliothèque Nationale. P., 1970. Vol. II. P. 537; Schminck A. Studien zu mittelbyzantinischen Rechtsbüchern. Frankfurt a/M., 1986. S. 105, Anm. 328. В датировке И. Караяннопулосом провозглашения Александра соправителем скрыто противоречие: с одной стороны, он традиционно датирует «Эпанагогу», исходя из даты совместного правления Василия I, Льва VI и Александра (879—886 гг.), с другой — говорит об Александре как о соправителе с конца 870 г. (Καραγιαννοπούλου Ι. Ιστορία Βυζαντινοῦ Κράτους. Θεσσαλονίκη, 1981. Τ. Β'. Σ. 313, 304).

<sup>15</sup> Jenkins R. J. H. Op. cit. P. 112; cf.: Mango C. Op. cit. P. 25.

<sup>16</sup> Mango C. Op. cit. P. 25—26.



Был ли Лев сыном Василия или Михаила, остается загадкой для исследователей<sup>17</sup>. Во всяком случае, неприязнь Василия ко Льву могла иметь причиной и неуверенность Василия в этом. Хотя обвинение Льва в заговоре против отца и оказалось несостоятельным, он все же провел в заключении три года, и Василий даже собирался его ослепить. Женитьба Льва на Феофане (его первой жене) состоялась против его воли, и отношения между царственными супругами не сложились с самого начала. Феофане, видимо, знала о любовнице Льва Зое Заутце, будущей второй жене Льва<sup>18</sup>.

О сложности взаимоотношений отца и сына не умолчали византийские историки X в. Даже автор «Царств», условно именуемый «Иосифом Генесием» (придворный историк Константина VII, прославлявший по его поручению основателей македонской династии и потому положительно характеризующий Льва<sup>19</sup>), не может не упомянуть о размолвке Василия с сыном, хотя и приписывает вину за «рану отеческой любви» другим<sup>20</sup>. Критически настроенный Лев Грамматик вложил в уста Василия адресованную народу враждебную оценку Льва: «Вы еще дождетесь от него немало притеснений и печальных дней»<sup>21</sup>. Родным (γνήσιος) сыном Василия назван в «Хронографии» Льва Грамматика Александр<sup>22</sup>, а смерть старшего сына императора, как уже говорилось, горько оплакана Василием, основавшим монастырь св. Константина на том месте, где ему было видение умершего сына<sup>23</sup>. Перечень критических высказываний византийских историков о Василии и Льве можно без труда продолжить: они хорошо известны византинистам<sup>24</sup>. Сказанного, впрочем, достаточно, чтобы понять: трения между Василием и Львом имели место, не оставаясь, очевидно, секретом для окружающих. На этом фоне неформально и петрадиционно

<sup>17</sup> Ibid. P. 27. Лев Грамматик прямо называет Льва VI сыном императора Михаила III, а не Василия I. См.: Leon. Gramm. Chron., p. 249.3—6.

<sup>18</sup> Две византийские хроники... С. 98, коммент. 1, 12.

<sup>19</sup> Лев — «знаменитый и всеславный император», исполняющий заветы отца «с мудростью и совершенством» (καλοτάγαθία καὶ ἀγχινοία) «воспеваемый» (αἰδοῦμος). См.: Iosephi Genesii Regum libri quattuor/Rec. A. Lessmüller-Werner, I. Thurn. Berolini; Novi Eboraci, 1978. P. 81.5—6, 13; 88.59; тенденции автора — Ibid. S. XI. (Далее: Gen. Reg.)

<sup>20</sup> Ibid. P. 81.7.9. Даже идеализирующий Василия Константин Багрянородный не может не упомянуть о заключении Льва (Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / Ed. I. Bekker. Bonnae, 1838. P. 348.10—351.21).

<sup>21</sup> Leon. Gramm. Chron. P. 261.1—2.

<sup>22</sup> Ibid. P. 255.6—7.

<sup>23</sup> Ibid. P. 258.12—14, 259.9—17. Кстати сказать, «Иосиф Генесий» не дает вообще никаких характеристик Константину и Александру (Gen. Reg., p. 80.95, 81.6—7), тогда как Константин Багрянородный называет Константина любимейшим сыном Василия (Theoph. Cont. P. 345.4—5, 348.12—13).

<sup>24</sup> См. соответствующий раздел в книге: Tinnefeld F. Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie. München, 1971. S. 102—105.

звучат как в «Учительных главах», так и во «Втором поучении» неоднократные наставления Василия Льву почитать родителей.

В «Учительные главы» впервые за всю историю жанра «княжеских зеркал» вводится глава «О почитании родителей» (гл. 20)<sup>25</sup>. Ты принял венец от бога из моих рук, — обращается Василий ко Льву, — чти бога, почтившего тебя за почитание родителя; меня ты будешь чтить не так, как подданные (коленопреклоняясь, принося дары, славословя — это недостойно царственного мужа), «но почитая добродетель, упражняясь в мудрости (σοφροσύνη), совершенствуя свою нравственность (ἡθός), усердствуя в красноречии, которым украшается разум юных»<sup>26</sup>. И в других главах Василий не устает подчеркивать существо и важность родительской связи между ним и его соправителем. «Любимое чадо, я — отец и соправитель — поучаю тебя. . .»<sup>27</sup> «Я был тебе учителем в вере и не осрами меня, любвеобильного отца. . .»; «дети императоров должны являться живыми образами отеческой добродетели. . .»<sup>28</sup>; «. . .ты обязан стыдиться и чтить родителей по плоти. . .»<sup>29</sup>.

Тема продолжена «Вторым поучением»: «Храни неколебимо заветы (λόγους) отца твоего, ибо никто не учит так бескорыстно (ἀφθόως), как отец дитя. Ведь учитель обычно завидует ученику, если тот превосходит его. Отец же обретает славу, когда видит, что дитя превосходит не только его самого, но и каждого человека»<sup>30</sup>. Разумеется, неслучайно отношения императора к церкви и клирикам описываются в «Учительных главах» и во «Втором поучении» прежде всего как отношения сына и родителей: церковь — мать, священники — духовные отцы<sup>31</sup>.

Наставление Василия Льву о супружеской жизни, оказавшись пророческим (Лев, как известно, был женат четырежды), помещено, таким образом, в контекст прочих отеческих (а не императорских) поучений. «Накал страстей» вокруг неурядиц императорской семейной жизни был, очевидно, так высок, что повлек за собой вкрапление в «княжеские зеркала» тем, в остальном непривычных для жанра, не говоря уже о, видимо, осознанной императором необходимости вторично обратиться с поучением к своему сыну.

<sup>25</sup> Эта тема отсутствует, в частности, у Агапита, упоминающего лишь об «отеческой любви» императора к подданным [*Migne. PG. T. 86. Col. 1181 C* (гл. 59)]. Новизна темы для жанра не отмечена Г. Хунгером, обратившим внимание на ряд других отличий «Учительных глав» от предшествующей традиции (*Hunger H. Op. cit. Bd. 1. S. 161*).

<sup>26</sup> *Migne. PG. T. 107. Col. XXXII B—C.*

<sup>27</sup> *Ibid. Col. XXI A.*

<sup>28</sup> *Ibid. Col. XXI B—XXIV A.*

<sup>29</sup> *Ibid. Col. XXIV A—B.*

<sup>30</sup> *Ibid. Col. LX C.*

<sup>31</sup> *Ibid. Col. XXI B, XXIV A, XXIV B; LVII C.* Метафорика родительских отношений, перенесенная на отношения к церкви и клирикам, опять-таки отсутствует у Агапита, уделившего немало внимания церковной проблематике в своем «Изложении учительных глав».

Мы начали с сомнений в способности «княжеских зеркал» отражать злободневные и подчас индивидуальные в своей конкретности проблемы современности. Анализ «Учительных глав» и «Второго поучения» Василия Льву показал, что эти сомнения были напрасными: византийские «княжеские зеркала» наряду с традиционными мотивами и отвлекающимися от конкретной действительности сентенциями могли заключать в себе и столь актуальные отклики на современные события, что становится возможной датировка на их основании содержания памятника.

*И. В. Борцова*

## ЛЕГЕНДАРНЫЕ ЭКСКУРСЫ О РАЗДЕЛЕНИИ ЗЕМЛИ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Какое место в известном им мире и мировой истории русские книжники древнейшего периода отводили Руси? Этот вопрос не получил освещения в первом обобщающем труде советских историков, посвященном проблемам зарождения и развития этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья<sup>1</sup>, видимо, потому, что он тесно связан не только с этническим, но и политическим, государственным самосознанием Руси времени создания Повести временных лет. В настоящей статье рассматривается лишь один из видов источников, которые могут быть привлечены для решения данной проблемы.

Вводная часть Повести временных лет начинается кратким экскурсом о разделении земли и расселении народов. Он составлен по византийским и русским источникам. Компилятивный характер легенды не мешает использовать ее для анализа взглядов автора начала XII в. на место Руси среди других народов и государств.

Часть рассматриваемого фрагмента Повести, основанная на русских источниках, имеет ближайшие параллели текста в Толковой палее. Их сопоставление уже стало традиционным, но ранее оно предпринималось с чисто источниковедческими целями.

Попробуем выявить отношение этих отрывков друг к другу или к общим источникам, связав текстологические наблюдения с различиями или общностью идейных задач Повести и Палеи в целом.

Еще А. А. Шахматов показал, что в этногеографическом введении Повести временных лет очень тесно переплетены тексты двух

---

<sup>1</sup> Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 96—120.



переводных византийских хроник: Георгия Амартола и Иоанна Малалы<sup>2</sup>. В результате соединения византийских источников с русскими в перечне иафетовых народов, составленном по Амартолу, появилось название «Славяне» (между «Илюрик» и «Лухитая»), а после него следует перечисление рек и народов восточноевропейского региона. Далее упоминается также о народах Северной и Западной Европы.

Соответствующая часть Толковой палеи пространнее, в ней использованы иные византийские источники. Основу составляют фрагменты, подобные тем, которые можно найти в греческих текстах Пасхальной хроники и Хроники Георгия Синкелла<sup>3</sup>.

Нельзя, однако, утверждать, что здесь привлекались именно эти памятники. В византийской литературе традиция экскурсов чрезвычайно богата, но основана на сравнительно узком круге источников, поэтому разные авторы дают схожие чтения. И Пасхальная хроника, и Георгий Синкелл, и Георгий Амартол в разном объеме передают версию, восходящую к Хронике Ипполита Римского. Но каждая из них имеет свои особенности в композиции, составе, чтениях и порядке перечисления этнонимов и топонимов. Эти особенности сближают текст этногеографического предания Толковой палеи то с Хроникой Георгия Синкелла, то с Пасхальной хроникой.

Есть в нем и незначительные следы использования славянского перевода Амартола. Например, фраза «ефиопская рѣка черьмна, текущая на в(о)сток»<sup>4</sup> может восходить только к славянскому Амартолу или использовавшему его памятнику, так как повторяет его ошибку в переводе греческого текста: в греческом Амартоле — «...ὁ ποταμὸς τῶν Λιβύων, Ἐρυθρὰ ἢ βλέπουσα κατὰ ἀνατολὰς...»<sup>5</sup>, — в славянском переводе — «...рѣка Ефиопская Черьмна, текущи на вѣсток...»<sup>6</sup>, в Повести временных лет — «...рѣка Ефиопская Чермна, текущи на вѣсток...»<sup>7</sup>.

Как упоминалось выше, наш интерес к экскурсу Толковой палеи вызван тем, что в нем в описании наследственной части Иафета содержатся перечни восточноевропейских рек (с упоминанием и Кавкасийских гор) и восточноевропейских народов, близкие по составу аналогичным в Повести временных лет. Кроме

<sup>2</sup> Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. IV. С. 42, 72. Соединение текстов Малалы и Амартола, по мнению Шахматова, произошло именно в тексте Повести, причем Малала — из Хронографа, Амартол — из полного текста перевода.

<sup>3</sup> В так называемом славянском переводе Хроники Георгия Синкелла этой части нет, так как перевод представляет иную, чем греческие тексты, в первой половине значительно более краткую редакцию Хроники Синкелла.

<sup>4</sup> Палея толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. Труд учеников Н. С. Тихонравова. М., 1892—1896. Вып. 1/2. Стб. 236.

<sup>5</sup> Georgii Monachi Chronikon. München, 1978. P. 55.20—21.

<sup>6</sup> Истрин В. М. Книги образныя и временныя Георгия Мниха... Пг., 1920. Т. I. С. 59.3—4.

<sup>7</sup> ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 2.

того, при перечислении иафетовых народов, составленном в основном по Синкеллу, отмечены «норики, иже суть славяне». Это отождествление нориков со славянами есть и в Повести, но в ином контексте, в рассказе о древнейших судьбах славянства <sup>8</sup>.

Еще М. И. Сухомлинов отметил ряд параллелей Повести и Палеи <sup>9</sup>, но он основное внимание уделял фрагментам из отзыва греческого миссионера о вере болгар в рассказе об испытании вер, отметив их сходство с антимагометанскими толкованиями Палеи, и из «Речи философа». Сухомлинов пришел к выводу, что в этих фрагментах Палея была источником Повести, хотя и не единственным. Он исходил из распространенного тогда мнения, что Толковая палея не может быть русской компиляцией и является переводом с греческого, появившимся в русской письменности в XI в. Вместе с тем Сухомлинов полагал, что «данные о русской земле и сопредельных странах взяты из летописи в Палею» <sup>10</sup>. Таким образом, он считал «русские» известия позднейшей вставкой, добавленной в Палею русским переписчиком. В плане источниковедческого изучения «космографии» Толковой палеи именно им было отмечено ее сходство с Хроникой Георгия Синкелла <sup>11</sup>.

В. Успенский, исходя из тезиса о византийском происхождении Толковой палеи и ее раннем распространении на Руси, также считал перечень племен, находящихся в России, вставкой русских переписчиков — «по Нестору» <sup>12</sup>. Он же первым отметил значительное сходство экскурса Палеи с Пасхальной хроникой <sup>13</sup>.

В. М. Истрин в своих фундаментальных исследованиях о происхождении, составе и редакциях Толковой палеи оставил в стороне этногеографическую легенду, подробно разобрав при этом палейное сказание о столпотворении <sup>14</sup>. Ему принадлежит заслуга научного обоснования гипотезы о русском происхождении Толковой палеи на основании сплошного источниковедческого исследования всего ее текста в полном объеме. Он показал, что в параллельных фрагментах сказаний о столпотворении Палея не была источником Повести (что вместе с другими данными текстологических наблюдений свидетельствовало против византийского происхождения Толковой палеи и раннего — ранее начала XII в. — ее появления в древнерусской письменности). Но Истрин не касался вопроса о том, могла ли Повесть быть источником Палеи <sup>15</sup>.

<sup>8</sup> Ср.: Палея толковая. . . Вып. 1/2. Стб. 238; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 5.

<sup>9</sup> Сухомлинов М. И. О древней русской летописи как памятнике литературном. СПб., 1856. С. 54—64.

<sup>10</sup> Там же. С. 64.

<sup>11</sup> Там же.

<sup>12</sup> Успенский В. Толковая палея. Казань, 1876. С. 60.

<sup>13</sup> Там же. С. 60—66.

<sup>14</sup> Истрин В. М. Замечания о составе Толковой палеи. I—IV // Сб. ОРЯС. СПб., 1898. Т. 65, № 6. С. 4—15.

<sup>15</sup> Библиографию работ В. М. Истрина и других исследователей по Толковой палеи см.: Исследовательские материалы для словаря книжников и книжности Древней Руси // ТОДРЛ. М.; Л., 1985. Т. XXXIX. С. 154—155 (Творогов О. В. Палея толковая).

Мнение Шахматова о взаимном отношении Повести временных лет и Толковой палеи резко изменилось в процессе его исследований. Первоначально он полагал, что в рассказах о столпотворении и расселении народов Палея и летопись имели общий источник, который уже содержал русские вставки<sup>16</sup>. В нем были и значительные заимствования из Пасхальной хроники. Подробно разобрав вопрос о том, можно ли перечень «русских» рек и народов в Палее возвести к летописи, исследователь дал на него отрицательный ответ<sup>17</sup>.

В ходе дальнейшей работы Шахматов пересмотрел свою точку зрения. Изменился его взгляд на происхождение Толковой палеи. Он принял выводы Истрина и А. В. Михайлова о том, что это русский компилятивный памятник, основанный на большом количестве переводных и славянских источников. В фундаментальном труде об источниках Повести временных лет он вновь разобрал вопрос о ее параллелях с Палеей. На этот раз большую часть из них Шахматов считал заимствованиями Палеи из летописи<sup>18</sup>. Лишь фразу «порица иже суть словѣне» — «нарци еже суть словѣне» (см. примеч. 8) признал результатом использования общего источника — хронографа. Таким образом, признание Повести одним из источников Толковой палеи не снимает всех вопросов, связанных с происхождением их параллельных фрагментов.

В статье О. В. Творогова, посвященной отношению Повести временных лет к Хронографу по великому изложению, развивается гипотеза Шахматова о том, что в Повесть фрагменты Амартола проникли двумя путями: через хронограф и из полного текста славянского перевода. Но в ней не высказано определенного мнения по поводу тех параллелей Амартолу, которые содержатся в рассказах о разделении земли и столпотворении<sup>19</sup>. Творогов, опираясь на свои исследования в области русской хронографии, считает возможным реконструировать состав Хронографа по великому изложению с достаточной степенью достоверности лишь начиная с рассказа о царствовании Ровоама. Он воздерживается от суждения о том, как хронограф описывал разделение земли и столпотворение<sup>20</sup>.

Каково взаимное отношение Повести временных лет и Толковой палеи в рассказе о разделении земли и в перечислении восточно-европейских рек и народов? Ответ на этот вопрос важен не только для источниковедческих исследований. Если у рассматриваемых памятников был общий источник, значит, на Руси еще до создания Повести временных лет была хронографическая компиляция, включавшая в легенду о разделении земли довольно подробное описание

<sup>16</sup> Шахматов А. А. Толковая палея и русская летопись // Статьи по славяноведению. СПб., 1904. Вып. 1. С. 264.

<sup>17</sup> Там же.

<sup>18</sup> Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники. С. 77—80.

<sup>19</sup> Творогов О. В. Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. XXVIII. С. 99—102.

<sup>20</sup> Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 20.



территории Восточной Европы (по рекам) и ее населения, причем населения не только славянского. Это уже может свидетельствовать об определенном уровне и направлении развития этногосударственного самосознания.

Кроме того, в зависимости от решения вопроса об источниках по-разному решается вопрос и о происхождении различий в перечнях восточноевропейских народов Повести и Палеи. Направленность изменений, внесенных в текст экскурсов по сравнению с общим источником, может прямо свидетельствовать об их идейном содержании в составе различных памятников.

Самое значительное, на наш взгляд, изменение — отсутствие в Палеи наименования «Русь». Шахматов полагал, что «Русь» была заменена «Словѣнским языком» на основании содержащегося в Повести временных лет отождествления — «... а словѣнскыи язык и ру(с)кыи одно е(сть)»<sup>21</sup>. Но он не привел ни возможных причин такой замены, ни каких-либо доказательств первичности в данном контексте чтения «Русь» по сравнению со «словѣнским языком». На наш взгляд, не упомянуть о руси, имея источником вводную часть Повести временных лет, можно лишь по каким-то очень важным идейным соображениям, оснований для которых мы в тексте Палеи пока не находим. Если же предположить, что у Повести и Палеи в этом сюжете был общий источник, в котором упоминался славянский язык, то его замена «русью» в тексте Повести временных лет представляется не только обоснованной, но и совершенно необходимой, исходя из содержания вводной части Повести.

Попробуем вслед за предшествующими исследователями сравнить перечни восточноевропейских народов летописи и Толковой палеи. К сопоставлению следует привлечь также «реестр» данников Руси из Повести временных лет, так как он имеет значительные сходства с перечнем народов.

| Повесть — экскурс <sup>22</sup>                                                                                                                   | Повесть—данники Руси <sup>23</sup>                                                                                                         | Толковая палея <sup>24</sup>                                                                                                                                                                                                                                                             |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| В Афетовѣ же части<br>сѣдять<br>русь,<br>чудь<br>и вси языци:<br>меря,<br>мурома,<br>весь,<br>морѣдва,<br>заволочьская чудь,<br>пермь,<br>печера, | А се суть инши языци<br>иже дань даютъ<br>Руси:<br>чудь<br>меря,<br>весь,<br>мурома,<br>черемись,<br>морѣдва,<br>пермь,<br>печера,<br>ямь, | Мы же глаголем по рѣчи<br>языка своего, иже от<br>Афета языци изидоша и<br>в части его сѣдять:<br>первыи язык варяжь-<br>скыи, вторыи словѣнскыи,<br>третии чудь,<br>четвертыи ямь,<br>пятыи лопь,<br>шестыи пѣрмь,<br>семыи корѣла,<br>осмыи печера,<br>девятыи югра,<br>десятыи литва, |

<sup>21</sup> Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники. С. 79.

<sup>22</sup> ПСРЛ. Т. 1. Стб. 4.

<sup>23</sup> Там же. Стб. 11.

<sup>24</sup> Палея толковая. . . Вып. 1/2. Стб. 243.

|                       |                       |               |
|-----------------------|-----------------------|---------------|
| ямь,                  | литва,                | 11. ятвязи,   |
| угра,                 | зимигола,             | 12. пруси,    |
| литва,                | корсь,                | 13. недрова,  |
| зимѣгола,             | норова/нерома,        | 14. меря,     |
| корсь,                | либь:                 | 15. мордѣва,  |
| сѣтьгола/лѣтьгола     | си суть свой язык     | 16. мещера,   |
| любь/либь,            | имуще, от колена      | 17. мурома,   |
| ляхове же и           | Афетова, иже живутъ   | 18. корсь,    |
| пруси                 | в странах полунощных. | 19. зимогола, |
| чудь пресѣдять к      |                       | 20. любь.     |
| мѣрю Варяжьскому. . . |                       |               |

«Реестр» данников привлекался и ранее при сопоставлении перечней иафетовых народов. Например, А. Г. Кузьмин счел правомерным просто объединить его с экскурсом Повести без всяких оговорок: доказывая бóльшую древность этого фрагмента Повести по сравнению с Палеей, он считает одним из признаков древности наличие в перечне Повести этнонима «черемись»<sup>25</sup>. Как нетрудно заметить из приведенного сопоставления, этого наименования в экскурсе Повести нет, зато оно есть в «реестре» данников Руси.

Безусловно, Толковая палея — памятник более поздний, чем Повесть временных лет. Истрин и Михайлов относили ее создание к началу XIII в. Поэтому состав перечня восточноевропейских народов мог быть в ней значительно обновлен. Это обновление, однако, не может служить доказательством использования в Палее в качестве источника экскурса Повести.

При сравнении трех перечней можно заметить, что «реестр» данников имеет значительно больше совпадений в составе и порядке перечисления с перечнем восточноевропейских народов экскурса Повести, чем перечень восточноевропейских народов экскурса Палеи. Очевидно, что совпадения не случайны. Вместе с тем «реестр» данников и перечень Палеи имеют две общие отмены по сравнению с перечнем Повести — «заволочьская чудь» и «лѣтьгола/сѣтьгола», — а также одно общее добавление — «норова/недрова». Кроме того, именно в контексте этой пары перечней есть указания на языковые отличия.

Необходимо также отметить, что «реестр» данников носит явные следы его генетической связи с легендой о разделении земли: после него упомянуты иафетово колено и полунощные страны.

Начиная с чуди, во всех трех перечнях упоминаются только неславянские восточноевропейские племена. Про данников Руси прямо сказано, что это «инии языци», «имущие свой язык». Видимо, «иние» — по отношению к славянскому языку. Поэтому чтение «словѣньск язык» в соседстве с перечислением неславянских народов представляется более обоснованным по сравнению с чтением «русь».

<sup>25</sup> Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 105.

В этой связи представляется немаловажным, что единственный параллельный фрагмент Повести и Палеи, который все исследователи до сих пор считали результатом использования общего источника, а не заимствования из летописи в Палею, сообщает именно о славянах. Мы имеем в виду уже упоминавшееся отождествление «норица иже суть словѣне», которое в Повести временных лет появляется достаточно неожиданно, а в Толковой палее находится в своем естественном органичном контексте, как это было отмечено Шахматовым <sup>26</sup>.

Перечень иафетовых народов в Палее составлен в основном по Хронике Синкелла. В нем сохранены следующие пояснения греческого текста: «3. галати иже суть кельтѣи» <sup>27</sup>, что условно соответствует «β' Μαγώγ, ἐξ οὗ Κέλτοι οἱ καὶ Γαλάται» <sup>28</sup>; «елинии иже суть инос» <sup>29</sup> — «δ' Ἰωνά, ἐξ οὗ Ἑλληνας οἱ καὶ Ἴωνες» <sup>30</sup>; «15. руми иже зовуться греци» <sup>31</sup> можно считать свободной интерпретацией толкования Синкелла «ιδ' Κίτιοι, ἐξ οὗ Λατῖνοι οἱ καὶ Ρωμαῖοι» <sup>32</sup>. К фразе: «ιγ' Θαρσεῖς, ἐξ οὗ Ἰβηρες» <sup>33</sup> в Толковой палее добавлено то же самое: «14. авер иже суть обези» <sup>34</sup>.

В таком контексте фраза «13. норича иже суть словѣни» действительно кажется вполне уместной. Можно согласиться с мнением Шахматова, что в данном случае Палея полнее отразила общий с Повестью источник. Но не следует забывать и о том, что у Синкелла норичи вообще не упоминаются. Они есть в Пасхальной хронике, но не среди иафетовых народов, а в общем перечне семидесяти двух народов. Среди известных нам византийских памятников, содержащих подобные экскурсы, очень немногие упоминают норичов, причем только в общем перечне народов, а не среди народов Иафета. Тот факт, что в Толковой палее есть и другие фрагменты, возводимые к Пасхальной хронике, служит косвенным подтверждением того, что рассматриваемая фраза не является в этом памятнике случайным и посторонним заимствованием. В Повести временных лет для нее нет ни подходящего контекста, ни других фрагментов, связанных с Пасхальной хроникой.

Можно считать доказанным, что Толковая палея и, следовательно, вошедшая в нее этногеографическая легенда созданы позже Повести временных лет. Из этого, однако, не вытекает, что Повесть была источником Палеи. В одном из параллельных фрагментов с большей обоснованностью можно предположить использование Палеей общего с Повестью источника.

<sup>26</sup> Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники. С. 75.

<sup>27</sup> Палея толковая. . . Вып. 1/2. Стб. 237.

<sup>28</sup> Georgii Syncelli Ecloga Chronographica / Ed. A. A. Mosshammer. Leipzig, 1984. P. 53.15.

<sup>29</sup> Палея толковая. . . Вып. 1/2. Стб. 237.

<sup>30</sup> Georgii Syncelli. . . P. 53.17.

<sup>31</sup> Палея толковая. . . Вып. 1/2. Стб. 238.

<sup>32</sup> Georgii Syncelli. . . P. 54.8.

<sup>33</sup> Ibid., 54.7.

<sup>34</sup> Палея толковая. . . Вып. 1/2. С. 119, примеч. 14.



Есть ряд аргументов в пользу того, что перечни народов Повести и Палей составлены по общему источнику, упоминавшему о славянах (или о славянском языке), а не о Руси и содержавшему перечень неславянских народов Восточно-Европейской равнины. Возможно, что в «реестре» данников Руси Повести временных лет также частично отразился этот общий источник, а не только начальная часть самой Повести.

Дальнейшее изучение данного вопроса требует, видимо, рассмотрения всех параллелей Повести и Палей, в том числе и тех, которые содержатся в «Речи философа». В связи с вышесказанным очень важными представляются данные, полученные Твороговым. Исследователь пришел к выводу, что «Речь философа» и Толковая палей имели общие источники, среди которых не было начальной части Хронографа по великому изложению <sup>35</sup>.

*Б. Н. Флоря*

## К ГЕНЕЗИСУ ЛЕГЕНДЫ О «ДАРАХ МОНОМАХА»

Изучая русско-византийские отношения раннего XII в., В. Т. Пашуто обратил внимание на источник, который практически не использовался исследователями русско-византийских связей <sup>1</sup>. Имею в виду краткое сказание о принесении на Русь «перста» Иоанна Предтечи. Обнаруженное Н. К. Никольским в Четье-минее XVI в. сказание содержит, впрочем, очень краткие сведения об этом событии. Большую часть текста занимает похвала Иоанну Предтече, в конце которой читается, что «славимо же есть тело его в граде Севасте, глава его и рука славима и чтима в Цариграде, в Руси славим честный его пръст в граде Киеве». Далее сообщается, что «перст» из Царьграда «пренесен быст в град великий Киев при князи Владимире Мономахе в лето 6000 шестъсотие и положен бысть в церкви святого Иоан на Сетомлиноу Купшина монастыря» <sup>2</sup>.

Небольшое сообщение содержит в себе определенное хронологическое противоречие. «Перст» приносят в Киев «при князи Владимире Мономахе», что, очевидно, надо понимать как указание на время княжения Мономаха в Киеве, но в 6600 г., т. е. в 1092 г., киевским князем был вовсе не Мономах, а его отец Всеволод Яро-

<sup>35</sup> Творогов О. В. Летопись — Хроника — Палей (взаимоотношения памятников и методика их исследования) // Армянская и русская средневековые литературы. Ереван, 1986. С. 19—30.

<sup>1</sup> Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 187.

<sup>2</sup> Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности // Сб. ОРИС. СПб., 1907. Т. 82, № 4. С. 56—57.

славич. Возможность разрешить это противоречие дает разбор данных о храме, в котором была помещена реликвия. Правда, и церковь святого Иоанна на Сетомле, и Купшин монастырь в других древнерусских источниках не упоминаются, однако можно установить, кто был Купша, по имени которого монастырь получил название. И в печатном издании Киево-Печерского патерика 1661 г., и в рукописном тексте Кассиановской редакции Патерика середины XV в., на котором печатное издание основано, содержится рассказ о монахе Печерского монастыря Кукше. Однако уже А. А. Шахматов отметил, что в старшей, Арсеньевской редакции Патерика начала XV в. этот печерский монах последовательно называется не Кукша, а Купша<sup>3</sup>. Совпадение данных двух источников разного происхождения позволяет полагать, что Купша и было правильное имя монаха. В Патерике сообщается, что он «бесы прогна, и Вятичи крѣсти». По-видимому, именно его миссионерская деятельность среди язычников — вятичей привела к тому, что Купша «по многих муках усечен бысть с учеником своим». В тот же день, по печерскому преданию, скончался монах того же монастыря Пимен постник, перед смертью сообщивший братии об убийстве Купши. Как показал Шахматов, именно с этим событием — одновременной смертью трех печерских монахов связывалась в печерской традиции память о трех огненных столпах, явившихся в момент смерти Пимена над трапезной Печерского монастыря. В Патерик запись о нем вошла из хранившейся в монастыре рукописи первоначальной редакции Повести временных лет, а в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях ее текст был уже искажен, но сохранилась дата «знамения», не попавшая в Патерик, — 11 февраля 1110 г.<sup>4</sup>

Таким образом, достаточно ранняя традиция позволяет отнести смерть Купши к 1110 г. Не знаем, почему киевский монастырь на Сетомле получил название «Купшина». Может быть, Купша основал его, возможно также, что в нем хранились выкупленные у язычников останки «мученика». В обоих случаях монастырь мог получить такое название лишь после смерти Купши, т. е. после 1110 г.

Следовательно, и «перст» Иоанна Предтечи не мог быть «положен» в Купшине монастыре в 1092 г. и правильным следует признать именно указание, что реликвия была «пренесена» в Киев в правление Мономаха. Очевидно, в тексте, обнаруженном Никольским, была утрачена заключительная часть даты: сохранились лишь первые две цифры с обозначением тысяч и сотен и отпали обозначения десятков и единиц. Указание на то, что реликвия была принесена на Русь из «Царьграда», заставляет искать ее происхождение среди константинопольских святынь.

<sup>3</sup> Шахматов А. А. Нестор-летописец // Зап. Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1914. Т. 117/118. С. 53; Абрамович Д. Киево-Печерский патерик. Київ, 1931. С. 110—111.

<sup>4</sup> Шахматов А. А. Указ. соч. С. 48—52; ср.: Абрамович Д. Указ. соч. С. 111, 183; ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 284.

В Константинополе времен Мономаха действительно имелась такая святыня, часть которой могла быть послана в качестве дара в Киев, — правая рука Иоанна Предтечи. Рассказ о судьбах этой реликвии сохранился в составе греческой Служебной минеи и известен в двух древнерусских переводах с одного и того же греческого текста<sup>5</sup>. Согласно этому рассказу правая рука Иоанна Предтечи после его смерти была принесена Лукой евангелистом в Антиохию, где и находилась долгое время. Многие императоры выражали желание обладать ею, но это желание осуществилось лишь в правление Константина Багрянородного и его сына — соправителя Романа, когда пресвитер Антиохийской церкви Иов принес руку Иоанна Предтечи в Константинополь, «ею ж христоролюбивии царие с любовию целоваша и в царьских положиша в златых палатах». Таким образом, правая рука Иоанна Предтечи с середины X в. находилась в Константинополе, в императорском дворце. Описание царьградских святынь, составленное Добрыней Ядрейковичем — позднейшим новгородским архиепископом Антонием в 1200 г., знает в этом городе еще лишь одну реликвию такого рода — «перст» Иоанна Предтечи, хранившийся в Студийском монастыре<sup>6</sup>.

Для автора византийского рассказа рука Иоанна Предтечи — всего лишь одна из многих «чудотворных» святынь. Ее чудотворная сила проявлялась лишь в том, что тем или иным положением пальцев она пророчествовала жителям Антиохии, будет ли урожайным наступающий год. На Руси, однако, уже в сравнительно раннее время эти мощи оказались связанными с существенно иными представлениями. Выше уже упоминалось описание царьградских святынь, составленное в 1200 г. новгородцем Добрыней Ядрейковичем. В нем мы читаем о хранившейся в царских палатах правой руке Иоанна Предтечи, что «тою царя поставляют на царство»<sup>7</sup>. Правая рука Иоанна Предтечи выступает здесь, следовательно, в роли своеобразной византийской государственной инсигнии. Все, что мы знаем в настоящее время о византийском обряде коронации, позволяет с уверенностью заявить, что утверждение Добрыни Ядрейковича не соответствовало действительности. Однако уже издатель «Хожения» Антония П. И. Савваитов, комментируя это место, отметил, что речь не может идти о его случайной ошибке и что он не один на Руси высказывал подобные взгляды. Для лучшего понимания дальнейшего следует отметить, что Антоний знает и другую реликвию, другую руку, уже не Иоанна Предтечи, а патриарха Германа, которая, по его словам, находится в храме святой Софии и играет ту же роль в интронизации патриарха: «ею же ставятся патриарси»<sup>8</sup>.

<sup>5</sup> В дальнейшем древнерусские переводы цитируются по изданию: Великие Минеи Четьи. СПб., 1910. Январь. Тетрадь II. Дни 6—11. Стб. 500—501.

<sup>6</sup> Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII столетия / Изд. П. Савваитов. СПб., 1872. Стб. 111.

<sup>7</sup> Там же. Стб. 97.

<sup>8</sup> Там же. Стб. 65—66.



Эти утверждения Антония Савваитов сопоставил с записью Ипатьевской летописи о известных событиях 1147 г., когда князь Изяслав Мстиславич пытался сделать митрополитом в Киеве Климасмолятича без санкции константинопольского патриарха. Доказывал правомочность таких действий епископ черниговский Онуфрий, аргументацию которого летописец изложил следующим образом: «аз сведе достоит ны поставити, а глава у нас ссть святого Климента, якоже ставят греци рукою святого Ивана»<sup>9</sup>. Исследователь отметил, что в этих словах Онуфрия налицо смешение представлений о двух реликвиях — руке Германа, которой ставят в патриархи (об этом прецеденте только и могла идти речь при обсуждении вопроса о поставлении митрополита), и руке Иоанна Предтечи, которой поставляют на царство. Вместе с тем, очевидно, что соответствующие представления (и среди них, что особенно важно подчеркнуть, — представление о руке Иоанна Предтечи как своего рода византийской государственной инсигнии, символе императорской власти) существовали в Древней Руси в середине XII в., задолго до поездки Добрыни Ядрейковича в Царьград, и, как показывает «Хождение» Антония, сохранялись и в дальнейшем. К этому следует добавить, что в представлении русских людей, судя по «Хождению» Антония, с византийским коронационным обрядом связывались и другие предметы, принадлежавшие Иоанну Предтече; например, также хранившийся в царских палатах «посох железен, а нем крест Иоанна Крестителя», которым «благословляют на царство»<sup>10</sup>.

Таким образом, есть основания полагать, что уже на Руси второй половины XII в. «перст» Иоанна Предтечи, находившийся в одном из киевских монастырей и принесенный на Русь при Мономахе, мог восприниматься как часть византийской коронационной регалии.

Эта небольшая, но существенная деталь позволяет более точно и увереннее, чем ранее, перебрасывать мост от идейных представлений домонгольской Руси к такому центральному памятнику русской политической мысли XVI в., как «Сказание о князьях владимирских». Становится яснее, почему тема переноса на Русь императорских регалий, принадлежавших некогда императору Августу, связана в этом памятнике именно с правлением Владимира Мономаха, а не какого-либо другого русского князя (например, Владимира Святославича). Автор «Сказания», очевидно, что-то слышал о появлении на Руси каких-то византийских инсигний именно при Мономахе. Разумеется, он поступил с этой традицией творчески, отождествив византийские инсигнии с реальными вещами, может быть, и не столь древнего происхождения, но зато находившимися в момент составления «Сказания» в реальном обладании исторических преемников Мономаха — великих князей московских.

---

<sup>9</sup> ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 341.

<sup>10</sup> Путешествие... Стб. 98.

## О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПОНЯТИЯ «ШАПКА МОНОМАХА»

(к вопросу о концепциях  
римско-византийского преемства  
в русской общественно-политической мысли  
XV—XVI вв.)

Своеобразие творческого пути В. Т. Пашуто, широкий (и хронологически, и тематически) диапазон научных интересов привели его к участию в работе Международного семинара исторических исследований «От Рима к третьему Риму», организованного в 1981 г. Римским университетом с целью изучения историко-политических идей древности и средневековья, историко-культурной традиции, свидетельствующей об общности европейских народов и их судеб. На первое заседание семинара (1981 г.) Пашуто представил доклад, опубликованный в его трудах<sup>1</sup>, поддержал предложение о подготовке к изданию совместно с Римским университетом сборника документов по истории русской общественно-политической мысли (на языке оригинала с итальянским переводом) «Идея Рима в Москве. XV—XVI века»<sup>2</sup>, руководил работой советской части редколлегии. Этот сборник позволяет на новом источниковедческом уровне решать проблемы генезиса и эволюции концепции «третьего Рима», неослабевающий интерес к которой проявляет историография, советская и зарубежная.

Настоящие краткие заметки — результат анализа одного из документов в составе этого сборника, а именно Чина поставления на великое княжение в 1498 г. Дмитрия Ивановича, внука великого князя московского Ивана III. Памятник иногда называют Чином венчания, что неточно, так как в тексте этого термина нет, речь идет о «поставлении» на великое княжение. Памятник, специально не исследовавшийся, важен для изучения генезиса и начальных этапов эволюции концепций римско-византийского преемства в политической идеологии эпохи централизации (XV—XVI вв.). В историографии достаточно распространено мнение о переходе к России и ее столице Москве после падения Константинополя в 1453 г. роли центра христианско-православного мира, о более активном в связи с этим освоении византийского политического «наследия», а также о роли брака Ивана III с Софьей

<sup>1</sup> *Pašuto V. Mosca — Terza Roma. Storiografia e bibliografia // Roma — Costantinopoli—Mosca. Atti del I Seminario internazionale di studi storici «Da Roma alla terza Roma». Napoli, 1983. P. 459—473.*

<sup>2</sup> См. вступительную речь проф. П. Каталано: *La nozione di «romano» tra cittadinanza e universalità. Atti del II Seminario internazionale di studi storici «Da Roma alla terza Roma». Napoli, 1984. P. XXI.*

Палеолог. Анализ памятников показывает, что генезис, эволюция, содержание концепции римско-византийского преемства в составе русской общественно-политической мысли XV—XVI вв. были гораздо более сложными; концепция не возникла сразу в готовом виде, но формировалась постепенно, в несколько этапов.

Достаточно обратить внимание на то, что русские летописные своды второй половины XV в. ограничиваются, как правило, краткой информативной записью о падении Константинополя, без каких-либо комментариев (гораздо более пространно излагается тема Флорентийской унии), или на то, что одна из главных государственных регалий далеко не сразу определяется как «шапка Мономаха», будучи первоначально просто «шапкой». Самый ранний памятник, где «шапка» называется Мономаховой — Чин повествования Дмитрия-внука, однако в некоторых его редакциях она именуется просто «шапкой». Необходимо установить соотношение между редакциями и выявить первоначальную.

Можно выделить четыре редакции Чина. Две из них имеют повествовательный характер, описывая происходивший в действительности обряд; две другие, хотя и содержат элементы повествования, представляют собой инструкцию-формуляр, как должно его совершать (здесь говорится «уготовити», «учинити» вместо «уготовили», «учинили»).

Одну из редакций назовем Повествовательной (условное обозначение П), другую, носящую такой же характер, но более краткую — Летописной (условное обозначение Л). Редакция П известна в двух списках — середины XVI в. (ГПБ. Погод. 280)<sup>3</sup> и конца XVI в. (ГИМ. Муз. 3726)<sup>4</sup>. В Погод. 280 Чин помещен в конце рукописи (Л. 284—286 об.) и не имеет конца, так как последний лист утрачен. Конец сохранился в Муз. 3726 и содержит важную информацию, еще не введенную в научный оборот, хотя этот список Чина известен<sup>5</sup>.

Редакция Л представлена (почти без изменений) в Уваровской, Софийской II, Львовской, Воскресенской, Иоасафовской и Никоновской летописях<sup>6</sup>.

Одна из двух формулярных редакций (Ф I) вписана в пергаменный сборник XIV в. ГИМ, Син. 675, она же известна в сборнике смешанного содержания ГПБ, Соф. 1454 второй четверти XVI в.<sup>7</sup>

Другая формулярная редакция сохранилась в сборнике 40-х годов XVI в. ГИМ, Чуд. 264<sup>8</sup>, условное обозначение Ф II-Ч.

<sup>3</sup> Филигрань «рука» — *Лихачев* № 1751—1753, 1551 г. Публикация Чина по этому списку: ЛЗАК. СПб., 1865. Вып. 3. Прил. С. 12—17.

<sup>4</sup> Краткое описание рукописи см.: Судебники XV—XVI вв. М.; Л., 1952. С. 119.

<sup>5</sup> *Зимин* А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982. С. 297.

<sup>6</sup> ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 330—331; СПб., 1852. Т. 6. С. 241—242; СПб., 1910. Т. 20, 1-я пол. С. 366—368; СПб., 1859. Т. 8. С. 234; Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 134—137; СПб., 1901. Т. 12. С. 246.

<sup>7</sup> Публикация по списку Син. 675 (с вариантами по списку Погод. 280): Чтения ОИДР. 1883. № 1. С. 32—38; по Софийскому списку: ЛЗАК. СПб., 1865. Вып. 3. С. 17—19.

<sup>8</sup> Не опубликована.



Определение ее происхождения особенно важно, так как в этом же сборнике сохранилось одно из произведений цикла «Сказания о князьях владимирских», а именно «Повесть об Августе» (или Чудовская повесть), которую А. А. Зимин и вслед за ним ряд других исследователей предположительно относят к концу XV в., считая, что она была создана в связи с венчанием Дмитрия в 1498 г.; одним из аргументов выступает факт переписки ее в одном рукописном сборнике с Чином венчания Дмитрия (без определения соотношения этой редакции Чина с остальными)<sup>9</sup>.

Чин не подвергался специальному текстологическому анализу, лишь Я. С. Лурье сделал несколько замечаний о соотношении различных его списков (без их классификации, ограничившись указанием на их повествовательную или программно-формулярную форму). Он справедливо выделил несколько важных различий между списками по содержанию: 1) наличие или отсутствие определения шапки как «Мономаховой»; 2) различный объем прерогатив Дмитрия (его жалуют, по одним спискам, «княжением владимирским и московским и новгородским», в других списках новгородское отсутствует; в поучении внуку Иван III говорит, что пожаловал его «великим княжеством», но в ряде списков поучение отсутствует); 3) царская тема (в одних списках Дмитрий упоминается как «земный человек, . . . царем сотворенный», в других списках нет этого текста, как и наименования царем Ивана III). Лурье склонен считать первоначальным «вариант» чина с упоминанием шапки Мономаха и наличием других «почетных подробностей», т. е. летописный текст, редакцию Л, по нашей классификации (и возможно, Чуд. 264, хотя окончательного вывода о характере текста по этому списку Лурье не формулирует). Удалить же упоминание о венчании Дмитрия шапкой Мономаха и другие «почетные подробности», по мнению Лурье, «естественнее всего было именно задним числом, когда Дмитрий был заточен, а затем и умерщвлен по приказу его дяди и счастливого соперника Василия III»<sup>10</sup>.

Анализ текста, осуществленный в ходе подготовки к изданию вышеназванного сборника документов, а также введение в научный оборот окончания редакции П заставляют сделать противоположный вывод — о первоначальном характере редакций П и Ф I, где упоминается просто «шапка».

Только в редакции П имеются особенности, подавляющее большинство которых может быть объяснено лишь одним способом: близостью ее к описываемым событиям и принадлежностью составителя к партии Дмитрия и его матери Елены Волошанки. Следующие сообщения имеются лишь в П и отсутствуют в Л, Ф I и Ф П-Ч (по порядку их расположения в тексте).

1) Детали убранства места, где происходила церемония.

<sup>9</sup> Зимин А. А. Указ. соч. С. 149—153.

<sup>10</sup> Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960. С. 384—386. Этот вывод принял А. А. Зимин (Указ. соч. С. 153).

2) Упоминание при описании самого начала церемонии о присутствии на ней сыновей Ивана III князя Юрия и князя Дмитрия, причем специально оговаривается, что они стояли «ниже» внука Дмитрия «на степени»; отсутствие соперника Дмитрия князя Василия сразу бросается в глаза. В остальных редакциях соответствующего фрагмента нет, и здесь возможен лишь один текстологический ход — в сторону удаления текста, ставящего сыновей Ивана III «ниже» внука; всякая акцентировка данного обстоятельства после победы Василия III была бы для него неблагоприятна. В дальнейшем повествовании сыновья Ивана III упоминаются в более нейтральном контексте, этот фрагмент есть и в других редакциях (они поздравили обоих великих князей, деда и внука, князь Юрий осыпал великого князя Дмитрия золотыми и серебряными монетами).

3) Максимально широкий объем прерогатив Дмитрия: в первой речи к митрополиту Иван III благословляет внука «при себе и опосле себя великим княжеством володимерским и московским, и новгородским, и тверским». В остальных редакциях тверское княжение отсутствует вообще, в Ф I речь идет о великом княжении владимирском и новгородском (в заключительной части добавлено московское, а также «и всея Руси»), в Ф II-Ч — о московском и владимирском, а в его заключительной части — как в Ф I. Текст II с максимально широкими прерогативами и в особенности с уникальным упоминанием тверского княжения может относиться лишь к периоду до опалы Дмитрия.

4) Упоминание имени матери Дмитрия Елены.

5) Наличие речи Ивана III к «братаничам» Федору и Ивану Борисовичам, призывающей их быть послушными великому князю Дмитрию.

6) Заключительный текст редакции II, известный лишь по списку Муз. 3726 (конец речи к «братаничам» и дополнение): «... бы то было ведомо, как естя мне послушны, тако бы естя были послушны внуку моему великому князю Дмитрию. Да послал князь великий объявляти, что благословил внука своего великим княжением, на Рязань и во Псков, и в Новгород Великий ко архиепископу и к наместником послал грамоты. А в Казань ко царю к Абды-Летифу от великого князя Дмитрея со князем Василием Нодроватым приказано: челом биет. Писано на Москве лета 7006-го февраля 4 день в неделю о мытаре и фарисеи ставление великого князя Дмитрея Ивановича всеа России». Фрагмент, изобилующий столь важными подробностями, придающими происшедшей церемонии дополнительное политическое значение, может принадлежать лишь ранней редакции памятника и партии Елены и Дмитрия. Здесь выразителен набор пунктов: Рязань и Псков, еще не вошедшие в состав единого государства, Новгород; не менее показательно «объявление» в Казани и употребление формулы «челом биет»<sup>11</sup>.

<sup>11</sup> О формуле «челобитья» см.: Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV—XVI вв. Казань, 1979.

Следовательно, можно сделать вывод, что редакция П составлена до опалы Елены и Дмитрия, в кругах их сторонников. Определение шапки как Мономаховой здесь отсутствует.

Из двух формулярных редакций ближе к П оказывается Ф I. Основное смысловое различие между Ф I и Ф II-Ч, отмеченное в литературе, состоит в том, что в Ф I упомянута просто «шапка», в Ф II-Ч она — Мономахова. К этому следует добавить, что «три стулы» в Ф I, предназначенные великому князю, внуку и митрополиту, в Ф II-Ч имеют определение «царских». Далее, название текста в Ф II-Ч по сравнению с Ф I придает ему программный характер, превращая единичный случай (поставление Дмитрия) в великокняжеское поставление как таковое: «Чин поставления на великое княжение православным князем руским», что позволяет предположить вторичный характер данной редакции; это подтверждается сопоставлением текстов.

Случаи расхождения между Ф I и Ф II-Ч были проверены по П (в особенности наиболее текстологически значимые, т. е. когда имеют место лексические варианты или стилистические расширения текста), при этом оказалось, что Ф I в случаях расхождения с Ф II-Ч либо целиком совпадает с П, либо значительно ближе к ней, чем Ф II-Ч. Ограничимся несколькими примерами.

| №<br>п/п           | П                                                                                                                                                                      | Ф I                                                                                                                                                                          | Ф II-Ч                                                                                                                                                                                             |
|--------------------|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| 1                  | уготовили                                                                                                                                                              | уготовити                                                                                                                                                                    | достойно есть уготовати                                                                                                                                                                            |
| 2                  | на чем                                                                                                                                                                 | на чем                                                                                                                                                                       | на нем                                                                                                                                                                                             |
| 3                  | три стулы                                                                                                                                                              | три стулы                                                                                                                                                                    | три стулы царьских                                                                                                                                                                                 |
| 4                  | да внуку                                                                                                                                                               | да внуку                                                                                                                                                                     | да его внуку князю<br>Дмитрею Ивановичу                                                                                                                                                            |
| 5                  | и облечеса митрополит. . . в освященны<br>одежда                                                                                                                       | и облечется митрополит. . . в свя-<br>щенныа одежа                                                                                                                           | митрополит же облач-<br>тсся во свой сан                                                                                                                                                           |
| 6                  | покрыли ширинкою                                                                                                                                                       | покрыти ширин-<br>кою                                                                                                                                                        | покрыты фатою                                                                                                                                                                                      |
| 7, 8 <sup>12</sup> | на своих местах                                                                                                                                                        | на своих местах                                                                                                                                                              | по своим местам                                                                                                                                                                                    |
| 9                  | старина наша то и до<br>сих мест                                                                                                                                       | старина наша то<br>и до сих мест                                                                                                                                             | искони века даже и до<br>сих лет                                                                                                                                                                   |
| 10                 | многолетне великому<br>князю Иоанну, благо-<br>верному и христо-<br>любивому и богом из-<br>бранному и богом поч-<br>тенному великому<br>князю Иоанну Ва-<br>сильевичу | многолетие вели-<br>кому князю<br>Иоанну, благовер-<br>ному и христо-<br>любивому и бо-<br>гом избранному и<br>богом почтенному<br>великому князю<br>Иоанну Василь-<br>евичу | многолетно устрой боже<br>благовернаго и благород-<br>наго и христолюбиваго,<br>богом почтеннаго и бо-<br>гом избраннаго дер-<br>жавнаго государя на-<br>шего великаго князя<br>Иванна Васильевича |

Последовательный на протяжении всего памятника характер данного текстологического слоя говорит о близости Ф I и П и о вторичном характере Ф II-Ч. Об этом же свидетельствуют и

<sup>12</sup> Два случая.



другие особенности Ф II-Ч: текст здесь приобретает заглавие, придающее ему не частный, а обобщающий характер, стилистически обрабатывается, расширяется (часто добавляются и повторяются имена великого князя и внука, название церкви, где происходила церемония, и т. п.).

Различие между Ф I и П состоит в том, что Ф I имеет последовательный инструктивно-формулярный характер, глаголы употреблены в инфинитиве или настоящем времени (выражая в этом случае действия, которые надлежит совершить), а в П, хотя изредка эти формы и сохраняются, но в целом все повествование дано в прошедшем времени. Вероятно, редакция Ф I восходит к реальной инструкции поставления Дмитрия, однако она переписана уже после церемонии (в самом конце перечислены церковные иерархи, которые «на том поставлении были»). П — литературная обработка, сделанная в кругах Дмитрия — Елены, а именно дополнение вышеперечисленными подробностями; о том, что это — дополнения, свидетельствует и переписка, уже после перечня иерархов, речи Ивана III к «братаничам» с призывом быть послушными Дмитрию; далее идет сообщение об «объявлениях» в Рязани, Пскове, Новгороде и Казани. Обе эти редакции можно датировать около 1498 г.

Ни в той, ни в другой шапка еще не называется Мономаховой. Она приобретает такое определение лишь в Летописной редакции Чипа (Л) <sup>13</sup> и в Чудовском сборнике (Ф II-Ч). Однако текстологически Л связана не с Ф II-Ч, а с П и Ф I, хотя Л сокращена и стилистически переработана. В ряде случаев, тем не менее, текстологическое сопоставление возможно. Так, из 10 вышеприведенных различий между П, Ф I и Ф II-Ч в одном, последнем случае стилистическая переработка в Л не позволяет делать выводов о близости ее к тому или иному тексту, а также отсутствует текст с разночтением 6. Остальные разночтения сближают Л с П и Ф I; следовательно, на основе Ф II-Ч редакция Л создана быть не могла, во всяком случае, определение шапки не заимствовано в Л из Ф II-Ч.

Еще одно выразительное разночтение отличает Л от П. В П отсутствует молитва «во услышание всем», приведены лишь ее начальные слова, и имеется помета «вся до конца», в Ф I и Ф II-Ч, как и в Л, она имеется. Если предыдущие разночтения связывали Л с П и Ф I против Ф II-Ч, то «молитва во услышание всем» связывает Л с Ф I против П.

Отсутствием в П полного текста молитвы «во услышание всем» объясняется и отсутствие здесь текстов о том, что бог «благоволил» Дмитрия «воздвигнути царя» и о «царском скипетре»; Лурье объяснил это «удалением почетных подробностей» и вторичным характером текста. Названные фрагменты находятся именно в составе полного текста молитвы. Так же представлены в П и другие

---

<sup>13</sup> ПСРЛ. Т. 28. С. 330—331. Здесь определение «Мономахова» вписано на поле тем же почерком и теми же чернилами, что и текст.

молитвы (начальные слова и помета «вся до конца»). Следовательно, отсутствие в П «царских» текстов — не следствие удаления «почетных подробностей» (их в П вполне достаточно), а особенность цитирования текста молитв и к царской теме отношения не имеет.

Индивидуальная особенность Л, отличающая ее от остальных редакций, усиливает «царскую тему». В «молитве втай» упомянут «земной человек. . . царем сотворенный» (имеется в виду Дмитрий, не названный по имени). Здесь же Иван III назван «царем» (в других редакциях этого нет), а шапка — «Мономаховой», упомянуты «царские стулы». Можно сделать вывод, что Л создавалась на основе текста, близкого к Ф I, а слова про «царские» стулы, наименование царем Ивана III, определение шапки как Мономаховой, включение (возможно, из другого источника) «молитвы втай», сохранение полного текста молитвы «во услышание всем» принадлежат составителю Летописной редакции, которая впервые появляется в своде 1518 г.; близость Л к событиям 1498 г. не подтверждается (в П «царская тема» полностью отсутствует, в Ф I представлена лишь в молитве «во услышание всем»). Включение Чина в летопись — результат интереса не к личности Дмитрия, а к церемонии, объектом которой он был. Не исключено, что в это время возникает мысль о царском венчании Василия III.

Чудовская редакция Чина (Ф II-Ч) составлена либо в конце второго десятилетия, либо даже позднее, в 40-е годы, в связи с подготовкой венчания Ивана IV. Во всяком случае, ее вторичный характер по отношению к двум редакциям 1498 г. бесспорен, а определение шапки как Мономаховой — не результат непосредственной связи с Л, а скорее, традиции, возникшей на ее основе. Таким образом, тот аргумент в пользу раннего (конца XV в.) происхождения «Повести об Августе» и ее связи с событиями 1498 г., который исходит из факта ее переписки в составе Чудовского сборника вместе с Чином, должен быть снят, как и утверждение о венчании Дмитрия «шапкой Мономаха».

В кратком летописном рассказе о поставлении Дмитрия, который предшествует Летописной редакции Чина<sup>14</sup>, говорится об использовании в ходе обряда Мономаховых барм (ни в одной из редакций Чина бармы не называются Мономаховыми). Этот рассказ восходит к «великокняжескому своду 1500 г.», фрагменты которого сохранились в составе более поздних сводов и в более поздних списках<sup>15</sup>; главный атрибут церемонии — шапка — не названа здесь Мономаховой. Добавим к этому, что фрагмент

<sup>14</sup> См. примеч. 6.

<sup>15</sup> ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 531; Клосс Б. М. Вологодско-пермские летописцы XV в. // Летописи и хроники, 1976 г. М., 1976. С. 279—280; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 252—254. На основании этого рассказа Лурье делал осторожное заключение, что во время обряда венчания «впервые появились регалии, связанные с именем Мономаха» (Лурье Я. С. Идеологическая борьба. . . С. 386), а в более поздней работе определенно писал о венчании Дмитрия шапкой Мономаха (Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 252—254).

официальной великокняжеской летописи за 1498—1500 гг. в рассказе о поставлении Дмитрия сообщает о дарах Ивана III внуку, и среди них упоминаются предметы, которые окажутся среди почетных регалий в цикле «Сказания о князьях владимирских», но в летописи они еще не претендуют на древнее происхождение, мысль об их изначальной принадлежности императору Августу появится в цикле «Сказания»: «сердоличная коробка» превратится в «крабицу сердаликову, из нея же Август, кесарь римский, веселяшеся», появится «ожерелье», которое Август «на плещу свою носяще», возможно, тождественное бармам (оплечью) Мономаха<sup>16</sup>.

Разграничение «Мономаховых барм» и просто «шапки», не имеющей аналогичного определения, скромная характеристика даров Ивана III внуку, без удревнения их происхождения и возведения к Августу — в официальном великокняжеском летописании, как и отсутствие понятия «шапка Мономаха» в наиболее ранней редакции Чина поставления Дмитрия, созданной около 1498 г., свидетельствуют, что концепция римско-византийского преемства московского великокняжеского дома, не говоря уже о еще более удревняющей его римско-византийской генеалогической легенде, не существовали в конце XV в. в полном объеме и законченном виде, но находились в стадии формирования.

Включение в летописный свод 1518 г. Чина поставления Дмитрия, причем в редакции, усиливающей «царскую тему», где главный атрибут церемонии впервые именуется шапкой Мономаха, стоит в ряду с такими идеологическими предприятиями второго—третьего десятилетий XVI в., как появление цикла «Сказания о князьях владимирских», где речь идет о передаче на Русь византийских императорских регалий, но вместе с тем и о более древней генеалогии русских князей, возводящей их к императору Августу, создание Русского хронографа, включившего русскую историю в русло мировой, послание Филофея Псковского с изложением концепции «третьего Рима». Серьезные изменения внутриполитической и внешнеполитической ситуации выдвигали новые идеологические задачи<sup>17</sup>. Для легитимизации, историко-правового обоснования царской принадлежности московских великих князей, неотделимого от утверждения международного престижа Русского государства, необходимо было утвердить и преемственную связь с так называемым византийским наследием, и независимость от него, найти более древние (пусть легендарные) корни; сопоставление и противопоставление должны были парадоксально сосуществовать. Эти сложные задачи — и в комплексе, и в отдельности — решают названные памятники, в которых тема римско-византийского преемства занимает значительное место.

---

<sup>16</sup> Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 164, 177, 198.

<sup>17</sup> *Sinicyna N. V.* Les conditions historiques où c'est formée l'idée de «Troisième Rome» et son sens initial // *Atti del III Seminario internazionale di studi storici «Da Roma alla terza Roma»*. Napoli, 1986. P. 497—519.



## ИЗ ИСТОРИИ ЧУВСТВА ЮМОРА

Когда напишется история стилей научной прозы XX в. медиевист В. Т. Пашуто будет в ней охарактеризован как своеобразный, ни на кого не похожий автор, писавший не сухо, сочетавший необъятную ученость с чувством юмора. К языку своих работ, вообще к русскому языку Владимир Терентьевич был внимателен, обязанности члена редколлегии академического «Словаря русского языка XI—XVII вв.» он выполнял добросовестно. Чем же в таком случае является чувство юмора в языке, например, «Внешней политики Древней Руси» — только чертой личности историка или также и результатом историчного понимания исследуемой эпохи, вживания в ее стиль?

Обладал ли пишущий и читающий человек Киевской Руси чувством юмора? Этим филологическим вопросом, насколько знаем, никто не задавался. Для его уверенного решения нужно бы располагать текстами не тех жанров, которые сегодня составляют корпус рукописей Киевской Руси, почти целиком богословский. Он вполне пригоден для разработки исторической грамматики, но уже словарь языка Киевской Руси, построенный на материале этих рукописей, безнадежно ущербен, в таком словаре — его, впрочем, все еще нет! — мы недосчитаемся огромного количества слов, в реальной истории, вне всякого сомнения, имевшихся, доказательно реконструируемых этимологией даже для гораздо более древнего состояния языка восточных славян.

Этимология может реконструировать слово, но не фразу — тот уровень языка, где действуют непознанные рационалистическим знанием законы словесного искусства. Степень интуитивного владения этими законами бывает большей или меньшей, в результате из одних и тех же слов, по одним и тем же правилам грамматики может быть построено и великое, и заурядное, и вообще бездарное произведение. Именно на этом уровне языка можно распознать характерные черты склада ума народа, его духовной культуры, в том числе и так называемой смеховой культуры. А поскольку этот уровень языка Киевской Руси нам известен очень мало, то все разговоры русистов о смеховой культуре и карнавальности вращаются главным образом вокруг протопопа Аввакума и, во всяком случае, не углубляются дальше эпохи Ивана Грозного.

По иронии судьбы именно в эту эпоху рождается слово *юмор*, семантически обусловленное древними натурфилософскими представлениями о гуморальной, т. е. жидкостной природе физического человека. Анатомия и физиология интересовали врачей античности и средневековья куда меньше, чем умозрительное соотношение жидких субстанций, соков организма, давших свое имя

(sanguis 'кровь', phlegma 'слизь', cholera 'желчь', melancholia 'черная желчь') сангвиническому, флегматическому, холерическому и меланхолическому темпераментам. И вот, не позже 1565 г. в английском языке *humour* (<лат. *umor*) приобрело дополнительное диагностическое значение — 'настроение', 'состояние духа'; к концу XVI в. добавилось еще одно значение — 'поведение, отклоняющееся от норм и общепринятых условностей', 'эксцентричность'<sup>1</sup>. На русской почве последнее значение было выдвинуто лексикографами поначалу на первое место. Первое определение гласит: «Юмор. Привлекательная странность ума или нрава; умная, тонкая, сатирическая веселость»<sup>2</sup>. Достоин внимания, что Пушкин этого слова не употребил ни разу (как и Лермонтов), в то время и даже намного позже Европа считала его англизмом чистейшей воды. В 1921 г. Поль Валери находил, что слово *humour* непереводимо<sup>3</sup>. Тем примечательнее высказывание Белинского, утверждавшего в 1835 г., что у нас оно привилось вполне: «Комизм или гумор г. Гоголя имеет свой, особенный характер: это гумор чисто русский, гумор спокойный, простодушный»<sup>4</sup>. Но об этом же писал и Пушкин в 1831 г., только другими словами: «Сейчас прочел „Вечера близ Диканьки“. Они изумили меня. Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! Какая чувствительность! Все это так необыкновенно в нашей нынешней литературе, что я доселе не образумился. Мне сказывали, что когда издатель вошел в типографию, где печатались „Вечера“, то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая рот рукою»<sup>5</sup>.

Теоретики русской смеховой культуры не вдаются в классификацию смеха, этим понятием у них объединяется, пожалуй, слишком многое, включая циничный смех Рабле и грязный смех «Праздника кабацких ярыжек», зачисленного в демократическую сатиру<sup>6</sup>, хотя его, строго говоря, вообще не следовало бы числить по разряду культуры. Поскольку, по справедливому замечанию Э. Берка, облюбованному Пушкиным в качестве эпиграфа к пер-

<sup>1</sup> Preisendanz W. *Humor // Historisches Wörterbuch der Philosophie* / Hrsg. von J. Ritter. Basel; Stuttgart, 1974. Bd. 3. Sp. 1232—1234. Ср. в русском языке Петровской эпохи: «чрезъ тѣ пирюли надобно отвести тѣ гуморы, отчего колика», «въ какой нищетѣ и сраметвѣ жить, что ни котораго дня истинно радостнаго умору не былъ» (Архив князя Ф. А. Куракина. СПб., 1891. Кн. 2. С. 335; СПб., 1892. Кн. 3. С. 234). В рукописи XVII в., «Книге, глаголемой гречески алфавит», «гуморь» — это еще только «мгла, восходящая от воды» (Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 159).

<sup>2</sup> Словарь церковнославянского и русского языка, составленный II отделением имп. Академии наук. СПб., 1847. Т. 4. С. 476.

<sup>3</sup> Robert P. *Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française*. P., 1985. Т. 5. Р. 288.

<sup>4</sup> Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. М., 1953. Т. 1. С. 298.

<sup>5</sup> Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Л., 1978. Т. 7. С. 179—180.

<sup>6</sup> Русская демократическая сатира XVII в. / Подгот. текстов, статья и комментарии В. П. Адриановой-Перетц. М., 1977. С. 37—50, 152—157.

вой главе «Евгения Онегина», «ничто так не враждебно точности суждения, как недостаточное различение», мы должны сформулировать то понимание юмора, которого будем придерживаться, хотя и не находим его удовлетворяющим полезному условию общезначимости. Юмор — это причина смеха, отличающаяся от других причин тем, что в ней заложены человеческая доброта, любовь к людям, такая чистота сердца, которую легче всего найти в детях. Русский юмор самой высокой пробы — это смех Владимира Соловьева <sup>7</sup>.

Читать и писать Киевская Русь научилась в конечном счете благодаря кирилло-мефодиевской миссии, посланной константинопольским патриархом Фотием. Следовательно, в византийской письменности тоже можно и нужно искать ответ на вопрос о древнерусском чувстве юмора. Ученики не обязаны во всем повторять своих учителей, но что-то общее между ними есть, это неизбежно. Кругу чтения византийцев оценку дал Г.-Г. Бек: «Чего в этой литературе каждый раз не досчитываешься, так это юмора, хотя нельзя сказать, что он отсутствует полностью. Но что она развивает особенно, так это сатиру, в самых разнообразных формах» <sup>8</sup>. По наблюдению ученого, классическая и едва ли не единственная форма византийского юмора — это исторический анекдот <sup>9</sup> (жанр, образчиком которого являются пушкинские «Застольные разговоры», примечательным образом названные автором по-английски «Table-talk»). Проводить границу между юмором и сатирой умеют не все исследователи вопроса, как это показал на своем примере М. Мераклис, взявшийся охарактеризовать византийское искусство повествования: «Религиозный юмор. Византия смеялась редко. Она бодрствовала ночи напролет, истощая себя коленапреклонениями во спасение души. Пожалуй, знаменательно, что никогда и нигде в других странах не бывало, чтобы столь многие монархи находили убежище в монастырях, где они хотели спасти душу, а чаще всего и тело, которому угрожали политические противники. И все же не смеяться противоестественно, а такой уж противоестественной Византия, конечно, не была. Юмор мог проникать даже в религиозные повествования, несмотря на все благочестивое подчеркивание в них мотива христианского чуда» <sup>10</sup>. За этим следует неточный пересказ одного эпизода из «Луга духовного» Иоанна Мосха; этот эпизод вошел и в древнерусский «Синайский патерик» XI/XII в., по которому мы его приведем:

<sup>7</sup> В литературе о Соловьеве, кажется, не упомянуто, членом какого Общества стал он к концу жизни, но в адресной книге это даже выдвинуто на первое место: «Соловьев Влад. Серг. Потемкинская 41. Об-во попеч. о бедн. и больн. дет.; Союз вз.-пом. рус. писател.; журн. „Вестник Европы“» (Весь Петербург на 1898 г. С. 465).

<sup>8</sup> Beck H.-G. Das literarische Schaffen der Byzantiner. Wege zu seinem Verständnis. Wien, 1974. S. 24.

<sup>9</sup> Beck H.-G. Byzantinischer Bilderbogen. Anekdote und Geschichte // Der Aquädukt 1963. München, 1963. S. 77—89.

<sup>10</sup> Meraklis M. Byzantinisches Erzählgut // Enzyklopädie des Märchens. B.; N. Y., 1978. Bd. 2. Lfg. 3/4. Sp. 1120—1121.



«Единъ о(тъ)ць повѣда намъ · шьдѣшемъ намъ въ Ѡиваидоу ·  
 ꙗко старьць сѣдаше вънѣ града · Ан'тинъ великий · сътворивъ  
 въ клѣтъцѣ своѣи · лѣтъ · ̑ · и имаше же оученикъ · ̑ · и еди-  
 ного же имаше зѣло лѣнаща сѧ · старьць же м'ногашьды оучаше  
 и г(лаго)ла и молаше ꙗ · брате съмотри своѣи д(оу)ши · оумерети  
 имаша · и въ моукоу ити · братъ же въиноу прѣслоушаше  
 старьца · не приемла г(лаго)лемыхъ ѡт(ъ) него · прилоучи же  
 сѧ нѣ по комъ лѣтъ оумерети братоу · м'ного же печалова о немъ  
 старьць · сѣдаше бо ꙗко въ м'нозѣ оунынии · и лѣности изиде  
 ютъ мира сего · и нача старьць молити и г(лаго)лати · г(оспод)и  
 І(исо)у(се) Х(рист)е истиньный б(ож)е нашъ · ꙗви ми ꙗже о д(оу)-  
 ши братьни · и се оузърѣ въ мьчѣтъ · и ꙗко въ вѣстър'зѣ бывъ ·  
 видѣ рѣкоу огиню · и м'ножество въ томъ огни · и посредѣ  
 брата погружена до вына · тогда г(лаго)ла юмоу старьць не сѧ ли  
 моуки дѣла молѧхъ та · да посмотриши своѣи д(оу)ши чѧдо ·  
 отъвѣща братъ и рече старьцю · бл(а)г(о)дарьствоуж б(ог)а ·  
 о(тъ)че ꙗко понѣ глава ми отърадоу имать · тако ми м(о)л(и)твы  
 твоѧ · на врьсѣ епискоупоу стоѧ»<sup>11</sup>.

Шутки об аде, построенные по этой схеме, живут и в анекдотах  
 нашего времени, в этом Мераклис прав. Но юмором в византий-  
 ских условиях они не были, это — настоящая, очень злая сатира,  
 вероятно, вызывавшая хохот у самых суровых монахов. Как им  
 полагалось относиться к смеху, можно видеть по разъяснению  
 преподобного пустынноика старца Варсонофия Газского (VI в.),  
 адресованному мирянину:

*«Вопрос:* Что такое свобода слова и непристойный смех?

*Ответ:* Есть свобода слова и свобода слова. Есть свобода  
 слова, происходящая от бессовестности, она является источником  
 всех зол. Есть свобода слова от веселости, она вовсе не безвредна  
 для того, кто в нее пускается. Сильным и могущественным духом  
 свойственно избегать и того, и другого, но если мы, по причине  
 нашей слабости, не можем избежать и того и другого, то восполь-  
 зуемся свободой слова от веселости, бдительно следя за тем, чтобы  
 не дать повода ближнему к грехопадению. Те, кто живут среди  
 людей, если они не совершенны, не могут обойтись без этой второй  
 разновидности свободы слова. Если мы слабы, пусть она будет для  
 нас источником наставлений, а не смуты; особенно нужно всегда  
 стараться сократить разговор, в который она нас втянула. Ибо  
 длинные речи совершенно бесполезны, даже если кажется, что  
 в них нет ничего неуместного.

Что касается смеха, то он имеет такое же значение, потому  
 что он происходит от свободы слова. Если кто-либо пускается  
 в постыдные речи, то, очевидно, у него будет и непристойный  
 смех. Но если свобода слова является выражением веселости,  
 то ясно, что она приведет к веселому смеху. И точно так же, как

<sup>11</sup> Синайский патерик / Под ред. С. И. Коткова. М., 1967. С. 95—96. Гре-  
 ческий оригинал: Patrologia Graeca / Ed. J.-P. Migne. P., 1860. Т. 87,  
 pars 3. С. 2897—2900 (Cap. XLIV).

сказано о свободе слова, что нет пользы ей предаваться, то же самое и о смехе, ее сопровождающем: не следует ни затягивать его, ни давать ему свободное течение, но нужно принуждать свою мысль, чтобы он прошел сдержанно. В самом деле, те, кто дают смеху свободное течение, должны знать, что все они тоже впадут в сластолюбие»<sup>12</sup>.

Чувство юмора способно проявляться в любых жизненных ситуациях, в том числе отчаянно неподходящих («юмор висельника»). А самой располагающей всегда считалась эйфория пиршества в кругу друзей, особенно если при этом пища духовная по изысканности и обилию не уступает подаваемой снеди. Платон указывал на общественное винопитие как на лучшее средство выявления истинных, обычно более или менее скрытых душевных качеств человека<sup>13</sup>, языческая Русь устами своего будущего крестителя князя Владимира Святославича тоже как будто бы сказала, что *Руси есть веселье питье . не можемъ бес того быти*<sup>14</sup>. Христианство поставило пиршественные традиции если не вне закона — сильные мира сего позволить ликвидацию своей исконной привилегии не могли, — то, во всяком случае, в такое положение, чтобы ни у кого не оставалось сомнений: не к пирам должны устремляться помыслы истинного христианина, он живет не для того, чтобы есть и пить, а чем больше он будет поститься, тем лучше. Тем удивительнее образность церковного гимна, дошедшего до нас в древнерусской рукописи XII в. (ГИМ. Синодальное собр. Миней № 162. Л. 279); это — канон третьего гласа, апостолу Тимону (30 декабря), его византийский оригинал не зарегистрирован гимнологией<sup>15</sup>. Второй тропарь первой песни рисует картину возлежащих участников вполне античного пиршества веселящихся христиан:

Се предлежитъ намъ  
дньсь божьствьный  
веселыи свѣтълыи пиръ  
моудрааго Тимона въсесвѣтълыи праздыникъ  
придѣте насладимъ сѧ доуховьнѣ  
иже въ мирѣ вѣрою веселаще сѧ  
и въспѣвающе.

Налицо одна из немногих уступок аскетической религии природе человека, исключение. А правилом был аскетизм. Возникновение славянского книгопечатания ознаменовано постной Триодью (Краков, 1491), представляющей собой последование богослужеб-

<sup>12</sup> Barsanuphe et Jean de Gaza. Correspondance / Recueil complet traduit par L. Regnault, Ph. Lemaire, B. Outtier. Solesmes, 1972. P. 310.

<sup>13</sup> Лосев А. Ф. История античной эстетики. Высокая классика. М., 1974. С. 143—145.

<sup>14</sup> ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1, вып. 1. С. 85 (статья 986 г.).

<sup>15</sup> Ср.: Follieri H. Initia hymnorum Ecclesiae Graecae. Città del Vaticano, 1966. Т. V<sub>1</sub>: Index hagiographico-liturgicus. P. 326; Analecta hymnica Graeca / Ed. J. Schiro. Roma, 1983. Т. XIII: Initia et indices. A. Armati composuit ac digessit. P. 407.

ных гимнов на дни печальные великого поста (Пушкин). С постной Триоди начиналась организация славянской литургии нашими первоучителями, полный текст перевода Триоди с греческого оригинала существовал уже в X в.

Каждый переводчик выражает содержание не только оригинала, но и собственного духовного мира. Покажем это на одной из стихир постной Триоди. Греческий текст этого гимна начинается словами:

Ἀσμένως, λαοὶ,  
τὴν νηστείαν ἀσπασώμεθα·  
ἔφθασε γὰρ  
τῶν πνευματικῶν ἀγώνων ἡ ἀρχή<sup>16</sup>.

Первопечатный славянский текст гласит:

Любезно, людие, постъ примѣмъ,  
прѣспѣ бо доуховныхъ подвигъ начало.

Такой перевод не может вызвать филологических возражений. Однако в древнерусской рукописи XII в. (ГИМ. Синодальное собр. Триодь № 319. Л. 30 об.) находим нечто иное:

Въ сласть людие постъ цѣлоуимъ  
приспѣ бо доуховныхъ подвигъ начаткъ.

Как мог себе позволить переводчик эту поэтическую вольность, которая привела смысл целого на грань дозволенного? Оказывается, он хорошо рассчитал уместность своей шутки: стихира приходится на календарный отрезок, когда параллельно суровым песнопениям храмовых служб в миру празднуется масленица, а главной в масленице была тема молодоженов. «Дни масляны в народе называются: понедельник — *встреча*, вторник — *заигрыши*, среда — *лакомства* [или *лакомка*], четверг — *широкий четверг*, пятница — *тещины-вечерки*, суббота — *золовкины-посиделки*, воскресенье — *проводы, прощанье, целовник*»<sup>17</sup>. Наша стихира имеет в постной Триоде надписание *въ въ(торни)к(ъ) · заѡ (тра)*, т. е. она поставлена на *заигрыши*, перед *лакомкой*. Качественно выбором слов гимна безвестный монах-переводчик заявил о себе как о мастере поэтического языка, обладающем чувством юмора, хотя он и не подозревал, как эта способность будет называться по-нашему. Не знал этого и Джордано Бруно, давший трогательное определение человека с чувством юмора: *in tristitia hilaris, in hilaritate tristis*, 'в печали веселый, в веселости печальный'<sup>18</sup>.

Чувство юмора — явление общественное, оно держится на симпатиях среды и реагирует на их малейшие колебания. Современник Петровской эпохи Э. Шефтсбери, оказавший значительное

<sup>16</sup> Follieri H. Initia hymnorum Ecclesiae Graecae. Città del Vaticano. 1960. Т. 1. Р. 190.

<sup>17</sup> Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртене. СПб.; М., 1912. Т. 2. С. 606, 788.

<sup>18</sup> Vorgrimler H. Humor // Lexikon für Theologie und Kirche. Freiburg, 1960. Bd. 5. Sp. 536.



влияние на век Просвещения, возвел остроумие и юмор в ранг социальной добродетели — не только для своего времени, поскольку он дорожил преемственностью от римской литературы и ее гуманистических интерпретаторов<sup>19</sup>. Мы вправе нарушить всеобщее молчание и сказать, что культура Киевской Руси отнюдь не зияет пустотой в истории юмора, он прослеживается, начиная — если двигаться по условной оси летописного времени — от путешествия апостола Андрея, предсказавшего на еще безлюдной киевской горе великое будущее города и затем отправившегося в Новгород попробовать банного веника и кваса<sup>20</sup>.

*М. Д. Курмачева*

## М. В. ЛОМОНОСОВ О КУЛИКОВСКОЙ БИТВЕ

Замечательный русский ученый М. В. Ломоносов много и успешно работал на поприще исторической науки, создав ряд специальных исследований, посвященных прошлому России.

Характеризуя гениальную многогранность интересов Ломоносова, А. С. Пушкин выдвигал на первое место историю: «Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник: первый углубляется в историю отечества. . .»<sup>1</sup>. Творческое наследие ученого говорит о том, что история Российского государства в XIV в. привлекала его пристальное внимание. Представляет огромный интерес, какие материалы и источники он использовал, разрабатывая тему о Куликовской битве, что писал и как оценивал это важнейшее событие отечественной истории.

Ломоносов жил в XVIII в. в условиях феодально-крепостнического строя, что отразилось на его взглядах. Но в отличие от своих современников он близко подошел к правильному решению вопроса о роли народа в историческом развитии. Он верил в его созидательную силу, уважал и ценил его заслуги в защите отечества.

Ломоносов писал историю российского народа, а не только князей, поэтому свой основной исторический труд «Древнюю Российскую историю» начинает не с так называемого призвания варягов, а с периода, уходящего в глубокую древность.

Первая книга этого труда, завершенная в 1758 г., была напечатана уже после его смерти, в 1766 г. Она охватывала период

<sup>19</sup> Подробнее см.: *Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. Tübingen, 1972. S. 21—22.*

<sup>20</sup> ПСРЛ. Т. 1, вып. 1. С. 7—9. Об историографии этого эпизода см.: *Podskalsky G. Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus' (988—1237). München, 1982. S. 12—13.*

<sup>1</sup> *Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. М., 1950. Т. 5. С. 25.*

до 1054 г. Вторую книгу он не успел завершить. Рукописи до нас не дошли. Поэтому неизвестен текст о Куликовской битве. Но, учитывая, как серьезно и основательно работал Ломоносов над источниками, можем не сомневаться в том, что читатель нашел бы здесь правдивое описание этого переломного момента в судьбах Русского государства, в чем убеждают сохранившиеся на ряде летописных источников пометы — следы работы Ломоносова. Он обращал внимание на имена участников сражения, ход боевых действий и др.<sup>2</sup>. Тщательное изучение источников, их творческое осмысление было стилем работы Ломоносова-историка.

Привлекают внимание общие положения, изложенные во «Вступлении», т. е. введении, к опубликованной части «Древней Российской истории». Любовь к родине, забота о ее чести и славе выражены здесь особенно ярко. Ломоносов пишет о жизненности и стойкости российского народа, который много пережил, и в трудных условиях, страдая от внешних врагов и княжеской междоусобицы, «не токмо не расточился, но и на высочайший степенъ величества, могущества и славы достигнул»<sup>3</sup>.

С патриотическими убеждениями связаны высокие требования, которые он предъявлял к истории. В ней он видел науку, воспитывающую чувство гордости и отдающую законную и благодарную память прошлому своей родины. Славные подвиги былых времен — пример для следующих поколений.

Первым печатным историческим трудом Ломоносова, в котором освещается период «свирепого нашествия Батыева, разорения и порабощения России», была книга «Краткий российский летописец». Этот труд написан позже первой книги «Древней Российской истории», в 1759 г., но опубликован раньше, в 1760 г. Перечисляя основные события периода княжения Дмитрия Донского, автор указывает на борьбу с золотоордынцами и освобождение России от тяжкого ига, которое в течение долгого времени ставило огромные препятствия экономическому, политическому и культурному развитию страны. Он сообщает, что дважды в это время ордынцы «великим множеством» устремлялись на русскую землю, но Дмитрий Иванович нанес им поражение, сперва в битве на р. Вожа в 1378 г., а затем на Куликовом поле в 1380 г. — во втором сражении «победил совершенно»<sup>4</sup>.

Высшим критерием при оценке событий прошлого Ломоносов считал благо для родины. Исходя из этого критерия, он оценивает победу на Куликовом поле и деятельность великого князя московского Дмитрия Донского, которого включает в число исторических деятелей, занимающих важное место в истории России.

Свой гражданский долг Ломоносов видел в популяризации исторических знаний. Он отдавал много сил тому, чтобы героическое прошлое стало достоянием широких кругов, воспитывая

<sup>2</sup> Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971. С. 91, 97.

<sup>3</sup> Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 169.

<sup>4</sup> Там же. С. 316.

любовь и уважение к родному отечеству. В этих целях он стремился использовать и такое средство популяризации «подвигов российских», как изобразительное искусство. Сохранилась его рукопись «Идеи для живописных картин из Российской истории» (1764 г.). Это сюжеты для исторических картин. Некоторая часть картин посвящалась освободительной борьбе русского народа. Ломоносов не забывает напомнить о событиях Куликовской битвы. На картине, которая должна была изображать это сражение, как и в картинах «Победа Александра Невского», «Кузьма Минин», представлен народ. В отличие от «Краткого российского летописца», где главное действующее лицо — Дмитрий Донской, здесь народ выдвинут на первый план. Полотно о Куликовской битве представлялось Ломоносову в следующем виде:

«Начало сражения с Мамаем. С обеих сторон стоят полки: с правой российские, с левой татарские. В фортгрунде великий князь Дмитрий Иванович, все готовятся к бою. Посередке татарин Челубей, ростом как Голиаф, сражается с Пересветом, черном-схимником. Оба друг друга пронзили копьями. Сражение начинается в войске»<sup>5</sup>.

В своем поэтическом творчестве Ломоносов нередко обращается к истории, прославляя славные дела предков, их любовь к независимости. Из событий далекого прошлого он выделяет Куликовскую битву. О ней Ломоносов пишет в одах 12 августа 1741 г., 25 ноября 1761 г. и в трагедии «Тамара и Селим», напечатанной в 1750 г. Ода 12 августа — первое литературное произведение, в котором Ломоносов упоминает о поражении Мамаея<sup>6</sup>. Исторически достоверно стремился обрисовать он внешний облик победителя Мамаея — великого князя московского. На полях Остермановского тома Лицевого летописного свода Ломоносов отчеркивает описание внешности князя Дмитрия: «... телом велик и широк, и плечист, и чреват велми, и тяжел собою зело, брадою же и власы черн, взором же дивен зело»<sup>7</sup>. В оде 25 ноября 1761 г., обращенной к императрице Елизавете Петровне, он использует это в следующих строках:

«Се Дмитриевы сильны плечи  
Густят татарской кровью Дон»<sup>8</sup>.

Из черновых заметок к материалам «Российской грамматики», над которой работал Ломоносов в конце 40-х—начале 50-х годов, видно, что он намеревался написать отдельное поэтическое произведение, посвященное Куликовской битве 1380 г. и ее герою — Дмитрию Донскому. Сохранились две строки этого произведения:

«Войну воспеть в донских полях кроваву  
И князя, что воздвиг поправну нашу славу»<sup>9</sup>.

<sup>5</sup> Там же. С. 370.

<sup>6</sup> Там же. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 39, 748.

<sup>7</sup> ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11. С. 63.

<sup>8</sup> Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 8. С. 748.

<sup>9</sup> Моисеева Г. Н. Указ. соч. С. 262.



Сюжет трагедии «Тамира и Селим» построен на исторических событиях 1380 г. Тема Куликовской битвы в этом произведении — одна из центральных, она отодвигает на второй план традиционный сюжет о любви крымской царевны и багдадского царевича.

Трагедии предпослано авторское повествовательное вступление — «Краткое изъяснение», следующего содержания: «В сей трагедии изображается стихотворческим вымыслом позорная погибель гордаго Мамаю, царя татарскаго, о котором из российской истории известно, что он, будучи побежден храбростию московскаго государя, великаго князя Дмитрия Иоановича на Дону, убежал с четырьмя князьями своими в Крым, в город Кафу, и там убит от своих»<sup>10</sup>.

Краткое изложение сюжета в повествовательном вступлении к трагедии помогает решению вопроса об исторических источниках, к которым обращался писатель Ломоносов. Изучение и сопоставление текстов приводит к выводу о том, что основным источником при создании трагедии «Тамира и Селим» был «Синописис», впервые изданный в Киеве в 1674 г. В третьем издании «Синописиса» (1680 г.) было напечатано на «вечную память грядущим родом» «достопауное» Сказание о Мамаевом побоище, памятник XV в.<sup>11</sup> На протяжении XVIII в. «Синописис» оставался самой распространенной и популярной книгой по отечественной истории<sup>12</sup>.

В Сказании о Мамаевом побоище, внесенном в «Синописис», находим некоторые выражения, использованные впоследствии Ломоносовым во вступлении к трагедии. В этом памятнике средневековый автор говорит «о погибели Мамаевой. Побежденну же сущу воинству татарскому вконец. . . сам поганый царь Мамай з четырма князьями своими, в малом числе побегши з побоища, забеже от велика страха даже до города, лежащаго над морем, Кафы, иде же и имя свое утай, но вскоре познанный убиен бысть от фряг, и яко злый, зле погипе»<sup>13</sup>.

В то же время в целом между содержанием трагедии и названной редакцией Сказания обнаруживаются расхождения. Они относятся к описанию боя на Куликовом поле и обстоятельствам гибели Мамаю. Из этого следовало, что Ломоносов не ограничился данным источником. Иная трактовка некоторых событий, связанных с Куликовской битвой, взята им еще из одной из многочисленных редакций Сказания о Мамаевом побоище, а именно из «киприановской», вошедшей в состав Никоновской летописи, возник-

<sup>10</sup> Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 8. С. 292.

<sup>11</sup> Дмитриев Л. А. К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 421.

<sup>12</sup> О популярности «Синописиса» в широких кругах говорит тот факт, что текст Сказания о Мамаевом побоище в редакции «Синописиса» был полностью перепечатан в подписи к лубочной картине «Мамаево побоище», выгравированной в первой половине XVIII в. (Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. II. С. 23—56).

<sup>13</sup> Синописис. Киев, 1680. С. 178.

шей в XVI в. В описании Куликовской битвы Ломоносов следует за рассказом этой летописи<sup>14</sup>. В «киприановской» редакции Сказания сообщается, что в начале боя преимущество было на стороне золотоордынцев. Солнце слепило глаза русских воинов, ветер и пыль дули в лицо. Позже, когда солнце стало светить в спину, ход сражения принимает иной оборот. В трагедии крымский царевич Нарсим, посланный на помощь Мамаю и участвующий в сражении, сообщал, как в момент напряженного сражения появление запасного полка русских изменило ход боя и русские начали теснить врага.

В Сказании о Мамаевом побоище, вошедшем в «Синописис», Мамай убивают его приближенные во время бегства после поражения на Дону. В трагедии сообщаются иные сведения, во многом совпадающие с данными Никоновской летописи<sup>15</sup>. По сюжету Мамай приезжает в Кафу, скрывая свое поражение в Куликовской битве. Его принимают как победителя. Крымский царь Мумет даже готов выдать замуж за Мамай свою дочь Тамиру. Однако события развиваются так, что Мамай гибнет в схватке с царевичем Нарсимом, которому приходит на помощь багдадский полководец Селим, возлюбленный Тамиры.

Помимо источников Ломоносов был знаком с рукописью труда В. Н. Татищева «История Российская». Известно, что в 1749 г. Ломоносов по просьбе Татищева написал посвящение к «Истории Российской» (опубликована в 1768 г.). Возможно, под влиянием этого исследования, в котором описание Куликовской битвы дано на основании Никоновской летописи, Ломоносов привлекает в числе других и этот труд. Татищев пишет об окончании битвы во время яркого захода солнца. У Ломоносова о завершающем моменте сражения сказано в следующих словах: «Тогда над русскими полками отворились и ясный свет на них спустили небеса»<sup>16</sup>.

Ломоносов пишет в трагедии «Тамира и Селим», что в противовес хищнической политике ордынцев произошло объединение русских княжеств для совместного отражения врага.

В конце своего произведения Ломоносов влагает в уста действующих лиц моральные выводы по поводу гибели Мамай:

«Толь тяжко с высоты бог гордых повергает!..  
Мамаева притом кичливость поражена  
Других пусть устранил гордиться выше мер».

С большим чувством Ломоносов говорит о стойкости русских воинов.

---

<sup>14</sup> Рязанов В. И. Трагедии Ломоносова // Ломоносовский сборник. СПб., 1911. С. 238—241; Моисеева Г. Н. Указ. соч. С. 10—13, 90—104, 259—260.

<sup>15</sup> ПСРЛ. Т. 11. С. 58—69.

<sup>16</sup> Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 8. С. 320, 364.

Призывом к героическому подвигу звучат слова одного из героев этой трагедии Селима:

«Какая польза тем, что в старости глубокой  
И в тме бесславия кончают долгий век!  
Добротами всходить на верьх хвалы высокой  
И славно умерать родился человек»<sup>17</sup>.

Литературные труды написаны Ломоносовым по времени раньше его исторических исследований. Но общий патристический тон, историческая достоверность, основанная на знакомстве с источниками, во многом сближают эти произведения с поздними историческими трудами. То, что Ломоносов разносторонне и как историк, и как поэт разрабатывал тему о Куликовской битве, проистекало из глубокого понимания ее значения. Примеры прошлого, которыми гордились Ломоносов и его соотечественники, укрепляли веру в силу народа, в его творческие возможности.

*А. А. Преображенский*

## К ИЗУЧЕНИЮ САМОСОЗНАНИЯ РУССКОГО КУПЕЧЕСТВА XVII В.

Начало формирования всероссийского рынка возвысило роль того слоя общества, который принято именовать купечеством. Будучи представителями торгового капитала, купцы не чуждались предпринимательской деятельности в различных отраслях промышленности. Как отмечал Н. В. Устюгов, почти все крупные торговые люди Русского государства XVII в. были в той или иной мере связаны с промышленным производством. Это новое явление подтверждается работами последних лет<sup>1</sup>.

Конечно, между верхами купечества в лице гостей, гостиной и суконной сотен, с одной стороны, и массой непривилегированных торговцев из посадских людей и крестьян — с другой, существовали большие различия. Но было и нечто общее, объединявшее тех и других — род занятий, ставший профессией. Кроме того, позиции торговых корпораций со временем [приходили в противоречие с практикой жизни. Вследствие этого в экономике страны все заметнее стало проявляться воздействие внекорпора-

<sup>17</sup> Там же. С. 360—362, 348.

<sup>1</sup> Устюгов Н. В. Предисловие // Русское государство в XVII в. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни: Сб. статей. М., 1961. С. 5; Демкин А. В. Торговые люди верхневолжских городов во второй половине XVII—начале XVIII в.: (К проблеме генезиса капиталистических отношений): Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. М., 1983. С. 18—19.



тивного купечества, которое в ряде случаев потеснило старшие категории коммерсантов. В условиях развивающейся торговой конкуренции ограждение интересов купеческой верхушки теми или иными привилегиями не всегда достигало цели. И еще один момент, который следует отметить: предоставляемые правительством льготы для гостей, гостиной и суконной сотен торговых людей сопровождались нередко обременительными «государевыми службами», исполнение которых находилось под бдительным контролем властей и влекло за собой немалые издержки. В таких случаях, как известно, капитал и «животы» торгового человека служили своеобразной гарантией того, что казна не понесет убытков. Разумеется, находившиеся на подобных службах (в больших таможнях, при казенных предприятиях, в качестве уполномоченных правительства по сбыту пушнины, закупке товаров «на государев обиход» и т. д.) не гнушались использовать их в своих корыстных целях, но и малейшие просчеты могли поставить благосостояние купца на грань катастрофы. Это сдерживало активность купечества в экономической сфере, создавая подчас ситуации искусственной нехватки капиталов на тех или иных участках хозяйства страны.

Социальные границы купечества были весьма неопределенными, оно постоянно меняло свой состав. Даже его высшие эшелоны, статус которых определялся правительственными жалованными грамотами, не отличались стабильностью. При всем том есть основания говорить об известном отсоединении «купецкого чина» от иных групп населения, что в свою очередь это находило отражение в общественной позиции купечества. Другие социальные слои оценивали их в качестве самостоятельной категории населения со своими запросами и интересами. В этой связи малоизученный вопрос о формировании самосознания купечества в обстановке начала «нового периода русской истории» имеет большой интерес. Вкратце охарактеризовать некоторые факторы изучения данной проблемы — задача статьи.

«Смутное время» начала XVII в. нанесло огромный ущерб отечественной экономике, в расстройство пришла и торговая жизнь. Выход из кризисного состояния был длительным и тяжелым. После утверждения у власти династии Романовых в правительственных кругах неоднозначно и противоречиво относились к позиции русского купечества в пору лихолетья. Достаточно широко было известно о том, что в лагере интервентов и изменников находился торговый человек гость Федька Андронов — фигура столь же энергичная, сколь и одиозная. Примером противоположным служил Кузьма Минин, представитель торгового люда — «выборный всею землею», как о нем говорили и писали тогда. Если в одних правительственных грамотах утверждалась мысль о единстве сил, выступивших на защиту самостоятельности России, то в других давалась иная трактовка вопроса. Так, в мае 1613 г. была отправлена царская грамота Строгановым, в которой содержалось порицание «московских гостей и торговых людей»

за то, что они «наперед сего себя пожалели, ратным людям денег на жалованье не дали, и они, за грех, увидели на себя без ратных людей конечное разоренье и животов своих отбыли». Аналогичная грамота в Углич еще более определенно выразилась на этот счет: «животов своих всех отбыли»<sup>2</sup>. Та же мысль прозвучала в грамоте Освященного собора в Астрахань: «пожалели малого. . . и увидели на себя. . . конечное разорение и гибель и животов своих всех отбыли»<sup>3</sup>. Нравоучения правительства преследовали определенную цель. В дальнейшем обращения к торговым людям с запросами о финансовой поддержке стали обычным явлением. Это превратилось как бы в сословную повинность купечества.

Вместе с тем и купцы все более осознавали, что без их кошельков, а стало быть, без их участия государство испытывает затруднения. Вряд ли для широких кругов торговцев остались в секрете предпринимаемые патриархом Филаретом шаги на сближение с крупными воротилами тогдашнего торгового мира. У всесильного правителя на обедах бывали гости И. Юрьев, А. Юдин, Б. Булгаков, Н. Светешников, И. Сверчков и др.<sup>4</sup> Царица и Филарет весьма жаловали Строгановых, которые были вхожи в их терема<sup>5</sup>. Когда возникали вопросы о торговых отношениях с другими странами, правительство запрашивало мнения отечественных коммерсантов. Последние подавали также коллективные челобитные о своих нуждах, прежде всего, об устранении конкуренции иностранных купцов на русском рынке. В этом отношении характерна самая представительная из них — челобитная 1646 г., которую подписали более 160 человек торговых людей многих городов России<sup>6</sup>. Излагая историю внешней торговли со странами Запада, челобитчики с похвалой отзывались о том времени, когда обмен шел через Ивангород, т. е. купцы особо выделили балтийское направление торговых связей с границей. Неблагоприятная обстановка для русских купцов сложилась после того, как англичане добились права беспопытной торговли, подтвержденного после «разоренья» при царе Михаиле Федоровиче. Челобитчики связывали получение льгот английскими купцами, в частности, с тем, что последние сумели подкупить дьяка Посольского приказа Петра Третьякова. Небезынтересна мотивировка причин, воспрепятствовавших русским торговцам опротестовать этот акт: «. . . нам было, холопом и сиротам твоим, в то время челобиться их встретить и грамоту остановить некому, потому что все были разорены до конца и, от разоренья бродя, скитались по иным городом».

Центральная власть на земских соборах обращалась к представителям торговых людей с запросами. В 1639 г. ответ на прави-

<sup>2</sup> ААЭ. СПб., 1836. Т. III. № 3. С. 3; № 5. С. 9.

<sup>3</sup> Там же. № 4. С. 6.

<sup>4</sup> *Сташевский Е.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев. 1913. Ч. 1. С. 295—296 и др.

<sup>5</sup> *Введенский А. А.* Дом Строгановых в XVI—XVII вв. М., 1962. С. 134.

<sup>6</sup> ААЭ. СПб., 1836. Т. IV. № 13. С. 14—23.

тельственный запрос о «крымском деле» был дан «на письме» за рукоприкладствами присутствовавших на соборе гостей, членов гостинной и суконной сотен. Не отказываясь от внесения денег на содержание ратных людей («по силе своей давать»), они указывали на необходимость общегосударственных усилий: «чтоб никто в. . . государстве всяких чинов люди в-ызбылых не был» <sup>7</sup>. При решении вопроса о судьбе Азова на соборе 1642 г. мнение торговых кругов России также отражало стремление избавиться от засилия иностранного капитала на внутреннем рынке. Одновременно выражалось неудовольствие воеводской администрацией на местах и недвусмысленно давалось понять, что прежде «посадские люди судились сами промеж себя, а воевод в городах не было» <sup>8</sup>.

Грозные события июня 1648 г. в Москве, цепь народных движений в других местностях страны вызвали замешательство верхних слоев купечества, тем более что некоторые из них пострадали от повстанцев. Для рядовой массы торговцев тогда не было особой проблемы — они поддержали посад в его выступлении против беломестцев в городах. Иное дело привилегированное купечество, его позиция в данном случае была весьма непоследовательной. В итоге заправила торгового мира оказались в общем русле антиправительственных действий той поры. Но это произошло скорее в силу инерции общего движения, под давлением обстоятельств. 26 августа 1648 г. правительство издало жалованную грамоту гостям и гостинной сотни торговым людям с подтверждением некоторых льгот, в том числе освобождения от суда местных воевод <sup>9</sup>. Противоречия в среде торговцев сказались и в том, что привилегированные корпорации добивались перевода в их состав разбогатевших посадских, тогда как посадские «черные люди» жаловались на взятие из их среды в гости и гостинную сотню «лучших людей». Характерным было признание членов гостинной сотни, что в июне 1648 г. они бить челом государю «не смели» <sup>10</sup>.

Активно участвовали торговые люди в выработке законодательства, посвященного регулированию обмена (внутреннего и внешнего), а также другим финансово-экономическим вопросам. Наиболее наглядные тому свидетельства — принятие Уставной таможенной грамоты 1653 г. и Новоторгового устава 1667 г. Эти важные акты протекционистской политики правительства были изданы не только под давлением требований торговых людей, но и с участием некоторых видных коммерсантов в выработке законодательных норм. При подготовке Новоторгового устава в архиве Посольского приказа была «сыскана» коллективная челобитная 1646 г., в которой заключались основные требования отечественного купечества в области торговли. Один из политиче-

<sup>7</sup> Дворянство и крепостной строй в России XVI—XVIII вв. М., 1975. Прил. С. 300. Суконная сотня подала отдельную сказку (Там же. С. 301—302).

<sup>8</sup> Акты, относящиеся к истории земских соборов. М., 1909. С. 55.

<sup>9</sup> ДАИ. СПб., 1846. Т. III. № 44. С. 150—151.

<sup>10</sup> Там же. № 47. С. 153—160.



ских мотивов последнего документа сводился к тому, что провозглашалось принципиальное отличие в позициях русского и английского купечества. Первое здесь представлено как верное присяге государю, второе характеризовалось в качестве противника монархического правления и виновника убийства своего короля в ходе Английской революции. Вряд ли меньшее значение имела чисто практическая сторона дела — желание стать полноправными хозяевами на рынке.

Вполне отчетливо данная линия прослеживается в преамбуле Новоторгового устава. Там определенно говорится о том, чтобы в торгах с иностранцами участвовали только богатые русские купцы, а мелкий торговый люд лишь поддерживал бы их, не вступая в самостоятельные сделки с иностранцами. Более того, указывалось, что мелкие торговцы должны «прикладывать» свои средства к капиталам крупных купцов и не мешать последним устанавливать цены на товары<sup>11</sup>. Не раз в этом основополагающем документе речь идет о «вольном торге», который способен — де — привести к обогащению подданных царя и пополнению казны, причем ссылака делается на аналогичные порядки в других государствах. Новоторговый устав послужил отправным пунктом для последующего законодательства по торговым делам, его идеи не могли не оказать известного влияния на представления русского купечества.

Расширение и углубление товарно-денежных отношений неизбежно привело к проникновению некоторых торговых людей в центральный аппарат управления. Небезызвестный думный дьяк Назарий Чистой, один из инициаторов финансовой реформы 40-х годов XVII в., до своей приказной службы был гостем. Из торговой среды происходил дьяк А. Кириллов. И вообще в дьяки нередко верстались торговые люди<sup>12</sup>. В конце 50-х годов XVII в. гости рискнули вступить в местнический спор с дьяками, но потерпели неудачу. И не будучи формально в числе приказной бюрократии, отдельные коммерсанты оказывали заметное влияние на государственные дела. Гость В. Г. Шорин участвовал в проведении денежной реформы 50-х годов XVII в., его и других видных купцов правительство привлекало к ответственной должности в таможне Архангельска, при решении вопроса о договоре с армянской компанией, предложившей транзитную торговлю восточным шелком, и т. д.<sup>13</sup>

Торговых людей встречаем и среди русских послов в другие (прежде всего, восточные) государства. В ханства Средней Азии и в Иран не раз ездил во главе посольств астраханский купец А. Грибов. На купцов Н. Сыроежина и С. Маленького выпала

<sup>11</sup> СГГД. СПб., 1828. Ч. IV. № 55. С. 189—190.

<sup>12</sup> Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1954. Т. II. С. 6.

<sup>13</sup> Тверская Д. И. К вопросу о роли купечества в процессе формирования всероссийского рынка в XVII в. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 290—300.

роль посланников в далекую и заманчивую Индию<sup>14</sup>. Нередко вместе с членами русских посольств отправлялись в западные государства торговые люди, которые выясняли возможности налаживания обмена с другими странами, знакомились с тамошними порядками.

Русские коммерсанты внимательно следили за рыночной конъюнктурой и в меру своих сил пытались парировать ухищрения своих западных собратий. В той самой челобитной 1646 г. купцы сочли целесообразным поведать правительству историю одного русского торговца, который хотел без иностранных посредников сбыть свой товар в Голландии. Попытка окончилась неудачно, иностранные дельцы преподали ему предметный урок. Товар вернулся с купцом в Архангельск, где его и приобрели те же самые торговцы, которые бойкотировали операции русского конкурента у себя на родине<sup>15</sup>.

Несмотря на ожесточенную борьбу с иностранным торговым капиталом, русские торговые люди имели достаточно широкие связи с купцами других стран, вступали во всевозможные сделки, заключали договоры, брали займы, давали деньги и товары в долг. Этому способствовало то обстоятельство, что некоторые западные купцы прочно связали свою судьбу с Россией и назывались поэтому «московскими торговыми иноземцами»<sup>16</sup>. Надо заметить, что и правительство не отличалось нетерпимостью по отношению к иноземным торговцам. Известны случаи, когда иностранным коммерсантам доверялись весьма ответственные дела, включая даже династические. П. Марселис, например, выполнил деликатное поручение московского двора, связанное со сватовством датского королевича Вольдемара к дочери царя Ирине Михайловне<sup>17</sup>. Дом английских купцов Осборнов регулярно информировал русское правительство по международным и торговым делам. Посредничество семейства Виниусов, оставшихся в России, немало способствовало связям с ученым-бургомистром Амстердама Н. Витзенем. Менезиус и И. Идес выступали в качестве русских послов за рубежом. Все это также не могло пройти мимо русских торговых людей, чтобы не отразиться на их восприятии окружающего мира. Впрочем, находясь по своим делам в других странах, русские купцы отнюдь не выглядели такими неотесанными и несведущими, как их порой рисовали некоторые иностранные наблюдатели. Факты свидетельствуют, что русские купцы вели дела в иных странах, считаясь с тамошними порядками, зная суборди-

<sup>14</sup> Преображенский А. А. Из истории сношений Русского государства со Средней Азией в XVII в. // Ист. зап. 1951. Т. 36. С. 269—284; Русско-индийские отношения в XVII в.: Сб. документов. М., 1958. С. 9, 17—22, 28—66, 360—363 и др.

<sup>15</sup> ААЭ. Т. IV. № 13. С. 16—21.

<sup>16</sup> История Москвы. М., 1980. С. 74; Демкин А. В. «Московские торговые немцы» в первой половине XVII в. // Вопр. истории. 1984. № 8. С. 171—174.

<sup>17</sup> Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. V. С. 229, 234 и др.

нацию подачи исков в случаях возникавших споров и представляя обстановку на рынке. Достаточно сослаться на обстоятельное прошение гостиной сотни Макара Загорского королеве Швеции Христине (1637 г.), в котором упоминаются различные документы, находившиеся у русского торговца<sup>18</sup>. Достоин внимания и то обстоятельство, что в европейских странах проявляли интерес к официальным документам русского происхождения, трактуя вопросы торговых отношений. В Государственном архиве Швеции оказался перевод челобитной русских купцов 1646 г., в высших кругах Франции были озабочены получением текстов торговых договоров России с другими странами (прежде всего, с Англией и Голландией)<sup>19</sup>. Вполне естественно, что в России XVII в. те торговые люди, которые по роду своих занятий общались с иностранцами за рубежом и на родине, должны были изучать языки, о чем есть прямые указания источников<sup>20</sup>.

Условия феодально-крепостнической страны оказывали сильное воздействие на миропонимание русского купечества. Поэтому в среде торгового люда получило широкое распространение такое явление, как поиски влиятельных покровителей, наделенных властью на разных ее уровнях. И здесь проявлялась двойственность поведения отечественных коммерсантов. С одной стороны, купцы стремились заручиться поддержкой крупных феодалов, царских сановников, приказных дельцов, местных воевод. Наиболее предпочтительным считалось породниться с представителями господствующего класса, но это удавалось немногим. Зато установление тесных связей с властью имущими стало повседневной нормой поведения купечества. Едва ли не все известные в литературе факты коммерческой деятельности отдельных торговцев в той или иной степени оказываются связанными с этим примечательным явлением. Развитию связей способствовало и то, что феодалы сами стали все чаще участвовать в торговых делах, хотя именно на этой почве возникали противоречия и конфликты между сословиями. Здесь и открывается другая сторона самосознания и поведения торгового чина. Речь идет о тенденции противодействия засилью феодалов в стране. Во второй половине XVII в. усиливается волна челобитных купечества об ограничении вмешательства царской администрации (в первую очередь, воевод на местах) в его дела, об изъятии посадов из ее компетенции. Городская реформа 1699 г. как бы подвела черту под весьма длительной борьбой посадов и их верхушки за ослабление произвола феодальной администрации. Но тяжелые налоги, которые следовало вносить в казну в качестве компенсации за введение самоуправ-

<sup>18</sup> Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в. М., 1981. № 11. С. 114—122.

<sup>19</sup> Там же. № 16, с. 148; Путешествия русских послов XVI—XVII вв.: Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 436—437.

<sup>20</sup> Савич Н. Г. Изучение иностранных языков русскими в XVII в. // Историографические и исторические проблемы русской культуры: Сб. статей. М., 1982. С. 45, 47, 57—58, 64—66 и др.



ления, и начавшаяся Северная война помешали осуществлению реформы.

Дабы уточнить свое положение в обществе, русские торговые люди пытались представить себя как последовательных и богобоязненных ревнителей религии. Внешним выражением этого было участие купечества в строительстве церквей и других культовых сооружений, для которых они выделяли немалые суммы. Примером такого рода деятельности служит знаменитая церковь Троицы в центре Москвы, воздвигнутая на деньги богатейших купцов Никитниковых. Сходная картина имела место и в провинции. Купцы стремились не отстать от дворян и тогда, когда заказывали богато оформленные синодики «на помин души». Купечество заявляет себя не только наряду с дворянством, но и в противовес ему. Здесь не только подражание, равно как и в случаях приобретения купцами ношеной царской одежды, что было присуще феодальным верхам<sup>21</sup>.

Купцы не заблуждались насчет того, что в разных слоях русского общества отношение к ним было далеко не идеальным. А в моменты острых экономических потрясений торговцы признавались, что они «возненавидены ото всех чинов за тое товарную продажу» (1662 г.)<sup>22</sup>. Кильбургер записал, что «простые куницы» недовольны засилием гостей — этих «коммерц-советников» царя, и в случае бунта «шеи всех гостей будут свернуты чернью»<sup>23</sup>. Обострение социальных конфликтов в стране определенным образом влияло на формирование самосознания «купецкого чина», придавая ему противоречивые черты. Боязнь народных движений вошла в плоть и кровь нарождавшейся русской буржуазии.

Таким образом, формирование самосознания русского купечества XVII столетия протекало в сложных условиях противоборства феодально-крепостнических отношений и тенденций буржуазного развития.

*Г. М. Бонгард-Левин*

«ДРУГ, ПОСМОТРИ. . .»

Во время одной из последних встреч с Владимиром Терентьевичем Пашуто он увлеченно рассказывал о работе над статьей, посвященной творческому единению ученых и писателей. Статья давалась, видимо, нелегко: менялись и уточнялись формулировки, подыскивались наиболее емкие слова, точные термины, но заглавие было

<sup>21</sup> Бакланова Н. А. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в.: К истории формирования русской буржуазии. М., 1959. С. 190.

<sup>22</sup> Зерцалов А. О мятежах в городе Москве и в селе Коломенском 1648, 1662 и 1771 гг. М., 1890. С. 262—263.

<sup>23</sup> Кашин В. Н. Торговля и торговый капитал в Московском государстве. Л., 1926. С. 218—219.

уже выбрано — «Научный историзм и содружество муз»<sup>1</sup>. Помню его слова о том, что историю не перехитришь, что нельзя представить себе историка, лишённого дружбы со служителями других муз, в частности с писателями.

В. Т. Пашуто приводил множество ярких примеров тесного содружества ученых с деятелями искусства и литературы, вспомнил, в частности, о публикации своего учителя академика Л. В. Черепнина «Александр Блок и история»<sup>2</sup>.

Блок, как известно, был в близких отношениях с крупнейшим востоковедом-индологом академиком С. Ф. Ольденбургом. В начале века Ольденбург привез из Восточного Туркестана буддийские тексты, которые я готовил к изданию, и все, что было связано с Ольденбургом, меня, естественно, интересовало. «Блок и Ольденбург — вот один из ярких примеров того содружества, о котором надо обязательно написать, ибо примеры прошлого злободневны сегодня».

Подсказанная В. Т. Пашуто тема «А. А. Блок и С. Ф. Ольденбург» очень интересна и поучительна, но вместе с тем — необычайно широка и многогранна. Осветить ее в рамках небольшой статьи невозможно; нелегко наметить даже главные вехи взаимоотношений поэта и ученого и ответить на вполне естественный вопрос — что лежало в основе творческого притяжения этих ярких и самобытных фигур русской культуры.

Впервые поэт и ученый встретились в начале мая 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии<sup>3</sup>. Временно отозванный из армии, Блок в начале мая приступил в качестве редактора стенографического отчета к работе в комиссии. В это время в комиссии уже работал С. Ф. Ольденбург. Вот запись от 8 мая 1917 г. в «Записных книжках» Блока: «Дважды в Зимнем дворце... Ольденбург... Надо бы написать разные наблюдения и мысли»<sup>4</sup>. В этот же день в письме к матери Блок сообщает о встрече в Зимнем дворце с Ольденбургом<sup>5</sup>. Однако друг о друге Блок и Ольденбург безусловно знали задолго до мая 1917 г. И знали, очевидно, очень хорошо.

В 1904 г., т. е. еще в студенческие годы Блока, Ольденбург стал Непременным секретарем Академии наук, пользовался огромным уважением не только как один из руководителей Академии, но и как блестящий востоковед-индолог, фольклорист, филолог, археолог и этнограф. Выпускник историко-филологического факультета по славяно-русскому отделению, Блок, конечно, был знаком с многочисленными работами Сергея Федоровича по рус-

<sup>1</sup> Пашуто В. Т. Научный историзм и содружество муз // Коммунист. 1984. № 5. С. 82—92.

<sup>2</sup> Черепнин Л. В. Александр Блок и история // Вопр. истории. 1967. № 1. С. 37—59.

<sup>3</sup> Ливчак Б. Ф. Чрезвычайная следственная Комиссия Временного правительства глазами Ал. Блока // Вопр. истории. 1977. № 2. С. 111—123.

<sup>4</sup> Блок А. Записные книжки. М., 1965. С. 261 (далее: ЗК).

<sup>5</sup> Письма Александра Блока к родным М.; Л., 1932. Т. II. С. 358.

ской и западноевропейской словесности, в частности по фольклору<sup>6</sup>.

В университете Блок изучал санскрит у известных лингвистов и филологов профессоров И. А. Бодуэна де Куртенэ и С. К. Булича<sup>7</sup>, которые хорошо знали Ольденбурга и его труды. В научных кругах Петербурга, особенно среди филологов, имя Ольденбурга провозносилось с особым почтением. Булич еще в 1906 г. для Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона написал статью о С. Ф. Ольденбурге<sup>8</sup>, в которой дал высокую оценку трудам русского индолога<sup>9</sup>, отмечал его деятельное участие в Союзе писателей и Комитете литературного фонда.

По предложению издательства К. Ф. Некрасова, в 1914 г. Блок приступил к подготовке тома стихотворений и поэм Аполлона Григорьева, которого с юности любил. С сентября почти ежедневно он ходил в Библиотеку Академии наук, тщательно отбирал произведения Ап. Григорьева. 30 октября в «Записные книжки» вносится запись — «Академия наук — 26-й раз»<sup>10</sup>. В январе 1915 г. Блок завершил статью об Ап. Григорьеве. Регулярно посещая Библиотеку Академии, Блок не мог не знать о Непременном секретаре Академии, хотя Ольденбург тогда возглавлял русскую историко-археологическую экспедицию в Восточном Туркестане. В Академии внимательно следили за открытиями русских ученых. Позднее, в июле 1917 г. Блок писал, что Ольденбург «два года назад перенес экспедиции более трудные, чем всякий фронт, с 7-ю казаками оказался выносливее всех»<sup>11</sup>. Университетский учитель Блока Булич в 1916 г. в статье об Ольденбурге упоминал об открытиях этой туркестанской экспедиции<sup>12</sup>. Судя по «Записным книжкам», Блок поддерживал отношения с Буличем и после учебы в университете<sup>13</sup>. Именно книгу об Ап. Григорьеве, вышедшую в свет в 1916 г., Блок подарил Ольденбургу<sup>14</sup>.

Эти заочные встречи во многом определили характер отношений Ольденбурга и Блока, их содружество последних четырех лет, вплоть до кончины поэта.

<sup>6</sup> Подробнее см.: Азадовский М. С. Ф. Ольденбург и русская фольклористика // Сергею Федоровичу Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности: Сб. статей. Л., 1934. С. 25—35.

<sup>7</sup> См. прекрасную статью К. А. Кумпан «Александр Блок — выпускник Университета» (Изв. Академии наук СССР. Сер. литературы и языка. 1983. Т. 42, № 2. С. 163—178).

<sup>8</sup> Энцикл. словарь / Брокгауз и Ефрон. 1906. Т. 2 (доп.). С. 343.

<sup>9</sup> Бонгард-Левин Г. М. Индологическое и буддологическое наследие С. Ф. Ольденбурга // С. Ф. Ольденбург: Сб. статей. М., 1986. С. 29—45.

<sup>10</sup> ЗК. С. 245.

<sup>11</sup> Там же. С. 378.

<sup>12</sup> Новый энцикл. словарь. 1916. Т. 29. Стб. 471.

<sup>13</sup> ЗК. С. 245.

<sup>14</sup> Книга была подарена в апреле 1918 г. с надписью: «Глубокоуважаемому Сергею Федоровичу Ольденбургу от преданного ему составителя» (Александр Блок: Новые материалы и исследования // Лит. наследство. М., 1982. Т. 92, кн. 3. С. 110—111).



Понятно, что вначале взаимоотношения поэта и ученого — людей разных по возрасту, политическим взглядам и общественному положению были непросты, их позиции во многом несхожи, иногда — противоположны. Поэт, охваченный «вихревым движением», такого таланта и вдохновения, что «плечи сутулые гнулись от крыл» (М. Цветаева), — и представитель старой академической школы, к которой Блок относился с явным предубеждением. «Противно профессорье», — писал он еще в 1912 г.<sup>15</sup> По свидетельству Е. Книпович, понятие «профессор» имело для Блока отрицательное значение, близкое, пожалуй, к понятию «кадет». У поэта вызывало чувство досады существование разрыва «между огромным объемом знаний и академической косностью или даже тупостью в восприятии искусства»<sup>16</sup>. Ольденбург, как известно, был не только профессором, но и представлял кадетскую партию в Чрезвычайной комиссии, где они впервые и встретились.

Вот некоторые из записей Блока, относящиеся к первому периоду его встреч с Ольденбургом. 19 мая 1917 г. — «Разговор с Ольденбургом (все диаметрально противоположно: он „позитивист“)»<sup>17</sup>, 12 июля 1917 г.: «Вчера мне пришлось высказать Ольденбургу, что, в сущности, национализм, даже кадетизм — мое по крови, и что стыдно любить „свое“»<sup>18</sup>; 17 июля 1917 г.: «Ольденбург кадет и из военной семьи»<sup>19</sup>; а за день до этого: «Я уже не могу бунтовать против кадет... это временно, надеюсь... мне стыдно было бы быть с ними»<sup>20</sup>.

Споры продолжались и после того, как между Блоком и Ольденбургом установились более тесные, доверительные отношения. Показательны записанные Блоком в дневнике от 5 января 1918 г. возражения Ольденбургу по вопросам культуры и отношения к буржуазной интеллигенции<sup>21</sup>. Уже при первых встречах поднимались важные проблемы, например, о духовном наследии прошлого. При их обсуждении проявлялись разные позиции поэта и ученого<sup>22</sup>.

Призыв в армию и возвращение из инженерно-строительной дружины, работа в Чрезвычайной следственной комиссии, участие в расследовании показаний высших деятелей царской администрации — все это было новой полосой в жизни поэта, меняло его взгляды; иным становился и круг друзей и знакомых.

Лето 1917 г. было для Блока периодом серьезных душевных переживаний, «под тягостным впечатлением внешних событий он

---

<sup>15</sup> Блок А. Собрание сочинений. М.; Л., 1963. Т. VIII. С. 131.

<sup>16</sup> Книпович Е. Об Александре Блоке // Вопр. литературы. 1980. № 10. С. 141.

<sup>17</sup> ЗК. С. 333.

<sup>18</sup> Блок А. Собрание сочинений. М.; Л., 1963. Т. VIII. С. 279.

<sup>19</sup> ЗК. С. 378.

<sup>20</sup> Блок А. Собрание сочинений. М.; Л., 1963. Т. VII. С. 284.

<sup>21</sup> Там же. С. 506.

<sup>22</sup> Бабенчиков М. В. Отважная красота // Александр Блок в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 2. С. 171.

часто бывал в удрученном состоянии»<sup>23</sup>, его нередко одолевали мысли о творческом бездействии, «хандрил, замыкался в себе, всячески избегал встреч с посторонними людьми»<sup>24</sup>. «Одиночество», — записывает Блок в дневнике 19 июня; «нервы расстроены»; 24 июня — «вдруг — несколько минут — почти сумасшествие (какая-то совесть, припадок, как было в конце 1913 г., но острее), почти невыносимо»; 4 июля — «как я устал от государства, от его бедных перспектив, от этого отбывания воинской повинности в разных видах. Неужели долго или никогда уже не вернуться к искусству?»<sup>25</sup> В этих условиях встреча с Ольденбургом имела для Блока особую значимость. Рядом был не только выдающийся ученый, но «очень милый и простой человек» (в письме к матери от 12 июля 1917 г.)<sup>26</sup>, каждая встреча с ним была запоминающейся и значимой. «... На возвратном пути меня заговаривал С. Ф. Ольденбург. Бывают же такие дни» (запись в дневнике от 10 июля 1917 г.)<sup>27</sup>.

То, что разъединяло поэта и ученого, было значительно слабее того, что их связывало и объединяло. Творческий полет, высокая гражданственность, вера в будущее России, патриотизм и интернационализм, стремление сохранить лучшее из духовных ценностей прошлого, и вместе с тем — непримиримость ко всему омертвевшему, отжившему, сдерживающему прогресс и развитие; вызревание четкой политической позиции — «в крылатый и грозный час истории»<sup>28</sup>. Вспомним ответ Блока на анкету (14 января 1918 г.): «Может ли интеллигенция работать с большевиками?» — «Может и обязана»<sup>29</sup>; его призыв: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию»<sup>30</sup>. Вскоре после Октября Ольденбург старался привлечь к работе Академии старые кадры научной интеллигенции<sup>31</sup>. И, конечно, двух этих людей связывала общность многих творческих интересов и исканий — литература, переводческая деятельность, фольклор, искусство, театр, стремление к развитию национальной культуры для блага будущего общества.

Ольденбург был исследователем А. Н. Веселовского (работы которого штудировал и рецензировал Блок), много занимался русской народной сказкой, вместе с акад. А. А. Шахматовым наблюдал за печатанием «Сборника великорусских сказок». Вслед за Веселовским и А. Н. Пыпиным, известным историком литературы, труды которого знал и ценил Блок, Ольденбург поставил одну из важнейших проблем русской фольклористики и литературоведения — о взаимоотношении устного предания и книжной

<sup>23</sup> Там же. С. 167.

<sup>24</sup> Там же. С. 168.

<sup>25</sup> Блок А. Собрание сочинений. Т. VII. С. 265, 266, 268, 274.

<sup>26</sup> Там же. Т. VIII. С. 506.

<sup>27</sup> Там же. Т. VII. С. 278.

<sup>28</sup> Там же. С. 26.

<sup>29</sup> Там же. С. 8.

<sup>30</sup> Там же. С. 20.

<sup>31</sup> Подробнее см.: Ленин и Академия наук. М., 1969.

письменности. Блок серьезно интересовался исследованиями Ольденбурга, в частности, по русским народным сказкам. Показательно, что в библиотеке поэта сохранился оттиск рецензии Сергея Федоровича «Собрание русских народных сказок в последнее время»<sup>32</sup>. Эту работу, судя по многочисленным пометкам, Блок детально изучал<sup>33</sup>.

Можно полагать, что, встретившись с Блоком, Ольденбург старался познакомить поэта с восточной культурой, поставить перед ним проблему культурного взаимоотношения Запада и Востока, решению которой Сергей Федорович придавал исключительное значение. Ольденбург в течение всей своей творческой жизни последовательно отстаивал концепцию единства всемирно-исторического процесса; отмечая специфику Востока, он защищал тезис об общечеловеческих законах исторического развития. В 1915 г. в журнале «Русская мысль», где тогда печатался и Блок, Ольденбург в статье, посвященной юбилею Г. Н. Потанина, с сожалением отмечал, что для западного человека долгие столетия Восток «был только страной сказочных чудес, чуждою, дикою и странною»<sup>34</sup>, что о глубинных связях культур Востока и Запада знают пока немногие, хотя необходимо проникновение в мир Востока как одного из составных звеньев общечеловеческой культуры. Ольденбург считал неотложной задачей исследование богатства «духовной жизни Востока, создавшего мировые религии, стройные философии, бессмертные памятники литературы и искусства»<sup>35</sup>. Уже в первый период знакомства Блока и Ольденбурга восточная литература стала одной из тем их разговоров, обсуждений, споров. Именно Ольденбург ввел Блока в богатый, но недостаточно известный тогда поэту мир Востока, познакомил, например, с творчеством великого древнеиндийского драматурга Калидасы. Об этом свидетельствуют записи в дневнике Блока и его пометки на сохранившихся книгах, из которых по индийской тематике большинство было подарено Ольденбургом.

Вот одна из наиболее интересных записей — 12 июля 1917 г.: «Вступление к драмам Калидасы — восточная поэзия вообще требует творчества читателя гораздо больше, чем западная (Ольденбург), она как бы требует усилия от желающего насладиться ею»<sup>36</sup>. Речь идет о вступительном очерке Ольденбурга «Несколько слов о Калидасе и о сущности индийской поэзии» к книге «Калидаса. Драммы» (Пер. К. Бальмонта. М., 1916). Блок точно передал мысли ученого, почти текстуально. Смысл этой дневниковой записи проясняется не только пометками Блока на сохранившейся в его библиотеке указанной книге<sup>37</sup>, но и надписью на полях

<sup>32</sup> *Ольденбург С. Ф. Собрание русских народных сказок в последнее время* // ЖМНП. Нов. сер. 1916. Т. 64, № 8. Отд. 2. С. 296—322.

<sup>33</sup> Библиотека Блока: Описание. Л., 1985. Кн. 2. С. 180.

<sup>34</sup> *Ольденбург С. Ф. «Не довольно»* // Рус. мысль. 1915. Кн. XI. С. 2.

<sup>35</sup> Там же.

<sup>36</sup> *Блок А. Собрание сочинений*. Т. VII. С. 279.

<sup>37</sup> Библиотека Блока: Описание. Кн. 2. С. 3.



с. VIII: «Разговор с С. Ф. О. летом 1917 г. в З. Дв.» Эта надпись «сопровождает» текст Ольденбурга, смысл которого передан в дневнике. К сожалению, на книге нет дарственной надписи и нельзя установить, была ли книга подарена Блоку Ольденбургом. Но надпись — свидетельство того, что уже летом 1917 г., в период совместной работы в Чрезвычайной следственной комиссии в Зимнем дворце, они обсуждали проблемы, связанные со спецификой восточной словесности и ее пониманием человеком Запада. Тему этих разговоров помнил Блок, когда он внимательно («с карандашом в руке») изучал вступительную статью Ольденбурга.

Проходит полгода, и Блок вновь возвращается к Калидасе, но уже в совершенно иной обстановке и в связи с другими событиями — в январе 1918 г. Конец 1917—начало 1918 г. — время необыкновенного творческого подъема поэта: Блок завершает статью «Интеллигенция и революция», пишет «Двенадцать» и «Скифов». Работа над этими произведениями совпала с серьезными политическими событиями, одним из которых был срыв Брестских переговоров. Запись в дневнике от 11 января 1918 г. — непосредственная реакция Блока на происходившие события и отражение той позиции, которая наиболее ярко запечатлена затем в «Скифах». Именно в эти дни он вновь возвращается к Калидасе, вспоминает некоторые сюжеты из вводного очерка Ольденбурга.

«Дневники», «Записные книжки» поэта свидетельствуют о постоянном и творческом общении Блока с Ольденбургом. Вот, например, запись от 12 марта 1918 г.: «письмо от С. Ф. Ольденбурга (о „Двенадцати“!)»<sup>38</sup>. Прочитав поэму, Ольденбург направил письмо, которое сохранилось в архиве Блока, с карандашной пометкой поэта: «Получено 12.III (27.II) 1918». Текст письма передает истинный характер взаимоотношений Блока и Ольденбурга. Следует вспомнить, что письмо было послано в период, когда даже некоторые из друзей поэта резко критиковали его позицию, открыто выступали против «Двенадцати» и, говоря словами Блока, даже «не подавали руки». Приведем лишь некоторые строки из письма Сергея Федоровича: «Вчера случайно имел возможность прочитать Вашу поразительную поэму „Двенадцать“. . . То, что создали Вы, так удивительно, так дивно прекрасно, что мой глаз не может перечесть этих граней, которые блещут, сверкают, так их много. . .»<sup>39</sup>.

21 марта Блок при личной встрече обсуждает с Ольденбургом «Двенадцать»<sup>40</sup>, 26 марта Ольденбург дарит свою работу по буддийской иконографии<sup>41</sup>, в начале апреля Блок посылает ему свои

<sup>38</sup> ЗК. С. 354.

<sup>39</sup> ЦГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Д. 354. Л. 1—1 об.; см. также: Александр Блок: Новые материалы и исследования // Лит. наследство. Т. 92, кн. 3. С. 111.

<sup>40</sup> ЗК. С. 396.

<sup>41</sup> Ольденбург С. Ф. Материалы по буддийской иконографии Хара-хото (образцы тибетского письма) // Материалы по этнографии России. СПб., 1914. Т. 2. Надпись на форзаце: «Глубокоуважаемому и дорогому Александру Александровичу Блоку от его искреннего почитателя и читателя».

книги <sup>42</sup>, 8 апреля поэт, очевидно, встречается с Ольденбургом в Академии наук, и они обсуждают его статью «Последние дни императорской власти» <sup>43</sup>, 11 апреля получает стихотворение Ольденбурга «Мертвые», написанное в подражание «Двенадцати» <sup>44</sup>, 28 мая секретарь Ольденбурга С. А. Рыжкова передает Блоку важное уточнение, сделанное академиком к тексту «Скифов» <sup>45</sup>. Позднее Блок получает в дар от Ольденбурга многие его работы <sup>46</sup>, а когда пишется «Рамзес», то Ольденбург его читает, дает советы и затем одобряет <sup>47</sup>.

Особенно сблизила Блока и Ольденбурга совместная работа в организованной Горьким «Всемирной литературе» <sup>48</sup>. Поэт вошел в редакционную коллегию экспертов, академик-востоковед (и это весьма показательно) был включен и в список писателей (очевидно, как литературовед, фольклорист и переводчик) и возглавил Восточную коллегию издательства, членами которой были также академик Н. Я. Марр, проф. И. Ю. Крачковский и проф. В. М. Алексеев (впоследствии академики). По образному выражению Ольденбурга, это был литературный интернационал <sup>49</sup>. «Словесность чуть не каждой страны имела в этой коллегии своих представителей. Индусы были представлены академиком Ольденбургом. Арабы — академиком Крачковским. Китайцы — академиком Алексеевым. Монголы — академиком Владимирцовым. . . Александр Блок вместе с другими двумя профессорами-германистами ведал германской словесностью» <sup>50</sup>, — писал в своих воспоминаниях К. И. Чуковский. Для Блока это было не только время

---

<sup>42</sup> ЗК. С. 398. 3 апреля дарит том стихотворений Ап. Григорьева.

<sup>43</sup> Там же. С. 398 (от 12 апреля): «В Академии наук. В первой части моей статьи, — говорит С. Ф. Ольденбург, — надо коснуться нескольких слов, нарушающих общий летописный тон».

<sup>44</sup> Там же: «С. Ф. Ольденбург прислал мне свое стихотворение в прозе по поводу „Двенадцати“. Текст стихотворения хранится в ЦГАЛИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 354. Л. 3—4 (на первом листе: «Посвящается поэту Александру Блоку»; в качестве эпиграфа четверостишие З. Гиппиус: «Живите звуков сочетанья, И повторяйтесь без конца Вы, сердца смертного созданья, Сильнее своего творца»). Эта мысль была повторена Ольденбургом в некрологе на смерть Ал. Блока «Не может сердце жить покоем» (Начала. 1921. № 1. С. 13).

<sup>45</sup> ЗК. С. 409.

<sup>46</sup> Две из них имеют дарственные надписи С. Ф. Ольденбурга: «Жизнь Будды Индийского учителя Жизни. Лекция академика С. Ф. Ольденбурга, читанная при открытии Первой буддийской выставки в Петербурге 24 августа 1919 г. Пг., 1919» (надпись на титульном листе: «Многоуважаемому и дорогому Александру Александровичу Блоку от читателя и почитателя С. Ф. Ольденбурга»); «Первая Буддийская выставка в Петербурге. Очерк». Пб., 1919 (надпись на титульном листе: «Дорогому Александру Александровичу Блоку от искренне ему преданного Сергея Ольденбурга на память об общей работе и о долгих спорах»).

<sup>47</sup> ЗК. С. 481.

<sup>48</sup> А. М. Горький — организатор издательства «Всемирная литература» // Ист. арх. 1958. № 2.

<sup>49</sup> Правда. 1928. 29 марта; ср.: ЦГАЛИ. Ф. 140. Оп. 1. Д. 210. Л. 11.

<sup>50</sup> М. Горький в воспоминаниях современников. М., 1955. С. 568.

напряженной писательской и организационной деятельности, но вместе с тем трудным периодом душевных потрясений и творческих разочарований.

После зимы 1918/1919 г. «страшные дни» обступили его. Он видел их в прошлом, он предвидел их в будущем. . . «И тихо, тихо, но беспощадно, — писал друг Блока Р. В. Иванов-Разумник, — въедалась в душу поэта беззвездная тоска»<sup>51</sup>. По словам самого Блока, 1919 г. был особенно трудным. «Нам живущим в эти годы, выпало на долю самим пережить то, о чем читали в книгах. Всякий из нас знает, всякий испытал, что эти этапы революции странно было бы нам звать просто интересными, просто любопытными. . . они потрясающи; они изнашивают и изматывают слабые души до конца, и они — будем в это верить — воспитывают и закаляют души сильных»<sup>52</sup>.

Блок глубоко и болезненно переживал возникавшие у него споры с Горьким во «Всемирной литературе». 25 марта Блок выступил во «Всемирной литературе» с докладом о Гейне. «Вчера — большой день, — пишет Блок в дневнике. — Я прочел доклад о Гейне (положение дела с переводами его), затронув в нем тему о крушении гуманизма и либерализма (во „Всемирной литературе“)»<sup>53</sup>. Выступление Блока вызвало острые споры и возражения; на начало апреля был назначен его специальный доклад о крушении цивилизации. Блок готовился к нему очень напряженно: «День напряженных, нахлынувших мыслей — до изнеможения» (запись от 27 марта<sup>54</sup>), «Весь день пишу доклад. Очень трудно все» (29 марта<sup>55</sup>), «работа над докладом — сплошная и мучительная» (5 апреля<sup>56</sup>). Подготовка к докладу целиком поглотила Блока. Это ясно видно по его подробным дневниковым записям: здесь изложены его сомнения, взгляды, политические установки. Многие идеи Блока вызвали, однако, несогласие Горького. В своих воспоминаниях о Блоке он рассказывал: «Блок, читая, напоминал ребенка сказки, заблудившегося в лесу. . . Верования Блока кажутся мне неясными и для него самого. . . И зачем Блоку „скифство“? Говорить с ним трудно. . . Последнее время я дважды в неделю сижу рядом с ним на редакционных собраниях „Всемирной литературы“ и нередко спорю. . .»<sup>57</sup>. Против Блока высказались и некоторые другие участники дискуссии.

---

<sup>51</sup> Александр Блок: Новые материалы и исследования // Лит. наследство. М., 1981. Т. 92, кн. 2. С. 379—380.

<sup>52</sup> Блок А. Собрание сочинений. М.; Л., 1962. Т. VI. С. 390.

<sup>53</sup> Там же. Т. VII. С. 355—356.

<sup>54</sup> ЗК. С. 454.

<sup>55</sup> Там же.

<sup>56</sup> Там же. С. 455.

<sup>57</sup> А. Блок в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 2. С. 328. Подробнее см.: Блок и Горький. К истории личных и творческих отношений Блока и Горького: Статья и публикация А. М. Крюковой // Александр Блок: Новые материалы и исследования. Лит. наследство. М., 1987. Т. 92, кн. 4. С. 233—263.



22 марта 1919 г. Блок записывает: «Работа, работа. Усталость»<sup>58</sup>. Именно в этот день напряженнейшей подготовки к докладу Ольденбург посылает Блоку письмо. В нем можно увидеть ободрение, поддержку близкого по духу человека, у которого дни «напряженных, нахлынувших мыслей — до изнеможения». Вот строки из этого письма: «Как только получил дорогие мне „Двенадцать“, хотел написать Вам — я вновь перечел и, как всегда бывает с сильною и хорошею вещью, перечувствовал ее опять во многом по-другому, но в основном, чувствую, по-прежнему, и потому мне именно эта вещь и кажется такою сильною и яркою. Мне кажется, что она скажет будущим поколениям о той внутренней смерти того, что многим казалось живым и в чем жизни не было и нет. Хотел написать Вам много, но день идет за днем непрерывающейся работы и нет того тихого часа, который нужен для такого письма. Поэтому говорю только — большое спасибо»<sup>59</sup>. В письме ясно видна солидарность с идеями Блока, выраженными в его докладе, на котором Ольденбург присутствовал, — о неотвратимой смерти старой цивилизации, многим казавшейся незыблемой, о приходе эпохи нового движения — движения масс. И вместе с тем сопереживание ритма напряженной работы, даже без тихого часа для необходимого письма. Такая трактовка письма Ольденбурга помогает понять один любопытнейший «документ», который сохранился в архиве Блока. На отдельном листке бумаги рукой Ольденбурга написано стихотворение и внизу приписка, сделанная Блоком: «С. Ф. Ольденбург передал мне 20 января 1920 г. Трогательно, что он занят этим среди всех своих дел»<sup>60</sup>.

«Друг, посмотри, как в равнине небесной  
Дымные тучки плывут под луной.  
Вижу, прорезал эфир бестелесный  
Свет ее яркий, душевный, живой!

Надо смотреть в это звездное море,  
Надо стремиться к далекой луне!]  
Много и счастья в житейском просторе,  
Много и жару в сердечном огне!

Месяц приветный лучами ответит,  
Звезды достигнуть достаточно сил!  
Холод смертельный лишь здесь тебя встретит  
В темной стране твоих темных могил. . .»

Этот текст во многом повторяет стихотворение Блока, написанное еще в 1898 г., но впервые напечатанное в 1919 г.<sup>61</sup>, хотя «пе-

<sup>58</sup> ЗК. С. 453.

<sup>59</sup> ЦГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 354. Л. 3—4.

<sup>60</sup> Там же. Л. 8.

<sup>61</sup> Записки мечтателей. 1919. № 1. С. 74—75. В Приложениях к новым материалам о Блоке это стихотворение ошибочно названо стихотворением Ольденбурга (Александр Блок: Новые материалы и исследования // Лит. наследство. Т. 92, кн. 3. С. 111).

ределки» Ольденбурга изменили общий настрой юношеского произведения Блока, по-другому расставили акценты, слова наполнились новым смыслом: вместо бледного, бездушного, пустого света — яркий, душевный, живой; вместо «полно стремиться» — «надо стремиться», вместо «мало ли счастья» — «много и счастья», и, наконец, вместо «месяц холодный тебе не ответит», «звезд отдаленных достигнуть нет сил» — слова, вселяющие веру в силу мысли и сердечный огонь. И вместе с тем понимание душевного состояния поэта.

Конец 1919 — начало 1920 г. — трудная полоса в жизни Блока. В ноябре — доклад о крушении гуманизма, новые споры, и возражения, напряженная работа над «Рамзесом», подготовка переводов Гейне, составление проектов «исторических картин», активное сотрудничество во «Всемирной литературе». . . . Особенно остро переживал поэт свои «творческие остановки», с горечью говорил о себе — «писать стихи забывший Блок»<sup>62</sup>. Угнетали его житейские и семейные трудности. Вот некоторые записи тех дней: «. . . едва подавляю тоску», «тяжело, как будто кто-то сглазил», «не знаю, чем помочь маме», «до каких пределов дойдет отчаянье?». Ольденбург каким-то особым чувством распознавал душевное состояние Блока, старался помочь ему. 20 января, очевидно, во время заседания «Всемирной литературы», он передал Блоку «свое» стихотворение. 20 января: «„Всемирная литература“ . . . „щекотливое“ заседание „Всемирной литературы“. — Франц серьезно заболел»<sup>63</sup>. Отношение Ольденбурга было дорого Блоку, глубоко тронуло его: «Трогательно, что он занят этим среди всех своих дел». Поэт знал об исключительной занятости Непременного секретаря Академии, директора Азиатского музея, председателя Восточной коллегии «Всемирной литературы», председателя Комиссии по изучению племенного состава населения России, Сказочной комиссии Российского Географического общества, Совета книжной печати и т. д. И, конечно, понимал, что переделанное стихотворение было не шуткой<sup>64</sup> академика, простой тягой к рифме. Это была поддержка поэту, который в последний день уходящего 1919 г. записал: «безвыходность»<sup>65</sup>. Был, очевидно, особый смысл и в выборе стихотворения из цикла, посвященного матери. Судя по «Записным книжкам», в те дни поэт глубоко переживал тяжелую болезнь отчима и непросто складывавшиеся отношения с матерью, которую горячо любил. Но на-

<sup>62</sup> Блок А. Собр. соч.: В 12 т. Л., 1932. Т. IV. С. 235.

<sup>63</sup> ЗК. С. 486. Франц — отчим Блока — Ф. А. Кублицкий-Пиоттух.

<sup>64</sup> Участники заседаний не раз обменивались шутливыми записками, забавными стихами. Писал пародии, участвовал в «Чукоккале» и Блок (Из дневника К. И. Чуковского // Александр Блок: Материалы и исследования. Т. 92, кн. 2. С. 251); 20 января 1920, т. е. в тот же день, что и Ольденбург, передал Блоку стихотворную шуточную записку Н. О. Лернер (известный пушкинист, литератор) (Александр Блок: Новые материалы и исследования // Лит. наследство. Т. 92, кн. 3. С. 98).

<sup>65</sup> ЗК. С. 484.

писанные в 1898 г. и посвященные матери слова: «Друг, посмотри. . .» — в 1920 г. говорились уже от лица Ольденбурга и, очевидно, были обращены к самому Блоку. Друзья поэта, в том числе и Ольденбург, видели, что прерывалась «бесконечная песня», а «песня были его жизнью» <sup>66</sup>.

В 1921 г. уже после смерти Блока Ольденбург с горечью писал: «Мы виноваты в том, что не сумели спасти эту дивную молодую жизнь, когда ее можно было спасти» <sup>67</sup>. Ольденбург старался помочь Блоку, но, «чтобы спасен он был весь, со всею своею душою, для этого нужно было чудо» <sup>68</sup>. Чуда не произошло. И одна из причин этого, быть может, выражена в словах А. В. Луначарского: «Мы не сумели вовремя пойти навстречу Блоку, принять его в свою среду, приласкать, обогреть» <sup>69</sup>.

20 марта 1920 г. после острого спора с Блоком на заседании «Всемирной литературы» Горький сказал К. И. Чуковскому: «Вот наши писатели. Ничего не могут! Ничего. Нет, Корней Иванович, ученые лучше. Вот мы вчера заседали здесь — это люди! Ферсман, Ольденбург, Пинкевич» <sup>70</sup>.

Противопоставление Блока Ольденбургу не соответствовало фактам. Более того, именно отношения Блока и Ольденбурга, особенно в тот период, были очень близкими, доверительными, глубоко уважительными. Сотрудничество поэта и ученого было истинным содружеством муз.

О таком союзе говорил и писал Владимир Терентьевич Пашуте. . .

Жаль, что ему осталось неизвестным стихотворение, которое пролежало в архиве Блока более 65 лет и впервые сейчас публикуется. Я мог бы ему тогда прочесть: «Друг, посмотри. . .» Но теперь его прочитает самый близкий и верный друг Владимира Терентьевича — Наталья Александровна Тарасевич.

---

<sup>66</sup> Из дневника К. И. Чуковского. С. 257.

<sup>67</sup> Ольденбург С. Ф. «Не может сердце жить покоем». С. 14.

<sup>68</sup> Там же.

<sup>69</sup> См. предисловие А. В. Луначарского к кн.: Зозуля Е. Встречи. М., 1927. С. 5.

<sup>70</sup> Из дневника К. И. Чуковского. С. 251. Академик А. Е. Ферсман и проф. А. П. Пинкевич были приглашены Горьким для помощи в организации при «Всемирной литературе» отдела книг по естественным наукам.



# АНТИЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА

---

*М. В. Скржинская*

## МИФЫ О ГЕРАКЛЕ В СКИФИИ

Геракл — один из популярнейших героев греческой мифологии. Древнейшие варианты мифов о нем существовали уже в крито-микенскую эпоху и были связаны с Фивами и Тиринфом<sup>1</sup>. На протяжении всей античности рассказы о подвигах Геракла были хорошо известны любому эллину.

Основывая колонии в разных частях Средиземноморья и Причерноморья, греки не только приносили туда фольклорную традицию своей родины, но на ее основе сочиняли новые мифы и включали различные страны и народы в определенные отношения с собственной историей мифических времен. Цикл рассказов о подвигах Геракла давал особо благодатную почву для рождения сказаний о его пребывании в различных странах. Ведь по велению Еврисфея, царя Тиринфа, герой должен был отправляться в самые отдаленные земли, то добывая волшебные яблоки Гесперид, то захватывая чудесных коров Гериона, то преследуя керинейскую лань. По мере расширения географического горизонта эллинов странствия Геракла захватывали все более отдаленные страны. В их число была включена и Скифия. Это произошло в VI в. до н. э., когда греки стали интенсивно осваивать северные берега Понта и по соседству со скифами основали колонии в устьях крупнейших рек (Истрия, Тира, Березань, Ольвия) и на Керченском проливе (Пантикапей, Нимфей, Мирмекий, Фанагория, Германасса и др.).

Цель предлагаемого анализа мифов о Геракле состоит в том, чтобы восстановить взгляды эллинов на историю заселения Северного Причерноморья местными племенами и греческими колонистами, а также показать место Скифии в эллинском фольклоре. Выбор цикла о Геракле обусловлен лучшей его сохранностью по сравнению с другими циклами мифов, локализовавшихся в Скифии.

Керинейская лань, которую Геракл должен был живой доставить Еврисфею, обитала в горах Аркадии, и первоначально преследование ее естественно ограничивалось этими горами. Но затем

---

<sup>1</sup> Nilsson M. The Mycenaean Origin of Greek Mythology. Los Angeles, 1972. P. 189—220.

народная фантазия заставила героя целый год гоняться за ланью и зайти далеко на север. В VI—V вв. до н. э. Скифия была крайней известной северной страной, далее которой, как полагали древние, жили гипербореи. О посещении Гераклом этих земель упомянул Пиндар в третьей Олимпийской оде (стихи 13—16, 25—27); миновав многие страны, Геракл, преследуя лань, достиг «тенистого Истра» и страны гиперборейцев, «лежащей за спиной ледяного Борея». Античный комментатор Пиндара (Schol. Pind., Ol., III, 26, 33) прямо написал, что Геракл гнался за ланью по Скифии.

В стране гиперборейцев Гераклу пришлось побывать и во время исполнения другого подвига, когда он разыскивал яблоки Гесперид. В версии мифа, записанной в «Библиотеке Аполлодора» (II, 5, 11), Геракл шел через Кавказские горы и там освободил Прометея; гора же, к которой был прикован Прометей, находилась в Скифии (I, 7, 1). Миновав Скифию, герой перешел Рипейские горы и попал в страну гиперборейцев. Там стоял Атлант, поддерживая небесный свод; он достал для Геракла заветные яблоки, переложив на время небосвод на плечи героя (II, 5, 11).

В перечисленных мифах места, где побывал Геракл, названы очень обобщенно Скифией. Более определенно в Северном Причерноморье локализовалась битва Геракла с амазонками. Она произошла из-за пояса царицы амазонок, который Геракл должен был принести дочери Еврисфея, царевне Адмете.

Чаще всего рассказывали о сражении Геракла с амазонками на их родине у р. Термодонт (Apollo., Bibl., II, 5, 9). Но после того как стало популярным предание о происхождении савроматов от браков скифов с амазонками (Her., IV, 110—116), действие мифа было перенесено в земли савроматов на берега Меотиды. Такую версию изложил Еврипид в трагедии «Геракл» (стихи 408—419).

|                      |                          |
|----------------------|--------------------------|
| Через бездну Евксина | Он у варварской девы,    |
| К берегам Меотиды    | У Ареевой дщери          |
| В многоводные степи  | Златоконный пояс         |
| На полки амазонок    | В поединке отбил.        |
| Много воинов славных | Средь сокровищ микенских |
| За собой он увлек.   | Он висит и поныне.       |
| Там в безумной охоте |                          |

*Перевод И. Аннинского*

В рассматриваемых мифах ясно просматривается широко известная тенденция фольклора относить действие в далекую, почти неведомую страну, на край света, где на границе реального и потустороннего мира живут сказочные народы (гиперборейцы, амазонки) и растут удивительные деревья (яблони с золотыми яблоками). Стремление фольклора к реальности рассказа выразилось в обозначении конкретной страны Скифии, северные пределы которой терялись в неизвестности на протяжении всей античности.

Распространившееся в греческой мифологии представление о походах Геракла через Скифию нашло благодатную почву для сложения мифов о герое в среде греческих колонистов Северного Причерноморья. К V в. до н. э. они уже определенно связывали с посещением героя два пункта в Скифии: р. Тирас (совр. Днестр) и Гилею, лесную область в Нижнем Поднепровье. К общегреческим мифам северопричерноморские были присоединены как эпизод странствий Геракла по пути на родину с коровами Гериона (Нер., IV, 8).

Герой оказался в Скифии, которая еще никем не была заселена. Укутавшись из-за стужи в свою львиную шкуру, Геракл заснул, и в это время из его колесницы таинственным образом пропали кони. Геракл разыскивал их по всей Скифии и, наконец, пришел в Гилею. Там в пещере он увидел удивительное существо: наполовину женщину, наполовину змею. Кони оказались у женщины-змеи, и она согласилась отдать их за то, чтобы у нее от Геракла родились дети. Геракл согласился, и таким образом появилось трое братьев: Агафирс, Гелон и младший Скиф. Кони были возвращены, и герой продолжил свой путь. На вопрос змееной девы, как жить его сыновьям, когда они станут взрослыми, Геракл предложил провести испытание: натянуть его лук и опоясаться его поясом. На родине может остаться лишь тот, кто выдержит испытание. Успех сопутствовал только младшему, а старшим пришлось уйти. Все трое стали родоначальниками народов: младший — скифов, а старшие — западных и восточных соседей скифов — агафирсов и гелонов.

По свидетельству Геродота (IV, 82), греки показывали след Геракла, на скале у р. Тирас. По-видимому, считалось, что герой оставил отпечаток ступни во время блужданий по Скифии в поисках пропавших коней. Не исключено, конечно, что со следом на скале был связан какой-то совершенно неизвестный нам рассказ о Геракле в Скифии.

Изложенный миф подробно записан в «Истории» Геродота (IV, 8—10). Это показывает, что он сложился в ранний период существования греческих колоний в Северном Причерноморье. Историк дважды подчеркнул, что он сообщает рассказ понтийских греков (IV, 8 и 10 — ταῦτα δὲ Ἑλλήνων οἱ τὸν Πόντον οἰκέοντες λέγουσι). Даже само повествование не ведется от лица автора, а представляет речь этих греков, введенную с помощью оборота *accusativus cum infinitivo*. Анализ текста показывает, сколь близка к устному источнику запись Геродота, а некоторые ее детали говорят о том, что это — ольвийский вариант мифа.

Историк сохранил постоянно встречающуюся в фольклорных произведениях прямую речь героев. Между словами змееной девы и Геракла стоит фраза, характерная для устного неторопливого повествования: τὴν μὲν δὴ ταῦτα ἐπειρωτᾶν, τὸν δὲ λέγουσι πρὸς ταῦτα εἰπεῖν (Нер., IV, 9 — «так вот она обратилась к нему с таким вопросом, а он, как говорят, на это ответил»).



Чисто фольклорная деталь — упоминание о двух луках у Геракла<sup>2</sup>; он оставляет для испытания сыновей свой лук, и тут же рассказчик, подумав о том, что герой не может продолжить путь безоружным, вставляет наивное объяснение: до сих пор Геракл носил два лука.

Пристрастие фольклора к наглядным образам побуждает изобразить укутавшегося в львиную шкуру Геракла, когда он спит в холодной Скифии. О том, что Геракл не расставался со шкурой убитого им в юности киферонского льва, можно судить по его многочисленным изображениям с этим атрибутом на вазах VI—V вв. до н. э.

В фольклорных рассказах для придания им достоверности нередко указываются конкретные географические пункты, хорошо известные слушателям. В данном случае встреча Геракла и змееной девы происходит в Гилее, местности, хорошо знакомой ольвиополитам, но не имевшей живого смысла для слушателей в других городах Северного Причерноморья. Вывод о том, что Геродот получил в Ольвии основную информацию о Скифии<sup>3</sup>, а также упоминание о Гилее свидетельствует о записи мифа из уст ольвиополитов.

Геродот не случайно написал, что предание существует вообще у ионийских греков, а не только у ольвиополитов. Упоминание этого сюжета у Диодора Сицилийского (II, 43), Помпония Мелы (II, 11) и в надписи римского времени (SIG XIV, 1393 A) говорит о разных вариантах мифа. Например, в эпитафической версии названы только два сына Геракла — Агафирс и Скиф. Устный источник такой версии, наверное, сложился в колониях Северо-Западного Причерноморья, для которых в реальности существовали контакты с агафирсами и скифами, гелоны же были малоизвестны.

В мифе ясно обозначается стремление связать мифическую историю эллинов и происхождение соседей причерноморских колоний. Сходная тенденция известна из мифов о соседях понтийских греков, основателях почти всех колоний в Северном Причерноморье. Родоначальником персов считался Перс, сын Персея и Андромеды, а мидян — сын Эгея и Медеи (FHG, I, Hell., fr. 159). Таким образом, в преданиях колоний наблюдается развитие мотива, известного в мифах метрополии: наивное желание вывести название народа из искусственно реконструированного имени его родоначальника, ведущего происхождение от греческого героя. Мифическое объяснение происхождения трех неродственных народов (агафирсов, гелонов и скифов) — плод творчества греков, а не заимствование из фольклора местных племен. Ведь этногенетические предания самостоятельны у каждого народа и складываются в одноэтничной среде<sup>4</sup>. Греки же создали один миф о происхо-

<sup>2</sup> Доватур А. И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957. С. 154.

<sup>3</sup> Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. С. 383.

<sup>4</sup> Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. С. 73.

ждении всех своих ближайших соседей, возведя их к одному общему предку.

Вопрос о вхождении элементов скифского фольклора в миф о Геракле и змееногой деве многократно обсуждался в исследованиях антиковедов и скифологов. При археологических раскопках найдены изображения скифской змееногой богини <sup>5</sup>, а некоторые сюжеты на греческих вазах из драгоценных металлов с изображениями скифов трактуются как иллюстрации мифа о Геракле в Скифии <sup>6</sup>.

Обращаясь к тексту Геродота, современные скифологи развивают мысль Вс. Миллера, который еще в прошлом веке писал, что греки «несомненно только эллинизировали скифское предание, подставив своего Геракла на место соответствующего скифского героя» <sup>7</sup>. Б. Н. Граков утверждал даже, что этим героем был Таргитай, известный из записанной Геродотом скифской этногенетической легенды <sup>8</sup>. Такие крупные исследователи античного фольклора, как В. Клингер, В. Али и И. И. Толстой, видели в мифе о Геракле и змееногой деве сильнейшее влияние скифского фольклора <sup>9</sup>.

Конечно, нельзя отрицать возможность включения в миф некоторых мотивов скифского фольклора, в первую очередь образа змееногой богини, функция которой будет рассмотрена ниже. Однако нам кажется ошибочным разделяемый многими современными исследователями взгляд В. Али, который назвал рассказ Геродота «подлинно скифским мифом, лишь одетым в греческие одежды» <sup>10</sup>. Этому противоречит уже отмеченная выше доминирующая мысль мифа — объяснение происхождения трех неродственных народов от греческого предка. Она ясно показывает, что миф создан греками.

В. Али и И. И. Толстой считали очень важным замечание В. Клингера о том, что Геракл греческих мифов ходит пешком и для него странно иметь повозку, запряженную конями; для кочевников же кони — необходимый атрибут их быта и фольклора, поэтому здесь смело можно различить «скифское происхождение этой саги» <sup>11</sup>. Однако сохранившаяся античная литература представляет греческую мифологию далеко не во всей полноте. Греческие вазописцы, которые лучше нас знали мифы о Геракле, неодно-

<sup>5</sup> Петров В. П., Макаревич М. Л. Скифская генеалогическая легенда // СА. 1963. № 1. С. 23—28; Бессопова С. С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983. С. 93—94.

<sup>6</sup> Раевский Д. С. Указ. соч. С. 30—39.

<sup>7</sup> Миллер В. Экскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892. С. 119.

<sup>8</sup> Граков Б. Н. Скифский Геракл // КСИИМК. М., 1950. Вып. 34. С. 12.

<sup>9</sup> Клингер В. Сказочные мотивы в «Истории» Геродота. Киев, 1903. С. 100; Толстой И. И. Черноморская легенда о Геракле и змееногой деве // Толстой И. И. Статьи о фольклоре. М.; Л., 1966. С. 233—236; Aly W. Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seiner Zeitgenossen. Göttingen, 1921. S. 120—123.

<sup>10</sup> Aly W. Op. cit. S. 121.

<sup>11</sup> Клингер В. Указ. соч. С. 100.

кратно изображали его с конной колесницей<sup>12</sup>. Например, эрмитажная аттическая амфора, где Геракл стоит на колеснице, запряженной четверкой коней, расписана в начале V в. до н. э.<sup>13</sup>, т. е. относится к периоду поздней архаики, когда складывался миф о герое в колониях Северного Причерноморья.

Многие другие детали мифа, которые скифологи толкуют как специфически скифские<sup>14</sup>, могут найти параллели в греческом фольклоре. К ним принадлежит распространенный у многих народов сюжет о состязании трех братьев и получении царства младшим из них<sup>15</sup>. Очень древний обычай отразился в рассказе о женщине, за определенную плату приобретающей себе мужа. Этот мотив можно обнаружить и в греческих мифах об аргонавтах: Медея помогла Ясону добыть Золотое руно в обмен на клятву взять ее в жены (Soph., fr. 315; Apollod., Bibl., 9, 22)<sup>16</sup>.

Испытание сыновей Геракла обычно рассматривается как сюжет скифского эпоса. Действительно, умение пользоваться луком и боевым поясом характеризовало скифского воина. Но натягивание лука и меткая стрельба из него неоднократно упоминается в греческом фольклоре и литературе. На греческих вазах VI—V вв. до н. э. Геракла постоянно изображали с луком, а Эсхил называл его «знаменитейшим лучником» (Prom., 871). В известной с детских лет каждому греку «Одиссее» вся двадцать первая песнь посвящена описанию состязания женихов Пенелопы: ни один из них не сумел даже натянуть тетиву на лук Одиссея.

Не чужд греческой мифологии и сюжет о сыновьях могущественных героев, которых воспитывает одна мать, отец же оставляет какие-то предметы, которыми сын сможет завладеть, проявив незаурядную силу и тем самым доказав свое право на власть. С такой задачей справился, например, Тесей, отвалив огромный камень, под которым его отец Эгей спрятал свой меч и сандалии (Plut., Thes., 3).

Уже высказывалась мысль о том, что миф о встрече Геракла и змееногой богини в Гилее, области програницной, а затем входившей в состав Ольвийского полиса, освещал право эллинов на заселение этого района<sup>17</sup>. Брак Геракла со скифской богиней, по мнению Э. И. Соломоник, нужно рассматривать как священный брак греческого героя, который обосновывал права эллинов на

<sup>12</sup> Vos M. Scythian Archers in Archaic Attic Vase-Painting. Groningen, 1963. P. 39.

<sup>13</sup> Горбунова К. С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1983. С. 104, рис. 75.

<sup>14</sup> В упомянутой выше книге Д. С. Раевского подробно изложена литература вопроса (С. 32—80); автор предлагает также собственную реконструкцию скифского предания.

<sup>15</sup> Thomson S. Motif-Index of Folk Literature. Bloomington, 1957. Vol. 5. P. 6.

<sup>16</sup> Толстой И. И. Указ. соч. С. 238.

<sup>17</sup> Русаева А. С. Священные земли Ольвийского полиса // Тезисы докладов и сообщений. Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему «Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации». Тбилиси, 1979. С. 67.



владение землями в Северном Причерноморье<sup>18</sup>. При таком толковании мифа раскрывается его очень важный для колонистов внутренний смысл, гораздо более глубокий, чем простое усвоение местной мифологии, слегка переработанной греческим сознанием.

Итак, Геродот сохранил сформировавшийся в Северном Причерноморье эллинский миф, в котором все основные моменты рассказа находят параллели в греческом фольклоре, а привлечение местной богини в качестве супруги Геракла и матери родоначальников трех крупнейших племен обосновывало право на обладание землями в Скифии. Мы полагаем, что на родине греческих колонистов существовало предание, по образцу которого был создан анализируемый миф. Греки считали трех братьев Кара, Миса и Лида родоначальниками пограничных с Ионией малоазийских народов карийцев, лидийцев и мисийцев (Нер. I, 171). По этой модели поселившиеся в Северном Причерноморье ионийцы осмыслили происхождение местных племен скифов, агафирсов и гелонов.

В VI—V вв. до н. э. логографы включили действие многих мифов в определенные хронологические рамки, так что мифическая и реальная история непосредственно переходила одна в другую. Считалось, что Геракл жил за одно поколение до Троянской войны. Геродот датировал ее, переводя на современное летосчисление, серединой XIII в. до н. э.<sup>19</sup> Таким образом, греки полагали, что за несколько столетий до вывода колоний на северные берега Понта<sup>20</sup> здесь побывал первый эллин Геракл и его потомки от местной богини заселили необитаемые степи.

*А. В. Назаренко*

## К ЭТИМОЛОГИИ ЭТНОНИМА ΣΚΟΛΟΤΟΙ (Геродот IV, 6)

Название Σκολοτοι упоминается только у Геродота, да и у него только однажды в контексте скифского генеалогического предания (Геродот IV, 5-7): у родоначальника скифов Таргитая было трое сыновей — Липоксай, Арпоксай и младший Колаксай; от них пошли скифские племена (γένεα) авхатов, катиаров, траспиев и паралатов, хотя «все вместе они называются сколоты по имени

<sup>18</sup> Соломоник Э. И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984. С. 13.

<sup>19</sup> Гордезиани Р. В. Изложение преесторических событий у Геродота // Acta conventus XI «Eirene». Ossolineum, 1971. P. 436—440.

<sup>20</sup> Древнейшая греческая колония Борисфен (на о. Березань) основана, согласно хронике Евсевия, в 647/6 г. до н. э. Остальные колонии, по археологическим данным, появляются с рубежа VII—VI вв. до н. э. (Виноградов Ю. Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. М., 1983. Т. 1. С. 366—370).

царя; скифами же называли их греки»<sup>1</sup>. По имени какого царя скифы зовутся сколотами, прямо не сказано. Однако естественно думать, что по имени Колаксай, ибо только его допустило к себе упавшее с небес золото, так что «старшие братья после этого, по взаимному соглашению, передали всю царскую власть младшему»<sup>2</sup>. Поскольку вторая часть всех трех имен братьев-царей удобно этимологизируется (-ξαις < др.-иран. \*xšaya «царь»), напрашивается вывод, что Σκολ-/Κολ- — варианты одной и той же (скифской?) основы. Такая точка зрения, действительно, очень распространена<sup>3</sup>.

Формально сближение Κολ-ξαις и Σκολ-οτοι вполне возможно (так называемое беглое s-)<sup>4</sup>, но в данном конкретном случае против него можно выдвинуть, по меньшей мере, два таких возражения.

Во-первых, личное имя Κολξαις имеет приемлемую иранскую этимологию: < \*xola-xšaya; ср. др.-иран. \*xvar-xšaya, перс. xoršed < др.-иран. \*hvar «солнце»<sup>5</sup>. Предполагать ту же этимологию и в Σκολοτοι трудно ввиду его прозрачной морфологической структуры: -τα является показателем множественного числа; аппеллатив «солнце» в множественном числе мало подходил бы для роли племенного названия.

Во-вторых, по Геродоту, скифы назывались сколотами согласно ἐπωνυμία их царя, а этот термин содержит отчетливый оттенок смысла: не просто «имя», а скорее «прозвище» по той или иной характерной черте (κατὰ τινός). Отсюда можно заключить, что наряду с именем Колаксай у младшего из братьев было еще и прозвище, но не \*Σκολοτος, как, реконструируя первоначальный текст Геродота в этом сомнительном месте, предполагают в своих изданиях Г. Штайн, К. Абихт и в своих комментариях И. Мадвиг<sup>6</sup>, а Σκολος в силу указанного значения форманта -τοι. Эти обстоятельства, равно как и наличие в литературе различных этимологий термина Σκολοτοι, порой совершенно фантастических<sup>7</sup>, делают оправданным новое обращение к теме.

<sup>1</sup> Греческий текст (по изданию С. Hude) и русский перевод см. в кн.: Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота: (тексты, перевод, комментарий). М., 1982. С. 100—101.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Brandenstein W. Die Abstammungssagen der Skythen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien, 1953. Bd. 52. H. 1/2. S. 198; Kothe H. Pseudoskythen // Klio. В., 1967. Bd. 48. S. 63; Болтенко М. Ф. Herodotea-neia // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса, 1962. [Вып.] IV. С. 52; и др.

<sup>4</sup> Мельничук А. С. О сущности беглого s- // Этимология, 1984. М., 1986. С. 137—146.

<sup>5</sup> Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке востока и запада. М., 1965. С. 39—40. Здесь же (С. 38—39) о непоследовательной рефлексации и.-е. l в иранских языках; именно в скифо-сарматской антропонимике засвидетельствовано его отражение как l в отличие от обычного иранского r.

<sup>6</sup> Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Указ. соч. С. 209—210, примеч. 147. Темноте смысла в этом месте соответствует и сбивчивость рукописной традиции.

<sup>7</sup> Так, например, И. Г. Куно предлагает производить его от слав. \*skala

Начнем с того, что напомним один известный факт. Геродот утверждает, что, по словам самих скифов, «из всех племен их племя самое молодое»<sup>8</sup>. Давно замечено, что это свидетельство находится в прямом противоречии с показанием Юстина в его кратком переложении истории Помпея Трога, будто «народ скифский всегда почитался самым древним, хотя продолжительное время между скифами и египтянами и был спор, чей род старше»<sup>9</sup>. Разумеется, нельзя исключить, что у одного и того же народа могли существовать различные предания о собственном происхождении, да и хронологический разрыв между писавшим в V в. до н. э. Геродотом и автором III в. н. э. Юстином (Помпей Трог жил в эпоху Августа) слишком велик, чтобы возникло впечатление непосредственного столкновения обеих легенд. Словом, на указание противоречие можно было бы закрыть глаза. Но его можно и объяснить.

Посмотрим, нет ли указаний на возможное направление поисков в самих текстах, упоминающих скифские имена на Scol-. Кроме геродотовых Σχολοτοι, мы располагаем еще именем скифского царя Scolopitos, засвидетельствованным у того же Юстина<sup>10</sup>. И вот что замечательно: в обоих случаях в комментариях к этим именам присутствует определение «молодой, младший». Сколоты называются так по прозвищу *младшего* брата-царя. Юстин, излагая одну из легенд о происхождении амазонок, возводит их к женам *молодых* скифов, которые, будучи изгнаны с родины, во главе с *молодыми* царями Илином (вар.: Плином) и Сколопитом поселились в Каппадокии на Термодонте<sup>11</sup>. Здесь уместно напомнить и об остроумных соображениях О. Н. Трубачева относительно скифов-сколотов как *младоариев*, откочевавших на восток от геродотовой «Древней Скифии»<sup>12</sup>.

Эти сами по себе не более чем любопытные совпадения неожиданно приобретают весомость в свете лингвистических данных.

«скала» (Cuno J. G. Forschungen auf dem Gebiete der alten Völkerkunde. B., 1871. Bd. 1. S. 324).

<sup>8</sup> Herod. IV, 5.

<sup>9</sup> Iust. II, 1, 5: «Scytharum gens antiquissima semper habita, quamquam inter Scythas et Aegyptios diu contentio de generis vetustate fuerit».

<sup>10</sup> Основу scol- в Σχολοτοι часто отождествляют со Σχόλ-ης (имя скифского царя; Herod. IV, 78 и след.) и Skud- (в этнониме Σκῦθαι с характерным для скифского переходом l < δ); см., например: Грантовский Э. А., Раевский Д. С. Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 50—51 (здесь литература). Ограниченность наших знаний о языке северопричерноморских иранцев делает эти сопоставления проблематичными (так, к примеру, В. И. Абаев считает наоборот Σκῦθαι испорченным Σχολοτοι: Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. Т. I. С. 243), поэтому мы и не привлекаем их здесь.

<sup>11</sup> Iust. II, 4, 1—2: «Sed apud Scythas medio tempore duo regii iuvenes, Ylinos et Scolopitos, per factionem optimatum domo pulsati ingentem iuventutem secum traxere et in Cappadociae ora iuxta amnem Thermodonta consederunt».

<sup>12</sup> Трубачев О. Н. «Старая Скифия» (Αρχαία Σκυθία) Геродота (IV, 99) и славяне // Вопр. языкознания. 1979. № 4. С. 29—45.



Скиф. <sup>13</sup> Σχολ- имеет фонетически точное соответствие в слав. \*хол-<sup>14</sup>, присутствующем в слав. \*холръ, русск. холоп; слав. \*холстъѣ, русск. холостой; слав. \*холкъѣ, др.-русс. холокыи — «холостой». Основа \*хол- — общеславянская, и названные ее производные включены Трубачевым в праславянский лексический фонд <sup>15</sup>. Еще более точная параллель скиф. \*skol- (с германским переходом  $\ddot{o} > \ddot{a}$ ) сохранилась в германских языках: гот. skalks, а.-сак. scealc, др.-сакс., д.-в.-н. scale в значении «слуга, раб» <sup>16</sup>. Этимология этой общегерманской основы в целом признается неясной, но, думается, нельзя отрицать связи между герм. \*skal-k-s и слав. \*хол-ръ, на которую указывал в свое время А. Брюкнер <sup>17</sup>, несмотря на то что аналогичное германскому значение «несвободный слуга, раб» засвидетельствовано отнюдь не во всех славянских языках. Славянские материалы демонстрируют отчетливо еще одно свойственное этой лексеме значение детства, молодости: болг. — хлапак, макед. — лане, в.-луж. khlor — «мальчишка», укр., южнорусск. — хлопец. О первичности возрастного значения говорит оттенок возрастной неполноценности, присутствующий в прочих производных от основы слав. \*хол-: \*хол-къѣ, \*хол-стъѣ «холостой (неженатый мужчина)». Эволюция семантики от возрастной к социальной недостаточности естественна и вырастает из их нерасчлененности в архаических обществах: ср. раб/роб, паробок, робя <sup>18</sup>.

Если исходным значением слав. \*хол- и герм. \*skal- было значение молодости, несовершеннолетия, вытесненное в германских семантикой возрастного, а затем и социального подчинения, то логично связать эти основы с и.-е. \*skol-/skel- «резать» → «стричь», как то подсказывает аналогия греч. κόρος «мальчик», κόρη «девушка», связанных с χείρω «стричь»; ср. значение отрезания, сохранившееся в слав. \*holstiti «холостить (кастрировать животных)» <sup>19</sup>. На ве-

<sup>13</sup> Употребляя здесь и далее применительно к основе \*skol- определение «скифская», мы делаем это условно, так как для нашего анализа несущественно, была ли эта лексема исконно иранской или, скажем, как иногда полагают, была заимствованием из языка доскифского этнического индоевропейского субстрата.

<sup>14</sup> Brückner A. Slawisches ch- // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiet der indogermanischen Sprachen. Göttingen, 1923. Bd. 51. S. 221—241; Otrębski J. S. Das expressive ch- im Slavischen // Die Welt der Slaven. München, 1970. Bd. 15. S. 60.

<sup>15</sup> Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1981. Вып. 8. С. 61—65.

<sup>16</sup> Feist S. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. Leiden, 1939<sub>3</sub>. S. 428; Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. B.: N. Y., 1975<sub>21</sub>, S. 633.

<sup>17</sup> Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927. S. 180.

<sup>18</sup> Ibid.; Соболевский А. И. Несколько заметок по славянскому вокализму и лексике // Рус. филологический вестн. Варшава, 1914. Т. 71, вып. 2. С. 444.

<sup>19</sup> Именно семантика отрезания, отчетливо представленная в славянских производных от основы \*хол-, делает менее вероятной деривацию Х. Шустер-Шевца от и.-е. \*skel- «отросток, побег» (Schuster-Sewc H. Zur Bezeichnung des Bauern im Slawischen: \*chlopъ, \*къметъ, \*смърдъ // Zeitschrift

роятную изначальность семантики «стричь» для исследуемой группы славянских слов указал Трубачев<sup>20</sup>. Такая метаморфоза значения понятна: обычай коротко стричь волосы несовершеннолетним свойствен многим народам.

Итак, лингвистика дает определенные основания предполагать в скиф. \*skol- отражение и.-е. основы \*skol-/skel-, претерпевшей характерную семантическую эволюцию: «стриженный» → «несовершеннолетний, молодой». В таком случае рискнем предположить, что νεώτατος «младший» и могло быть тем прозвищем Колаксия (вернее, его греческим переводом), которого не хватает читателю в главе IV, 6 Геродота; это прозвище отражало положение Колаксия по отношению к братьям согласно генеалогической легенде. Далее, νεώτατοι «младшие» из всех народов, как характеризует Геродот скифов-сколотов, можно рассматривать как невольную глоссу самоназвания скифов Σκολοτοι, которое и значило «младшие». Таким образом объяснилось бы и противоречие между рассказами Геродота и Юстина.

*Т. М. Калинина*

## СПОРНЫЙ ЭТНОНИМ В АСТРОНОМИЧЕСКОМ ТРАКТАТЕ АЛ-ФЕРГАНИ

Тридцатые годы IX в., время правления халифа ал-Мамуна в Арабском халифате, ознаменовались глубоким интересом, тягой интеллектуальных кругов общества к наукам. При дворе халифа работал штат ученых, переводивших иноязычные философские, астрономические, математические трактаты на арабский язык. Разработка греческих, индийских, сирийских и других научных трудов арабскими учеными дала огромный толчок развитию всех отраслей знаний, отголоски которого в областях философии, астрономии, математики, географии были весьма ощутимы в средневековой Европе. Девятый век дал целую плеяду имен, известных и доселе: Сабит ибн Курра, Абу Ма'шар, ал-Хорезми, ал-Фергани и целый ряд других.

für Slawistik. В., 1964. Bd. 9. S. 241—246; Шустер-Шевц Х. Древнейший слой славянских социально-экономических и общественно-институциональных терминов и их судьба в серболужицком языке // Этимология, 1984. М., 1986. С. 237), хотя и в этом случае семантема «молодой» должна относиться к одной из исходных.

<sup>20</sup> Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959. С. 117; Этимологический словарь. . . Вып. 8. С. 65.

Среди штата ученых при Доме мудрости халифа ал-Мамуна были выходцы из Средней Азии: ал-Хорезми и ал-Фергани, и это не случайность, ибо области Средней Азии обладали древней, глубокой традицией своих научных знаний<sup>1</sup>.

Как это часто случалось, последующие авторы, упоминавшие ал-Фергани, не называют его полного имени; он фигурирует под разными<sup>2</sup>. Историк науки Г. Зутер пришел к выводу, что правильно называть упомянутого ученого: Ахмед ибн Мухаммед ибн Касир ал-Фергани<sup>3</sup>.

По нисбе ясно, что родом он из среднеазиатской области Фергана. Годы жизни его неизвестны; работал он между 833 и 864 гг.<sup>4</sup> Знаменитый труд ал-Фергани по астрономии, основанный на «Альмагесте» Птолемея, известен под разными названиями: «Книга о небесных движениях или свод науки астрономии», «Книга об элементах науки о звездах», «Причины небесных сфер» и т. д. Рукописи труда ал-Фергани под разными названиями хранятся в Амстердаме, Багдаде, Дублине, Каире, Лейдене, Ленинграде, Москве, Оксфорде, Париже, Принстоне, Стамбуле, Тунисе, Фесе<sup>5</sup>. В 1669 г. в Амстердаме был издан арабский текст книги ал-Фергани под названием «Книга о небесных движениях и свод науки астрономии», с параллельным латинским переводом<sup>6</sup>. Издание было выполнено голландским арабистом Якобом Голиусом по оксфордской рукописи<sup>7</sup>.

Астрономические наблюдения ал-Фергани были настолько важны, что уже в XII в. его труд был переведен на латынь, Иоанном Севильским и Герардом Кремонским. Эти переводы были изданы в XV—XVI вв.<sup>8</sup> В XVI в. был также переведен на латынь и издан Л. Христманном еврейский перевод труда ал-Фергани, выполненный Якобом Анатолийским<sup>9</sup>.

В XIX в., с развитием арабистики, книга ал-Фергани привлекла внимание исследователей. Местонахождение рукописей,

<sup>1</sup> Булгаков П. Г., Розенфельд Б. А., Ахмедов А. А. Мухаммад ал-Хорезми. М., 1983. С. 11—23.

<sup>2</sup> Розенфельд Б. А., Добровольский И. Г., Сергеева Н. Д. Об астрономических трактатах ал-Фергани // Историко-астрономические исследования. М., 1972. Вып. XI. С. 192.

<sup>3</sup> Suter H. Die Mathematiker und Astronomen der Araber und ihre Werke. Leipzig, 1900. § 39. S. 18, Anm. «с».

<sup>4</sup> Suter H., Vernet J. Al-Farghani // The Encyclopaedia of Islam. New ed. Vol. II. Fasc. 35. P. 793; ŻA. Kraków, 1956. T. 1. S. 191, 199.

<sup>5</sup> Sezgin F. Geschichte des arabischen Schrifttums. Leiden, 1975. Bd. 5. S. 259—260; 1976. Bd. 6. S. 149—151; Матвиевская Г. П., Розенфельд Б. А. Математики и астрономы мусульманского средневековья и их труды (VIII—XVII вв.). М., 1983. Т. 2. С. 55.

<sup>6</sup> Muhammedis Filii Ketiri Ferganensis qui vulgo Alfraganus dicitur Elementa Astronomica, Arabice et Latine. (далее: *Alfraganus*). Amstelodami, 1669.

<sup>7</sup> Carmody F. Arabic astronomical and astrological Sciences in Latin Translation. Berkeley, 1956. P. 113; Матвиевская Г. П., Розенфельд Б. А. Указ. соч. С. 55.

<sup>8</sup> Издания см.: Матвиевская Г. П., Розенфельд Б. А. Указ. соч. С. 56.

<sup>9</sup> Steinschneider M. Die europäischen Übersetzungen aus dem Arabischen bis Mitte des XVII. Jrh. Graz, 1956. S. 22; Suter H. Op. cit. § 39. S. 19.



издания выявил К. Брокельманн<sup>10</sup>; особое внимание обратил на главу о разделении земли Ш. Рено<sup>11</sup>; фрагментами с упоминанием народов Европы и Азии занимались Х. Френ<sup>12</sup> и А. Я. Гаркави<sup>13</sup>. Изучал последние ал-Фергани Э. Хонигманн<sup>14</sup>; данные арабских писателей о жизни и деятельности ал-Фергани собрал Г. Зутер<sup>15</sup>; вклад ал-Фергани в историю науки и культуры касался И. Ю. Крачковский<sup>16</sup>. Перевод фрагментов с комментариями приведен в сборнике «Арабские источники по истории славянства»<sup>17</sup>; фрагменты, касающиеся Африки, переведены Л. Е. Куббелем и В. В. Матвеевым<sup>18</sup>.

Астрономические труды ал-Фергани изучались Н. Д. Сергеевой, Б. А. Розенфельдом, И. Г. Добровольским<sup>19</sup>. Последние данные о биографии ал-Фергани, о его рукописях и переводах на латынь содержатся в трудах Ф. Сезгина<sup>20</sup>, а также Г. П. Матвиевской и Б. А. Розенфельда<sup>21</sup>.

Результатом изучения книги ал-Фергани был вывод о том, что его труд в значительной мере явился переработкой «Альмагеста» Птолемея, а также о том, что значительное влияние на воззрения автора оказали иранская и индийская научные традиции.

Как ряд других средневековых ученых, ал-Фергани разделяет «населенную часть» земли на семь климатов, т. е. широтных зон. Начинаются климаты, по ал-Фергани, с востока, от страны Китай или Йаджудж (Северо-Восточная Азия). Западными границами ойкумены считаются Магриб (т. е. Северная Африка) или Западное море (т. е. Атлантический океан). Западное море, по мнению ал-Фергани, простирается далеко на север, и на его крайних пределах находятся земли славян, живущих на окраинах седьмого, самого северного из климатов и на территориях, оставшихся за пределами климатов. Ал-Фергани перечисляет внутри климатов

<sup>10</sup> Brockelmann C. Geschichte der arabischen Litteratur. Weimar, 1898. S. 221; Supplementband 1. Leiden, 1937. S. 392—393.

<sup>11</sup> Reinaud J. Géographie d'Aboulféda. P., 1848. T. 1. P. LI, CCCLXII.

<sup>12</sup> Fraehn Ch. M. Ibn Fozlan's und anderer araber Berichte über die Russen älterer Zeit. SPb., 1823. S. 237.

<sup>13</sup> Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. по Р. X.). СПб., 1870. С. 25—28.

<sup>14</sup> Honigmann E. Die sieben Klimata und die πόλεις ἐπίσημοι. Heidelberg, 1929. S. 135—136 etc.

<sup>15</sup> Suter H. Op. cit. § 39. S. 18.

<sup>16</sup> Крачковский И. Ю. Математическая география у арабов // Научное наследство. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 6.

<sup>17</sup> ЖА. Т. 1. S. 189—195.

<sup>18</sup> Арабские источники VII—X веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары. М.; Л., 1960. С. 123—128.

<sup>19</sup> Розенфельд Б. А., Добровольский И. Г., Сергеева Н. Д. Об астрономических трактатах ал-Фергани // Историко-астрономические исследования. М., 1972. Вып. XI. С. 191—210; Сергеева Н. Д. Астрономические работы ал-Хорезми и ал-Фергани: Автореф. дис. . . . канд. физ.-мат. наук. М., 1973.

<sup>20</sup> Sezgin F. Op. cit. Bd. 5. S. 259—260; Bd. 6. S. 149—151.

<sup>21</sup> Матвиевская Г. П., Розенфельд Б. А. Указ. соч. Т. 2. С. 55—58. Там же см. подробную библиографию трудов, посвященных ал-Фергани.

области и города в направлении с востока на запад. Из названий явствует, что автор достаточно подробно знал города Средней Азии, Ирана, Ирака, Сирии, Египта, некоторые пункты Кавказа, Византии, Африки, а также имел представление о том, что существуют народы хазар, придунайских болгар («бурджан»), алан, славян, тюрок и т. д.<sup>22</sup>

В конце главы о разделении земли ал-Фергани приводит перечень областей, оказавшихся «вокруг этих (т. е. семи. — *Т. К.*) климатов, до завершения известных нам населенных мест, — это начинается с востока от страны Йаджудж, затем через страну Тогузгуз, землю Тюрок, затем через страну Алан, затем через . . .?, затем через Бурджан, затем через Славян и примыкает к Западному морю»<sup>23</sup>.

Среди перечня народов встречается этноним, который Голиус воспринял как «ат-татар» и перевел как «*regnum tatarorum*».

Исследователями давно была отмечена ошибка Голиуса в выборе этнонима «ат-татар», поскольку арабские источники IX в. не знают его, он появляется только в XII в. Приходится полагать, что диакритические знаки были искажены поздним переписчиком, который уже мог знать имя татар. Возможен и другой вариант: если, как это зачастую бывает, диакритические знаки отсутствовали в рукописи, Голиус проставил их произвольно, не оговорив этого.

В 1823 г. Х. Френ предлагал изменить наименование на «ас-Сарир» — название земли, прилагавшееся к территории современного Дагестана<sup>24</sup>, однако такая конъектура выглядела слишком натянутой. В русских переводах А. Я. Гаркави и И. Г. Добровольский оставили без изменения вариант, предложенный Голиусом. Есть предположение, что термин следует соотнести с этнонимом «ал-бабр», расставив соответственно диакритические знаки. Этноним «ал-бабр» встречается в трудах авторов IX—X вв. Ибн Хордадбега, ал-Йа'куби, Кудамы ибн Джа'фара<sup>25</sup>. В трудах всех трех авторов термин «ал-бабр» встречается в схожих, восходящих, вероятно, к одному источнику, фрагментах, рассказывающих об «области ал-Джарби». Из контекста ясно, что понятие «ал-Джарби» тождественно понятию «север» (аш-шимал), а восходит к сирийскому первоисточнику<sup>26</sup>. В область ал-Джарби включены некоторые территории Кавказа, юго-западного побережья Каспия, «ал-бабр», «ат-тайласан», а также хазар, алан, славян, авар. Местности

<sup>22</sup> Подробный пересказ, близкий к переводу, с некоторыми лакунами см.: Розенфельд Б. А., Добровольский И. Г., Сергеева Н. Д. Указ. соч. С. 198. Выполнен И. Г. Добровольским.

<sup>23</sup> *Alfraganus*. P. 39.

<sup>24</sup> *Fraehn Ch. M.* Op. cit. S. 237.

<sup>25</sup> *Bibliotheca geographorum arabicorum*. Leiden, 1889. T. VI. P. 118, 261; *Ibn Wadhih qui dicitur al-Ja'qubi Historiae* / Ed. Th. Houtsma. Lugduni Batavorum, 1883. T. I. P. 203.

<sup>26</sup> *ЗА*. Т. 1. S. 112, ods. 95.

с названиями «ал-бабр» и «ат-тайласан» исследователи относят к юго-западному побережью Каспия<sup>27</sup>.

Однако описание ал-Фергани земель «за пределами седьмого климата» носит иной характер. В порядке перечисления населенных пунктов и областей просматривается сходство с расположением материала в «Книге картины Земли» ал-Хорезми, восходящее, возможно, к единой работе по составлению карты мира при дворе ал-Мамуна. Труд же ал-Хорезми в значительной мере основан на «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея (II в. н. э.) и зачастую воспроизводит в искаженной форме греческие названия<sup>28</sup>.

Для уточнения термина, читавшегося до сих пор как «ат-татар» и «ал-бабр», можно привлечь латинские переводы сочинения ал-Фергани. Перевод Иоанна Севильского пока не доступен. Перевод Герарда Кремонского, изданный по рукописи XIV в., дает в этом месте форму «Атир» (Atyr). Издатель книги Р. Кампани отмечает, кроме уже известной версии Голиуса, еще одну, встреченную в еврейском переводе трактата ал-Фергани: «Тир» (Tyr)<sup>29</sup>.

Аналогичная форма в арабском варианте «ат-Тир» существует в труде автора начала X в. Сухраба, который почерпнул этот этноним в «Книге картины Земли» ал-Хорезми (поскольку само сочинение Сухраба в основном составляет почти копию указанного трактата ал-Хорезми)<sup>30</sup>. Термин же «ат-Тир» является повторением, без диакритических точек, формы «ат-Тиз» ал-Хорезми.

У последнего слово встречается в двух вариантах, в главе о центрах различных земель, где даны координаты страны «ал-Йатиз», а ниже упоминается, что со страной «ат-Тиз» граничит полуостров «Таукийа»<sup>31</sup>. Полуостров Таукийа идентифицируется с Таврикой Птолемея, т. е. Крымским полуостровом. Термин же «ал-Йатиз», как и его искаженная форма «ат-Тиз», как показали исследования, воспроизводит название народа языгов, упомянутого в «Географическом руководстве» Птолемея<sup>32</sup>.

<sup>27</sup> Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903. S. 273—280; Hudud al-‘Alam. «The Regions of the World». A Persian Geography 372 A. H.—982 A. D. / Trans. and expl. by V. Minorsky. L., 1937. P. 391.

<sup>28</sup> Ахмедов А. А. «Книга картины Земли» ал-Хорезми // Великий ученый средневековья ал-Хорезми. Ташкент, 1985. С. 201—205.

<sup>29</sup> Alfragano Liber Aggregationibus scientie stellarum et principitis celestium motuum / Ed. R. Campani. Citta di Castello, 1910. P. 102 et n. 4. В рукописи, хранящейся в ГБЛ в Москве («Китаб джавами ‘илм ан-нуджум» — Рук. 154/2. Л. 148), этноним опущен; рукопись ЛО ИВАН («Китаб фи-л-харакат ас-самавийа ва джавамийа’ ‘илм ан-нуджум» — Рук. В 3059/3. Л. 53) дает ту же форму «ат-татар», что зафиксирована в рукописи, изданной Голиусом.

<sup>30</sup> Das Kitab aḡaib al-aqalim as-sab’a des Suhrah. Vienna, 1929. S. 49.

<sup>31</sup> Das Kitab Surat al-ard des Abu Ġa’far Muhammed ibn Musa al-Huwarizmi. Leipzig, 1926. S. 104.

<sup>32</sup> Mžik H. Osteuropa nach der arabischen Bearbeitung der Γεωγραφικὴ ὑφήγησις des Kl. Ptolemaios von Muhammed ibn Musa al-Huwarizmi // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien, 1936. Bd 43, H. 3/4. S. 179.



Аналогично, в более четких формах эти сочетания встречаются в «Зидже» астронома первой половины X в. ал-Баттани, где также приводятся греческие термины Птолемея. Так, ал-Баттани называет «Таурикийя Карсунисис Баралийас» и «Йазугус Махтаниса», расположенные им на одной широте<sup>33</sup>. Первое сочетание являет собой реминисценцию греческого выражения «побережье Херсонеса Таврического» (τὰ παράλια τοῦ Χερδονήσου Ταυρικῶν) (III, 5, 1). Второе передает греческий этноним «языги-переселенцы» (Ἰάζυγες Μετανάστες) (III, 5, 1; VIII, 10, 2). Птолемей называл языгов-переселенцев при описании южной границы Европейской Сарматии (III, 5, 1; VIII, 10, 2). Кроме того, в его сочинении названы языги меотийские (там же).

Языги — народ иранского происхождения, выделившийся из состава сарматских племен, расселялся во II в. до н. э. на территории Северного Приазовья; в течение последующих трех веков они продвигались до Дуная и Тиссы и во II в. н. э. осели в Паннонии<sup>34</sup>. Если для Птолемея это был вполне реальный народ, живший в Приазовье и в Паннонии, то впоследствии этот этноним исчез из литературных памятников, видимо, вследствие ассимиляции в массе прочего населения Восточной и Центральной Европы. В труды арабских ученых этноним попал не как отражение реально существующего народа, а как отвлеченная теоретическая единица для обозначения границ Сарматии, взятая из теоретической же базы — труда Птолемея. (Именно этим обстоятельством можно объяснить, что ал-Баттани упоминает рядом с Таврикой не азовских языгов, как следовало бы ожидать, а языгов-переселенцев: ведь именно их, как было отмечено, упомянул Птолемей при описании границ Сарматии.) Отсутствие реального, известного этнонима обусловило и крайнее искажение написания в трудах ал-Хорезми и Сухраба: ал-Йатиз — ат-Тиз. Обычное в арабских рукописях отсутствие диакритических точек превратило этноним в ат-Тир.

По-видимому, то же явление предстает в труде ал-Фергани: переданная латинскими авторами форма «ат-Тир» на деле является термином «ат-Тиз» (может быть, еще точнее, как у ал-Хорезми: «ал-Йатиз»), передающим название языгов.

<sup>33</sup> Al-Battani sive Albatanii Opus Astronomicum. Milano, 1899. Vol. 1. S. 235.

<sup>34</sup> Vulić. Jazyges // Paulys Real-Enzyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Bd. IX, I, Hlf. XVII. S. 1189—1191.

## ВАССАЛЫ АРМЯНСКИХ ВЛАДЕТЕЛЕЙ В ВИЗАНТИЙСКИХ ПРОВИНЦИЯХ (XI век)

В современной историографии нет, насколько мне известно, исследований, специально посвященных социально-экономическим отношениям в восточной лимитрофной полосе Византийской империи. В малоазийской лимитрофной полосе империи в XI в. существовали армянские царства и мусульманские эмираты, признававшие сюзеренитет империи, владения полузависимой греческой аристократии, полузависимые и независимые армянские княжества, постепенно входившие в византийские военно-административные округа. В докладе советских историков на XIV конгрессе византинистов в Бухаресте была выдвинута гипотеза о более интенсивном (нежели в коренных византийских землях) процессе феодализации в восточных пограничных областях империи и даже о существовании здесь особой динамичной социальной структуры, может быть более близкой к общественным порядкам феодальной Западной Европы и оказывавшей постоянное социальное и культурное влияние на Византийскую империю. В том же докладе подчеркивается, что подтвердить это заманчивое предположение невозможно из-за отсутствия достаточно репрезентативного материала источников<sup>1</sup>. Я попытаюсь привести некоторую (небольшую, разумеется, в пределах как целей, так и объема настоящей статьи) часть искомого материала, представив ряд данных о вассалитете в лимитрофной полосе Византии по армянским средневековым историческим сочинениям. Данные о вассалитете особенно интересны из-за его своеобразного места в непрекращающихся дискуссиях о характере византийского общества и государства, выбор же армянских источников продиктован этническим составом восточных провинций Византии.

Рассматривая вопросы вассалитета в империи, исследователи прежде всего доказывают, что о нем вообще можно говорить применительно к византийской действительности, поскольку основная иерархия рангов определялась местом человека на имперской служебной лестнице или (с рубежа XI—XII вв.) родством с правящей династией, близостью к ней, т. е. соучастием в публичной власти, в то время как западноевропейская феодальная иерархия определялась характером земельной собственности сеньора и связанной с ней суммой прав и привилегий, т. е. объемом частной власти. Существование этой последней иерархии (классического

---

<sup>1</sup> Actes du XIV Congrès International des études byzantines (1971). Bucarest, 1973. Rapports II. P. 231—236.

типа) доказывается рядом исследований последних десятилетий<sup>2</sup>. Но даже сторонники византийского вассалитета считают этерии рыхлыми и неустойчивыми, права и обязанности вассалов недостаточно определенными, а звенья феодальной иерархии крайне короткими (сюзерен-вассал). «В X—XI вв. в Византии можно констатировать значительный прогресс в развитии феодальных производственных отношений. Однако этот прогресс не выразился в соответствующих ему адекватных преобразованиях общественно-политической структуры общества»<sup>3</sup>.

Во всех исследованиях, касающихся демографии Малой Азии, отмечается некая исконная полиэтничность этого региона<sup>4</sup>, находившегося на границе Византии и мусульманского мира (сначала арабского, потом арабского и сельджукского), на этой территории жили греки, сирийцы, арабы — при преобладании армянского этноса, увеличивавшегося в XI в. за счет эмиграции армян (аннексия армянских царств и княжеств Византией, сельджукское нашествие).

В X—XI вв. был широко распространен обмен родовых имений армянских владетелей во вновь завоеванных районах на земли казны в глубине ромейских владений. При этом на новые земли уходили не только владетели и их этерии, но и часть населения. Так обменяли свои земли на имперские в Малой Азии васпураканские Арцруни, ширакские и карские Багратиды и другие армянские династы<sup>5</sup>, а греческий магнат Евстафий Воила, напротив, переселился в пограничные земли Византии на Востоке Малой Азии<sup>6</sup>.

<sup>2</sup> *Дитаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960. С. 237—245; *Он же.* Был ли Кекавмен, автор Стратегикона, феодалом? // *Византийские очерки.* М., 1961. С. 230—233; *Арутюнова-Фиданян В. А.* К вопросу об *ἀντιρροποι* в «Типике» Григория Пакурина // *ВВ. М.*, 1968. Т. XXIX. С. 64—72; *Beck H. G.* Ideen und Realitäten in Byzanz. L., 1972. S. 14—32; *Ostrogorsky G.* Observation on the Aristocracy in Byzantium // *Dumbarton Oaks Papers.* 1971. Vol. 25. P. 12—17; *Ferluga G.* La ligesse dans l'empire byzantine // *Зборник Радова Византолошког института.* 1961. Т. 7. P. 97—123; *Weiss G.* Ioannes Kantakuzenos — Aristocrat, Staatsmann. Kaiser und Mönch // *Der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert.* Wiesbaden, 1969. S. 138—155; *Каждан А. П.* Социальный состав господствующего класса Византии XI—XII вв. М., 1974. С. 236—240; *Типик Григория Пакуриана / Введение, пер., коммент. В. А. Арутюновой-Фиданян.* Ереван, 1978. С. 28—33.

<sup>3</sup> *Дитаврин Г. Г.* Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977. С. 289—290.

<sup>4</sup> *Vryonis S.* The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. L., 1971. P. 42—55.

<sup>5</sup> *Dédéyan G.* L'immigration arménienne en Cappadoce au XI<sup>e</sup> siècle // *Byzantion.* 1975. Т. XIV. P. 64—116; *Типик Григория Пакуриана* // С. 156.

<sup>6</sup> *П. Лемерль* считает, что новые владения Воилы были где-то в районе Каппадокии (*Lemerle P.* Cinq études sur le XI<sup>e</sup> siècle byzantin. P., 1977. P. 45—46), тогда как *С. Врионис* и *Р. Бартикян* локализуют их в Кларджии (*Vryonis S.* The Will of a Provincial Magnate Eustathius Voilas // *Dumbarton Oaks Papers.* 1957. Vol. 11. P. 275; *Бартикян Р. М.* Критические заметки о завещании Евстафия Воилы (1059 г.) // *ВВ. М.*, 1961. Т. XIX. С. 26—37).



Это, в сущности, те самые «топархи», о которых пишет Кекавмен, давая не только интересную, но и полную информацию о перемене в статусе этих владельцев с переменой их положения в отношении империи: «Если ты имеешь в своей стране крепости или деревни, если ты в них топарх и повелитель, то не позволяй себе мечтать о богатстве или о чинах, или о великих обещаниях василевса, не отдавай своей страны василевсу, не бери взамен ее деньги или владения, хотя бы мог получить вчетверо больше. Напротив, держись за свою страну, хотя бы она была мала и незначительна, так как лучше для тебя, если ты как сам себе господин являешься другом василевса, а не как раб и подвластный человек» <sup>7</sup>. Земли в Византии, переданные василевсом взамен родовых земель владельца, могут быть в любой момент отняты от него, а сам он может быть сослан, заключен в тюрьму или ослеплен по любому даже «ложному навету» <sup>8</sup>. В этом свидетельстве современника и лежит, по-видимому, ключ для понимания взаимоотношений империи с ее новыми подданными. Прежде независимые в своей стране, они становятся «рабами и подвластными людьми императора», т. е. вассалами на вновь переданных им землях, считающихся по-прежнему собственностью империи. Этих владельцев связывала с Византией сложная система вассальных связей, иногда настолько ослабевавшая в результате сельджукских набегов, походов крестоносцев, собственного их стремления к самостоятельности и т. д., что некоторые исследователи готовы признать ряд этих владельцев почти независимыми, во всяком случае *de facto*, а других и вовсе независимыми <sup>9</sup>. Но так или иначе все они были носителями одной и той же культуры, одного и того же социально-экономического уклада <sup>10</sup>, перенесенного в несколько иные условия, и соответственно должны были определенным образом конвергировать с этими условиями.

Наиболее полные сведения сохранили армянские источники XI—XII вв. о вассалах князя Гох Василя. Это, пожалуй, единственный случай, когда мы имеем дело не с безымянными «азатами» или «воинами» того или иного князя, а с вассалами, названными поименно и обладающими к тому же каждый собственными отрядами. Гох Василь владел крепостями и городами на Евфрате: Кесуном, Рабаном, Бехесни и Ромклой <sup>11</sup> и «многими крепостями

<sup>7</sup> Советы и рассказы Кекавмена: Сочинение византийского полководца XI в. / Подгот. текста, введ., пер. и коммент. Г. Г. Литаврина. М., 1972. С. 298—299.

<sup>8</sup> Там же. С. 301.

<sup>9</sup> См., например: В. П. Степаненко. О статусе армянских владельцев Малой Азии, Сирии и Месопотамии (конец XI—начало XII в.) // Из истории международных связей и отношений. Тюмень, 1976. С. 128—143; ср.: Арутюнова-Фиданян В. А. Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи (XI в.). Ереван, 1980. С. 169—187.

<sup>10</sup> Об Армении X—XI вв. как стране развитого феодализма см., например: История армянского народа. Ереван, 1976. Т. 3. С. 157—162. На арм. яз.

<sup>11</sup> Точное исследование положения Гох Василя в отношении Византии не входит в цели этой работы. Известно, однако, что он носил титул севаста; его преемник, оставив свои земли, ушел со своими вассалами в Константинополь. Потомки Василя Отрока служили в армии Мануила I в 1160 г.,

и гаварами»<sup>12</sup>. У него<sup>13</sup> после разгрома сельджуками армянских княжеств «собралось все оставшееся войско армянское и весь род Багратидов и Пахлавуни и сыновья царей армянских. . . и вместе с ними полк азатов войска армянского находился при нем с великой славой, и у него находился престол католикоса, так как он властвовал над большим количеством гаваров»<sup>13</sup>. Под охраной его войска себя чувствовали в безопасности «все верующие во Христа, и у него собрались все воины, епископы и вардапеты»<sup>14</sup>.

В 1108 г. в войсках Гох Василя против сельджуков храбро сражались «Апласат из рода азатов со своим войском. . . , Петрос, племянник Гох Василя со своими азатами и некий Василь по прозванию Отрок, по матери из рода азатов со своим войском. . . и Тиран, муж смелый, отпрыск благородского рода, из самых великих армянских родов. . . ожесточенно сражался храбрый армянский Гунд»<sup>15</sup>. Эта дружина принимала деятельное участие в утверждении на княжение преемника Василя, хотя официально ставил его католикос Барсег (душеприказчик Гох Василя). «Ему (Василю Отроку. — В. А.) покорились все войско, — пишет Маттеос Урхаеци, — так как помимо выдающегося ума, храбрости и красоты (отмеченных хронистом выше. — В. А.) он был щедр, богат и любим всем войском»<sup>16</sup>. У Левона Рубенида был большой полк азатов<sup>17</sup>, у Тороса были люди, опытные в военном деле<sup>18</sup>. Когда у Абелхариба Арцруни не хватило сил сопротивляться крестоносцам, он вместе со своим отрядом в 1000 человек перешел на службу к Торосу<sup>19</sup>, и, наконец, значительная дружина Василя Отрока, унаследованная им от Гох Василя, ушла с ним в Константинополь.

Не слишком многочисленные и разрозненные свидетельства источников все же дают представление о некоторых правах и обязанностях вассалов армянских владетелей. В особенно важных случаях князья держали с ними совет<sup>20</sup>. Если патрон погибал

---

и Киннам их характеризует как давних вассалов императора (*Каждан А. П.* Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI—XII вв. Ереван, 1975. С. 42—43). Однако здесь нам важнее рассмотреть этерию Гох Василя, очевидно, однотипную этериям других крупных армянских феодалов этого периода и этого региона.

<sup>12</sup> *Мхитар Айриванский*. История армян. М., 1860. С. 408. На древне-арм. яз. Княжество Гох Василя простиралось на восток от Киликии, южнее Таврского хребта, к западу и северо-западу от Евфрата. Автор «Истории» Нерсеса Благодатного называет эти земли «срединой землей». Княжество возникло в конце XI в. и просуществовало до 20-х годов XII в. (Памятники армянской агиографии / Пер. с древнеармянского, вступ. статьи и примеч. К. С. Тер-Давтян. Ереван, 1978. С. 305—306).

<sup>13</sup> *Маттеос Урхаеци*. Хронография. Валааршапат, 1898. С. 323. На др.-арм. яз.; *Смбат Спарамет*. Летопись. Венеция, 1963. С. 139. На др.-арм. яз.

<sup>14</sup> *Маттеос Урхаеци*. Указ. соч. С. 324.

<sup>15</sup> Там же. С. 307; *Смбат Спарамет*. Указ. соч. С. 129.

<sup>16</sup> *Маттеос Урхаеци*. Указ. соч. С. 324.

<sup>17</sup> Там же; *Смбат Спарамет*. Указ. соч. С. 147.

<sup>18</sup> *Смбат Спарамет*. Указ. соч. С. 164.

<sup>19</sup> *Маттеос Урхаеци*. Указ. соч. С. 337—338.

<sup>20</sup> Там же. С. 251.

насильственной смертью, вассалы выступали мстителями за него <sup>21</sup>. Очевидно, князь выплачивал своей этерии какое-то жалование (Василя Отрока его войны любили за то, что он был «богат и щедр») <sup>22</sup>. Этерия принимала участие в утверждении князя в его владельческих правах и обладала известной самостоятельностью в выборе патрона (этерия Васака Пахлавуни, перешедшая на службу к Филартосу Варажнуни) <sup>23</sup>. Апласат, сын Татчата из Тарона, порвал со своим сюзереном Гох Василем, перешел на службу к Балдуину Эдесскому и участвовал в походе крестоносцев на Харран «со своим отрядом». Он проявил чудеса храбрости, был оскорблен «трусостью и малодушием франков», и в том же (1109 г.) вернулся к своему прежнему патрону <sup>24</sup>. Возможно, что Апласат еще раз переменял сюзерена, поскольку известно, что в 1112 г. «два великих князя Тигран и Апласат из дружины Василя были убиты в земле Левона (сына Рубена. — В. А.) турецкими воинами» <sup>25</sup>. Хотя в другом месте Матфей Эдесский пишет, что он (Апласат) дожил до старости <sup>26</sup>.

Уклад, привнесенный в малоазийские лимитрофы Византии армянскими владетелями, несомненно внес черты традиционно устоявшегося феодального общества в социально-экономическую, административную, конфессиональную и культурную жизнь восточных провинций империи. Так, братья Мандалы (по-видимому, чиновники империи) ведут настоящую феодальную файду с Гатиком Ангийским <sup>27</sup>. Армянские князья (Григорий Пахлавуни, Хачатур, Тарониты, Аспиеты и др.) становятся функционерами византийской социально-административной системы, а чиновники империи обретают черты вассально зависимых князей.

Определенно промежуточный статус между полузависимым вассалом и чиновником занимает Татул Марашский. По Матеосу Урхаеци, «в это время (1100 г. — В. А.) начальником гарнизона был полководец ромеев князь князей в городе Мараш под рукой императора ромеев Алексея» <sup>28</sup>. И Смбат пишет, что в 1100 г. «был зорапетом в Мараше Татул из греков по приказу царя ромеев Алексея», а затем отмечает, что крестоносцы были отражены от Мараша храбрым Татулом «армянином по роду» <sup>29</sup>. Противоречивые оценки Смбатом Спарапетом этнической принадлежности Татула, который на протяжении нескольких строк оказывается то греком, то армянином, разумеется, вызваны его принадлежностью к ар-

---

<sup>21</sup> Там же. С. 214; *Смбат Спарапет*. Указ. соч. С. 84.

<sup>22</sup> *Маттеос Урхаеци*. Указ. соч. С. 324.

<sup>23</sup> Там же. С. 213; *Смбат Спарапет*. Указ. соч. С. 84.

<sup>24</sup> *Маттеос Урхаеци*. Указ. соч. С. 310—311; *Смбат Спарапет*. Указ. соч. С. 131.

<sup>25</sup> *Маттеос Урхаеци*. Указ. соч. С. 325.

<sup>26</sup> Там же. С. 311.

<sup>27</sup> Там же. С. 320. В их крепости Кизистра были собраны подати со всей округи (Там же. С. 321).

<sup>28</sup> Там же. С. 272.

<sup>29</sup> *Смбат Спарапет*. Указ. соч. С. 114.



мянам — халкидонитам греческой ориентации<sup>30</sup>. Был ли Татул византийским чиновником или «армянским офицером»<sup>31</sup> до того, как попасть на пост правителя Мараша, не поддается уточнению, так же как идентификация Татула с армянским князем Тафнузом или Тафроком, предложенная С. Рэпсимином<sup>32</sup>. Ясно, однако, что в качестве армянина-халкидонита он входил в число лиц, из которых рекрутировались деятели, проводившие имперский политический курс<sup>33</sup>. Татул был «ромейским военачальником», «комендантом гарнизона» и наместником Мараша, и вместе с тем он как армянский князь несомненно имел свою этерию. Не случайно Маттеос Урхаеци подчеркивает, что князь Татул не сдал крепость Боэмунду Тарентскому и его племяннику Роджеру не только потому, что «он был муж храбрый и воинственный», но и потому, что «в городе Мараше было большое количество азов»<sup>34</sup>, т. е. собственная этерия Татула.

Терпимость Византийской империи к «феодальному» управлению малоазийских имперских округов армянскими князьями иногда помогала империи удерживать свое влияние в ряде областей этого региона в сложной внешнеполитической обстановке сельджукских нашествий и войн с крестоносцами. В то же время крепнущие феодалы высвобождались из-под власти империи. Рубениды, например, довели до логического конца центробежные устремления киликийских армянских феодалов<sup>35</sup>.

*А. В. Подосинов*

## ТРАДИЦИИ АНТИЧНОЙ ГЕОГРАФИИ В «КОСМОГРАФИИ» РАВЕННСКОГО АНОНИМА

Одним из интереснейших памятников раннесредневековой географической мысли Западной Европы является так называемая «Космография» Равеннского Анонима, созданная в VII в. неизвестным автором из Равенны.

К сожалению, до последнего времени «Космография» почти не привлекала к себе внимания отечественных историков и гео-

<sup>30</sup> Вардан Великий называет армянина Татула «греческим князем» (*Арутюнова-Фиданян В. А. Армяне-халкидониты. . . С. 69 и след.*).

<sup>31</sup> *Grusset R. Histoire des Croisades. P., 1934. Т. 1. Р. 400; Каждан А. П. Армяне в составе господствующего класса. . . С. 127—128.*

<sup>32</sup> *Каждан А. П. Армяне в составе господствующего класса.*

<sup>33</sup> *Арутюнова-Фиданян В. А. Армяне-халкидониты. . . С. 45.*

<sup>34</sup> *Маттеос Урхаеци. Указ. соч. С. 272.*

<sup>35</sup> *Бозоян А. А. Византийские правители Киликии и княжество Рубенидов в 40—70-х гг. XII в. // Историко-филологический журнал. 1984. № 3. С. 74—85.*

графов. Тем более отрадно появление обстоятельной статьи о «Космографии» О. Р. Бородин<sup>1</sup>. В работе Бородин ставится вопрос о соотношении античного и средневекового элементов в географических представлениях составителя «Космографии». Выводы, к которым приходит автор, таковы:

— географические представления Равеннского Анонима и особенности его мировоззрения, характер использования им источников, стиль его работы и ее цели позволяют рассматривать его как «чисто средневекового ученого»;

— традиции античной науки сколько-нибудь заметного отражения в его творчестве не нашли;

— памятник по своим жанровым особенностям (топонимический словарь-каталог) является специфическим порождением ранне-средневековой литературы и не имеет аналогов в античности<sup>2</sup>.

Нам представляется, что, правильно охарактеризовав некоторые черты памятника, свойственные ему как произведению средневековья, автор, увлекшись полемикой с теми, кто видит в Равеннском Анониме только «эпигона античной науки»<sup>3</sup>, неправомерно умаляет те особенности «Космографии», которые достались ей в наследство от античной географической традиции и делают ее действительно памятником переходного периода, с чем согласен и сам Бородин<sup>4</sup>.

Это побуждает нас еще раз вернуться к вопросу об античных традициях в «Космографии» Равеннского Анонима.

Мы не будем сейчас подробно останавливаться на критике Бородиным первых двух пунктов защитников «антикизирующего» понимания «Космографии». Действительно, трудно доказать наличие в Равенне некоей «космографической школы», культивировавшей будто бы античные традиции. Мы готовы также согласиться с Бородиным, что одно только упоминание Анонимом имен греческих и латинских географов еще «недостаточно для того, чтобы видеть в использовании их трудов дань античной традиции»<sup>5</sup>.

Более серьезным и интересным представляется вопрос о зависимости Равеннской «Космографии» от античных итинерариев, который традиционно решался положительно и который Бородин берется если не совсем опровергнуть, то подвергнуть серьезным сомнениям.

Сравнив «Космографию» с существующими итинерариями, автор статьи приходит к выводу, что «Космография» — не итине-

<sup>1</sup> Бородин О. Р. «Космография» Равеннского Анонима: (К вопросу о ее месте в истории географической науки) // ВВ. М., 1982. Т. 43. С. 54—63.

<sup>2</sup> Там же. С. 63.

<sup>3</sup> Beazley C. R. The Dawn of Modern Geography. L., 1897. Vol. I. P. 304. Бородин переводит название книги как «Упадок новой географии». Правильный перевод названия, в соответствии со словарным значением «dawn», — «На заре современной географии».

<sup>4</sup> Бородин О. Р. «Космография». . . С. 54.

<sup>5</sup> Там же. С. 57.

рарий и в основе своей не зависит от итинерариев <sup>6</sup>. Что ж, действительно, труд Равеница не является итинерарием (чего, кстати, никто никогда и не утверждал), это, как и многие другие произведения античности и средневековья, — ученый труд по всемирной географии, преследующий цель показать весь мир с его странами, народами, городами, реками, — труд, мало пригодный для практического использования в путешествиях, торговле, военном деле и т. д. Поэтому мы вполне разделяем пафос автора статьи, когда он тщательно и убедительно доказывает, что «Космография» не отвечает требованиям «настоящего» итинерария.

Но как только мы поставим вопрос о том, откуда Равеннский Аноним заимствовал свои огромные списки названий городов, народов, рек и других географических объектов, чем обусловлен именно такой порядок их перечисления, — вопрос, который почему-то даже не ставится Бородиным, — мы уже не сможем просто объявить зависимость «Космографии» от итинерариев «недоказуемой», «сомнительной» и «весьма отдаленной» <sup>7</sup>.

Прежде всего, едва ли можно рассматривать как аргумент в пользу независимости «Космографии» от итинерариев отсутствие в большинстве случаев данных о расстояниях между географическими объектами, как то делает Бородин <sup>8</sup>. О том, что имевшиеся в распоряжении Космографа источники содержали такие данные, говорит сам Аноним во вступлении к описанию мира: «Мы могли бы... назвать точно имена гаваней и мысов и расстояния в милях между городами во всем мире (*inter ipsas urbes miliaria*). . . . Но, стремясь сделать наше изложение космографии совершенным, мы, избегая многословия, обошли молчанием все эти сведения и прочее такого рода» (I, 18). Трудно сказать яснее. Конечно, избранный автором жанр космографического описания отнюдь не предполагал такой детализации, как расстояния между городами, но разве сознательное исключение этого материала при компиляции итинерарных источников может являться доказательством отсутствия связи между итинерариями и «Космографией»? Ремарка Анонима, не замеченная Бородиным, на наш взгляд, ясно указывает, что именно итинерарии с обязательным указанием расстояний (литературные, как, например, «Итинерарий Антонина» III в. н. э., или картографические, как Певтингерова карта) лежали в основе описаний «Космографии».

Следующее доказательство, приводимое Бородиным в пользу независимости «Космографии» от итинерариев, — «игнорирование ее автором географических коммуникаций». Бородин берет для примера два списка городов — «нижней» Италии и Паннонии — и пытается показать, что списки эти весьма беспорядочны, изобилуют скачками и резкими отклонениями и не соответствуют ни одной реально существующей дороге <sup>9</sup>.

<sup>6</sup> Там же. С. 58—59.

<sup>7</sup> Там же. С. 58 и 59.

<sup>8</sup> Там же. С. 58.

<sup>9</sup> Там же. С. 58.



Прежде всего вызывает недоумение метод анализа перечислений, примененный Бородиным. Он накладывает списки городов «Космографии» не на описания итинерариев (что было бы естественно и необходимо, чтобы показать отличие или совпадение этих списков с предполагаемыми античными источниками), а на современную карту с локализованными на ней античными городами.

Если же мы сравним приведенные Бородиным перечни городов с предполагаемым итинерарным источником, а именно, с Певтингеровой картой, то получим совсем другую картину.

Перечень относящихся к Паннонии городов (IV, 19), приведенный Бородиным, содержит следующие названия: *Confluentes*, *Taurinum*, *Idominio*, *Bassianis* (у Бородина — *Bassanis*<sup>10</sup>), *Fossis*, *Sirmium* (у Бородина ошибочно после *Drinum*), *Drinum*, *Saldis* (у Бородина — *Saltis*), *Bassantis* (у Бородина — *Bessanto*), *Marsonia* (у Бородина — *Mansonie*), *Mursa maior*, *Mursa minor* и т. д. Глядя на современную карту с античными локализациями, можно, вероятно, отметить и отклонения на север в районе Сирмия, и неожиданность встречи Мурсы, находившейся не на Дунае, вдоль которого располагаются остальные пункты, а на Драве (эти замечания служат Бородину доказательством независимости Анонима от итинерариев). А теперь взглянем на соответствующий фрагмент Певтингеровой карты (V, 1—5) — линией одной дороги здесь соединены следующие населенные пункты: *Confluentibus*, *Tauruno*, *Idiminio*, *Bassianis*, *Sirmium*, *Drinum*, *Saldis*, *Ad Bassante*, *Marsonie*, *Urbate* etc.

Как видим, до Марсонии перечисление «Космографии» практически идентично перечню городов Певтингеровой карты, расположенных на одной дороге. Следующие в «Космографии» Мурса Великая и Мурса Малая, вызвавшие упрек Бородина в «игнорировании географических коммуникаций», действительно, лежат на другой, не пересекающейся с первой, дороге на карте, но перескок Анонима вполне объясним, причем объясним только, если предположить, что его источником была именно дорожная карта типа Певтингеровой: обе Мурсы находятся на соседней к северу дороге и надписаны на карте в непосредственной близости от Марсонии, примерно на том же уровне, так что принять их за города того же пути очень легко, тем более что расположение рек, обрамляющих эти два названия, связывают их в одну линию (рис. 1). Характерно, что дальнейшее перечисление городов в «Космографии» (*Ioballios*, *Berevis*, *Sorenis*, *Marimanus*, *Balenilo*, *Sirote*, *Cucconis*, *Lentulis*, *Sonista*, *Botivo*, *Populos*, *Aquaviva*, *Remista*, *Petavonia*) почти полностью и в том же порядке повторяет последовательность городов, расположенных на запад по дороге, на которой находятся Мурса Великая и Мурса Малая (IV, 2—V, 1: *Iovallio*, *Berebis*, *Seronis*, *Marinianis*, *Bolentio*, *Sirotis*, *Iovia*,

<sup>10</sup> Мы не могли понять, чем вызваны эти расхождения в написании названий: ни издание Пиздера-Партая, ни текст Шнетца, ни карты Атласа Уоррингтона, которыми пользовался Бородин, не дают таких чтений.

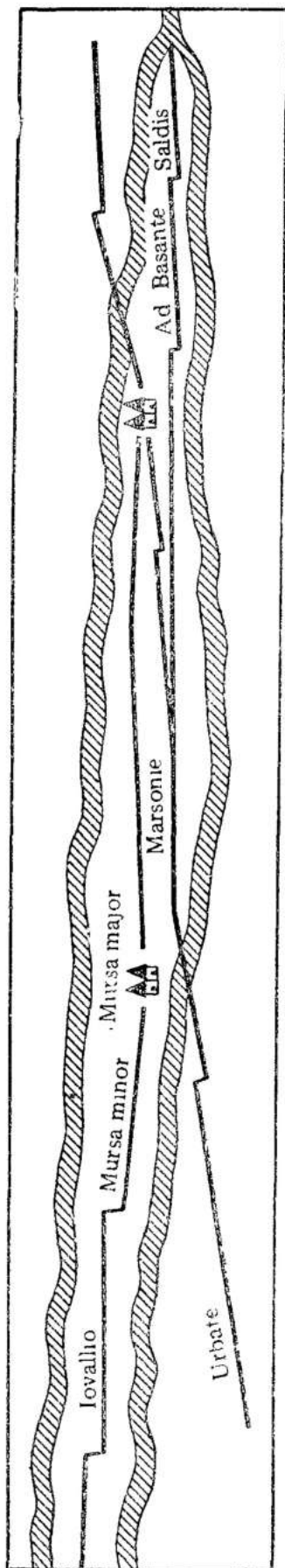


Рис. 1

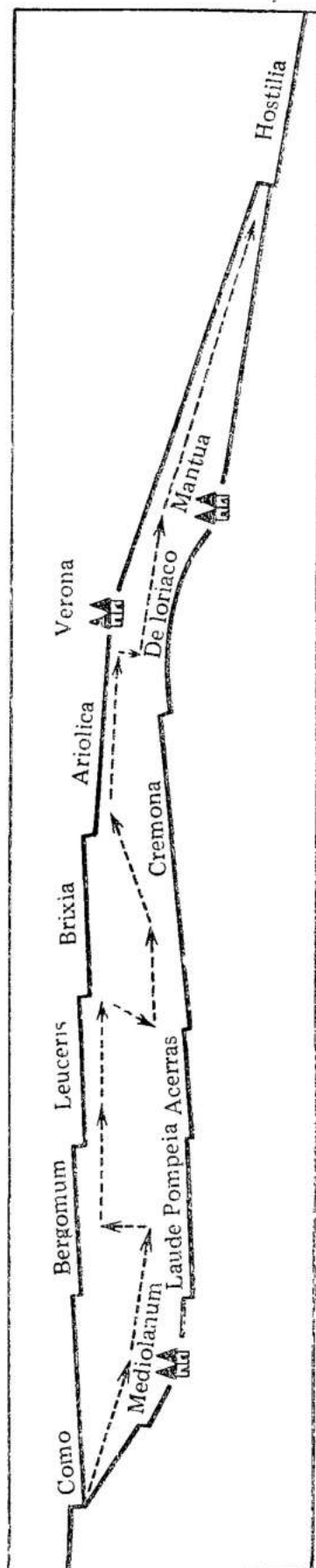


Рис. 2

Luntulis, Piretis, Sonista, Botino, Populos, Aqua Viva, Remista, Petavione). Можно поэтому предположить, что Равеннскому Анониму в данном случае понадобилось сгруппировать города именно в этом горизонтальном (по карте) срезе; не будучи связан сугубо итинерарными практическими задачами, он мог позволить себе перескочить с одной дороги на соседнюю, но разве это достаточное основание, чтобы усомниться в использовании здесь в качестве источника итинерария? Думается, что разобранный пример, вопреки мнению Бородина, говорит как раз в пользу такого источника.

Несколько сложнее обстоит дело с перечнем итальянских городов от Верчелл до Вероны (IV. 30), приводимым Бородиным. Изложив по современной карте завихрения этого списка, он заключает: «Каждый, кто попытается соединить указанные точки на карте Северной Италии, получит немыслимую фигуру, не соответствующую ни одной реально существующей дороге»<sup>11</sup>. Но это на современной карте!

Попробуем, однако, снова наложить названия Космографа на дорожную систему Певтингеровой карты. Резкие и неожиданные скачки, по мнению Бородина, фиксируются между городами Комо и Мантуя: Comum, Mediolanum, Laude Pompeii, Pergamum, Leuceris, Brixia, Acerculas, Cremona, Ariolita, Verona, Brediasco, Mantua, Hostilia. Сравнив эти города с соответствующим местом на Певтингеровой карте (III, 1—4), мы увидим, что Аноним перечисляет населенные пункты, находящиеся на двух соседних, параллельных друг другу дорогах, являющихся к тому же ответвлениями одной общей. Перечисление идет строго слева направо, города называются поочередно то на нижней, то на верхней дороге. Интересно, что именно в Комо начинается разделение общей до того дороги и именно в Гостилии эти два «рукава», пройдя параллельно друг другу, снова сливаются в один путь. На рис. 2, показывающем этот отрезок пути в Певтингеровой карте, стрелками прослежена последовательность перечисления городов в Равеннском Анониме.

Нетрудно заметить, что список составлен довольно упорядоченно. Аноним попытался систематически охватить в своем перечислении города двух параллельных дорог. Поскольку «Космография» — не дорожник, автору не было нужды прослеживать города отдельно по каждой дороге<sup>12</sup>, но то, что он использовал

<sup>11</sup> Бородин О. Р. «Космография». . . С. 58.

<sup>12</sup> Интересное объяснение подобных зигзагов в Равеннской «Космографии» предложила У. Шиллингер-Хефеле, приведшая несколько ярких примеров такого же одновременного перечисления Анонимом городов двух близлежащих дорог Певтингеровой карты: она считает, что, хотя, несомненно, источником карты, которой пользовался Космограф, были итинерарии типа Певтингеровой карты, карты эти были лишены линий, обозначающих пути, что делало возможным последовательное и в одном направлении считывание близко находящихся городов двух соседних дорог (*Schillinger-Häfele U. Beobachtungen zum Quellenproblem der Kosmographie von Ravenna // Bonner Jahrbücher. 1963. Bd. 163. S. 238—251;*



для своего общегеографического труда итинерарии, несомненно.

Рассмотренные примеры (а их легко умножить) показывают тесную связь «Космографии» с дорожными картами, являющимися, наряду с письменными, разновидностью итинерариев.

В своем стремлении начисто отрезать Равеннского Анонима от античных корней Бородин, как кажется, забывает одно простое обстоятельство: большая часть всей топонимической номенклатуры «Космографии» — явно античного происхождения. Уже один этот факт должен был бы уберечь автора статьи от тенденциозной оценки соотношения античного и средневекового элементов в труде Анонима, тем более что и сам Бородин чуть ниже отмечает, что «цель автора — сохранение традиционной (т. е. античной? — А. П.) топонимики в эпоху переселения народов»<sup>13</sup>.

Последняя цитата подводит нас к еще одному уязвимому, на наш взгляд, пункту в построениях автора статьи. «Разделавшись» с античными итинерариями и дорожными картами как не имеющими отношения к «Космографии», Бородин задается вопросом о цели и смысле этих бесконечных списков географических названий. Объяснение он находит у самого Анонима, который создал свой труд будто бы для того, чтобы «различные народы, пожелавшие из-за беспричинной гордыни чужих или лучших земель или теснимые другими племенами и покинувшие родные очаги, по варварскому обычаю не переименовывали бы города и реки страны, получившие названия в древности» (I, 1)<sup>14</sup>.

Эту задачу Анонима Бородин объявляет вполне соответствующей раннесредневековым условиям (переселение народов, необходимость сохранения древней топонимики) и не свойственной античности. Новый аргумент в пользу чисто средневекового характера «Космографии»? Нет, просто неверно понятый и усеченный текст. Полностью фраза звучит следующим образом: «Итак, как было условлено, я подробно, с помощью Христа, расскажу, следуя твоему<sup>15</sup> приказанию, обо всем, если только не буду введен в заблуждение тем, что различные племена, возжелав из-за своей чрезмерной дерзости чужих или лучших земель, или же, возможно, терпя тяжкие притеснения от других народов, переместились из собственных владений и при этом страны, города или же реки, названные когда-то одним именем, теперь стали называться иначе, как это бывает у варваров»<sup>16</sup>.

---

о характере работы Космографа со своими картографическими источниками см. также: *Dillemann L.* La carte routière de la Cosmographie de Ravenne // *Ibid.* 1975. Bd. 175. P. 165—170).

<sup>13</sup> Бородин О. Р. «Космография». . . С. 60.

<sup>14</sup> Там же.

<sup>15</sup> Аноним обращается к некоему Одо, вдохновившему его на написание «Космографии».

<sup>16</sup> Перевод наш. Латинский текст (автор пишет на очень посредственной латыни) звучит так: «Nam, ut praelibatum est, Christo nos iuvante diversa subtilius ad narrandum tue iussioni parebo, ni fallor, nisi varie gentes sua pro nimia superbia concupiscentes alienas aut meliores patrias aut fortasse ab aliis nationibus graviter afflicte a propriis cespitibus transmetate sunt

Автор, таким образом, заранее объявляет о своем намерении следовать старой топонимической номенклатуре, которую он почерпнул из других источников, опасаясь, впрочем (и не без оснований), что после Великого переселения народов старые названия во многом перестали соответствовать реальным именам географических объектов.

Рассмотрение жанра «Космографии» — топонимический справочник, индекс географических названий — также приводит Бородин к выводу о том, что подобных справочников в античности не существовало и что «Космография» — первое произведение этого жанра, свойственного лишь средневековой географии<sup>17</sup>. При этом Бородин проводит параллели с географическими трудами Дикуила (IX в.) и Этика (Бородин называет его современником Анонима), видя в трудах последних аналогичные попытки дать классификацию многообразного топонимического материала, а во всех трех авторах — «зачинателей» новой, своеобразной, чисто средневековой традиции<sup>18</sup>.

Но и эти построения Бородин не выдерживают критики. Известно, например, что сочинение Дикуила «Об измерении земли» представляет собой по большей части дословное переложение позднеантичного памятника «Разделение круга земель» (IV—V вв.)<sup>19</sup>, несомненно, восходящего к «Хорографии» Агриппы (I в. до н. э.). Этот трактат Дикуил дополняет некоторыми сведениями Плиния, Солина и других античных и раннесредневековых авторов. Ясно, что говорить при этом о каком-то серьезном жанровом новаторстве Дикуила вряд ли возможно, и уж коль скоро Бородин усматривает сходство между его произведением и «Космографией» из Равенны, то вывод должен быть прямо противоположным — о существовании античных прототипов раннесредневековых топонимических компендиумов.

Очень трудно говорить в этой связи об Этике, поскольку Бородин, по всей видимости, перепутал здесь два произведения — весьма оригинальную «Космографию» некоего Этика (или Аэтика) Истра VIII в. и посредственную компиляцию «Космографии» Юлия Гонория (IV—V вв.) с дополнениями из географического экскурса Павла Оросия (начала V в.), относящуюся примерно к тому же времени и в некоторых поздних рукописях ошибочно приписываемую Этику.

---

et, ut barbarus mos est, forsitan ut olim nominate sunt patrie, civitates vel flumina nuper aliter appellantur»; ср. также V, 16 и перевод Й. Шнетца (*Schnetz J. Ravennas Anonymus: Cosmographia. Uppsala, 1951. S. 2: «... es müsste denn sein, dass verschiedene Völker... in einen anderen Siedlungsraum übertraten und vielleicht... die Länder... jetzt anders benannt werden»*, vgl. S. 92).

<sup>17</sup> Бородин О. Р. «Космография»... С. 60.

<sup>18</sup> Там же. С. 60—62.

<sup>19</sup> Интересно, что до обнаружения и публикации в 1876 г. независимого от Дикуила текста «*Divisio orbis terrarum*» этот памятник был известен исключительно по выпискам Дикуила (*Schweder E. Beiträge zur Kritik der Chorographie des Augustus. Kiel, 1876. Th. 1. S. 6 ff.*).

Судя по тому, что Бородин называет Этика современником Анонима и отсылает нас к изданию К. Пертца (Берлин, 1853 г.), он подразумевал под Этиком автора первого произведения, однако пересказ содержания «Космографии» (перечисление географических объектов по четырем океанам) показывает, что имеется в виду все же позднеантичный Псевдо-Этик.

Если это так <sup>20</sup>, то обнаруженное сходство Равеннской «Космографии» с «Космографией» Псевдо-Этика опять-таки говорит в пользу того, что уже в античности мы сталкиваемся с подобного рода каталогической продукцией и у нас нет оснований начинать жанр топонимического справочника лишь с VIII в. н. э. <sup>21</sup>

Констатируя античные истоки многих черт «Космографии» Равеннского Анонима, мы отнюдь не склонны считать, что она лишена каких-либо примет средневекового мышления. Вся первая книга «Космографии» (собственно, ее введение) посвящена «теоретическому» осмыслению некоторых космологических и географических проблем, и Бородин совершенно прав, показывая их ярко выраженную христианскую, теологическую окраску, столь характерную для патристической литературы (в частности, для антиохийской космологической школы).

Следует, однако, отметить довольно слабую связь этого теоретического вступления Анонима с последующим огромным собранием географического материала, скомпилированного в основном из античных источников. И здесь мы сошлемся на слова самого Бородина, написавшего в своей последующей, более, на наш взгляд, корректной работе <sup>22</sup>: «Важнейшая черта их (т. е. раннесредневековых географов. — А. П.) трудов — зависимость прежде всего от античной традиции, ибо христианство, определив для себя некоторые общие теоретико-географические принципы, не имело собственной практической географии». Мы солидарны также с Бородиным, когда он, резюмируя обзор раннесредневековой географии, пишет: «... творчество географов ранней Византии (добавим: и Западной Европы. — А. П.), формально являясь христианским, несло в себе, часто вопреки воле авторов, накопленный античностью научный потенциал» <sup>23</sup>. Жаль только, что эти правильные и важные общие наблюдения никак не отразились при анализе такого характерного для этой эпохи памятника, как «Космография» Равеннского Анонима.

<sup>20</sup> В том, что Бородин не различает эти два произведения, убеждает анализ «Космографии» Этика в его следующей работе (Бородин О. Р. Развитие географической мысли // Византийская культура. М., 1984. С. 452—453).

<sup>21</sup> «Космография» Псевдо-Этика настолько близка по времени написания и тексту к «Космографии» Юлия Гонория, что некоторые исследователи считают первую одной из редакций второй (см., например: Kubitschek W. Julius Honorius // RE. 1917. X, 1. Col. 615).

<sup>22</sup> Бородин О. Р. Развитие географической мысли. С. 450.

<sup>23</sup> Там же. С. 466.



## ОБ АНТИЧНЫХ ТОПОНИМАХ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Сумма сведений западноевропейской географической литературы XII—XIII вв. в основном восходит к античной географии<sup>1</sup>, но информационная консервативность повествовательных географических текстов и карт, их зависимость от сочинений древних авторитетов не исключали оригинальной композиционной организации старого материала, сознательной или неосознанной модификации его лексической, грамматической, синтаксической, иконографической формы. Переходя из источника в источник, претерпевала формальные преобразования и античная топонимика. Пути этих преобразований рассматриваются в настоящем сообщении на примере хоронима «Гирния/Гуния» (*Hirnia/Hunia*), упомянутого Гонорием Августодунским в «Образе мира» (1110 г.).

Контекст такой: с Гирканией «граничат Скифия и Гирния (Гуния), где 44 народа»<sup>2</sup>. Основывается это известие на данных раннесредневековых авторов Исидора Севильского и Павла Орозия. Согласно Орозию, «вплоть до Каспийского моря на западе . . . живет 42 народа скифов и гиркан, кочующих на больших пространствах»<sup>3</sup>. Исидор в соответствующих разделах «Этимологий» сперва сообщает о границах Скифии: «под ней к западу Гиркания, где также кочуют на больших пространствах многие народы», затем описывает некоторые достопримечательности Скифии и вновь говорит о Гиркании, в частности, о том, что она «лежит ниже Скифии»<sup>4</sup>.

Нелогичная последовательность единиц традиционной информации у Исидора, компилировавшего разные источники (в том числе «Историю против язычников» Павла Орозия), по-видимому, вызвала у Гонория Августодунского предположение о существовании двух разных Гирканий. Первая сохранила свое традицион-

<sup>1</sup> Ср. реконструкции гипотетических античных карт мира на основе сопоставления средневековых карт: *Miller K. Mappa mundi. Die ältesten Weltkarten.* Stuttgart, 1895—1898. Краткий обзор античных и библейских сведений в географических описаниях нашей страны содержится в статье: Чекин Л. С. Традиционные и новые сведения в западноевропейской географии XII—XIII вв. // ДГ, 1985 год. М., 1986.

<sup>2</sup> *Honorius Augustodunensis. De imagine mundi* // Migne. PL. Parisii, 1854. T. 172. Col. 127 (*Hirnia*); *Flint V. I. J. Honorius Augustodunensis Imago Mundi* // Archives d'histoire doctrinale et littéraire du moyen âge. 1982. An. 57. T. 49. P. 58 (*Hunia*).

<sup>3</sup> *Paulus Orosius. Historiae adversum paganos* / Ed. C. Zangemeister. Lipsiae, 1889. P. 9 (1.2.47).

<sup>4</sup> *Isidorus Hispalensis. Etymologiae sive origines* // Migne. PL. Parisii, 1850. T. 82. Col. 500—501 (14.3.31—33).

ное наименование <sup>5</sup>. Орфографическая ошибка или неясное написание хоронима в одном из источников помогли найти для второй Гиркании новое имя — Гирния/Гуния, причем один из вариантов появился, конечно, не без влияния этнонима «гунны», хорошо известного Гонорию из позднеантичной и раннесредневековой литературы. (В скобках отметим возможность «обратной» замены, когда у Гервасия Тильберийского упомянутые Орозием *Chuni-Scythes* <sup>6</sup>, отождествлявшиеся в XII—XIII вв. с гуннами <sup>7</sup>, превратились под воздействием общего описания скифо-гирканского региона в «гиркан» и «скифов» <sup>8</sup>.)

Стремление избежать омонимии, пагубной для географического труда, можно увидеть не только в случае с Гирканией и Гирнией/Гунией у Гонория Августодунского. Вероятно, оно отразилось и в староиспанском «Образе мира» (около 1223 г.), где до неузнаваемости разошлись формы хоронима «Скифия». Одна была применена для европейской Нижней Скифии (во фрагменте, заимствованном у Гонория), а другая — для азиатской Верхней (во фрагментах, заимствованных у Исидора), соответственно *Ticia* и *Esc(h)ocia* <sup>9</sup>. Обозначения Нижней и Верхней Скифий отличаются друг от друга и на латиноязычной Псалтырной карте мира (*Scitia — Sithia*) <sup>10</sup> и в англо-нормандской поэме Пьера де Гарбеле (*Sisse — Site*) <sup>11</sup>. Впрочем, такое расхождение форм могло возникнуть и совершенно независимо от воли данного писателя или картографа, по чисто «техническим» причинам <sup>12</sup>, в том числе в результате орфографической ошибки или вследствие обычной вариативности того или иного топонима в латинском и других языках.

Так или иначе, хороним «Гирния/Гуния» вошел в западно-

<sup>5</sup> Хотя и обзавелась развернутым определением («в ней птицы, перья которых светятся в темноте»), изначально относившимся к Герцинскому лесу. Подробнее см.: *Hünemörder C. Hercyniae aves // Rheinisches Museum für Philologie. 1967. Bd. 110. H. 4.*

<sup>6</sup> *Paulus Orosius. Op. cit. P. 8 (1.2.45).*

<sup>7</sup> Ср. *Huni Scite / Sithe* на «карте Иеронима» и Херефордской (*Miller K. Op. cit. Stuttgart, 1895. H. 3. Taf. 1. S. 5; Stuttgart, 1896. H. 4. S. 25).*

<sup>8</sup> *Gervasius Tilberiensis. Otia imperialia // Scriptores rerum Brunsvicensium / Ed. G. W. Leibnitz. Hanoverae, 1710. T. 2. P. 762.*

<sup>9</sup> *Bull W. E., Williams H. F. Semejança del mundo: A Medieval Description of the World. Berkeley; Los Angeles, 1959. P. 70—71, 78—79, 101.*

<sup>10</sup> *Yūsuf Kamāl. Monumenta cartographica Africae et Aegypti. Kairo, 1935. T. 3. Fasc. 5. F. 999.*

<sup>11</sup> *Divisiones mundi / Ed. O. H. Prior // Poem on the Assumption / Ed. J. P. Strachey. Poem on the Day of Judgement / Ed. H. J. Chaytor. Divisiones mundi / Ed. O. H. Prior. Cambridge, 1924. P. 57, 59.*

<sup>12</sup> Ср., например, расхождение форм гидронимов «Аракс» и «Фасида» в контексте фразы о трех реках Скифии («habet et flumina magna: Moschorum, Phasidem et Araxen» — *Isidorus Hispalensis. Op. cit. Col. 501 (14.3.32)* и в других контекстах: *Aroces / Arayes* и *Araxis* (*Bull W. E., Williams H. F. Op. cit. P. 70—71, 119*); *Fascidin, Yrarin* и *Fasis, Oraxis* (*Miller K. Op. cit. Stuttgart, 1896. H. 5*). Показательно, что и само известие о трех реках некогда возникло благодаря технической ошибке; ср.: «*Heniochorum montes Araxen, Moschorum Phasidem fundunt*» (*C. Julius Solinus. Collectanea rerum memorabilium / Ed. T. Mommsen. Berolini, 1895. P. 86 (15.19).*

европейскую географическую традицию. Последователям Гонория Августодунского, знакомым и с его источниками, при описании скифо-гирканского региона приходилось делать выбор между авторитетами.

Вариант «Гуния» (Hune) был принят Пьером де Гарбеле, переработавшим в начале XIV в. поэму Пьера Бовезского<sup>13</sup>: за Гирканией «лежат Скифия и Гуния, обе они очень велики»<sup>14</sup>. Структура гонориевской фразы, возможно, оказала влияние на легенду нижнесаксонской Эбсторфской карты мира (ок. 1300 г.), однако хоронимы здесь даются по Исидору: под Скифией «к западу Гиркания, и в них обеих 44 народа»<sup>15</sup>. Автор староиспанского «Образа мира» пошел по пути компромисса, не упомянув «спорный» хороним: «В Скифии 44 народа»<sup>16</sup>, а в старофранцузском «Образе мира» (1246 г.) не упомянута даже Скифия: «другая большая область, где 43 народа»<sup>17</sup>.

Цитировавшиеся выше слова Исидора Севильского о границах Скифии были переданы в «Императорских досугах» Гервазия Тильберийского (1209—1214 гг.) так: под Скифией «к западу лежит Иранея (Irauea), где также кочуют на больших пространствах многие народы»<sup>18</sup>. Переход к «Иранее» был сделан, по всей вероятности, не непосредственно от исидоровой «Гиркании», а через посредство хоронима «Гирния», стремление истолковать который и привело Гервазия Тильберийского к первому упоминанию местного названия «Иран»<sup>19</sup> в западноевропейской географической литературе. Источником же, откуда имя «Иран» стало известно Гервазию, были сообщения «латинян, живущих в краях константинопольских», на которые ученый ссылается в другом месте своего труда<sup>20</sup>. Следует подчеркнуть, что столь существенное топонимическое преобразование ограничено конкретным содержательным контекстом и предстает как одно из проявлений вариативности данной традиционной фразы. Дважды (а один раз в том же

<sup>13</sup> См.: *Hamilton G. L.* Encore un plagiat médiéval: La «Mappe monde» de Pierre de Beauvais et les «Divisiones mundi» de Perot de Garbelai // *Mélanges de linguistique et de littérature offerts à M. Alfred Jeanroy*. P., 1928. Поэма Пьера Бовезского (первая половина XIII в.) не опубликована.

<sup>14</sup> *Divisiones mundi*. P. 57. Та же топонимия во «Всемирной хронике» немецкого поэта Рудольфа Эмского (между 1250 и 1254 гг.): *Hircaniâ, Citiâ (Cicia, Cychia), Hunjâ*. (*Doberentz O.* Die Erd- und Völkerkunde in der Weltchronik des Rudolfs von Hohen-Ems // *Zeitschrift für deutsche Philologie*. 1882. Bd. 13. S. 185). Число народов, приводимое Рудольфом, — 24 — вероятно, перешло сюда из описания Египта (ср.: *Flint V. I. J.* Op. cit. P. 57).

<sup>15</sup> *Miller K.* Op. cit. H. 5. S. 33; cf. S. 34.

<sup>16</sup> *Bull W. E., Williams H. F.* Op. cit. P. 70—71.

<sup>17</sup> *L'Image du monde de Maître Gossouin: Rédaction en prose* / Ed. O. H. Prior. Lausanne, 1913. P. 123.

<sup>18</sup> *Gervasius Tilberiensis*. Op. cit. P. 756.

<sup>19</sup> «Иранея» идентифицирована с Ираном, например, в кн.: *Wright J. K.* The Geographical Lore of the Time of the Crusades. N. Y., 1925. P. 281—282.

<sup>20</sup> *Gervasius Tilberiensis*. Op. cit. P. 764.



самом разделе, где он говорит об Иранее) Гervазий называет страну, лежащую к западу от Скифии, «Гирканией» <sup>21</sup>.

Наблюдения над возникновением хоронима «Гирния/Гуния» и его судьбой в географической литературе XII—XIII вв. позволили отметить следующие явления в системе традиционных географических сведений средневековья: «раздвоение» этимона, т. е. развитие на его основе двух формально разных топонимов; формальное сближение одного топонима с другим, в том числе нетрадиционным. Непосредственной причиной таких преобразований могла быть как воля автора, так и случайная «техническая» ошибка. В конечном же счете неустойчивость и подвижность некоторых топонимов, известных средневековому географу из книжной традиции, определяется их семантической недостаточностью.

*Е. А. Мельникова*

## РУССКО-СКАНДИНАВСКИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ В ПРОЦЕССЕ ХРИСТИАНИЗАЦИИ (IX—XIII вв.)

Типологическое сходство и относительная синхронность исторического развития Древнерусского и Скандинавского регионов, вступавших во второй половине I тысячелетия н. э. без заметных синтезных явлений на пути феодализма, проявились во многих сферах материальной и духовной жизни, в том числе и в религиозно-идеологической <sup>1</sup>. Наиболее очевидным, хотя и формальным, показателем синхронности христианизации является практически одновременное официальное принятие христианства в странах Северной Европы и на Руси: в Дании — перед 980 г., на Руси — в 988 г., в Исландии — в 1000 г., в Норвегии и Швеции — в первой трети XI в. <sup>2</sup> Но наряду с типологической близостью развития обоих регионов между ними существовали интенсивные связи,

<sup>21</sup> Ibid. P. 756; 1707. T. 1. P. 948. Ср. другой путь актуализации античного топонимического наследия: топонимы переосмыслиются применительно к реалиям средневековья, сохраняя традиционную форму. См.: *Liman K.* «Graecia», «Latinum», «Campania», «Ruthenia» i inne starożytne pojęcia geograficzne w łacińskich źródłach Średniowiecznych // *Meander*. 1987. Rok 42. N 9/10.

<sup>1</sup> Мельникова Е. А. Христианизация Древней Руси и Скандинавии: типологические параллели и взаимосвязи // Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы. Крещение Руси: Сб. тезисов. М., 1987. С. 24—23.

<sup>2</sup> Принятая дата христианизации Швеции — 1080-е годы (разрушение Упсальского языческого центра). Однако уже с 1008 г. в Швеции правят конунги-христиане, в 1020 г. учреждается епископия в Скаре и в 1060 г. — в Сигтуне.

которые создавали предпосылки и для взаимных влияний как в других, так и в религиозной сфере.

В рамках норманистской концепции древнерусской истории существенная (если не ведущая) роль скандинавов в христианизации Руси определялась общим представлением о решающем влиянии культуры Скандинавии на Восточную Европу, тем более что почти все первые упоминания о проникновении христианства на Русь в древнерусских источниках тем или иным образом связаны с выходцами из Скандинавии<sup>3</sup>. Как заключил В. А. Мошин, «своими военными и торговыми предприятиями сблизив восточных славян с Византией и содействуя распространению христианства, [скандинавы. — Е. М.] создали почву для подготовки внутреннего объединения свято-русской земли»<sup>4</sup>. А. Стендер-Петерсен, пересмотревший часть сюжетов, связанных с христианизацией Руси в X—XI вв., указал, что «христианизирующий» вклад скандинавов не следует преувеличивать, поскольку они «были интегрированы» в древнерусское общество<sup>5</sup>. Эта, более умеренная оценка была поддержана распространившимся в 1960—1980-е годы представлением о быстрой ассимиляции скандинавов на Руси.

Вместо с тем за последние десятилетия выявлен значительный материал, позволивший П. Соьеру отметить проникновение восточного христианства в Скандинавию благодаря службе скандинавов в «варяжском корпусе» в Константинополе и династическим связям с Древней Русью. Он полагает, что, «возможно, византийские миссионеры играли большую роль в обращении восточной Скандинавии, чем это обычно признается»<sup>6</sup>. Однако результаты новейших исследований не систематизированы, рассыпаны по крупницам в археологических, искусствоведческих и исторических трудах. Тем не менее при всей фрагментарности этих данных представляется целесообразным, суммируя их, дать хотя бы общую характеристику русско-скандинавских взаимовлияний в религиозной сфере, обратив особое внимание на восточнохристианские элементы в Скандинавии.

Первые три этапа русско-скандинавских отношений (до 980-х годов)<sup>7</sup> совпадают со временем постепенного проникновения христианства как на Русь (из Византии), так и в Скандинавию (из Западной Европы). «Латентная» христианизация отмечается отдельными случаями крещения представителей формирующегося

<sup>3</sup> Малышевский И. И. Варяги в начальной истории христианства в Киеве // Тр. Киевской духовной академии. 1887. № 12. С. 617—654; Полонская Н. Д. К вопросу о христианстве на Руси до Владимира // ЖМНП. 1917. Сентябрь. С. 33—80.

<sup>4</sup> Мошин В. А. Варяго-русский вопрос // *Slavia*. 1934. Роç. X. С. 536.

<sup>5</sup> Stender-Petersen A. The Varangians and the Cave Monastery // Stender-Petersen A. *Varangica*. Aarhus, 1953. P. 139—150.

<sup>6</sup> Sawyer P. H. *Kings and Vikings*. L.; N. Y., 1982. P. 141.

<sup>7</sup> Мельникова Е. А., Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. Древнерусские влияния в культуре Скандинавии раннего средневековья: (К постановке проблемы) // История СССР. 1984. № 3. С. 50—65.

господствующего слоя, миссионерской деятельностью, распространением христианских идей и представлений (а вместе с ними и предметов культа) в языческой среде. Она протекала на Руси в обстановке усиления военной и социальной активности древнерусских дружин, связанной с процессами зарождения и становления государства. Благодаря полиэтничности дружин, в состав которых входили и скандинавы, не удивительно, что варяги упоминаются в числе первых христиан на Руси<sup>8</sup>. Находясь на службе древнерусских князей, подчиняясь интересам древнерусского общества, они черпали в Византии и Болгарии новые религиозные импульсы одновременно и совместно с дружинниками-славянами.

Договор 944 г., свидетельствующий о проникновении христианства на Русь<sup>9</sup>, дает основание говорить о том, что полиэтнические великокняжеские дружины и ближайшее окружение великого князя, т. е. наиболее социально активная и потому проницаемая для новых идеологических веяний часть общества, к середине X в. в какой-то своей части были христианизированы. Однако текст клятв, четко разделяющий клянувшихся с русской стороны по конфессиональному признаку, не несет никаких следов их этнической принадлежности: «Мы же, елико насъ хрестилися есмы, кляхомъся церковью святого Илье въ сборней церкви. . .», «А некрещеная Русь полагають щиты своя и мече свое наги, обруче свое и прочаа оружье, да кленутся о всемъ. . .»<sup>10</sup> Славянизирующиеся скандинавы, вероятно, усваивали христианство в той же мере, что и представители славян.

Третий этап русско-скандинавских отношений (середина — третья четверть X в.), в конце которого осуществляется официальное принятие христианства на Руси, знаменовался резким возрастанием древнерусских влияний в Скандинавии<sup>11</sup>, в том числе и в религиозной сфере, которые усиливаются в первой половине XI в. Именно в это время элементы восточного христианства, почерпнутые в Византии, где в конце X в. формируется «варяжский корпус», или на Руси, проникают на о. Готланд и в Среднюю Швецию по преимуществу в виде отдельных предметов культа<sup>12</sup>.

---

<sup>8</sup> Это известные упоминания варягов-мучеников, Аффрикана и Шимона и др. См. выше примеч. 3.

<sup>9</sup> В договоре 911 г. последовательно противопоставляются языческая Русь и христианская Византия.

<sup>10</sup> ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 38. Тенденциозный вывод из текста договора 944 г. о скандинавах как единственных носителях христианства на Руси в это время таким образом неоправдан (*Reisman E. S. The Cult of Boris and Gleb: Remnant of a Varangian Tradition // Russian Review. 1978. Vol. 37, N 2. P. 146*).

<sup>11</sup> Мельникова Е. А., Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. Указ. соч. С. 61.

<sup>12</sup> Выдвигающееся предположение о русско-византийских миссиях в Восточную Скандинавию в это время не может быть надежно аргументировано. Так, вряд ли можно считать достаточным основанием находки нескольких киевских нателных крестиков (см. примеч. 13), как полагал Э. Флудерус (*Floderus E. Brandgravar med hängkors // Fornvännen. 1940. Årg. 35. S. 129 ff.*).



Наиболее распространенной категорией культовых предметов являются кресты-тельники греческого и южнорусского типов, встречаемые в погребальных памятниках Средней Швеции и Готланда. К ним относят литые крестики с фигурными утолщениями на концах <sup>13</sup>, крестики, вырезанные из кружков листового серебра <sup>14</sup>, и др. Особой известностью пользуется серебряная с зернью и филигранью крестовидная подвеска с изображением распятия из богатого женского погребения № 660 в Бирке <sup>15</sup>. В XI в. появляются равноплечие двусторонние крестики с распятием <sup>16</sup>, где Христос изображен в длинном или укороченном до колен хитоне, складки которого обозначены рядом параллельных полос <sup>17</sup>, что считается русско-византийской особенностью <sup>18</sup>. Эти кресты изготавливаются и в Скандинавии. Тогда же проникают энколпионы. Наиболее известны среди них «крест Дагмары» (жены короля Дании Вальдемара, ум. 1212 г.), золотой с перегородчатой эмалью византийского происхождения (ок. 1000 г.), и энколпион из Готебу (о. Эланд) с гравированным и черненным изображением распятия на одной стороне и Христа и четырех святых на другой. В отличие от «креста Дагмары» он изготовлен в Скандинавии по византийскому образцу в конце XI в.: в ленточном орнаменте вокруг фигуры Христа прослеживаются черты стиля Урнес <sup>19</sup>.

<sup>13</sup> *Stenberger M.* Christliche Einflüsse im archäologischen Material der Wikingerzeit in Schweden // *Kirche und Gesellschaft im Ostseeraum und im Norden vor der Mitte des 13. Jahrhunderts.* Visby, 1969. S. 13. Abb. 3 [Acta Visbyensia. III]. Наибольший интерес среди них представляют находки в погребениях по обряду сожжения в Турберге (Упланд, две штуки, ок. 800 г.) и в Эриксберге (Сёдерманланд). Ср. подобные типы крестиков в Финляндии: *Sedov V. V.* Old Russia and Southern Finland (Finds of Old Russian Origin in Finland) // *Iskos. Finska fornminnesföreningen.* 1984. B. 4. P. 16—22).

<sup>14</sup> Большинство специалистов полагает, что они происходят из Восточной Европы (М. Стенбергер говорит об их «иностранном происхождении» — *Stenberger M.* Christliche Einflüsse. S. 10. Abb. 1), а позднее производятся в Скандинавии (*Vikingatidens ABC.* Stockholm, 1981. S. 117—118). Н. Г. Недошивина указала, что эти крестики встречаются на Руси в погребениях вместе с другими скандинавскими предметами, и предположила в них скандинавский импорт (*Недошивина Н. Г.* Средневековые крестовидные подвески из листового серебра // *СА.* 1983. № 4. С. 222—225).

<sup>15</sup> Здесь же найдены лунница с зернью, бусины из агата и горного хрусталя (*Arbman H.* Birka I. Die Gräber. Text. Uppsala, 1943. S. 231—233; Taffeln. Stockholm, 1940. Taf. 102.2; 98.13).

<sup>16</sup> *Salin B.* Några krucifix och kors i Statens Historiska Museum // *Svenska fornminnesföreningens tidskrift.* 1893. B. 8; *Sedov V. V.* Op. cit. P. 19—20. П. Пурхонен указывает на западнославянские аналогии (*Purhonen P.* The Crucifix from Taskula, Maaria — on the Iconographic and Stylistic Aspects of a Group of Crucifix Pendants // *Iskos. Finska fornminnesföreningen.* 1984. B. 4. P. 64—69).

<sup>17</sup> *Stenberger M.* Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Stockholm, 1958. Bd. I. S. 176—181. Abb. 43, 51, 97; ср.: *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981. С. 49—50.

<sup>18</sup> *Blindheim M.* Byzantine Influence on Scandinavian Pictorial Art in the 11th and 12th Centuries // *Les pays du Nord et Byzance.* Uppsala, 1981. P. 302—305.

<sup>19</sup> *Ibid.* P. 308—310. Fig. 7 a—b; 8 a—b; *Holmqvist W.* Övergångstidens

На рубеже X—XI вв. в Южной и Средней Швеции и на Готланде появляются глиняные яйца-писанки киевского производства. Они найдены в захоронениях (Роне, Готланд) и в городских слоях Сигтуны и Лунда<sup>20</sup>.

Наконец, на шведских рунических камнях первой половины — середины XI в. одним из важнейших элементов орнаментики становятся кресты, среди которых нередко встречается греческий (вписанный в круг)<sup>21</sup>.

Большинство упомянутых находок сделано в так называемых дружинных погребениях, совершенных по дохристианскому обряду и содержащих другие предметы восточноевропейского происхождения, что указывает на тесные связи погребенных с Восточной Европой. Эти погребения, как считается, отражают не столько этническую, сколько социальную принадлежность погребенного к новой дружинной знати. Сходные дружинные погребения со смешанным погребальным обрядом и разнотипным по происхождению инвентарем хорошо известны и на Руси. Однако они не содержат культовых предметов или черт обрядности, свойственных западному христианству и занесенных скандинавами. Единственное погребение, имеющее черты, аналогичные скандинавским, — женское в камере (вторая половина X в.), обнаруженное недавно в Гнездове<sup>22</sup>. Оно сопровождалось богатым набором украшений, на потолочном перекрытии сруба по углам находилось четыре восковые свечи. Захоронение произведено по языческому обряду с элементами христианства и в целом мало отличается от

---

metallkonst. Ett bidrag till 1000-talets och 1100-talets konsthistoria // Kgl. Vitterhets historia och antikvitets akademis handlingar. Antikvariska ser. Stockholm, 1963. B. II. Fig. 18—19.

<sup>20</sup> *Arbman H.* «Uppståndelseägg» av glaserad lera // *Situne Dei*. Stockholm, 1945; *Trotzig G.* Den gamla och den nya religionen // *Gutar och vikingar*. Stockholm, 1983. S. 383. Fig. 15; ср.: *Макарова Т. И.* О производстве писанок на Руси // *Культура Древней Руси*. М., 1966. С. 141—145.

<sup>21</sup> *Plutzar F.* Die Ornamentik der Runensteine. Stockholm, 1924. S. 33—36. Этот тип креста считается занесенным в Скандинавию из Византии. Об использовании той же формы креста на предметах, не имеющих отношения к христианскому культу, см.: *Holmqvist W.* Was there a Christian Mission to Sweden before Ansgar? // *Early Medieval Studies*. Stockholm, 1974. Vol. 8. P. 47—48.

Представляют интерес наблюдения А. Шёберга над лексическими и иконографическими особенностями упландских рунических камней XI в., отличающих их от вестергётландских и эстергётландских памятников. В противоположность последним, содержащим христианские формулы, свойственные католической церкви (в частности, начальные слова молитв «Pater noster» и «Ave Maria»), на упландских наиболее распространена формула «Бог да поможет его душе и Божья мать». Шёберг считает, что она возникла под влиянием православия, где употребительным было обозначение матери Христа не именем Мария, а «богородица» (сходная формула обнаружена им в Поучении Владимира Мономаха) (*Sjöberg A.* Orthodoxe Mission in Schweden im 11. Jahrhundert? // *Acta Visbyensia. Uddevalla*, 1985. T. VII. Society and Trade in the Baltic during the Viking Age. S. 76).

<sup>22</sup> Раскопки под руководством Д. А. Авдусина. См.: *Пушкина Т. А.* Раскопки в Гнездове // *Археологические открытия 1982 г.* М., 1984. С. 78—79.

других камерных погребений, но подобное расположение свечей имеет только датские параллели того же времени.

В XI в. после принятия христианства как общегосударственной религии и формирования церковной организации меняются формы религиозно-идеологических взаимосвязей. Главным проводником восточного христианства в Скандинавии, так же как и западного на Руси, становятся представители правящих домов и их ближайшее окружение, служители церквей при открываемых торговых дворах и в меньшей степени — отдельные купцы и воины. Основными свидетельствами взаимовлияний в религиозной сфере становятся теперь проникновения иноземных культов святых, попытки использовать церковь во внутриполитической борьбе, влияния в церковной архитектуре и живописи.

Церкви при торговых дворах становятся не только местами отправления богослужения, но и проводниками культов святых — патронов церквей. Наиболее известна церковь св. Олава (первого местного норвежского святого) при Готском дворе в Новгороде. Культ св. Олава, проводшего несколько лет при дворе Ярослава Мудрого, видимо, получил некоторое распространение в Новгороде в конце IX—первой половине XII в.<sup>23</sup>, о чем свидетельствуют письменные памятники: «Житие и чудеса св. Олава» (XII—XIV вв.) «Вопрошание Кирика» (XII в.), «Молитва св. Троице», в которой упомянута группа скандинавских святых: Олав, Канут, Бенедикт, Магнус<sup>24</sup> и др.

Менее определенны данные о русских церквях в Скандинавии. В 1461 г. в приписке к посланию ливонских городов Любеку упомянуто, что новгородцы имели на Готланде две церкви<sup>25</sup>. В разное время делались попытки отождествить их с рядом готландских церквей XII—XIII вв.: церковью св. Ларса в Висбю, церквями в Челлунге и Гарде и др.<sup>26</sup> Наибольший интерес представляет раскопанная в 1971 г. часть фундамента так называемой «русской» церкви в квартале Мункен в Висбю (первая половина XIII в.), двустолпной и прямоугольной в плане с полукруглой апсидой в восточной стене. Предполагается, что она функционировала недолго и сгорела во время пожара<sup>27</sup>. Древнерусских находок на ее территории не сделано, в отличие от церкви св. Климента (покровителя плаваний и торговли) в Висбю, где обнаружен равноплечий крестик из овручского шифера с кириллической надписью

<sup>23</sup> Мельникова Е. А. Сведения о Руси в двух скандинавских рунических надписях // История СССР. 1974. № 6. С. 176—178.

<sup>24</sup> Новое обстоятельное исследование «Молитвы» провел Дж. Линд, убедительно обосновавший ее датировку XII в. Приношу ему благодарность за возможность ознакомиться с рукописью его статьи.

<sup>25</sup> Lindström G. Anteckningar om Gotlands medeltid. Stockholm, 1892. D. 1. S. 91.

<sup>26</sup> Обзор см.: Svahnström G. Gotland zwischen Ost und West // Les pays du Nord et Byzance. S. 459—465.

<sup>27</sup> Falck W. Ryska kyrkan i kv. Munken // Gotländskt arkiv. 1971. B. 43. S. 85—93. Сванстрем (Svahnström G. Op. cit. S. 463) воздерживается от решительных выводов о русской принадлежности церкви.



в центре: «тоунакъ псал грешное»<sup>28</sup>. По палеографическим данным, А. А. Медынцева датирует его XI—первой половиной XII в. Отмечается возможность древнерусского влияния на планировку церкви св. Олава в Сигтуне<sup>29</sup>, где, возможно, существовал русский торговый двор. Вероятно, по образцу готландских церквей построена известная смоленская ротонда, так называемая «варяжская божница»<sup>30</sup>.

Среди немногочисленных сообщений о проникновении церковно-служителей из Восточной Европы в Скандинавию наибольшего внимания заслуживает рассказ Адама Бременского о некоем епископе Осмунде, которого приблизил к себе конунг Швеции Эмунд Старый (ум. ок. 1060 г.)<sup>31</sup>. Как пишет Адам, Осмунд обучался в школе в Бремене; после безуспешной поездки в Рим он получил сан епископа где-то в «Полании» (a quodam Polaniae archiepiscopo). По предположению Т. Арне, под «Поланией» следует понимать не Польшу, а «землю полян», т. е. Русь<sup>32</sup>. Приехав в Швецию, Осмунд был поставлен конунгом Эмундом епископом в Скаре, и, как пишет Адам, перед ним носили крест по обычаю архиепископов, т. е. Осмунд претендовал на митрополию. Эмунд отказался даже принять (как полагает Адам, по наущению Осмунда) легатов гамбургского архиепископа Адальберта, которому подчинялась шведская церковь. Адальберт протестовал против незаконного поставления Осмунда и требовал принять кандидатуру Гамбурга. Адам обвиняет «проходимца» (gírovagum) Осмунда в том, что он «совращал своим неправильным учением нашей веры»

<sup>28</sup> Чтение А. А. Медынцевой. Публикация: *Svahnström G.* Op. cit. S. 443. Abb. 1 слева. О. Смедберг предложил следующее чтение: «Тут Нака могила» (Hier ist Naks Grabstätte) (Ibid. S. 463. Anm. 28).

<sup>29</sup> *Janse O.* Har Emund den gamle sökt införa den grekisk-katolska läran i Sverige // *Fornvännen*. 1958. Årg. 53. S. 118—127.

<sup>30</sup> *Раннопорт П. А.* «Латинская церковь» в древнем Смоленске // *Новое в археологии*. М., 1972. С. 283—289.

<sup>31</sup> *Adami Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum*. III, 14 (XV)—15 (XVI). В последние годы А. Шёберг предположил, что резчик рунических камней Эпир (Øpir, рунич. **Ubir**) идентичен русскому клирику Упырю Лихому, оставившему запись на выполненном им списке ветхозаветных книг в 1047 г. (*Sjöberg A.* Pop Upir Licho and the Swedish Runecarver Ofeigr Upir // *Scando-Slavica*. 1982. Vol. 28. P. 109—124; *Idem.* *Orthodoxe Mission*. S. 72—78). Эта гипотеза строится на созвучии имен Упырь и Øpir и на возможном совпадении значения прозвищ: «Лихой» (от \*leikso < \*loik, первоначально «остающийся») и ó-feígr («не подвластный смерти», «не обреченный», т. е. «остающийся») и, по мнению автора, находит подтверждение в политической обстановке в Новгороде в середине XI в. Вероятность этого отождествления требует дальнейших исследований.

<sup>32</sup> *Arne T. J.* Biskop Osmund // *Fornvännen*. 1947. Årg. 42. S. 54—56; *Janse O.* Op. cit.; *Sawyer P. H.* Op. cit. P. 141. Впрочем, Адам обычно не путает Русь и Польшу, что делает это предположение маловероятным. Попытки отождествить Осмунда с резчиком рунических камней Асмундом Карасоном пока не нашли убедительного подтверждения (*Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи. М., 1977. С. 16—17; см. также: *Pritsak O.* The Origin of Rus'. Cambridge (Mass.), 1981. Vol. I. P. 400—401. N 35).

неофитов, а Эмунда, которого называет *pessimus* — «Дурной», в том, что он «недостаточно радел о нашей религии» в Швеции. Характер обвинений Адама вкупе с тесными родственными связями Эмунда с Русью (он был сыном Олава Шётконунга и дочери князя вендов, сводным братом Ингигерд-Ирины, и, как считают, в правление своего брата Анунда-Якоба (1020—1050 гг.) совершил поездку на Русь) позволили предположить, что Осмунд, а возможно и Эмунд, приняли православие. Обращение к «греческой вере» и поставление православного епископа могло служить важным шагом в острой политической борьбе, которая сопровождала укрепление церковной организации в Швеции в середине XI в.<sup>33</sup>

Примерно к тому же времени, т. е. середине XI в., относится сообщение Ари Торгильссона, исландского историка XII в., о приезде в Исландию трех епископов, Петра, Абрахама и Стефана<sup>34</sup>. Определение их этноса как *ermiskir* вызвало длительную дискуссию о их происхождении и вероисповедании, поскольку отэтнонимическое прилагательное *ermiskr* может относиться как к жителям Армении (*Ermland*), так и Вармии, области в Восточной Пруссии, носившей то же название. Однако с учетом того, что епископия в Вармии была учреждена лишь в 1243 г., более распространено мнение о том, что епископы были армянами.

Эти весьма скудные упоминания, свидетельствующие о проникновении православия в Скандинавские страны, находят своеобразное подтверждение в церковной живописи и изобразительном искусстве. Влияние византийского искусства в Скандинавии началось уже в середине—конце XI в. (в Западной Европе — с конца XII в.) и проникало через Русь<sup>35</sup>. К древнейшим памятникам изобразительного искусства, обнаруживающим это влияние, относят рунический камень из Дюнны (королевская усадьба Дуппа, Рингерике, Норвегия) середины XI в., времени правления Харальда Сурового Правителя, женатого на Елизавете Ярославне. На фронтальной поверхности стелы высечены изображения сцены поклонения волхвов, композиционно и стилистически близкие византийским образцам<sup>36</sup>. К XII в. относятся фресковые росписи готландских церквей в Гарде и Челлунге. Сохранившиеся фрагменты не только отражают восточные и южноевропейские

<sup>33</sup> *Palme S. U. Kristendomens genombrott i Sverige. Stockholm, 1959. S. 71; Schmid T. Sveriges kristnande: från verklighet till dikt. Stockholm, 1934. S. 64—64.*

<sup>34</sup> *Íslendingabók. K. VIII. Подробный анализ сюжета и библиографию см.: Дашкевич Я. Р. Армяне в Исландии (XI в.) // Скандинавский сборник. Вып. XXXIII (в печати). Православные священники, в том числе из Армении, упомянуты в списке XIII в. (Codex Regius) исландского судебного кодекса «Серый гусь», составленного не позднее XII в.: «Если приходят в эту страну [Исландию. — Е. М.] епископы, которые не знают латыни, будь то армяне (*ermiskir*) или греки, то разрешается людям участвовать в их мессах» (*Sjöberg A. Orthodoxe Mission. S. 74*).*

<sup>35</sup> См. материалы в кн.: *Les pays du Nord et Byzance.*

<sup>36</sup> *Olsen M. Norges innskrifter med de yngre runer. Oslo, 1951. B. 2. S. 192—220; Blindheim M. Op. cit. P. 300.*

влияния в выборе сюжетов, композиции и стилистике, но, судя по их технике, были расписаны «русско-византийскими» (М. Блинд-хейм) или «новгородскими» (Э. Пильц) мастерами <sup>37</sup>. Смещение византийско-русских и западноевропейских традиций усматривается и в росписи церквей в Молёв и Йорлунде на о. Зеландия, куда византийские влияния доходили реже <sup>38</sup>.

*Г. В. Глазырина*

## МОТИВ ВОЕННОГО ПОХОДА И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (на материале «Саги о Тидреке Бернском»)

За истекшие три десятилетия усилился интерес к научному обобщению, систематизации и теоретической классификации произведений фольклора разных народов, результатом которого явилась публикация значительного числа разнообразных указателей <sup>1</sup>. Эти исследования выявили наличие общих тенденций в развитии мирового фольклора, но вместе с тем они, по справедливому замечанию С. Томпсона <sup>2</sup>, представляют собой лишь предварительную ступень к дальнейшему изучению материала. В настоящее время налицо тенденция к более углубленному анализу отдельных элементов, из которых складывается произведение — сюжета и мотива, в том числе и на материале древнескандинавской литературы <sup>3</sup>. Поскольку в исследованиях по фольклору понятие «мотив»

<sup>37</sup> *Blindheim M.* Op. cit. P. 313; *Piltz E.* Zwei russische Kaufmannskirchen auf der Insel Gotland aus dem 12. Jahrhundert // *Les pays du Nord et Byzance*. S. 359—406; ср.: *Svahnström G.* Op. cit. S. 449—458.

<sup>38</sup> *Haastrup U.* Byzantine Elements in Frescoes in Zealand from the Middle of the 12th Century // *Ibid.* P. 315—331.

<sup>1</sup> *Пропн В. Я.* Указатель сюжетов // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1958. Т. 3. С. 454—502; *Thompson S.* Motif-Index of Folk-Literature. Copenhagen, 1955—1958. Bd. I—VI; The Types of the Folktale: A Classification and Bibliography. Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» / Translated and enlarged by S. Thompson. Helsinki, 1964 (Folklore Fellows Communications. Vol. LXXV. N 184); *Boberg I.* Motif-Index of Early Icelandic Literature. Copenhagen, 1966; *Sveinsson E. Ó.* Verzeichnis isländischer Märchenvarianten. Helsinki, 1970 (Folklore Fellows Communications. Vol. LXXXIII); Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Отв. ред. К. В. Чистов. Л., 1979; *Hodne Ø.* The Types of the Norwegian Folktale. Oslo, 1984 etc.

<sup>2</sup> *Thompson S.* Narrative Motif-Analysis as a Folklore Method. Helsinki, 1955. P. 9 (Folklore Fellows Communications. Vol. LXIV. N 161).

<sup>3</sup> *Harris J.* Genre and Narrative Structure in some Íslendinga þættir // *Scandinavian Studies*. Menasha, 1972. Vol. 44. P. 1—27; *Lönnroth L.* Njáls saga.



трактуются различно, мы будем, вслед за Б. Н. Путиловым, рассматривать его как «типовую формулу, являющуюся специфическим средством реализации одного из типовых элементов эпического сюжетного арсенала»<sup>4</sup>.

Сюжет борьбы с врагами лежит в основе большинства эпических памятников различных народов. Один из наиболее распространенных мотивов в нем — мотив военного похода против врага. Примеры многочисленны и хорошо известны: отправляется в поход герой англосаксонского эпоса Беовульф, против саксов выступает бургундец Зигфрид в «Песни о Нибелунгах», ходят в походы герои русского эпоса. Широко представлен этот мотив в древнескандинавских сагах<sup>5</sup>. Мы рассмотрим его интерпретацию в древненорвежской «Саге о Тидреке Бернском»<sup>6</sup>, исследование которой было осуществлено нами под руководством В. Т. Пашуто<sup>7</sup>. Среди саг о древних временах это произведение стоит особняком. Сага создана на древнеисландском языке около 1250 г. при дворе короля Хакона Хаконарсона по законам композиции данного жанра, однако в основу ее сюжета, в отличие от других древнескандинавских саг, положены не собственно скандинавские сказания, а произведения древнегерманского эпоса, долгое время бытовавшие в Германии в устной традиции. Этим объясняется тот факт, что композиционные приемы, примененные в «Саге о Тидреке Бернском» к чуждому эпическому материалу, проявляются более отчетливо, чем в других сагах.

Мотив военного похода проходит через все произведение: неоднократно говорится о войнах, которые ведут между собой вильцины и русские, русские и гунны<sup>8</sup>. Исследователями делалась попытка найти реальные исторические факты, послужившие основой для этих рассказов саги и отразившиеся в произведении.

---

A Critical Introduction. Berkeley; Los Angeles, 1976. P. 71—76; *Power R. Journeys to the North in the Icelandic Fornaldarsögur* // *Arv. Scandinavian Yearbook of Folklore* 1984. Uppsala, 1986. Vol. 40. P. 7—25 etc.

<sup>4</sup> Путилов Б. Н. Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору: Сб. статей памяти В. Я. Проппа. М., 1975. С. 145.

<sup>5</sup> Сагу часто рассматривают как жанр эпоса. Однако необходимо учитывать, что корпус саг неоднороден. Целесообразно различать саги, сложившиеся и некоторое время бытовавшие в устной традиции, обладающие рядом эпических черт, и саги, возникшие сразу как письменные произведения, иногда даже имеющие конкретного автора (например, «Хеймскрингла» Снорри Стурлусона) и проявляющие уже черты, свойственные средневековой письменной литературе.

<sup>6</sup> *Pidrísks saga af Bern* / Utg. av H. Bertelsen. København. 1908. В. 1; 1911. В. 2 (Далее: PS). Сага частично переведена на русский язык в кн.: Веселовский А. Н. Русские и вильцины в «Саге о Тидреке Бернском». СПб., 1906. С. 130—190.

<sup>7</sup> Глазырина Г. В. Скандинавские «саги о древних временах» как исторический источник (на материале «Саги о Тидреке Бернском»): Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. М., 1979.

<sup>8</sup> В «Саге о Тидреке Бернском» переплетаются и представлены в сюжете как синхронные события разного времени, относящиеся к истории Западной Европы IV—V вв. и истории Руси X—XI вв.

К. Мюлленгоф предположил, что в саге отражены войны саксов с вендами, поляками и датчанами, происходившие с начала X в.<sup>9</sup> Его точку зрения принял Г. Шторм<sup>10</sup>. Позже к этому мнению присоединился В. Гаупт, который обнаружил много соответствий между эпизодами «Саги о вильцинах» в составе «Саги о Тидреке Бернском» и записями немецких хроник о войнах саксов с другими народами<sup>11</sup>. Ф. Гольтгаузен приурочил события саги к другому времени: он полагал, что в тексте отражены войны датчан со славянским населением Прибалтики, которые они вели в конце XII—начале XIII в., т. е. события, хронологически близкие времени записи саги<sup>12</sup>. Однако в работах современных исследователей убедительно доказано, что в фольклоре редко отражаются конкретные события, а дается лишь обобщенное представление о явлении, показана тенденция развития процесса<sup>13</sup>, хотя и не отрицается, что возникновение мотива и его включение в произведение связано с конкретными явлениями действительности.

Анализируя материал саги, мы выбрали все упоминания походов иноземных конунгов на Русь и в Вильциналанд (которым по саге правят русские конунги):

1. Вильцин конунг провел много великих битв с конунгом Гертнитом и его братом, и всегда конунг Вильцин одерживал победу над русскими людьми и *опустошал их страну*, куда бы ни приходил. Он также *разграбил* все малые страны и *опустошил* их. После этого отправился он с войском на Русь и завоевал там многие большие города<sup>14</sup>. 2. Вильцин конунг прошел по всей Руси и изучил страну, *взял дань и подчинил себе*<sup>15</sup>. 3. [Об Аттиле] Вот приходит он в Вильциналанд, *все сжигает и сравнивает с землей, с мечом проходит по всей стране, разрушает замки и сжигает деревенские дома*<sup>16</sup>. 4. [Об Аттиле] И идет он с этим войском на север в Вильциналанд, и *сжигает и разоряет* он повсюду, где проходит<sup>17</sup>. 5. [Об Аттиле и Тидреке Бернском] Вот отправляются они с войском своим в Вильциналанд, и когда пришли туда, стали они *разорять* людей, многих *убили*, а некоторые спаслись бегством. *Сжигают* они большие и красивые города, много деревень, большие усадьбы, и *берут* они *великую добычу* как людьми, так и золотом и серебром<sup>18</sup>. 6. [Об Аттиле] И тотчас, как пришел он в Вильциналанд и на Русь, стал он *грабить и жечь* повсюду, куда бы он ни шел, и *причинил им большой урон*<sup>19</sup>. 7. Вот отправляется конунг Аттила со своим войском в дальний путь по населенным и необжитым местностям, пока не приходит он в Польшу и на Русь. Там он *грабит и*

<sup>9</sup> Müllenhoff K. Zeugnisse und Exkurse zur deutschen Heldensage // Zeitschrift für deutsches Alterthum. B., 1860. Bd. XII, H. 1/2. S. 341—342.

<sup>10</sup> Storm G. Nye Studier over Thidreks Saga // Aarbøger for nordisk Oldkyndighet og Historie. Kjøbenhavn, 1877. S. 341 ff.

<sup>11</sup> Haupt W. Zur niederdeutschen Dietrichsage. B., 1914 (Palaestra. Bd. 129). S. 83—133.

<sup>12</sup> Holthausen F. Studien zur Thidrekssaga // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Halle / Saale, 1884. Bd. IX. S. 489—490.

<sup>13</sup> Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976. С. 233, 240, 242 и др.

<sup>14</sup> PS. Bd. 1. S. 45.

<sup>15</sup> Ibid. S. 46.

<sup>16</sup> Ibid. S. 60.

<sup>17</sup> Ibid. Bd. 2. S. 91.

<sup>18</sup> Ibid. Bd. 1. S. 256.

<sup>19</sup> Ibid. Bd. 2. S. 184.

*сжигает, и опустошает* землю конунга Вальдемара <sup>20</sup>. 8. [Об Аттиле] Теперь идет он с этим войском на Русь и Польшу и *сжигает* города и замки повсюду, где бы ни шел <sup>21</sup>. 9. Конунг Тидрек снимает теперь все свои походные шатры и идет со своим войском на Русь. Он идет, *разоряя* страну, и повсюду, куда бы он ни шел, *убивает* он много людей, *разрушает* много замков и городов и *причиняет* много зла <sup>22</sup>.

Для сравнения приведем фрагменты, в которых описываются походы русских конунгов в чужие земли:

10. Но прежде, чем конунг Гертнит отправился домой со своим войском, *подчинил* он себе весь Вильциналанд <sup>23</sup>. 11. [О конунге Гертните] Приходит он в Вильциналанд. Там *сжигает* он, и *убивает* людей, и *разоряет*, с мечом *проходит по стране* <sup>24</sup>. 12. А спустя некоторое время после этого пришли к Аттиле конунгу с известием, что в его страну пришел конунг Озантрикс с великим войском, *сжигает* селения и *опустошает* его страну, и *убил* много людей <sup>25</sup>. 13. Недолго конунг Аттила пробыл дома, когда услышал он известие, что Вальдемар конунг из Хольмгарда, брат конунга Озантрикса, пришел в Гуналанд и *грабит* его с огромным войском <sup>26</sup>. 14. Вот собирает конунг Гертнит великое войско и идет с войском до тех пор, пока не приходит в Бертангаланд, в государство Изунга конунга. Там *сжигает* он, *убивает* много людей и *берет* большую добычу <sup>27</sup>.

Действия конунга во всех случаях строятся по одной схеме, которая состоит из следующих элементов: конунг собирает большое войско и идет в чужую страну; разоряет и сжигает страну; он убивает много людей; берет большую добычу. Мотив в «Саге о Тидреке Бернском» интерпретирован как стереотипный эпизод, стереотипная формула, наполненная неизменным содержанием. Как показал Д. С. Лихачев, каждая отдельная стереотипная ситуация в литературе обусловлена наличием в средневековом обществе строго определенного «этикета ситуации», который для автора, записывающего или создающего произведение, состоит «из представлений о том, как должен был совершаться тот или иной ход событий; из представлений о том, как должно было вести себя действующее лицо сообразно своему положению; из представлений о том, какими словами должен описывать писатель совершающееся» <sup>28</sup>. В нашем случае формула дает ответ сразу на два первых вопроса.

Обратимся к третьему — какова интерпретация на уровне словесного выражения. Как следует из приведенных примеров, для описания действий конунга используются одни и те же выражения:

<sup>20</sup> Ibid. S. 194.

<sup>21</sup> Ibid. S. 211.

<sup>22</sup> Ibid. S. 214.

<sup>23</sup> Ibid. Bd. 1. S. 46.

<sup>24</sup> Ibid. Bd. 2. S. 67.

<sup>25</sup> Ibid. S. 179—180.

<sup>26</sup> Ibid. S. 183.

<sup>27</sup> Ibid. S. 269.

<sup>28</sup> Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979. С. 90; см. также: Робинсон А. Н. Стиль достоверности // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 234.



*опустошает* страну — æyðir land (примеры .4, 7, 12), *грабит* — hœriar (№ 1, 6, 7), *подчиняет себе* — læggr vndir sik (№ 3, 10), *сжигает* — brenner (№ 3, 4, 7, 6, 8, 9, 11, 12, 14). Иногда дается развернутая формулировка: «сжигают они большие и красивые города, много деревень, большие усадьбы» — № 5; «и сжигает он города и замки повсюду, где бы он ни шел» — № 8), *сравнивает с землей* — bæler (№ 3), *разоряет* — gæner (№ 4, 5, 11), *разрушает* — brytr (№ 3), *идет, разоряя страну* — fær herskilldi (№ 9), *наносит большой урон* — gerir mikinn skaða (№ 6), *причиняет много зла* — gerir mikit illvirki (№ 9), *убивает* — drepar (№ 5, 9, 11, 12, 14), *с мечом проходит по стране* — fær odde ok æggin ivir allt (№ 3, 11), *берет дань, добычу* — tækr skatta, herfang, fé (№ 2, 5, 14).

Иногда при описании действий конунга приводятся конкретные цифры, как, например, при описании похода русского конунга Вальдемара на Гуналанд: «Всего убил он тысячу человек, сжег тысячу селений и 15 замков и городов, захватил много добра и людей»<sup>29</sup>. Конунг приходит в чужую страну с большим войском, и это обязательно отмечается в тексте. Иногда об этом говорится описательно, иногда пазываются конкретные цифры, всегда круглые — 300, 500, 1000 человек. В некоторых случаях более обстоятельно рассказывается о том, как собиралось войско: «Теперь отправляется Аттила конунг со всем своим войском, которое он собрал по всему королевству: герцогов, графов, рыцарей, и разное другое войско, и теперь, когда он готов, идет он на Русь»<sup>30</sup>. Или другой пример: «Вот велит Аттила конунг послать приказ по всему государству, что те люди, которые хотят оказать помощь своему конунгу в битве, должны собраться у него. И через некоторое время собралось у конунга Аттилы войск не меньше чем в 10 тысяч рыцарей. Затем велит он послать новый приказ о том, что должны у него собраться все, кому уже двадцать лет и более, и прежде, чем он отправился из Гуналанда, собралось у него войско в 20 тысяч рыцарей, и много другого войска»<sup>31</sup>. Однако таких примеров немного.

Приведенный выше материал свидетельствует, что мотив в виде стереотипной формулы используется автором саги механически: он не принимает во внимание ни поворотов сюжета, ни характеристики конунга. В почти одинаковых выражениях описывается поведение любого конунга, который, по мнению автора саги, достоин того, чтобы быть изображенным в произведении, а следовательно, соответствующий существующему в обществе идеальному представлению о конунге<sup>32</sup>. Такой идеал сформулирован в «Песни о Риге», входящей в «Старшую Эдду», где о действиях Ярла говорится:

<sup>29</sup> Ps. Bd. 2. S. 184.

<sup>30</sup> Ibid.

<sup>31</sup> Ibid. S. 21.

<sup>32</sup> Гуревич А. Я. История и сага. М., 1972. С. 82—99.

|                     |                                  |
|---------------------|----------------------------------|
| Потом через лес     | скакать на коне,                 |
| он оттуда поехал    | вздымая свой меч;                |
| по снежным нагорьям | затевал он сраженья,             |
| к высоким палатам;  | поля обагрят,                    |
| копье стал метать,  | врагов убивал,                   |
| щитом потрясать,    | завоевывал земли <sup>33</sup> . |

*Перевод А. Корсуна.*

Отмеченные особенности интерпретации мотива военного похода в «Саге о Тидреке Бернском» не являются принадлежностью только данного произведения. Они свойственны также и другим древнескандинавским сагам, созданным в середине XIII в., в частности, «Хеймскрингле» Снорри Стурлусона <sup>34</sup>.

Из сказанного выше следует, что традиционный мотив военного похода против врага, разобранный нами на материале упоминаний в «Саге о Тидреке Бернском» военных походов конунгов, воплощен в соответствии с определенной художественной системой, сложившейся в скандинавской литературе ко времени записи произведения. Стереотипная формула является широким обобщением, переработкой реального жизненного материала. Использование стереотипной формулы в каждом отдельном фрагменте не означает, что за ним скрывается факт реального похода конунга одной страны против конунга другой страны.

*М. А. Ючас*

## НЕМЕЦКИЙ ОРДЕН В ТРУДАХ ОСТФОРШЕРОВ

Немецкий орден в довоенной литовской (И. Стакаускас, А. Кучинскас, И. Ионинас) и особенно послевоенной марксистской историографии (Х. Ловмянский, Я. Зутис, П. Пакарклис, В. Пашуто и др.) предстает как немецкий феодальный агрессор в Прибалтике. Действительно, немецкие рыцари при помощи почти всей Европы покорили языческие балтские племена пруссов, куршей и земгалов, а часть из них — пруссов, проживавших на обширной территории от Вислы почти до Немана, насильственно ассимилировали, а в XVI в. окончательно истребили их. С конца XIII в.

<sup>33</sup> Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 339; Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern / Hrsg. von G. Neckel. Heidelberg, 1927. S. 281.

<sup>34</sup> Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги как источник по истории народов Европейской части СССР. X—XIII вв.: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. М., 1978. С. 14.

Немецкий орден вел войну с Литвой, которая в начале XV в. закончилась его полным поражением. Литва вооружилась, получила помощь из русских земель, а в союзе с Польшей (1386 г.) положила конец (в 1410 г.) рыцарскому разбою. Большие военные усилия (за время своей агрессии рыцари совершили в Литву около двухсот военных походов, в которых участвовали сотни, а иногда и тысячи людей) были затрачены впустую, кончились полным провалом. Рыцари не смогли удержать ни одной пяди литовской земли. В течение 150 лет Литва ежегодно не только терпела массовые убийства, поджоги, уводы в плен населения, но и подвергалась постоянным лживым и клеветническим нападениям с Запада, не гнушавшегося политическими интригами и вмешательством в династическую борьбу внутри страны.

Материальный и духовный ущерб, причиненный Орденом Литве, огромен. За счет литовской крови Орден хотел возместить неудачи воинов христовых в сражениях с турками и арабами.

Несправедливость в отношении Литвы прикрывалась немецкими рыцарями учением Христа о любви к ближнему, а на самом деле они стремились поработить «ближнего», отнять у него земли, подвергнуть жестокой эксплуатации. Судьбу пруссов должны были повторить литовцы.

По христианскому учению, христиане обязаны были расширять веру. Античный мир и его цивилизация не объединяли всех людей узами гуманизма. Христиане, напротив, посредством любви к ближнему стремились к универсальности. Они старались подчинить все народы наместнику Христа — римскому папе. Главенство над всеми народами было признано за христианской римской империей. Но она не успела подчинить себе народы Северной и Восточной Европы. Наследница Священной римской империи Германская империя считала территорию язычников своей. «Христианская миссия» поэтому осуществлялась именем римских пап и германских императоров.

Идеей христианской миссии прикрывались захватнические стремления немецких феодалов, оправдывалась их жестокость. Объявление завоевательных войн крестовыми походами освящало их. Эта церковная политика римских и авиньонских пап была глубоко ошибочной. Принудительное распространение христианства и захват земель язычников не был только делом наставления их на путь истинный. Однако до сих пор этого не хотят признать современные буржуазные историки.

В центре внимания современных остфюршеров по-прежнему остаются миссионерское государство Немецкого ордена (иногда именуемое «средневековым феноменом») и его борьба против язычников (*Heidenkampf*). После второй мировой войны немецким историкам якобы открылись «новые импульсы», «новая „дорога“ для объективной трактовки» истории Ордена<sup>1</sup>. Но соответствуют ли истине эти красивые слова?

<sup>1</sup> *Limburg H.* Рец. на кн.: *Hoffmann H.* Der Staat der Deutschmeisters. München, 1964 // *ZfO.* 1968. Н. 4. S. 734—737.



Миссионерская деятельность Ордена — вопрос не новый. Еще Петр Дусбург в начале XIV в. заявил, что через деятельность Ордена действует сам Бог, и поэтому враги Ордена — враги Бога. Орден призван Богом на земле и видит свое призвание в распространении божьего учения с помощью оружия. Церковь приказывала Ордену либо побеждать, либо уничтожать язычников. Но уже в начале XV в. в хронике Я. Посильге проявились гражданские чувства немцев: любовь к краю, задачи его колонизации, стремление к созданию отечества восточных немцев.

Идеи миссии от хроник восприняла немецкая литература. Первым был Й. Фойгт, оправдывавший разбой Ордена в Литве «духом времени» и христианской идеологией, проникнутой верой в необходимость уничтожения язычества<sup>2</sup>. Позднее большинство авторов продолжало писать о «миссионерском духовном государстве» Ордена и его борьбе с дикими язычниками<sup>3</sup>.

Й. Пфизнер отмечал, что идею миссионерства Орден воспринял от пап и императоров. Это обосновывало право Ордена принуждать язычников мечом к принятию христианства и завладевать их землями. Таких взглядов якобы придерживались и литовские князья на Востоке после того, как сами приняли христианство<sup>4</sup>.

А что нового в современной пропаганде немецких миссий у балтских племен, а затем литовского народа? Новым является изображение Немецкого ордена членом универсальной католической церкви Европы. Орден — не только немецкое создание. Он представлял идеи всего христианства. Первым эту мысль высказал в 1955 г. магистр Ордена (ныне Орден существует в Австрии как просветительная организация) Марьян Тумлер<sup>5</sup>. Его поддержал в 1956 г. видный апологет Ордена В. Губач, заявивший, что история Ордена является неотъемлемой частью истории Европы, в рамках которой она и должна изучаться<sup>6</sup>. В 1960 г. он еще раз отметил, что история Пруссии — «международная историческая проблема» (*«Preussen als internationales Forschungsproblem»*)<sup>7</sup>. Э. Вейзе настаивал, что Орден представлял лучшие идеалы христианской Европы<sup>8</sup>. К. Форштрейтер также говорил, что история

<sup>2</sup> Voigt J. Geschichte Preussens. Königsberg, 1832. Т. 4. S. 204—205.

<sup>3</sup> Treitschke H. Der Deutsche Ordensland Preussen. Leipzig, 1920; Caspar H. Hermann von. Salza und die Gründung des Deutschordensstaats. Tübingen, 1924. S. 54; Maschke E. Der deutsche Orden und die Preussen. B., 1928; Idem. Der deutsche Ordensstaat. Hamburg, 1935. S. 90, 93, 126, 66; Krollmann Ch. Politische Geschichte des Deutschen Ordens in Preussen. Königsberg, 1932. S. 48.

<sup>4</sup> Pfizner J. Grossfürst Witold von Litauen als Staatsmann. Praha, 1930.

<sup>5</sup> Tumler M. Der Deutsche Orden im Werden, Wachsen und Wirken bis 1400. Wien, 1955.

<sup>6</sup> Hubatsch W. Neue Wege der Deutschordens-Forschung // ZfO. 1956. H. 5. S. 562—569.

<sup>7</sup> Hubatsch W. Albrecht von Brandenburg-Ansbach, Deutschordens-Hochmeister und Herzog in Preussen von 1490—1568. Heidelberg, 1960. См. рец. на эту книгу: Mertineit W. // ZfO. 1968. H. 4. S. 746—747.

<sup>8</sup> Weise E. Das Widerstandsrecht in Ordenslande Preussen und das Mittelalterliche Europa. Göttingen, 1955. S. 12.

Пруссии — предмет всеобщей истории<sup>9</sup>. Ф. Беннингховен, специалист по истории Ливонии, заявил, что уже в XIII в. Ливония благодаря торговле с западом и миссионерской деятельности Ордена превращается в «культурную провинцию» (Kulturkreis) Европы. Для защиты миссионеров ежегодно отправлялись несколько сот рыцарей. Церковная же культура была основой современной европейской культуры. Без нее культуры вообще не было бы. «Границы церкви» совпадали с «границами культуры» («Kirchengränze war zugleich Kulturgränze»)<sup>10</sup>.

В книге, посвященной 800-летию Ордена<sup>11</sup>, Орден назван творением всей Европы, а его история — международной. Здесь особо подчеркивается, что Орден, исполняя католическую миссию, не отгородился от европейских народов, хотя сохранил немецкий язык и обычаи и остался по своему характеру немецким. Но в том, что в нем все более проявлялась тенденция к секуляризации, виноваты пруссы, Польша, сама церковь и даже папа, не оказавшие ему необходимой помощи.

Особое место в оправдании агрессии Ордена занимает Э. Вейзе, опубликовавший обширные статьи о «борьбе с язычниками»<sup>12</sup>, где заявил, что меч не был главным оружием Ордена против язычников. Он применялся лишь тогда, когда язычники угрожали и нападали на христиан<sup>13</sup>. Таким образом, язычники, по словам автора, виноваты в том, что не подчинялись Ордену. Война Ордена против литовцев — это война против их союза с татарами и другими неверными, угрожавшими Ордену. Не было захвата чужих земель, грабежей и убийств, не было социального порабощения, а была война с неверными, разрушавшими церкви и угрожавшими Ордену. На обвинение в том, что Орден мало заботился о распространении христианства, Вейзе отвечает: это — не его задача. Задача рыцарей — защита новокрещенных как в Палестине, так и в Прибалтике. Они призваны защищать хотя бы немногих новообращенных от нападков всех остальных язычников. Выходит так: сначала обрати в христианство нескольких язычников, а затем защищай их и завоевывай земли всех язычников. Здесь он приводит слова евангелиста Иоанна о том, что «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»<sup>14</sup>. Поэтому рыцари — мученики, которые ведут справедливую войну (*bellum justum*). Булла папы от 18 января 1230 г. подарила Ордену край врагов Христа и санкционировала отнятие у пруссов их земли

<sup>9</sup> Forstreuter K. Auf den Spuren des Deutschen Ordens in Rom // ZfO. 1958. H. 1. S. 101—102.

<sup>10</sup> Benninghoven Fr. Рец. на кн.: Transehe // Roseneck A. Die ritterlichen Livlandfahrer des 13. Jahrhunderts. Würzburg, 1960 // ZfO. 1961. H. 4. S. 746—747; ср.: Andritsch J. Рец. на кн.: Stadtmüller G. Grundfragen der europäischen Geschichte. Wien, 1965 // ZfO. 1967. H. 1. S. 134—135.

<sup>11</sup> Acht Jahrhunderte Deutsche Ordens in Einzeldarstellungen. Wien, 1967.

<sup>12</sup> Weise E. Der Heidenkampf des Deutschen Ordens // ZfO. 1963. H. 3. S. 420—471; H. 4. S. 622—672; 1964. H. 3. S. 401—420.

<sup>13</sup> ZfO. 1963. H. 3. S. 458.

<sup>14</sup> Иоанн. 15, 13.

(«ad eripiendam de Prutenorum manibus terram»). Но существует еще и каноническое право, которое запрещает принуждать язычников оружием или насилием к христианской вере («non est licitum infideles armis vel oppressionibus ad fidem compellere Christianam»), ибо это есть «несправедливость по отношению к ближнему» («injuria proximi»). Как быть с этим? А как быть с христианской «caritas» — любовью к ближнему? А как быть, наконец, с пятой заповедью божьей — не убий? На указанные вопросы Вейзе не дает ответа. «Heidenkampf», по его мнению, — миссия, подкрепленная силой (Gewaltmission), подтвержденная папой Григорием IX и отмеченная в статутах Ордена.

Вейзе всячески оправдывает право на закрепление Ордена в Прибалтике. Язычники, пруссы и литовцы, по мнению автора, не имеют права на политическую независимость. Земля их является «вотчиной святого Петра» («patrimonium sancti Petri»). Патримония пруссов по праву принадлежит Германской империи, а захваченные Орденом области (Померания, Жемайтия) — его лены<sup>15</sup>.

Другой известный остфоршер К. Форштрейтер восхваляет магистра Германа фон Зальца, вернувшего Ордену прежний миссионерский характер. Только борьба с язычниками, пруссами и литовцами, и схизматиками русскими могла возродить Европе цели, ради которых Орден был создан в Палестине<sup>16</sup>. Он уверяет также, что причиной войны Ордена с язычниками было их упорство в неверии<sup>17</sup>. Мирный миссионерский труд у пруссов прервали якобы литовцы, победив рыцарей у Дурьбе в 1260 г. и дав тем самым повод для восстания пруссов (1260—1274 гг.). Язычники ведь знали, что папа и император отдали их земли Ордену.

Миссия Ордена обычно иллюстрируется двумя событиями: Христбургским (Киришпорским) договором 1249 г. и Константиийским церковным собором, положившим в 1417 г. начало христианизации Жемайтии. На них ссылаются Г. Каль, Г. Патце, Г. Бейман, К. Форштрейтер и др. Военные походы оцениваются как вынужденная мера.

С позиций апологетики Ордена Р. Клюге оценивает польскую художественную литературу. Автор упрекает Ю. Словацкого и А. Мицкевича за то, что они отразили экспансионистский характер Ордена, угрожавшего Польше. Поэтов-романтиков Клюге обвиняет в излишнем польском патриотизме и в недостаточности религиозных убеждений. Еще далее пошли, по соображениям автора, И. Крашевский и Ю. Сенкевич, усматривавшие в Ордене символ уничтожения народов. Орден — причина всякого зла в творчестве С. Жеромского<sup>18</sup>.

<sup>15</sup> *Ekdahl S.* Рец. на кн.: *Acht Jahrhunderte Deutschen Ordens in Einzeldarstellungen* // *ZfO*. 1968. Н. 4. S. 738. В рецензии С. Экдаля отмечаются соображения Вейзе, высказанные в сборнике.

<sup>16</sup> *Forstreuter K.* *Der Deutsche Orden am Mittelmeer*. Bonn, 1967.

<sup>17</sup> *Forstreuter K.* *Fragen der Mission in Preussen von 1245 bis 1260* // *ZfO*. 1960. Н. 2/3. S. 250, 267.

<sup>18</sup> *Kluge R.* *Darstellung und Bewertung des Deutschen Ordens in der deutschen und polnischen Literatur* // *ZfO*. 1959. Н. 1. S. 15—53.



Второй большой темой у остфюршеров является прогрессивное значение немецкой колонизации в прусских землях. Сегодня их излюбленное утверждение — будто прибалтийские народы были дикими, а немцы принесли им прогресс и цивилизацию. Миссия их состояла в хозяйственном преобразовании края, приобщении его к Германии, в основании замков, церквей, деревень и городов. Первым это утверждал Б. Шумахер<sup>19</sup>. Он писал о заслугах Ордена в законодательстве, культуре, колонизации края, основании городов и др. Идеализация деятельности Ордена проходит через всю книгу. То, что она быстро разошлась в Западной Германии, послужило поводом к политическим заключениям: «Мы увидели в этом доказательство, — пишет один из остфюршеров, — что географически отдаленный край является центром немецкой истории, и это придает силы современному духовному и политическому развитию немцев»<sup>20</sup>.

В. Губач пишет, что Орден обычно обвиняют в том, что он уничтожил пруссов. На деле же Орден везде насаждал жизнь (*Lebensformen verplantzt*). Он строил замки, защищал границы, основывал города и села, упорядочивал хозяйство. Конечно, война с язычниками не была детской игрой, «но не может быть и речи, — заявил автор, — об уничтожении жителей». Орден якобы основал 94 города и 1400 сел и мирным путем ассимилировал местных жителей<sup>21</sup>.

Профессор Лондонского университета Ф. Карстен утверждал, что Орден создал духовное государство в отсталом районе Европы. Это государство управлялось гораздо лучше, чем современные ему польские или немецкие княжества. Своими успехами оно доказало жизнеспособность немецкой колонизации, финансовую мощь и прекрасное централизованное управление. Ему не был присущ расизм или национальная ненависть, хотя рыцари имели дело с «отсталыми и упорными пруссами». Орден дал им немецкое право и якобы не делал никакого различия между немецкими колонистами и местными жителями в их хозяйственной деятельности<sup>22</sup>.

Еще далее пошел Р. Венкус. Вопреки фактам он утверждает, что Ордену была чужда политика истребления местных жителей (*Ausrottungspolitik*), что он будто бы основывал деревни колонистов в огромных лесах и никакой национальной дискриминации не было<sup>23</sup>.

Подобно ему, П. Г. Тилен идеализировал финансы, ремесла и военную организацию Ордена<sup>24</sup>.

<sup>19</sup> *Schumacher B.* Geschichte Ost- und Westpreussens. Würzburg, 1937. Bd. II (2 Aufl. — 1957; 3 Aufl. — 1960).

<sup>20</sup> *Jahrbuch der Albertus Universität.* 1959. Bd. IX. S. 241.

<sup>21</sup> *Hubatsch W.* Epochen politischer Gestaltung in nordostdeutschen Raum von Mittelalter bis zum Mitte des 18 Jahrhunderts // *ZfO.* 1966. H. 2. S. 216.

<sup>22</sup> *Karsten F.* Die Entstehung Preussens. Köln, 1968.

<sup>23</sup> *Schulz H.* Die Deutsche Ostsiedlung des Mittelalters // *ZfO.* 1977. H. 3. S. 463.

<sup>24</sup> *Thielen P. G.* Die Verwaltung des Ordensstaates Preussen vornehmlich in 15. Jahrhundert. Köln, 1965.

В XV в. Орден стал ослабевать и даже распадаться. Правда, К. Э. Муравски полагает, будто Орден до середины XV в. не потерял жизнеспособности и отдельных компонентов политического единства<sup>25</sup>. Однако большинство авторов (В. Шлезингер, В. Губач, М. Тумлер, Э. Вейзе и др.) ищут причины упадка Ордена в XV в. в отказе церкви от идеи крестовых походов, в секуляризации самой божественной идеи и в распространении человеческой воли в судьбах Ордена.

У М. Хельмана обнаружили и новые тенденции при изучении истории Ордена. Он предложил социологический метод при изучении происхождения орденских братьев. Автор пришел к выводу, что это были младшие сыновья немецких феодалов, не получившие наследства и попавшие в вассальную зависимость от крупных землевладельцев. Между тем орденские братья были независимыми не только от светской, но даже и от церковной власти. Они были воинами папы. Поэтому младшие сыновья немецких феодалов выходили из вассальной зависимости и вступали в Орден. Конечно, Хельман исследует не только социальную структуру Ордена, но и идеи борьбы с язычеством, хотя и здесь замечает, что первенствовал лозунг «*depressio*» и только затем «*conversio ad fidem*»<sup>26</sup>.

Итак, остфюршеры видят в прусских землях прежде всего объект немецкой колонизации. Заслугами Ордена они считают образцовое управление, основание свободных городов и сел и подъем отсталой экономики на более высокую хозяйственную и культурную ступень. О принудительной ассимиляции народа нет ни слова. Упомянутый магистр Ордена Тумлер довольно откровенно признал: «Мы, как видно, в середине XX века остаемся с его националистическими и экспансионистскими идеями» («*wir sind, wie man sieht, im 20. Jahrhundert mit seinen nationalistischen und expansionistischen Ideen*»)<sup>27</sup>.

Современные остфюршеры стремятся доказать, что Орден не только миссионерское государство. Он является родиной восточных немцев<sup>28</sup>. Поэтому большое внимание уделяется секуляризации Ордена, идеи которой существовали по меньшей мере за сто лет до официальной секуляризации 1525 г., хотя они и не согласовывались с интересами империи. После Мелнского договора 1422 г. проявились тенденции к формированию «территориального государства» (*Territorialstaat*), затем в 1441 г. был осуществлен переход от корпоративной к единой власти, а в 1454 г. возник «Прусский союз» и началась борьба за создание национального немецкого государства. В 1489 г. началась секуляризация, завершившаяся в 1525 г.

<sup>25</sup> *Murawski K. E. Zwischen Tannenberg und Thorn. Göttingen, 1953.*

<sup>26</sup> *Hellmann M. Bemerkungen zur sozial-geschichtlichen Erforschung des Deutschen Ordens // Historisches Jahrbuch. 1961. N 80. S. 126—142.*

<sup>27</sup> *Tumler M. Op. cit. S. 81.*

<sup>28</sup> *Weise E. Entwicklungsstufen der Verfassungsgeschichte des Ordensstaates Preussen im 15 Jahrhundert // ZfO. 1958. H. 1. S. 1—17.*

Остфоршеры, в частности Вейзе, не хотят признать 1525 год годом превращения секуляризованного государства Ордена в провинцию Польши. Они стараются пересмотреть давно признанные положения. В 1525 г. возник якобы «автономный край», который с Польским королевством имел лишь общего короля, т. е. была персональная уния. Говорить об участии широких масс будто бы не приходится. На самом деле действовал лишь городской капитал и магнаты. Вейзе особенно старается опорочить Торуньский мир 1466 г., который якобы был поправлен только первым разделом Речи Посполитой 1772 г.

По поводу войны Ордена в Литве остфоршеры пишут меньше всего. Выделяется лишь Фр. Беннингховен<sup>29</sup>, который в статье об особенностях военных походов заявляет, что их стратегией было изнурение местных жителей, а целью — подчинение населения своей власти. Успешными были походы против пруссов, куршей, земгалов в XIII в., но малорезультативными против Литвы в XIV в., ибо Орден и Литва имели примерно одинаковые силы и ни одна сторона не могла одержать верх. Малочисленные войска быстро теряли все, чего добивались во время походов из-за больших территорий двух государств.

Война Ордена против литовцев оправдывается К. Конрадом тем, что литовцы были опасны для Ордена, хотя его и поддерживала Европа. Война была, однако, полезной для Ордена. С одной стороны, она обеспечивала ему моральное право на существование (*Daseinsberechtigung*). С другой стороны, война укрепляла государство<sup>30</sup>. М. Хельман писал: «Все усилия Ордена подчинить себе часть Литвы оказались безрезультатными и политически неоправданными» («*Ergebnislos und politisch unklug*»)<sup>31</sup>. Походы в Литву служили не миссионерским целям.

Такое откровенное признание сразу вызвало возражения со стороны рецензентов. Форштрейтер заявил, что Орден был обязан защищаться от Литвы: Витовт претендовал на прусские земли (на самом деле Витовт называл Пруссию «землей наших отцов». — М. Ю.) вплоть до р. Оссы, т. е. почти всю Пруссию. Литовцы проникли глубоко в Пруссию, и необходимо было им дать отпор<sup>32</sup>. О стремлении же Ордена захватить Жемайтию — ни слова. Но тот же Форштрейтер (в последнее время он все чаще занимался литовской тематикой — работы о Гедимине, Ягайле и др.) отказался от изображения миссий и военных действий в Литве. Он выдвинул идею о более близком знакомстве Германии с Литвой,

<sup>29</sup> *Benninghoven Fr.* Der Orden des Schwertbrüder. Köln, 1965; *Idem.* Zur Technik spätmittelalterlicher Feldzüge im Ostbaltikum // *ZfO.* 1970. Н. 4. S. 631—651.

<sup>30</sup> *Konrad K.* Litauen, der Deutsche Orden und Karl IV, 1352—1360 // *ZfO.* 1972. Н. 1. S. 20—41.

<sup>31</sup> *Hellmann M.* Grundzüge der Geschichte Litauens und des litauischen Volkes. Darmstadt, 1966. S. 23.

<sup>32</sup> *Forstreuter K.* Рец. на кн.: *Hellmann M.* Grundzüge der Geschichte. . . // *ZfO.* 1967. Н. 4. S. 739—740.



о политических и культурных связях и считал высшей точкой этих связей попытку императора короновать Витовта королем Литвы <sup>33</sup>.

Сегодня остфоршеры предпочитают почти полностью замалчивать поражение рыцарей при Грюнвальде <sup>34</sup>.

Г. Кеппен обратил внимание на английскую интервенцию в Литве 1390 г., в которой участвовал Генрих Дерби, будущий король Генрих IV <sup>35</sup>.

Широкое изучение «Восточной Европы» в Федеративной Республике Германии является не чем иным, как возрождением идеологии германского реваншизма. Это первым заметил В. Т. Пашуто <sup>36</sup>. В статье, посвященной его памяти, хотелось несколько более подробно пояснить этот тезис на материалах Прибалтики.

*В. И. Матузова*

## ПРУССКИЕ НОБИЛИ И ТЕВТОНСКИЙ ОРДЕН (жалованные грамоты прусским нобилям и эпизоды «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга)

В XII—XIII вв. в феодализирующемся прусском обществе продолжался процесс социального расслоения. Более ранняя стадия его отразилась в англосаксонском памятнике IX в. «Орозии короля Альфреда». Донесение мореплавателя Вульфстана свидетельствует о наличии среди пруссов (эстов) богатых и бедных <sup>1</sup>.

Прусская знать в латиноязычных источниках XII—XIV вв. выступает под названием «нобили» (*nobiles*), т. е. «благородные»; так же, но по-немецки называет их «Помезанская Правда» (*edel*) <sup>2</sup>. Христбургский (Кишпоркский) договор, по наблюдению В. Т. Пашуто, одним из первых в отечественной исторической науке обратившего внимание на важность использования дипломатического материала в исследовании вопросов социальной истории и истории

<sup>33</sup> Forstreuter K. Deutschland und Litauen im Mittelalter. Köln, 1962.

<sup>34</sup> Weise E. Das Grünfeld-Heft // ZfO. 1973. Н. 3. S. 475—486; Rhode G. Polemiken um die Schlacht von Tannenberg 1410 // Ibid. 1973. Н. 3. S. 475—486; Ekdahl S. Die Flucht der Litauer in der Schlacht bei Tannenberg // ZfO. 1963. Н. 1. S. 11—19.

<sup>35</sup> Engelhard R. Рец. на кн.: Koeppen H. Die englische Intervention für den Ordensgebietiger // ZfO. 1970. Н. 4. S. 665—676.

<sup>36</sup> Вopr. истории. 1959. № 3. С. 60—76.

<sup>1</sup> Sweet H. (ed.). King Alfred's Orosius. L., 1883. Part 1. P. 20—21.

<sup>2</sup> Пашуто В. Т. Помезания. «Помезанская Правда» как исторический источник изучения общественного и политического строя Помезании XIII—XIV вв. М., 1955.

права, позволяет в отдельных пунктах (например, «6. О рыцарском праве») утверждать, что прусский нобилитет достиг достаточной зрелости, чтобы претендовать на получение рыцарских прав<sup>3</sup>. Свидетельством этого служила и достаточно выраженная неоднородность прусской знати, внутри которой И. Фойгт на основе изучения документального материала различал три категории: витинги, свободные ленники и так называемые «кульмцы», т. е. нобили, получившие пожалования от Ордена на кульмском праве<sup>4</sup>.

Вторгаясь в Пруссию, немецкие крестоносцы переступали чужие физико-географические и политические границы и вторгались в чужую культурно-историческую систему, структуру которой они подвергали ломке, но с некоторыми явлениями которой не могли не считаться. Прусский нобилитет, по-видимому, уже довольно многочисленный (если судить по количеству сохранившихся жалованных грамот) был исторической реальностью, и в отношении него Тевтонский орден вел тонкую политику. Насколько эти отношения были важны для Ордена, свидетельствует хотя бы тот факт (отразившийся в чешских анналах в связи с походом в Пруссию короля Оттокара<sup>5</sup>), что христианизация пруссов велась с феодализирующей верхушки. Юридически закрепляя свои позиции в завоеванных землях, правители Тевтонского ордена не могли не оговаривать и прав прусских нобилей.

Автор данной статьи, ставя перед собой информативную задачу, сосредоточится на некоторых фактах, выявляющихся при параллельном прочтении жалованных грамот Тевтонского ордена прусским нобилям и некоторых эпизодов «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга. По весьма редкой и счастливой случайности отдельные сохранившиеся жалованные грамоты оказались адресованными лицам, упоминаемым в тексте хроники, что создает условия для взаимодополнения этих источников.

Памятники историографии Немецкого ордена XIV в. доносят ряд свидетельств о прусских нобилях, многие из которых принимали христианство и со всеми близкими и челядью переходили на сторону ордена. К началу 30-х годов XIII в. относится в хронике Дусбурга сообщение о помезанском нобиле Матто, который «до самой смерти своей непоколебимо стоял на защите веры христианской»<sup>6</sup>, но отец которого Пиппин был известен как гонитель христиан. В 1260 г. Матто участвовал в Куронийском сражении на стороне Ордена<sup>7</sup>. На рубеже 30—40-х годов XIII в. упоминается в хронике некий знатный человек по имени Поманда, ведущий предательскую деятельность по отношению к своим соотечест-

---

<sup>3</sup> Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 103; Он же. Хриббургский (Кишпоркский) договор 1249 г. как исторический источник // Проблемы источниковедения. М., 1959. Вып. VII. С. 374.

<sup>4</sup> Voigt J. Geschichte Preussens. Königsberg, 1828. Bd. III. S. 419.

<sup>5</sup> Aus den Annales Otakariani // SRP. Leipzig. 1861. T. 1. P. 247.

<sup>6</sup> Chronicon terrae Prussiae von Peter von Dusburg / Hrsg. von M. Toeppen (далее: PD) // SRP. T. 1. P. 146.

<sup>7</sup> Ibid. P. 96.

венникам<sup>8</sup>. К концу 70-х годов XIII в. в связи с осадой пруссами замка Христбург относится упоминание помезанского нобиля Самиле, поставлявшего провизию осажденным рыцарям, чем навлек на себя гнев восставших<sup>9</sup>.

В большинстве случаев, однако, крещение было не добровольным, а насильственным. Не в силах оказать сопротивление более многочисленному и лучше вооруженному войску крестоносцев, шедшему из одной прусской земли в другую «с огнем и мечом», пруссы вынуждены были, как об этом неоднократно говорится в хронике, «подставить упрямые выи свои под ярмо веры». Самбийский нобиль Налубо, пишет хронист, «обессиленный частыми нападениями (Ордена. — В. М.), подчинился вере и стал человеком, достойным похвалы в вере и крещении»<sup>10</sup>. Ятвяжский нобиль Скуманд долгое время оказывал сопротивление Ордену, пытался найти убежище на Руси, но когда он вернулся на родину, крестоносцы «снова пошли на него войной, столько раз тревожа его, что он наконец со всеми чадами и домочадцами подчинился вере и братьям»<sup>11</sup>.

И все же на протяжении многих десятилетий с момента вторжения немецких крестоносцев в Пруссию там то и дело вспыхивали восстания против господства Тевтонского ордена<sup>12</sup>.

На волне следующих одно за другим восстаний пруссов (1260—1274 гг.) правящие круги Тевтонского ордена стремились найти поддержку среди прусской знати, а перешедших на сторону Ордена — превратить в своих вассалов, жалую им крупные земельные угодья (при этом никогда не ущемляя собственных интересов; немецкие рыцари, как правило, получали значительно бóльшие наделы, чем представители прусской знати). По словам Петра из Дусбурга, если принявший христианство прусс «знатен и происходит из рода нобилей, то ему даются богатые дары и в таком количестве, что он может жить приличествующе положению своему»<sup>13</sup>. Однако не благородство происхождения, а преданное служение Ордену служило рыцарям критерием отношения к пруссам. Поэтому, как пишет хронист, непокорные пруссы якобы могли быть лишены знатности и, наоборот, преданному простолюдину могла быть дарована свобода и знатность.

Сохранилось более 200 жалованных грамот Тевтонского ордена прусским нобилям, собранных и изданных немецкими историками XIX—начала XX в.<sup>14</sup> Некоторые наблюдения над материалом

<sup>8</sup> Ibid. P. 64.

<sup>9</sup> Ibid. P. 121.

<sup>10</sup> Ibid. P. 105.

<sup>11</sup> Ibid. P. 143.

<sup>12</sup> Пашуто В. Т. Борьба прусского народа за независимость (до конца XIII в.) // История СССР. 1958. № 6. С. 54—81.

<sup>13</sup> PD. P. 146.

<sup>14</sup> Voigt J. Codex Diplomaticus Prussicus. Königsberg, 1836. T. 1 (1148—1300); Preussisches Urkundenbuch (далее: PU). Königsberg, 1909. Bd. 1. H. 2 / Ed. A. Seraphim.



жалованных грамот были проведены в начале XIX в. И. Фойгтом<sup>15</sup> и в обобщенном виде изложены издателями серии «*Scriptores rerum Prussicarum*»<sup>16</sup>. Однако в большей части они были изучены и использованы позднее, в монографии Р. Плюмике<sup>17</sup>.

Четыре рассматриваемые грамоты обращены к прусским нобилям, упомянутым в «Хронике земли Прусской», или к их потомкам.

Под 1254 г. Петр из Дусбурга повествует о приходе в Пруссию войска чешского короля Оттокара. У замка Балга немецкие рыцари устроили ему встречу с прусским нобилем Гедуне, который «досконально знал всю военную силу Самбии»<sup>18</sup> и мог дать королю совет, с каким по численности войском он мог бы одержать победу.

Этот эпизод «Хроники земли Прусской» нередко приводится в работах по ранней истории Пруссии. Напомнить следует только о его трагической развязке. Гедуне, который получил королевские знамена, чтобы, укрепив их в своих владениях, обезопасить их от разгрома, не смог опередить войско крестоносцев. Его дом и дома его подданных были сожжены, а все родственники убиты.

В 1262 г. в Эльбинге настоятелем Ордена Хельмериком была выдана Гедуне жалованная грамота<sup>19</sup>, по которой к нему и к его наследникам обоего пола переходила д. Пальседе и земельный падел в Самбии. Он получал (по наследственному, прусскому, праву) землю, а также право «большого» и «малого» суда. От Гедуне и его наследников не требовалось ни уплаты десятины, ни исполнения крестьянских повинностей. На них возлагалась лишь воинская повинность.

В главе о штурме замка Бартенштейн Петр из Дусбурга повествует о том, как восставшие пруссы хитростью заманили и убили двух прусских нобилей. Один из них по имени Троппо был «воплощением мужества и ревнителем веры». «От смерти их, — пишет хронист, — великая радость обуяла народ прусский и, напротив, безмерная печаль охватила братьев»<sup>20</sup>. Крестоносцы жестоко отомстили за их гибель, повесив у ворот замка 30 пленных пруссов.

Описываемое событие относится к 1263 г. Это единственное упоминание в хронике нобилия Троппо. Сохранилась, однако, жалованная грамота, данная Троппо так же, как и Гедуне, настоятелем Ордена Хельмериком в Эльбинге в 1262 г. В ней «пруссу Троппо (!) и его наследникам обоего пола» жалуются поле Плотемейстен близ Меденове и поле Лаукстейннен близ Сурвейстена (Самбия) со всеми примыкающими к ним угодьями, чтобы он владел ими по наследственному праву. На том же праве получал он и его потомки две деревни (Кеймал и Хевксене) в земле Меденове со всеми

<sup>15</sup> Voigt J. Geschichte Preussens. Bd. III. S. 402—451.

<sup>16</sup> SRP. T. 1. S. 254—269.

<sup>17</sup> Plümiche R. Zur ländlichen Verfassung des Samlandes unter der Herrschaft des Deutschen Ordens. Leipzig, 1912.

<sup>18</sup> PD. P. 91.

<sup>19</sup> PU. Bd. 1. N 174.

<sup>20</sup> PD. P. 111.

относящимися к ним дорогами и «большим и малым судом». К этому добавлялось поле Лауксинен и 9 семей в двух деревнях в земле Самбии. Троппо и его потомки, получив все это, освобождались от уплаты десятины и исполнения крестьянских повинностей в пользу Ордена, но обязаны были нести воинские повинности, т. е. участвовать в военных походах и оборонительных действиях, а также при возведении и укреплении замков <sup>21</sup>. Выполняя одну из этих обязанностей, Троппо и погиб.

Грамоты, данные Гедуне и Троппо, представляют собой весьма яркие свидетельства мер, проводимых Тевтонским орденом в отношении прусской знати. И Гедуне, и Троппо, получив «в вечное и свободное владение» земли с деревнями, становятся вассалами Ордена.

Хотя в грамотах не названа величина жалуемых земель, можно думать, что их площадь (особенно в случае Троппо) значительна. Наследование предусматривается по мужской и женской линиям, несмотря на то что прусское наследственное право, отражая господство в общественном укладе пруссов патриархальной домашней общины, позволяло наследование только по мужской линии. Наконец, Гедуне и Троппо передавалось право «большого» и «малого» суда, хотя обычно право «большого» суда, касающегося «руки» и «шеи», Орден оставлял за собой.

Сходство формулировок обеих грамот объясняется, должно быть, не только тем, что их составляли в одно и то же время и по указанию одного и того же облеченного полномочиями лица, но и тем, что оба прусса принадлежали к одному и тому же разряду прусской знати.

Величина земельных наделов, масштаб прав и свобод, жалуемых Гедуне и Троппо, свидетельствуют, что они относились к высшей прусской знати (Гедуне происходил из древнейшего прусского рода Кандейм), или к разряду витингов (по классификации И. Фойгта), той категории, сведения о которой сохранились лишь применительно к Самбии. Они, несомненно, располагали большими военными силами и имели немалые заслуги (как следует из примера Гедуне) перед Тевтонским орденом.

Тевтонский орден бдительно охранял интересы высшей прусской знати. За нанесение ущерба собственности или личности витинга присуждалась особенно высокая сумма вергельда. В грамоте, выданной в 1264 г. комтуром Балги тому же Гедуне, говорится: «И если вышеупомянутый Гедуне каким-либо насильственным путем лишится жизни, пусть тот, кто совершил беззаконие, воздаст шеей за шею, рукой за руку, однако предоставляется на усмотрение судьи присудить за это соответствующую денежную сумму» <sup>22</sup>. Вместе с тем материал грамот позволяет усмотреть и

<sup>21</sup> PU. Bd. 1. N 173; *Hubatsch W., Joachim E.* (hrsg.). *Regesta historico-diplomatica Ordinis S. Mariae Theutonicorum. 1198—1525.* Göttingen, 1950. Pars II. N 186.

<sup>22</sup> *Voigt J.* *Geschichte Preussens.* Bd. III. S. 433.

двойственность положения прусских витингов: образуя верхушку прусской знати и обладая неограниченной властью над своими подданными, они сами оказывались в положении подданных по отношению к Тевтонскому ордену.

К 1283 г. относится в хронике Петра сообщение о завоевании Судовии (Ятвягии): «Многие бесконечные войны велись с судовитами; я умолчу о них ради краткости. А после того, как один человек, Йедет (Jedetus), благородный по роду и нраву, могущественный и богатый, вождь судовитов из Кименовии, не смог больше выносить столь частых и суровых нападений братьев (рыцарей Ордена. — В. М.), он со всеми чадами и домочадцами и с тысячью пятьюстами людьми обоего пола пришел к братьям и был крещен»<sup>23</sup>.

Одна из грамот Тевтонского ордена дана ятвягу Гедете (Gedete), которого А. Зерафим отождествлял с упомянутым в данном фрагменте Йедетом. Грамота относится издателем к 1288—началу 1299 г. и приводится в виде регесты. Она гласит, что магистр Пруссии Мейнхард Кверфуртский «жалует ятвягу Гедете земли близ Меденике в округе Варген в Самбии»<sup>24</sup>.

Не вполне ясно, когда были пожалованы земли погезанину Накейму (Накаму хроники). Сохранилась подтверждательная грамота, данная ему магистром Пруссии Конрадом Сакком и датированная 1 февраля 1304 г.<sup>25</sup> В ней подтверждаются границы некогда пожалованных Накейму земель и закрепляется их раздел между вдовой Накейма Катериной, вторично вышедшей замуж за самбийца Краупе, и ее детьми от обоих мужей с их потомками. Причем раздел этот, как следует из текста грамоты, происходит с согласия детей Накейма.

Имя Накама появляется в хронике в контексте событий конца 70-х годов XIII в. наряду с именами «христианских наемников» — Мартина из Голина, Конрада Дивела, Стовимела и Кударо из Судовии, которые, по словам хрониста, совершили «чудные и необычные дела»<sup>26</sup>, которые оказываются все теми же действиями «огнем и мечом», типичными для крестового похода в Пруссию.

Так, однажды Мартин из Голина, мстя за гибель своих товарищей, похитил у спящих ятвягов оружие и этим оружием перебил их. В другой раз он же, войдя вечером в одну ятвяжскую деревню, учинил побоище застигнутых врасплох людей, занимавшихся разными мирными делами («одни были в бане, другие — за трапезой»), при этом обращено внимание на то, что «Мартин убил в бане десять человек»<sup>27</sup>. Вероятно, в подобных военных операциях участвовал и Накейм.

<sup>23</sup> PD. P. 139. Этот факт упомянут и в грамоте великого магистра Карла фон Трип (1315 г.) (PU / Hrsg. M. Hein, E. Maschke. Königsberg, 1932. Bd. 2. Lief 1. S. 95).

<sup>24</sup> PU. Bd. 1. N 704. Известна подтверждательная грамота сыну Гедете Лупрехту от 1315 г. (PU. Bd. 2. Lief. 1. N 142).

<sup>25</sup> Ibid. N 814; Hubatsch W., Joachim E. Op. cit. N 391.

<sup>26</sup> PD. P. 139.

<sup>27</sup> Ibid.



Последние две грамоты не дают широкого контекста, из которого явствовало бы полнота прав или свобод этих нобилей. Ясно только, что они обладали определенной свободой по отношению к своей земельной собственности и относились, таким образом, к категории свободных ленников. Положение и права ленников были во многом сходны с витингами. Основное отличие между ними заключалось в том, что витинги владели наследственным аллодом и в качестве его владельцев не были вассалами Ордена.

Жалованные грамоты Тевтонского ордена прусским нобилям послужили историкам материалом, на основе которого еще в XIX в. была начата разработка проблем социальной истории средневековой Пруссии. В то же время используемые в сочетании с текстом «Хроники земли Прусской» жалованные грамоты позволяют несколько расширить границы этого нарративного памятника, ввести некоторые из его весьма лаконичных фактов в более широкий исторический контекст.

*Е. Л. Назарова*

## СВЕДЕНИЯ РУССКИХ ИСТОЧНИКОВ XVI В. О ЛЕННИКАХ МЕСТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ЛИВОНИИ

В социальной структуре Ливонии особое место занимают ленники местного происхождения, именуемые в литературе «лейманами», «королями», «свободными». Эта категория населения, ведущая свое происхождение от раннесредневековой знати донемецкого времени, использовалась ливонскими ландесгеррами как вспомогательная военная сила, а также для исполнения различных служб (караульной, посыльной, почтовой, дорожной и т. п.), за что лейманы наделялись обычно небольшими земельными владениями, передаваемыми по наследству. История местных ленников изучалась по орденским, архиепископским, епископским жалованным грамотам XIII—XVI вв. (значительная часть их дошла до нас в копиях или кратком изложении времени польских ревизий конца XVI в.), по курляндским герцогским грамотам, а также по некоторым сообщениям нарративных источников. Историография этой темы весьма обширна<sup>1</sup>. Тем не менее всестороннего исследования истории лей-

<sup>1</sup> Наибольший интерес представляют работы: *Buchholz A. Über die Kirchholmischen Könige // Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Russlands aus dem Jahre 1899. Riga, 1900. S. 119—132; Svābe Ā. Kuršu ķoniņi un novadnieki // Svābe Ā. Straumes un avoti. Rīgā, 1938. 1 s. Из советских работ см.: Дорошенко В. В. Очерки аграрной истории Латвии. Рига, 1960. С. 273—279; Моора Х., Лиги Х. Хозяйство и общественный строй народов Прибалтики в начале XIII в. Таллин, 1969. С. 64—71.*

манов, отвечающего требованиям современной науки, пока нет. Одно из направлений разработки данной проблемы заключается в расширении источниковой базы. В предлагаемой статье мы рассматриваем немногочисленные, но весьма важные сведения о местных ленниках, содержащиеся в русских документах периода Ливонской войны.

Известно, что в начале Ливонской войны (в 1558—1561 гг.) лейманы, главным образом вассалы Ордена, участвовали в составе ливонских войск в военных действиях против русской армии. Они возглавляли отряды крестьян, которых власти были вынуждены мобилизовать в армию. Об одном таком командире-курше, храбро сражавшемся против русских, упоминает под 1559 г. хронист Иоганн Реннер<sup>2</sup>.

К концу 1561 г. ливонские государства, сотрясаемые военными неудачами и частыми выступлениями народных масс, прекратили свое существование. Позиция, занимаемая лейманами после ликвидации ливонских государств, а также отношение новых властей к этой группе местного населения по прибалтийским источникам прослеживаются весьма слабо, а для периода Ливонской войны такие сведения и вовсе отсутствуют. Пробел восполняют русские источники, указывающие на то, что в ходе Ливонской войны на землях, контролируемых русской армией, было сохранено существовавшее там в середине XVI в. эстонское и латышское, равно как и немецкое мелкое землевладение (естественно, при условии лояльного отношения к новым правителям), а также дающие представление об обязанностях, выполняемых местными ленниками.

В двух проезжих грамотах, выданных Иваном IV в 1563 и 1564 гг., среди прочего подвластного царю населения названы «нашие отчины Ви́фля́нские земли мызники и нѣмцы и латыши и чюхны»<sup>3</sup>. Не вдаваясь в подробности происхождения термина «мызники» (это тема особого исследования), отметим, что так в русских источниках XVI в. и позднее обозначались землевладельцы в прибалтийских землях — и местные, и немцы<sup>4</sup>.

Первая из этих грамот выдана 20 февраля 1563 г. после взятия Полоцка русскими войсками остаткам литовского гарнизона и горожанам, пожелавшим покинуть город. Текст грамоты сохранился в Продолжении Александро-Невской летописи. Эта летопись — часть официального московского летописания 60-х годов XVI в., к составлению которого, как полагают, прямое отношение имел глава Посольского приказа дьяк И. М. Висковатый<sup>5</sup>. Вто-

<sup>2</sup> Johann Renner's *Livländische Historien* / Hrsg. von R. Hausmann und K. Höhlbaum. Göttingen, 1876. S. 266—267; *Zutis J. Livonijas karš*. Rīgā, 1949. 30—32 lpp.

<sup>3</sup> Сб. РИО. СПб., 1892. Т. 71. № 12. С. 299—300; ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 318.

<sup>4</sup> ПСРЛ. Т. 29. С. 268, 1558 г.; С. 275, 1558 г.; С. 278. 1559 г.; Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, ч. III. С. 499, 500, 503, 505, 524, 1577 г.

<sup>5</sup> ПСРЛ. Т. 29. С. 318; Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969. С. 298—299.

рая грамота выдана 9 февраля 1564 г. возвращающемуся в Литву после окончания переговоров с московским правительством посольству гетмана Г. Хоткевича. Текст этой грамоты сохранился в посольских книгах<sup>6</sup>. Таким образом, выражение «нашие отчины Вифлянские земли мызники и нѣмцы и латыши и чюхны» входило в официальную формулу проезжих грамот уже к началу 1563 г. Это позволяет говорить, что в Восточной Эстонии и Северо-Восточной Латвии, т. е. там, где к 1563 г. установилась власть Русского государства, мелкое землевладение местных ленников встречалось достаточно часто. Существование значительного количества земельных владений латышских и эстонских лейманов в бывших пограничных с Русью районах Орденского государства и Тартуского епископства вполне объяснимо. В отдаленных лесных окраинах, мало привлекательных для немецких феодалов, лейманы могли исполнять, помимо прочих, функции пограничной стражи. Кроме того, сосредоточение в этих районах большого количества местных ленников могло быть удобно Ордену для использования их военной силы в походах против Новгорода и Пскова. Данное сообщение интересно также тем, что по ливонским документам местное служилое землевладение в Северо-Восточной Латвии, равно как и в Тартуском епископстве, не прослеживается.

Указаний на непосредственное участие лейманов в военных действиях на стороне одной из воюющих в Ливонии армий в русских источниках не найдено. Зато встречаются сведения о других службах ленников. Остановимся на этих сообщениях подробнее.

В сентябре 1562 г. после ряда неудач в военных действиях против русской армии командующий литовскими войсками в Ливонии гетман Г. Хоткевич решил прозондировать почву на предмет начала переговоров с Москвой о заключении мира. С этим связана переписка гетмана с русским воеводой в Юрьеве (Тарту) И. П. Федоровым-Челядниным. Переписка сохранилась в составе посольских книг<sup>7</sup>. 25 сентября воевода сообщал царю о том, что гетман Хоткевич прислал к нему «листь» с «чюхномъ с Андрушомъ». В «листе» гетман предлагал русскому воеводе «намолвяти» своих государей, «иже бы они в любовь и в миръ совокупилися». 8 октября воевода отправил царю новое послание Хоткевича, указав, что этот «листь» был также доставлен «гетманскимъ чухномъ Андрушомъ», который, однако, в переложении текста документа в посольской книге назван «латышемъ»<sup>8</sup>. Скорее всего, наименование Андруша то «чюхномъ», то «латышемъ» встречается уже в самой отписке Федорова, поскольку в ответном послании Иван IV повелевал переправить его, царскую грамоту, уже находившуюся в Юрьеве, Хоткевичу с «нѣмчиномъ или латышемъ»<sup>9</sup>. Но еще до получения этого приказа воевода Федоров отправил царскую грамоту гетману в Кесь (Цесис), где он тогда находился,

<sup>6</sup> Сб. РИО. Т. 71. С. 299—300.

<sup>7</sup> Там же. № 5.

<sup>8</sup> Там же. № 5. С. 69, 70, 76.

<sup>9</sup> Там же. С. 77.



с «юрьевскимъ чюхномъ с Анцою». Посланец воеводы поехал в сопровождении гонца-латыша (имя его не указано), доставившего накануне еще один «листъ» от гетмана. Однако Хоткевича в Кеси Анца уже не застал: тот отбыл в Вильну. Поэтому он поехал во Владимирец (Валмиеру) к принявшему командование литовским войском князю А. Полубенскому, которому и вручил царскую грамоту, а затем с ответом от него вернулся в Юрьев. А 13 ноября в Юрьев от князя Полубенского пришел «латышь с грамотою». В грамоте сообщалось, что в Москву к митрополиту и боярам направляется посланник от литовской рады, и излагалась просьба пропустить его через территорию, контролируемую русскими войсками<sup>10</sup>.

Таким образом, мы видим, что как русская, так и литовская стороны используют в качестве дипломатических курьеров представителей местного населения. На русской службе находился эстонец Анца (Антс), на литовской — латыши. Видимо, от литовского командования в Юрьев приезжали по крайней мере два гонца-латыша. Даже если предположить, что латыш, сопровождавший Анцу в Кесь, — все тот же Андруш, то от князя Полубенского приезжал, скорее всего, другой гонец.

Встает вопрос, почему Андруш назван в отписках одновременно и «чюхномъ» и «латышемъ». Судя по другим документам времени Ливонской войны, русская канцелярия отличала латышей от эстонцев достаточно четко. Правда, «чюхном» могли в русском средневековье назвать не только эстонца, но и представителя других западнофинских народов. В этом случае можно предположить, что Андруш был видземским ливом, т. е. человеком, родственным по языку и культуре эстонцам — «чухне», но жившим на территории, для населения которой с XVI в. устанавливается общее название «латыши»<sup>11</sup>. Высказанное предположение можно подтвердить еще двумя фактами из русских документов XVI в. В грамоте из Городового приказа куконойским воеводам от 24 января 1578 г. о выдаче жалования ружникам и оброчникам Куконойса (Кокнесе) упоминаются два «чюхонских» толмача<sup>12</sup>. Если считать, что эти толмачи — эстонцы, то совершенно непонятно, зачем они были нужны в центре Латвии. Однако если учесть, что Кокнесе расположен вблизи границы расселения даугавских ливов, то нахождение в городе «чюхонских», в смысле «ливских», толмачей было вполне оправдано. В грамоте Ивана IV, направляемой Сигизмунду II Августу с русским посольством в феврале 1567 г., царь, определяя его «вотчины Ви́фля́нские земли», среди прочих латышских городов называет «Айзкрод, а по чюдцки Скровна»<sup>13</sup>.

<sup>10</sup> Там же. С. 78, 81, 83.

<sup>11</sup> Зейд Т. Я. Образование латышской народности в отображении письменных источников // Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтских народов. Рига, 1980. С. 57—62.

<sup>12</sup> Буганов В. И. Переписка Городового приказа с воеводами ливонских городов в 1577—1578 гг. // АЕ за 1964 год. М., 1965. № 24. С. 309.

<sup>13</sup> Сб. РИО. Т. 71. № 48. С. 479.

Здесь также наиболее вероятно толкование «по чюдцки», как «поливски». Айзкрод (Айзкраукле) — центр одной из древних земель даугавских ливов, где ливское население антропологически зафиксировано и в XV—XVII вв.<sup>14</sup> Таким образом, если предположение о том, что Андруш был ливом, верно, становится понятным, почему в юрьевской воеводской канцелярии он фигурирует одновременно и как «чюхна», и как «латыш».

Итак, возвращаясь к курьерской службе латышей и эстонцев, отметим, что целесообразность использования их в качестве курьеров была вполне очевидна. Знание страны и местных языков делало их поездки менее опасными, а следовательно, сохранность грамот была более надежной, чем с русскими или литовскими гонцами. Однако доставка столь важной почты могла быть поручена не крестьянам, а лицам, имеющим более высокое социальное положение и к тому же имеющим опыт подобной службы. Можно с уверенностью сказать, что речь здесь идет о лейманах, исполнявших функции курьеров, в частности дипломатических курьеров, еще в ливонское время.

О том, что Орден использовал куршских ленников в качестве посыльных («in unze edder unses ordens bodesschoppen war» — «быть на посылках, от нас или нашего Ордена»), известно не позднее конца XV в.<sup>15</sup> Документы конца XVI—XVII в. свидетельствуют о том, что лейманам — куршам и земгалам доверялись даже обязанности дипломатических курьеров между курляндским герцогским и польским королевским дворами<sup>16</sup>.

Приведенные выше факты из переписки 1562 г. позволяют говорить о хорошо налаженной к середине XVI в. курьерской службе местных вассалов не только в Курземе, но и в других частях Ливонии — в Видземе и Эстонии. Эта служба продолжала функционировать и после смены власти, используемая литовской военной администрацией в Северной Латвии и русской — в Восточной Эстонии.

В русских источниках встречаются и упоминания о доставке латышами-парламентерами грамот с требованием капитулировать в крепости, осажденные царскими войсками во время похода в Ливонию летом—осенью 1577 г. Так, при осаде Влеха (Виляка) в крепость «грамота от государя послана с тутошним же влешским латышом». Но влешский староста с ним ответа не дал, сказав, что некому прочесть грамоту по-русски, и потребовал, чтобы для переговоров прислали сына боярского<sup>17</sup>. Придя под Лужу (Лудза), царь повелел послать «к немчину грамоту», с которой в крепость отправился «лотыш Федька». Но Федька вернулся, сказав, «что у него грамоты не взяли». После этого царь «велел послати того же латыша опять с грамотою» с требованием дать ответ и отправил

<sup>14</sup> Денисова Р. Я. Этногенез латышей. Рига, 1977. С. 55.

<sup>15</sup> LUB. Riga, 1900. Abt. 2. Bd. 1. N 62. S. 51—1494 г.

<sup>16</sup> Švābe Ā. Op. cit. 1 s. 199—200 lpp; N 25. 339 lpp; N 28. 341—343 lpp.

<sup>17</sup> Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. II, ч. III. С. 482—483.

к городу отряд из 30 детей боярских и 200 стрельцов<sup>18</sup>. При походе к Невгину (Даугавпилсу) царь послал со «своею государевой грамотою к невгинскому старосте» дворянина М. А. Безнина. Безнин с отрядом детей боярских и стрельцов должен был ожидать у города, а «с грамотою приказал государь в город послать латыша»<sup>19</sup>. В Левдуну (Ляудона) к «левдунским немцам» грамоту носил «левдунский латыш Петрик»<sup>20</sup>, а во время переговоров о сдаче немцами Чиствина (Цесвайне) грамоты в город и обратно доставлял местный «латыш»<sup>21</sup>.

Требование влешского старосты прислать для переговоров сына боярского указывает на более низкое, чем у русского служилого феодала (равно как и у немецкого и польского), социальное положение парламентаря. О том же говорит и именование другого парламентаря «Федькой». Вместе с тем мало вероятно, чтобы парламентарями были просто крестьяне. Посланец должен был знать немецкий или польский языки, знать город, чтобы оценить обстановку в нем и изложить ее по возвращении к русским. Он обязан был также при необходимости толково отвечать на вопросы командования крепости. Так что в приведенных примерах речь, скорее всего, идет как раз о мелких служилых землевладельцах — лейманах. Данные же сообщения русских источников представляют интерес и для характеристики социального статуса лейманов в прибалтийском обществе второй половины XVI в.

Курьерская служба представляла собой одну из сторон дорожной службы, другой стороной которой была организация ямской гоньбы. В документах ливонского времени сохранились указания на существование ямских станций, функции которых могли выполнять и придорожные корчмы, в том числе и с корчмарями местных народностей<sup>22</sup>. Позже, в конце XVI—XVII в., уже упоминавшиеся ленники-курши были не просто курьерами герцогов, но на них полностью возлагалась перевозка почты на некоторых важных дорогах Курземе, для чего они держали и лошадей<sup>23</sup>. В качестве же ямских станций могли использовать усадьбы этих лейманов. Мы вправе предположить, что те же обязанности входили в служебные функции многих лейманов и до распада ливонских государств.

При организации ямской гоньбы в подчиненных районах бывшей Ливонии русские власти также, видимо, использовали в качестве ямщиков местных ленников, которые были в состоянии «держатъ по три мерина добрых с санями и с хомуты и с дугами и с седлы»<sup>24</sup>. Не исключено, что часть из поступивших на русскую

<sup>18</sup> Там же. С. 492—493.

<sup>19</sup> Там же. С. 509—510.

<sup>20</sup> Там же. С. 516.

<sup>21</sup> Там же. С. 519, 523.

<sup>22</sup> *Transehe A. V. Stadtbürger als Lehnleute der livländischen Adels // JbGHS.* 1899. Mitau, 1901.

<sup>23</sup> *Švābe Ā.* Op. cit. 1 s. 199—200 lpp.

<sup>24</sup> *Буганов В. И.* Указ. соч. № 25. С. 309.



службу ямщиков занималась этой же деятельностью и прежде.

Подобно ливонским ландесгеррам, русские власти использовали лейманов и в качестве переводчиков <sup>25</sup>. Жалование, которое получали местные толмачи («по три рубли человеку»), было значительно меньше, чем то, которое получали упомянутые в той же грамоте немецкие переводчики (15 и 8 руб.), но больше, чем у присылаемых из Новгорода ямских дьячков (2 руб.) <sup>26</sup>.

О служилых латышах в крепостях, занятых русскими войсками, упоминается и в отписке воеводы Круцборха (Крустпилс), посланной в Городовой приказ в январе 1578 г., где речь идет о распределении запасов, выданных «стрельцом и казаком и пушкарем и латышом» <sup>27</sup>. Чем именно занимались латыши в Круцборхе, не указано, но жалование они получали наравне со служилыми людьми по прибору.

Таким образом, русские источники периода Ливонской войны дают важные сведения о ленниках местного происхождения, ликвидирующие ряд белых пятен в истории этой социальной категории населения средневековой Прибалтики. После распада феодально-духовных государств Ливонии военные и гражданские власти стран, контролировавших во время Ливонской войны территорию Латвии к северу от Даугавы и восточной части Эстонии, стремились, судя по документам, опереться на живших там мелких вассалов местного происхождения и использовали их у себя на службе.

*А. А. Сванидзе*

## СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД — ЦЕНТР КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (аспекты подхода)

Взаимодействие в области материальной и духовной культуры, которое является одним из важнейших условий общественного прогресса, — активный процесс. Он реализуется в виде обмена, заимствований, передачи и усвоения опыта, знаний, навыков, представлений, которые получают затем воплощение в предметном, вещном мире.

В раннее и классическое средневековье, т. е. до конца XV в., культурное взаимодействие затруднялось из-за ряда условий эпохи. Ему мешала разобщенность мест обитания и слабость ком-

<sup>25</sup> LGU. Riga, 1923. Bd 2. N 935 — 1542 г.; Буганов В. И. Указ. соч. № 8. С. 298; № 24. С. 309.

<sup>26</sup> Буганов В. И. Указ. соч. С. 309.

<sup>27</sup> Там же. № 10. С. 300.

муникаций. Оно страдало из-за традиционной, мало подвижной природы господствовавшего тогда сельскохозяйственного производства и крестьянского быта. Значительным препятствием являлись корпоративная замкнутость отдельных групп населения, религиозно-догматическая связанность мышления.

Существенным тормозом было несовершенство самих средств передачи, распространения, внедрения культурного воздействия. Книжное знание не занимало тогда сколько-нибудь заметного места. Относительно организованные действия по внедрению или искоренению той или иной традиции регулярно проводились государством и церковью и были весьма результативны. В частности, государство сыграло важную роль в распространении нового опыта в области судопроизводства и права, понятий гражданства, политического устройства, чеканки монеты, военной техники и связанных с нею ремесел, воинской организации. Действия церкви были особенно эффективными в области этики и вообще философии, морали, права, а также агротехники, книжного и ряда других ремесел.

Нет, однако, сомнений, что наиболее массовый, широкий, демократический и результативный обмен культурными ценностями осуществлялся стихийно и главным образом в ходе личных контактов.

Контакты и наблюдения возникали благодаря торговле и путешествиям. Они складывались в процессе дипломатических, брачных и служебных отношений. Заимствованию, распространению опыта содействовали военно-колониционные предприятия, бродячие ремесленники и артисты, наемные иноземные специалисты, мирные иммигранты и чужеземцы-рабы.

Эффект культурного взаимодействия непосредственно зависел от двух обстоятельств: во-первых, от массы, широты и регулярности контактов; во-вторых, от подготовленности каждой из сторон к восприятию нового для нее опыта. Вот почему наибольшие возможности в культурном взаимодействии средневекового общества предоставлял город.

По совокупности функций, которые сосредоточиваются в городе, можно определить город как общественный концентрат, воплощающий и отражающий процесс всеобщего разделения труда на той или иной стадии развития классового строя.

Если обратиться, например, к средневековому городу, то он выступает как центр товарообмена (торговли) и товарного производства (ремесла, промыслов, наемного труда, торгового земледелия). В то же время он выступает как центр государственного управления, коммуникаций и политико-стратегической сети. Он берет на себя значительную долю административной, фискальной и судебной деятельности. Он занимает ведущие позиции в религиозной жизни, образовании, строительстве и архитектуре и т. д.

В городе мы обнаруживаем множество лавок и мастерских, рыночную площадь и во многих случаях порт, заполненные на-

родом. Там располагаются собор и несколько, а в больших городах множество церквей, здание ратуши и другие дома в несколько этажей, конторы нотариусов и менял, монетный двор и гостиницы. Его охраняют крепостные стены и башни. Именно в городе или близ него размещаются монастыри с их больницами, резиденции королей и знати с их многочисленными приближенными и прислугой. Там собираются односословные собрания, а позднее парламент. В городе сосредоточено весьма значительное и плотное (по сравнению с окружающими сельскими поселениями) население, к тому же весьма сложное по имущественному, социально-правовому и профессиональному статусу. Город дает возможность регулярно общаться между собой представителям самых разных сословий и групп. В городе постоянно оказывается множество чужаков — не только людей из других городов и других областей страны, но и иностранцев, представителей иных этнических общностей, иной культуры.

Полифункциональность, многообразие городской жизни, пестрота населения города и множество размещенных в нем учреждений — все это и обусловило выдающуюся роль города, как центра, фактора и «моста» во взаимодействии, взаимовлиянии разных духовных и материальных культур.

Эта роль проявилась и может быть рассмотрена в двух плоскостях: социальной и территориально-этнической. Социальный «срез» показывает место города в культурном взаимодействии между различными классами, внутри- и межклассовыми группами, различными профессиональными прослойками, отдельными общностями (гильдии, братства, общины и т. д.) и коллективами. Территориально-этнический «срез» обнаруживает место города в культурном общении между разными территориями и населяющими их однородными либо разнородными этническими группами.

Оба эти направления, в свою очередь, имеют две сферы: внутреннюю, показывающую взаимодействие через город в рамках своей местности или своего государства, и международную, обнаруживающую роль города в интернациональном культурном взаимодействии.

Наконец, территориально-этнический и социальный «срезы» культурного взаимодействия через город, в их внутреннем и международном аспектах, должны быть рассмотрены в двух временных направлениях: по горизонтали и по вертикали.

Временная горизонталь означает рамки определенной эпохи или периода времени в истории страны или континента, в истории города и разделов самой материальной и духовной культуры. Мы можем, например, поставить вопрос о роли города конца средневековья для восприятия новых традиций в области ремесла, садоводства, церковного строительства, украшения книг, муниципальной организации и прочих не кровно-родственных общностей, гражданского права или свободомыслия. Эта позиция помогает понять роль города в формировании национальной культуры и во взаимодействии разных культур определенного времени.



Но необходимо также представить себе позиции города как центра культурного взаимодействия во временной вертикали, т. е. в эволюции, а также в зависимости от каждого этапа в средневековой истории страны, самого города, отдельных элементов культуры. В частности, полифункциональность и социально-профессиональная сложность городской жизни средневековья в полной мере реализуются и становятся очевидными лишь в развившемся городе. С другой стороны, медиевисты признают собственно средневековым городом именно такой город, в котором уже сложились и представлены все специфические городские функции, учреждения, население и топография. Такой город мы застаем в классическое средневековье. А как обстояло дело до этой стадии, т. е. в период раннего средневековья, когда и феодальные отношения, и феодальное государство, и город еще складывались? Выполнял ли ранний город и даже его эмбрион, а если выполнял, то в какой мере и в каких формах, свою роль центра и фактора культурного взаимодействия?

По существу поставленный вопрос имеет более широкий характер: о роли, месте раннего города и тем более предгородских поселений в период генезиса феодализма. Решение этого вопроса медиевистами зависит, как известно, от того, о каком регионе идет речь. В отношении территорий бывшей Римской империи — Италии, Испании, Франции, Византии и др., — где города возникали еще в древности и, будучи в упадке (в разное время и в разной мере), все же сохранялись на протяжении раннего средневековья, одновременно перестраиваясь на феодальный лад, позиция историков «положительная». Этот период включается ими в историю собственно городов, причем обязательно учитывается роль раннесредневекового города в процессе генезиса феодальных отношений, феодального государства.

Успехи новейшей археологии позволяют прийти к выводам и о значительной роли градообразования в ходе генезиса феодализма также на нероманизованных территориях Западной Европы, где города как особые общественные структуры впервые сложились лишь в средние века. Очаги-эмбрионы будущих городов и градообразные поселения (многие из этих пунктов, впрочем, так и не стали городами), предгородские центры и ранние, единичные города развивались одновременно и в тесном контакте с развитием классов и государства, как органичная часть и проявление всеобщего разделения функций, характерного для генезиса феодальных отношений. Процесс начального градообразования, а затем и эволюция раннего города являются компонентами складывания и раннего развития феодальной системы. Этот вывод сформулирован в результате вычленения этапов формирования города и сопоставления их с этапами складывания государственности<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Сванидзе А. А. О сопоставлении стадий складывания государства и возникновения городов в Швеции // Город и государство в древних обществах: Межвузовский сборник. Л., 1982.

О том, как обстояло дело с одной из важнейших функций средневекового города — проводимостью культурного воздействия — на начальных и незрелых стадиях средневековых городов, может рассказать история шведского города до конца XIII в.<sup>2</sup>

У истока средневековья процесс всеобщего разделения труда и функций в Северной Европе, как и на большей части континента, был представлен только исходными элементами. Этой стадии соответствовал *эмбрион* или первоначальный *очаг* городского развития: так можно обозначить пункт, где концентрировалась хотя бы одна урбанистическая функция и признак. Наиболее ранним эмбрионом такого рода был, как можно предположить, политико-сакральный центр свеев в районе будущей Старой Уппсалы<sup>3</sup>. Контакты, которые обеспечивал такой пункт, ограничивались главным образом сферами примитивной военно-политической организации, сакральных действий и, скорее всего, обмена товарами. Остальные функции еще не начинали отделяться. Такой эмбрион обеспечивал преимущественно местные, внутрплеменные контакты, т. е. связи внутри одного этноса, с его полностью или почти однородной культурой. Одновременно он, видимо, был в центре отношений своего племени с соседними племенами — по линиям войны, мира, брачных союзов между вождями (конунгами) и т. п. Впоследствии процесс возникновения городских эмбрионов, градообразования вообще расширился. Известны такие очаги и при усадьбах конунга (как, например, Агнефит в районе будущего Стокгольма, Сигтуна и многие другие), и в постоянных ярмарочных местечках (Морторп около будущего Кальмара, Эке-торп на Эланде, торговое местечко на месте будущего Стокгольма и многие другие). Это отражало характер первичных градообразований, который вполне выявился уже на следующем этапе.

В период ранних варварских королевств, в VI—середине VIII в., мы застаем уже *предгорода*, или *урбанизированные поселения*. Это центры со стабильным населением, обладающие уже не-

---

<sup>2</sup> Первые обобщающие исследования по истории раннего города в Швеции: Schück A. Studier rörande det svenska stadsbebyggelsens uppkomst. Stockholm; Uppsala, 1925; *Idem* Sveriges stadsväsen under medeltiden // Nordisk Kultur. 1933. B. XVIII. Обобщение новых археологических исследований см.: Fritz B. Stadshistoria och arkeologi. Översikt // Historisk Tidskrift (далее: HT). Stockholm, 1965. Наиболее полный археологический материал, характеризующий функции и типологию раннего городского строя в Швеции и вообще в Северной Европе, содержит серия «Medeltidstaden», являющаяся первой частью реализуемого проекта «Urbaniserings processen i Norden» (Projektledare H. Andersson, Å. Hyenström. Utg. av Riksantikvarieämbetet och Statens Historiska Museer). См., в частности: Andersson H. Stadsarkeologia och stadshistoria. Kring ett planerat projekt // Nordiska Historikermötet, 1974 (Uppsala). Från medeltid till välfärds samhälle. . . Stockholm, 1976; *Idem*. Urbaniserings processen i det medeltida Sverige. Det XVII. nordiske historikermøte 1977 // Medeltidstaden. 1979. B. 7; Andersson H., Redin L. Stadsarkeologi i Mellansverige. Läge, problem, möjligheter // Medeltidstaden. 1980. B. 19 o. a.

<sup>3</sup> Granlund I. Disting // Kulturhistorisk lexikon för nordisk middelalder från vikingetid til reformationstid (далее: KHL). B. III. 112 f.

сколькими важными городскими функциями. В королевстве свеев Свитьоде (Svithiod), например, такие пункты были двух типов. *Первый* имел функции общего центра публичной жизни — военно-политической, религиозной, судебно-правовой, вероятно, и функции обмена. Таким поселением стала уже известная нам «столица» свеев. *Второй* тип предгорода тогда же представляли торгово-ремесленные поселения — вики. У свеев таким поселением был, в частности, Хельгё или Лилъё («Helgö», «Liljö», остров на оз. Меларен)<sup>4</sup>, который возник в середине IV в., пережил расцвет в качестве торгового местечка в V—VII вв. и фиксируется почти до конца тысячелетия. Сферы контактов, которые обеспечивались предгородами, были разобщены, как бы разделены между разными по типу центрами и по-прежнему имели преимущественно локальный характер. Но они уже разнообразнее и шире, особенно отчетливы следы дальнего обмена.

В период сложившегося варварского государства, т. е. с середины VIII в., процесс градообразования значительно усилился. Предгорода возникают по всей тогдашней территории страны, по одному или по нескольку у каждой группы племен. Это были предгорода первого типа — центры публичной жизни племен, где проводились народные собрания — тинги, ярмарки и религиозные празднества. Но расширилось число предгородов и второго типа — вигов, они фиксируются на торговых островах Готланде и Эланде, затем в других местах страны, преимущественно на морском побережье<sup>5</sup>. Так складывается *сеть предгородов*. На этой стадии контакты через предгорода приняли относительно широкий, межплеменной характер по многим сферам общения и включали международные связи, прежде всего по линии товарного обмена.

Расцвет варварского (переходного) государства (середина VIII—X в.) ознаменовался и сложением первых *ранних городов* — чёпингов: это Бирка<sup>6</sup>, затем Скара и Сигтуна. Они выросли главным образом из вигов. В раннем городе имеются почти все основные урбанистические признаки: демографические, хозяйственные, топографические, стратегические. Характерная особенность таких городов — слабая выраженность в них общих политико-административных функций; не случайно резиденция конунга свеев была не в Бирке, а по соседству, на острове Альснё. В хозяйственной сфере раннего города функция обмена преобладала над функцией промышленного (ремесленного) центра. Главная же особенность первых чёпингов — их единичность. Отметим, однако, что, хотя комплекс урбанистических функций чёпингов еще не сформиро-

<sup>4</sup> Holmqvist W. Helgö. Uppsala, 1962; *Idem.* Rapport från 20 års arkeologiska undersökningar. B. 5 // Jernkontorets annaler. B. 157; Fritz B. Op. cit.; *Idem.* Helgö und die Vorgeschichte des skandinavischen Stadt // Antikvariskt arkiv. 1970. N 30 (Early Medieval Studies. Vol. I).

<sup>5</sup> Литературу см.: Сванидзе А. А. О сопоставлении стадий. . . С. 157.

<sup>6</sup> Латинизированное наименование Бирка — общепринятое в специальной литературе обозначение древнешведского городка Бьёркё, на острове того же имени (Björkö, Березовый), оз. Меларен.



вался, а сами они были буквально уникальными, их роль в культурном взаимодействии оказалась очень велика. Так, если обратиться к той же Бирке, то ее место в проведении культурных импульсов трудно переоценить. В Бирке постоянно находилось множество людей — купцы, рабы, миссионеры, викинги — из других местностей и других стран. Туда стекались чужеземные товары. Характерно, далее, что там изготавливались вещи по иноземным, в частности франкским, образцам, в том числе первая шведская монета (известная так называемая биркамюнт). Бирка стала важным очагом раннего христианства в Швеции. Купцы из Бирки, ездившие во франко-фризские земли, были в числе первых шведских христиан и активных поборников христианства. Именно Бирку в IX в. посещал важный католический миссионер епископ Ансгарий, жизнеописание которого, составленное монахом Римбертом, — один из важнейших источников по скандинавской истории того времени <sup>7</sup>. Там строили первые церкви. С Биркой были связаны торговые колонии по всей западной и северной Балтике <sup>8</sup>, особое торговое и городское право (*Björköarätten*) <sup>9</sup>. В раннем городе Сигтуне обнаружена и одна из первых в стране торговая гильдия — так называемая «фризская», т. е. состоящая из лиц фризского происхождения или (и?) созданная для торговли во Фрисландии <sup>10</sup>.

В XI—середине XIII в., в период генезиса феодальных классов и государства, процесс градообразования также пережил огромный сдвиг. Большинство предгородов второго типа исчезает, часть ранних городов приходит в упадок. Но зато на базе предгородов первого типа (племенных центров) и вновь возникших вигов складывается целая сеть, подлинная *система ранних городов* <sup>11</sup>. Все они, за редким исключением, встали затем в число наиболее развитых средневековых городов Швеции.

Раннегородской строй, пришедший на смену единичным ранним городам, ознаменовал отделение города от деревни, характерное для феодализма. Соответственно стала системой и многофункциональность города, и его роль в культурном взаимодействии. Ярмарки, рынки и лавки этих городов предлагают товары из разных областей страны и из-за ее рубежей. Горожане много разъезжают сами и принимают у себя гостей — «летних» и «зимних». Известная церковная миссия XI в. во главе с епископом Адамом Бременским двигается от города к городу, видя в них опорные

---

<sup>7</sup> Vita Anskarii auctore Rimberto / Ed. G. Waitz. Hannover, 1884. Cap. X, XV, XXIII etc.

<sup>8</sup> Arbman H. Birka. Stockholm, 1938. Bd. 1: Die Gräber; Ambrosiani B. e. a. Birka: Arkeologisk undersökning 1970—1971 // Riksantikvarieämbetet. Rapport C 1. Stockholm, 1973.

<sup>9</sup> Björköa Rätten / Utg. av J. Hadorph. Stockholm, 1687.

<sup>10</sup> Friesen O. v. Ur Sigtunas äldsta historia. Ett frisiskt handelsgille i Sigtuna på 1000-talet. Uppsala, 1910; Сванидзе А. А. Средневековый город и рынок в Швеции. XIII—XV вв. М., 1980. С. 175.

<sup>11</sup> Сванидзе А. А. О сопоставлении стадий . . . С. 158.

пункты в этой стране, где масса населения еще привержена язычеству.

В городах строятся соборы, теперь уже по английским, а затем немецким архитектурно-строительным образцам. Такая же последовательность обнаруживается в монетной чеканке, которая также осуществляется в городах, отчасти монетчиками-иностранцами<sup>12</sup>. С конца XII в. и особенно с XIII в. в страну двинулся поток иммигрантов из северонемецких городов; они оседали в местных городах, принесли с собой Магдебургское городское право, традиции бюргерских корпораций, в частности ремесленных цехов (начали оформляться только с середины XIV в.). В том же XIII в. представители монашеских орденов, основывая свои первые монастыри в Швеции, выбирали для них, как обычно, места в городах и пригородах (это явление настолько типично, что обнаружение в том или ином поселении монастыря считается у медиевистов таким же признаком именно городского характера данного поселения, как и получение им муниципальных хартий).

Наконец, город получает большой вес как центр политического влияния и взаимодействия. Шведский король, согласно обычаю, вступая на Эриксгату (чтобы совершить традиционный для нового короля объезд всех областей страны, по определенному маршруту), останавливался главным образом в городах — центрах исторических областей (т. е. бывших племенных территорий), где давал свою клятву и принимал вассальную присягу у населения. А в середине XIII в., когда встал вопрос о мерах подавления сепаратизма мятежного уппландского рода Фолькунгов, одной из таких мер стало укрепление и возвышение Стокгольма, в качестве нового «главного города», противопоставленного Старой Уппсале — центру уппландского язычества, сепаратизма и своеволия знати<sup>13</sup>. Города, таким образом, играют опорную роль в сфере государственной жизни, они являются проводниками государственной централизации и прочих воздействий в этой сфере.

Итак, очевидно: функция центра, фактора, «моста» культурного взаимодействия принципиально присуща средневековому городу, что обусловило его выдающуюся роль в прогрессивном развитии эпохи в целом.

Однако роль города в сфере культурного взаимодействия отвечала общей стадии его эволюции. Полное раскрытие этой роли

---

<sup>12</sup> Сванидзе А. А. Начальный этап монетной чеканки и денежного обращения в Швеции (X—конец XII в.) // Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. Тарту, 1975; Andersson A. English Influence in Norwegian and Swedish Figuresculpture in Wood, 1220—1270. Stockholm, 1949; Romdahl A. Ornamentik och stil i Linköpings domskyrka // Göteborgs Handlingar. Göteborg, 1914; Lönnroth E. Från svenskt medeltid. Stockholm, 1959.

<sup>13</sup> Hasselberg G. Eriksgata // KHL. B. IV; Сванидзе А. А. Из истории городского строя XIII в. // Средние века. М., 1965. № 28. Раннюю историю отдельных городов см.: Сванидзе А. А. Городские хартии и распространение муниципальных привилегий в шведских городах с середины XIII по XV в. // Там же. М., 1972. № 35.

«свойственно лишь сложившемуся средневековому городу. В период раннего средневековья и, соответственно, ранних городов, в эпоху генезиса городского строя как системы, данная функция зачастую присутствовала лишь как тенденция, в виде менее или более развитых элементов. Но уже ее наличие позволяет говорить о важном месте урбанизированных поселений в самом генезисе феодализма.

Одним из наиболее ранних и ярких свойств города в области культурного взаимодействия была проводимость им влияния со стороны более развитых обществ. В Швеции, как и во многих других странах Европы, не подвергавшихся непосредственной романизации, общественное развитие в эпоху средневековья происходило за счет соединения местных, мощных, медленно изменяющихся форм жизни — с разнообразными, динамичными импульсами со стороны более развитых феодальных стран, влиянием из эпицентров континентальной культуры. Город играл роль форпоста этого влияния.

Сказанное относится к городу как структуре в целом и не означает, конечно, что все города играли одинаковую роль в культурном взаимодействии. Размер города, его место в государственной и церковной администрации, размах его торговли и промышленности, близость к большим водным системам, особенно к морю, и вообще место в сети коммуникаций, — все эти и прочие параметры, определявшие значимость города, одновременно служили и параметрами его культурной проводимости. Последняя была, соответственно, наибольшей в самых больших, известных городах, в мелких же могла быть представлена в виде отдельных элементов.

*И. Г. Коновалова*

## ИТАЛЬЯНСКИЕ КУПЦЫ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В XIII В.

Проблемы международных связей Древнерусского государства и России занимали важное место в сфере творческих интересов В. Т. Пашуто. Особое внимание он предлагал обратить на экономический аспект внешней политики России, на необходимость изучить формирование внешнеторгового рынка страны по всем направлениям, среди которых он выделял комплекс южных связей. Их исследование призвано раскрыть характер и значение тесно связанных между собой политических и торговых взаимоотношений России, Золотой Орды, итальянских колоний на Черном море и Византии<sup>1</sup>. Большое значение Пашуто придавал изучению

<sup>1</sup> Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография. М., 1981. С. 58, 62.



итальянской торговли в Северном Причерноморье в XIII—XV вв., в частности, он считал необходимым поднять уровень источниковедческой разработки этого вопроса и перевести на русский язык актовый материал, относящийся к деятельности итальянцев в данном районе <sup>2</sup>.

В советской историографии самостоятельные исследования, посвященные деятельности итальянских торговцев в Северо-Западном Причерноморье в XIII в., отсутствуют. В общих курсах по истории Молдавии и в специальных работах лишь отмечается наличие итальянских торговых факторий в прибрежных городах, откуда итальянские купцы вели торговлю с прилегающими к морю областями <sup>3</sup>.

Вместе с тем вопросам, связанным с предпринимательской деятельностью итальянских купцов на Северо-Западе Черного моря в XIII—XV вв., посвящена обширная зарубежная историография. Итальянская колонизация Северо-Западного Причерноморья являлась традиционной темой буржуазной румынской исторической литературы, а в настоящее время эта проблематика активно разрабатывается историками СРР, НРБ и других стран <sup>4</sup>. В имеющихся исследованиях наибольшее внимание уделено развитию итальянской торговли в XIV—XV вв., когда в городах Северо-Западного Причерноморья уже существовали крупные итальянские фактории, о которых сохранился сравнительно богатый материал в документальных, картографических и нарративных памятниках. Начальный этап итальянской торговли в рассматриваемом районе, более скудно отраженный в источниках, остается пока мало исследованным.

С северным побережьем Черного моря итальянские купцы были знакомы по крайней мере с начала XIII в. Известны тексты торговых контрактов венецианских купцов, в которых конечным пунктом торговых операций назван Судак (Солдайя). Самый ранний из них составлен в 1206 г.<sup>5</sup> Плано Карпини, посетивший в 1247 г. Киев, застал там множество иноземных купцов, среди которых самыми крупными, по его словам, были «Михаил Генуэзский, а также и Варфоломей, Мануил Венцианский, Яков Реверий из Акры, Николай Пизанский» — все итальянцы. Характерно, однако, что сам Плано Карпини относит их к большой группе купцов из Константинополя, приехавших, как он пишет, «в Россию

---

<sup>2</sup> Там же. С. 61.

<sup>3</sup> *Мохов Н. А.* Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964. С. 128—133; История народного хозяйства Молдавской ССР (с древнейших времен до 1812 г.). Кишинев, 1976. С. 68, 82; История Молдавии с древнейших времен до наших дней. Кишинев, 1982. С. 55; *Полевой Л. Л.* Очерки исторической географии Молдавии XIII—XV вв. Кишинев, 1979. С. 65—69.

<sup>4</sup> Историографию см.: *Lăzărescu G., Stoicescu N.* Țările române și Italia pînă la 1600. Buc., 1972. P. 30; *Pascu Ș.* La storiografia romena ed i genovesi nel Mar Nero // «Genovezii la Marea Neagră în secolele XIII—XIV»: Colocviul româno-italian. Buc., 1977. P. 35—46.

<sup>5</sup> *Lombardo A., Morozzo della Rocca R.* Documenti del commercio veneziano nei secoli XI—XIII. Torino, 1940. Vol. 2. N 478.

через землю татар»<sup>6</sup>. Из этого отрывка явствует, что итальянские купцы в середине XIII в. вели самостоятельную торговлю в районе Северного Причерноморья, доходили до Киева и даже играли там видную роль; своих факторий на северном берегу Черного моря итальянские торговцы, по-видимому, тогда еще не имели, и основной базой им служил Константинополь, что и дало повод Плано Карпини назвать своих соотечественников «купцами из Константинополя».

Сведения о контактах итальянского купечества с Северным Причерноморьем в документах первой половины XIII в. единичны. Это не позволяет говорить о наличии значительных торговых интересов у итальянцев на северо-западном берегу Черного моря до середины XIII в.

Лишь после 1261 г., когда Генуэзская республика согласно договору с Византией получила монопольное право на торговлю в бассейне Черного моря, у итальянских купцов начинают формироваться устойчивые торговые интересы в Северо-Западном Причерноморье, так что к концу XIII в. можно уже видеть определенные результаты их предпринимательской деятельности в этом районе.

Черное море стало хорошо знакомым не только мореплавателям, но и коренным жителям Италии. Марко Поло, записки которого о своих путешествиях были составлены им в конце XIII в., даже не считал нужным дать какую-либо характеристику черноморским землям, мотивировав свое решение широкой известностью этих областей среди читателей, для которых даже рассказы очевидца уже не представляли интереса. «Мне кажется ненужным, — писал путешественник, — говорить о местах, которые посещаются теми, что постоянно плавают по морю, венецианцами, генуэзцами и пизанцами и многими другими, так что каждый знает о них все. . .»<sup>7</sup>

Наиболее ранним памятником торговой экспансии генуэзцев, содержащим свидетельства об их контактах с Северо-Западным Причерноморьем, является портолан конца XIII в.<sup>8</sup> Из всех перечисленных в портолане черноморских портов наиболее обстоятельно охарактеризована Вичина на Нижнем Дунае. Автор портолана подробно описывает водные подходы к Вичине, называет Дунай по имени города (*flumen de Vecina*), хотя это достаточно большая и известная река, чтобы быть знакомой итальянцам под своим именем, и наконец, лишь для характеристики Вичины он употребляет термин *città* — все прочие черноморские пункты (не считая византийских) называются просто портами (*porto*). Сравнительный анализ описаний, данных автором портолана тем или иным пунктам Западного, Северного и Восточного Причерноморья, позволяет сделать вывод о том, что в конце XIII в. генуэзцы были заинтере-

<sup>6</sup> Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 82.

<sup>7</sup> Марко Поло. Путешествие. Л., 1940. С. 275; см. также с. 265.

<sup>8</sup> Il Compasso da navigare. Cagliari, 1947. P. 131.

сованы в налаживании связей с Северо-Западным Причерноморьем, в частности с Вичиной, в не меньшей степени, чем с северным, где с конца 60-х годов XIII в. они имели свою факторию в Каффе.

О том, как осуществлялась торговая деятельность итальянцев в Северо-Западном Причерноморье в конце XIII в., дают представление нотариальные акты Перы и Каффы за 1281, 1289—1290 гг.

На эти документы впервые обратили внимание итальянские ученые А. Ферретто<sup>9</sup> и К. Десимони<sup>10</sup>, но подлинным пионером в деле их издания явился румынский исследователь Г. Брэтиану. Он опубликовал акты нотариуса Габриэле де Предоно из фонда *Notai ignoti, mazzo XI* — 330 документов, оформленных в Пере с 27 июня по 9 октября 1281 г., и два документа за январь—февраль 1284 г.<sup>11</sup> Кроме того, в публикацию Брэтиану вошли акты нотариуса Ламберто ди Самбучето: 457 документов, оформленных в Каффе с 23 апреля 1289 г. по 28 мая 1290 г.<sup>12</sup> Акты нотариусов Габриэле де Предоно и Ламберто ди Самбучето, отражавшие связи итальянских купцов Перы и Каффы с одной из генуэзских факторий на Нижнем Дунае — с Вичиной, — Брэтиану не включил в эту публикацию, так как издал их ранее, в виде отдельной выборки, оставшейся малоизвестной в историографии<sup>13</sup>. Впоследствии Брэтиану опубликовал еще два акта Ламберто ди Самбучето — от 4 и 8 мая 1290 г., в которых речь идет о связях купечества Каффы с Вичиной и Монкастро (Белгород Днестровский)<sup>14</sup>.

Сравнительно недавно французский ученый М. Балар обнаружил несколько тетрадок нотариуса Ламберто ди Самбучето, неизвестных Брэтиану, и подготовил их издание. В публикацию Балара вошли 903 акта, оформленных Ламберто ди Самбучето в Каффе, с 24 апреля 1289 г. по 17 августа 1290 г., в том числе акты, изданные ранее Брэтиану<sup>15</sup>. По сравнению с публикациями Брэтиану, число актов возросло почти наполовину, однако новых находок, касающихся Северо-Западного Причерноморья, оказалось немного: один документ от 8 августа 1290 г. Таким образом, в опубли-

<sup>9</sup> *Ferretto A.* Codice diplomatico delle relazioni fra la Liguria, la Toscana e la Lunigiana ai tempi di Dante // *Atti della Società Ligure di Storia Patria*. 1903. Vol. XXXI. N 2.

<sup>10</sup> *Desimoni C.* Notes et observations sur les actes du notaire génois Lamberto di Sambuceto // *Revue de l'Orient Latin*. 1894. N 1. P. 1—34; N 2. P. 216—234.

<sup>11</sup> *Brătianu G. I.* Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin du treizième siècle (1281—1290). Buc., 1927. 151 акт издан полностью (№ 1—151. P. 73—173), 181 — в виде перест (№ 1—181. P. 301—326).

<sup>12</sup> *Ibid.* 182 акта опубликованы полностью (№ 152—333. P. 173—300), 275 — в виде перест (№ 182—456. P. 326—361).

<sup>13</sup> *Brătianu G. I.* Vicina, I // *Bulletin de la Section historique de l'Académie Roumaine*. 1923. Vol. X. P. 167—188.

<sup>14</sup> *Brătianu G. I.* Contributions à l'histoire de Cetatea Alba (Akkerman) aux XIIIe et XIVe siècles // *Bulletin de la Section historique de l'Académie Roumaine*. 1927. Vol. XIII. P. 31; *Brătianu G. I.* Recherches sur Vicina et Cetatea Alba. Buc., 1935. P. 175—176.

<sup>15</sup> *Balar M.* Gênes et l'Outre-Mer. P., 1973. T. I: Les Actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto, 1289—1290.



ликованных нотариальных актах Перы и Каффы конца XIII в. вопросы торговли с городами Северо-Запада Черного моря отражены в 41 документе из 1270.

Нотариальные акты конца XIII в., относящиеся к Северо-Западному Причерноморью, с точки зрения их формуляра в общем ничем не отличаются от актов, характеризующих социально-экономические отношения в итальянских факториях других черноморских городов. Формуляр актов, оформленных в Пере и Каффе, обстоятельно рассмотрен Брэтиану, уделившим особое внимание юридическим аспектам<sup>16</sup>, и Баларом, проанализировавшим акты с точки зрения их экономического содержания<sup>17</sup>.

подавляющее большинство актов — 34 из 41, так называемые «коменды» (*assommendationes*), — оформляют сделки между двумя купцами, один из которых предоставлял капитал — наличными или в виде товаров, — а другой обязывался реализовать его в определенном районе, за что получал установленный процент прибыли: от 25 до 50 %. Шесть актов представляют собой поручительства на взыскание долгов, один — опись имущества.

Румынские исследователи, обращавшиеся к анализу этих документов, преимущественное внимание уделяли определению объема торговых операций между Перой и Вичиной, а также предметам торговли<sup>18</sup>. На наш взгляд, рассматриваемые источники содержат материал для решения еще одного вопроса — о том уровне, на котором находились торговые связи итальянцев с городами Северо-Западного Причерноморья в 80-х годах XIII в.: был ли это начальный этап колонизации, или итальянские купцы имели уже устойчивые поселения в указанном регионе.

Как можно было предположить, исходя из данных портолана, итальянцы уже к концу XIII в. имели достаточно прочные связи с районом Нижнего Дуная, а возможно, и свою факторию в Вичине. Некоторые косвенные свидетельства нотариальных актов Перы и Каффы подкрепляют предположение о наличии в Вичине итальянской фактории. Прежде всего, в актах фигурируют несколько итальянцев, проживающих в Вичине: 7 июля 1289 г. Бенедикто де Олива из Каффы поручает Гульельмо Портонарио взыскать долги с анконца Томазино де Камарино, живущего в Вичине (*habitor de Vecina*)<sup>19</sup>; 25 сентября 1281 г. оказавшийся в Пере некий Панталео из Вичины поручает Бертуччо де Суксилья взыскать долги с Гульельмо де Нервио<sup>20</sup>; опись имущества Оберто де Боццоло содержит перечень вещей, находящихся в Вичине<sup>21</sup>;

<sup>16</sup> *Brătianu G. I. Actes des notaires génois de Péra et de Caffa. P. 35—71.*

<sup>17</sup> *Balard M. Gênes et l'Outre-Mer. T. I. P. 28—61.*

<sup>18</sup> *Câmpina B. T. Despre rolul genovezilor la gurile Dunării în secolele XIII—XV // Studii. 1953. N 1. P. 191—236; Girescu C. C. The Genoese and the Lower Danube in the XIIIth and XIVth Centuries // Journal of European Economic History. 1976. N 3. P. 587—600.*

<sup>19</sup> *Brătianu G. I. Vicina, I. N XXXVIII.*

<sup>20</sup> *Ibid. N XXXVI.*

<sup>21</sup> *Ibid. N XXXIII.*

12 августа 1281 г. Огеро Бокабарили поручает Николино де Вультуро взыскать его долги в Вичине<sup>22</sup>. Косвенным свидетельством наличия в Вичине итальянской фактории служит акт от 22 июля 1281 г., согласно которому нотариий Джованино де Орто, взяв в кредит 60 перперов, отправляется в Вичину, возможно, не только как купец, но и в качестве нотариуса<sup>23</sup>. В одном из более поздних актов содержится и прямое свидетельство о наличии генуэзской фактории в Вичине: под 1298 г. упоминается генуэзский консул в Вичине Монтано Эмбриако<sup>24</sup>.

Кроме Вичины, итальянские мореплаватели заходили еще в один порт северо-западного черноморского побережья — Монкастро. Первое — и единственное в нотариальных актах XIII в. — упоминание о нем содержится в акте от 28 мая 1290 г., оформляющем сделку двух купцов в Каффе. Джакомо де Финарио, получивший в кредит от Энрико Сальваторе 800 аспров, должен был реализовать их *ad partes Malvocastrì*<sup>25</sup>. Монкастро, по-видимому, в конце XIII в., не играл еще заметной роли в итальянской торговле. Если в нотариальных актах Монкастро упомянут лишь однажды, то в портолане конца XIII в. он вообще не фигурирует.

В 17 (из 28) актах капитал, который предназначался к реализации в Вичине, выражен не в денежных суммах, а в товарах. Среди предметов ввоза в Вичину фигурируют разнообразные ткани — сукно, лен, хлопок, шелк, тафта<sup>26</sup>. Поскольку в контрактах не оговаривалось, на закупку каких предметов купец брал деньги у заимодавца, неизвестно, что итальянские торговцы вывозили из районов Нижнего Дуная и Днестра<sup>27</sup>. Некоторые предположения по этому вопросу позволяет сделать расписка Франческо де Мультедо в том, что он получил в Вичине от Бергоньино Бавио три мешка зерна<sup>28</sup>. Не исключено, что зерно было закуплено и произведено на месте, ибо о вывозе зерна из района Нижнего Дуная есть свидетельства более поздних источников XIV в. Проследившая по нотариальным актам 1281, 1289—1290 гг. деятельность купцов, в сфере торговых интересов которых находилась, помимо других черноморских городов, и Вичина, можно установить, что некоторые из них участвовали в вывозе зерна из Причерноморья. Так, 26 августа 1281 г. восемь купцов наняли у генуэзского подеста в Пере судно «Святой дух» для доставки зерна в Геную<sup>29</sup>. Среди лиц, зафрахтовавших судно, двое торговали с Ви-

<sup>22</sup> Ibid. N XXX.

<sup>23</sup> Ibid. N XVI.

<sup>24</sup> Генуэзский консул в Вичине упомянут в одном из неопубликованных актов Генуи за 1298 г. (*Balard M. Les Génois dans l'Ouest de la Mer Noire au XIVe siècle // Actes du XIVe Congrès International des Etudes byzantines. Buc., 1975. T. 2. P. 21—32*).

<sup>25</sup> *Balard M. Gênes et l'Outre-Mer. T. I. N 569.*

<sup>26</sup> Подробнее см.: *Giurescu C. C. Op. cit. P. 590.*

<sup>27</sup> Встречающиеся в литературе утверждения об экспорте зерна из района Нижнего Дуная в XIII в. опираются на данные источников XIV в.

<sup>28</sup> *Brătianu G. I. Vicina, I. N XXXVII.*

<sup>29</sup> *Brătianu G. I. Actes des notaires génois de Péra et de Caffa. N CVI.*

чивой: Донато де Донато 22 июля отправил туда ломбардской ткани и шелка на 176 перперов 14 каратов <sup>30</sup>, а Джаннино Муррино 1 июля дал в кредит 280 перперов отправляющемуся в Вичину Вентурино из Брешии <sup>31</sup>.

Нотариальные акты Перы и Каффы дают некоторое представление о том, каким образом была организована торговля с Вичиной. Судя по всему, она находилась в руках мелких и средних итальянских торговцев: среди лиц, фигурирующих в актах, нет представителей Дориа, Заккариа, Сальваго и других крупных семей, связанных с восточной торговлей и активно действовавших в Причерноморье в рассматриваемое время <sup>32</sup>. Подавляющее большинство купцов и заимодавцев числится в актах по одному разу. Это связано не только с ограниченным числом актов, дошедших до нас, но и с характером торговли, в которой принимало участие большое количество мелких торговцев. За 25 дней в июле — октябре 1281 г. (а в один день у одного нотариуса могло заключаться и по шесть сделок, как, например, 22 июля) у Габриэле де Предоно побывало 52 человека, чьи торговые интересы были связаны с Вичиной. Кроме них, в актах упомянуты еще семь лиц, имеющих отношение к этой торговле.

Хотя большая часть торговцев, как мы отметили, были мелкими, организация торговли почти не знает примитивных форм, когда одно и то же лицо вступало в несколько сделок сразу, выполняя в них разные функции: в одном случае — заимодавца, в другом — купца, непосредственно осуществляющего торговую операцию. Только Гандульфо де Кварто, давая поручение Джованни де Сан Стефано, через несколько дней и сам отправляется в Вичину с товаром, но, похоже, ненадолго, так как оставляет свою лавку в Пере и оговаривает, что делает это до своего возвращения <sup>33</sup>.

Среди купцов, связанных с Вичиной, выделяется группа лиц, ведущих торговлю не лично, а через посредников. Таков, например, Огерио Бокабарили, который в течение 19 дней дал поручения трем торговцам, отправлявшимся в Вичину <sup>34</sup>. По две сделки, относящиеся к отправке товаров в Вичину, заключили у Габриэле де Предоно Леоно де Сексто <sup>35</sup>, Донато де Донато <sup>36</sup>, Гвидото де Нигро <sup>37</sup>, Персиваль де Аренцано <sup>38</sup>. Наряду с ними можно заметить и другую группу торговцев, главным видом деятельности

<sup>30</sup> Brătianu G. I. Vicina, I. N XII, XIV.

<sup>31</sup> Ibid. N I.

<sup>32</sup> Balard M. Notes sur l'activité maritime des Génois de Caffa à la fin du XIII<sup>e</sup> siècle // Sociétés et compagnies de commerce en Orient et dans l'Océan Indien: Actes de VIII<sup>ème</sup> Colloque International d'histoire maritime. P., 1970. P. 375—377.

<sup>33</sup> Brătianu G. I. Vicina, I. N XXVI—XXVII.

<sup>34</sup> Ibid. N III, XVII, XXX.

<sup>35</sup> Ibid. N VII, XXXI.

<sup>36</sup> Ibid. N IX, XII.

<sup>37</sup> Ibid. N XI, XV.

<sup>38</sup> Ibid. N XXV, XXVIII.



которых было выполнение чисто посреднических функций. Получив товары или деньги в Пере, они отправлялись реализовывать их в Вичину. Так, Вентурино из Брешии отбыл в Вичину, взяв товары по крайней мере у трех купцов <sup>39</sup>. У двух купцов брали товары Оберто Тенервасио <sup>40</sup>, Мартино де Гавио <sup>41</sup>, Бартоломей Весола <sup>42</sup>, Бонифаций Авогарио <sup>43</sup>, Гульельмо де Нервио <sup>44</sup>, Томас Ансальди де Домокульта <sup>45</sup>. Иногда торговлю вели несколько членов одной семьи. С Вичиной были связаны, например, семьи Капеллетти <sup>46</sup>, Рубео <sup>47</sup>, Сарцано <sup>48</sup>, Тартаро <sup>49</sup>.

Приведенные данные позволяют говорить о том, что торговые отношения генуэзских купцов из Перы, которые они поддерживали с Северо-Западным Причерноморьем в конце XIII в., находились на достаточно высоком уровне организации и имели значительный объем. По подсчетам румынского исследователя Б. Кымпины, в общем товарообороте Перы за 1281 г. сделки с Вичиной занимают около 20 % от всех торговых операций — это больше, чем с любым другим черноморским пунктом, в том числе и с Кафрой <sup>50</sup>.

Венецианские купцы, в отличие от генуэзских, в течение XIII в. еще не успели укрепиться на северо-западном побережье Черного моря. В нотариальных актах Перы и Кафры 1281, 1289—1290 гг. среди лиц, участвовавших в торговле с Вичиной и Монкастро, нет ни одного венецианца. По наблюдениям С. П. Карпова, венецианские чиновники, управлявшие венецианскими факториями на Черном море, начинают упоминаться в книгах Большого Совета лишь с 1319 г. <sup>51</sup> Это, разумеется, не означает, что венецианцы не предпринимали никаких шагов к установлению торговых связей с Северо-Западным Причерноморьем. Известно, что в 1292 г. по решению Большого Совета они отправили посольство к Ногаю, чтобы договориться об условиях торговли с подвластными ему территориями <sup>52</sup>, в состав которых входили и северо-западные берега Черного моря. Венецианскому послу предписывалось в случае успеха переговоров остаться во владениях Ногай в качестве консула Венецианской республики сроком на три года. Венецианские купцы, таким образом, в конце XIII в. намеревались учредить свою факторию в Северо-Западном Причерноморье, что является свиде-

<sup>39</sup> Ibid. NI—III.

<sup>40</sup> Ibid. N V, XIII.

<sup>41</sup> Ibid. N VII, XII.

<sup>42</sup> Ibid. N IX, XVII.

<sup>43</sup> Ibid. N XIV—XV.

<sup>44</sup> Ibid. N XIX—XX.

<sup>45</sup> Ibid. N XXIV—XXV.

<sup>46</sup> Ibid. N IV.

<sup>47</sup> Ibid. N V.

<sup>48</sup> Ibid. N XI.

<sup>49</sup> Ibid. N VI, XXIII.

<sup>50</sup> *Câmpina B. T.* Op. cit. P. 202.

<sup>51</sup> *Карпов С. П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. М., 1981. С. 46.

<sup>52</sup> *Thiriet F.* Délibérations des Assemblées Vénitiennes concernant la Roumanie. P., 1966, T. I. N CLXVI.

тельством их торговых связей с этой территорией, которым Венецианская республика хотела бы придать стабильный характер. Известно, однако, что в соперничестве с генуэзскими купцами за возможность беспрепятственной торговли на Северо-Западе Черного моря венецианцы потерпели поражение. Их фактории на западном черноморском побережье появились лишь в конце XIV в.

*В. И. Рутенбург*

## ЗОЛОТОЙ ФЛОРИН, ЗОЛОТАЯ ПОРА ИТАЛИИ. . .

В 1252 г. во Флоренции начали чеканить золотую монету, на одной стороне которой был изображен символ этого города — лилия — цветок (*fiore*), поэтому она получила название золотого флорина (*fiorino d'oro*); на другой стороне был изображен патрон Флоренции — Иоанн Креститель. Этой изящной легкой (около 5 г), с некоторыми неровностями по краям, монете суждено было стать денежным эквивалентом для всей Италии, а затем и наиболее прочной валютой Западной Европы. Уже в 30-х годах XIV в. чеканили от 350 тыс. до 400 тыс. золотых флоринов <sup>1</sup>.

Флорин был не единственной и далеко не первой монетой Италии, денежные системы которой прошли до него долгий путь. Уже в раннем средневековье, когда господствовало натуральное хозяйство, в Италии продолжал теплиться огонек товарно-денежных отношений: в некоторых крупных центрах происходила чеканка монет <sup>2</sup>. При Одоакре и Теодорихе производилась чеканка бронзовых и серебряных монет с изображением этих правителей, хотя формально они были лишь магистратами императора. При Карле Великом чеканился серебряный динар (*denaro d'argento*), который был в обращении до середины XIII в. Венеция уже в XII в. начинает чеканить грош (*grosso*) с изображением патрона города — св. Марка, вручающего дожу знамя.

Большой интерес представляет не только раннее развитие денежных отношений, но и социальная эволюция денежных систем: в 1182 г. в Тренто епископ получил императорский диплом на право чеканки монеты, а затем уступил его коммуне. В 1234 г. коммуна Триеста стала выпускать свою монету с изображением патрона города — Сан Джусто <sup>3</sup>. Деньги из орудия феодальных

<sup>1</sup> *Capponi G.* Storia della Repubblica di Firenze. Firenze, 1875. Т. 1. Р. 34, 222.

<sup>2</sup> *Луццато Дж.* Экономическая история Италии: Античность и средние века. М., 1954. С. 186—187.

<sup>3</sup> *Tucci U.* Le monete in Italia // Storia d'Italia. Torino, 1973. Т. 5\*. Р. 550—551.

правителей — императора, короля, дожа, епископа — становятся экономическим рычагом коммуны, города-государства.

Вначале коммуны чеканили серебряную монету: Флоренция с 1182 г. выпускает серебряный флорин (*fiorino d'argento*), Венеция с 1202 г. — серебряный грош (*grosso d'argento*) вместо старого гроша, который был в 27 раз менее ценным и стал именоваться малым (*piccolo*). Серебряный грош более успешно использовался в Латинской империи, чем византийский золотой перпер (*iperpergo d'oro*). Серебряный грош ввела Генуя и некоторые тосканские города <sup>4</sup>.

Расширяющаяся общеевропейская торговля, в центре которой была Италия, и прежде всего такие ее государства, как Венеция, Генуя, Флоренция привели к новому этапу развития денежных систем — к выпуску золотой монеты, которая была в XIII в. в 10 раз ценнее серебряной <sup>5</sup>.

Появление полноценной золотой монеты — явление XIII в., века экономического расцвета коммун, хотя оно наблюдается и на юге Италии, где города были фактически лишены самостоятельности. Это говорит о том, что утверждение золотой монеты было общеталлантским явлением. В 1231 г. Фридрих II издал декрет о чеканке золотой монеты — тари (*tari d'oro*), которая просуществовала около 10 лет. Золото для производства сицилийского тари доставляли из Туниса. Генуя, имевшая тесные связи с Сицилией, начала в 1251 г., а возможно с 1252 г., чеканить по образцу сицилийского тари, свою золотую монету — дженовин (*genovino*), что было для республики св. Георгия не только свидетельством ее социально-экономического могущества, но и политического.

В 1252 г. появился золотой флорин, сохранивший свой вид, форму и вес в течение 300 лет (до 1533 г.). В 1534 г. изменился его вид: на монете был изображен Алессандро Медичи, отчего флорин получил наименование «головы» (*testone*).

В 1278 г. монетный двор Карла Анжуйского в Неаполе приступил к выпуску золотого карлина (*carlino d'oro*), который являлся как бы продолжением золотого тари. И, наконец, в 1284 г. Венеция приступает к чеканке золотого дуката (*ducato d'oro*), получившего затем название цехина (*zechino*), который существовал до 1797 г. <sup>6</sup>

Флорин, дженовин и дукат стали не только символом процветания Флоренции, Генуи и Венеции, но и мощным рычагом их экономического подъема. Венеция получала огромные прибыли от посреднической торговли, что способствовало созданию своеобразной торговой империи, находившейся под ее контролем. Морские общества Венеции — союз купцов и банкиров — коллеганда —

---

<sup>4</sup> *Pesce G.* Monete di Genova e della Liguria (1139—1814). Genova, [1971]. P. 14; *Tucci U.* Op. cit. P. 552—556.

<sup>5</sup> *Felloni G.* Profilo economico delle monete genovesi de 1139 al 1814. Genova, 1975. P. 223—224, 342—350; *Tucci U.* Op. cit. P. 558.

<sup>6</sup> *Tucci U.* Op. cit. P. 541—548.



получали не менее 50 % прибыли от торговых операций <sup>7</sup>. Генуя славилась большим размахом посреднической торговли. Не только Генуя, но и Пиза, служившая морскими воротами Флоренции, овладевали не только водными путями, но и рынками Сардинии, Корсики, Южной Франции, Северной Африки и Леванта. Объем товарной массы, проходившей через Пизанский порт, уже в середине XIII в. доходил до 900 тыс. флоринов, а к последней четверти века увеличился на 40 % <sup>8</sup>.

Сухопутная торговля ширилась не только по всей территории итальянских государств, но во всеевропейском масштабе. В сферу деятельности итальянского денежного капитала вошли Франция, Англия, Фландрия, Богемия. Уже в начале XIII в. итальянские купцы и банкиры получают от французских королей первые привилегии на шампанских ярмарках, а к концу столетия образуется община итальянских купцов (*universitas mercatorum Italiae*) из Ломбардии, Пьемонта и Тосканы. Шампань была крупной базой приложения итальянского торгово-банковского денежного капитала.

Выгодное положение Италии в Средиземноморье сделало ее многочисленные приморские и континентальные города центрами международной торговли и финансовых операций, что поставило их на первое место в Европе.

Развитие денежного хозяйства следует рассматривать не только по его объему и размаху, но по его социально-экономическим последствиям. Само по себе усиление и расширение денежного хозяйства не меняет характера существующих социальных отношений, но при благоприятствующих условиях может привести к качественно новым явлениям. Так было с Флоренцией, Прато, Сиеной, Миланом, Болоньей — городами континентального характера. Такие города-государства, как Сиена и Флоренция уже в XIII в. стали общеевропейскими банкирами, производившими ссудно-депозитные операции на основе не ростовщических беспредельных процентов, а ограниченных банковских (7—8 %). Большие денежные суммы, накапливающиеся в этих городах, направлялись на расширение сукнодельческой промышленности. Это соответствовало растущим требованиям внешней торговли: если приморские портовые центры получали прибыль от посреднических операций, то континентальные города должны были создавать свои товарные массы. Этот закономерный процесс привел к превращению обычных цеховых мастерских в мануфактурные предприятия раннекапиталистического типа. Произошел качественный скачок в области социально-экономического развития: появился отряд предпролетариата, наемных рабочих, получающих заработную плату (*salariati*) при крайне дробном разделении труда, и их хозяев — ранних капиталистов (*popolo grasso*), совмещавших

<sup>7</sup> Luzzatto G. Studi di Storia economica veneziana. Padova, 1954. P. 60—80.

<sup>8</sup> Herlihy D. Pisa in the Early Renaissance. New Haven, 1958. P. 163; Heers J. Urbanisme et structure sociale à Gênes au Moyen-Age // Studi in onore di A. Fanfani. Milano, 1962. Vol. 1. P. 368—411.

в себе владельцев мастерских, банкиров и купцов под формальной эгидой сукнодельческого цеха (Lana).

Количество наемных рабочих, например во Флоренции, было весьма внушительным и составляло в XIV в. от 13 тыс. до 30 тыс. или от 18 — 25 % населения. Наемный рабочий получал 5—8 сольдов в день, а стоимость выработанной им дневной продукции составляла 12—18 сольдов, принося хозяевам в день от 4 до 10 сольдов прибавочной стоимости<sup>9</sup>.

Эта масса прибавочной стоимости вместе с торговой и банковской прибылью вела к накоплению огромных богатств, используемых для расширения производства, строительства дворцов, крепостей, загородных вилл, скупки земель, оплаты художественных произведений. Золотой флорин был основой золотой поры Италии, ее богатой и образованной верхушки. Именно она и была хозяином золотого флорина: владельцы мануфактурных мастерских, они же, как правило, и главы банковских контор, получали прибыль в золотых флоринах, а наемные рабочие — свою заработную плату в неполноценной медной монете — кватринах (quattrini), нередко дополнительно теряя от низкого курса флорина.

Хозяева золотого флорина были поистине миллионерами: отдельные флорентийские семьи уже в XIV в. были обладателями денежных капиталов, колебавшихся от 200 тыс. золотых флоринов до 1 млн. 700 тыс.<sup>10</sup>

Теневой стороной истории было положение десятков тысяч наемных рабочих, ремесленников, сельских надомников, обладателей, как они тогда именовались, «малых денег» (piccoli)<sup>11</sup>.

Золотой флорин не был общим благом, а золотая пора Италии не являлась общим достоянием всех итальянцев.

Золотая пора Италии, первые три века золотого флорина, XIII—XV столетия, были для России периодом сложной социально-экономической эволюции и политических потрясений. Уже к XIII в. в русских землях насчитывалось до 250 городов, начался расцвет городского ремесла, продолжавшийся вплоть до монголо-татарского нашествия, росли торговые связи со странами Западной Европы<sup>12</sup>. В условиях длительной борьбы против золотоордынского ига происходил процесс объединения русских земель в единое централизованное государство, усиливались политические и экономические связи России со странами Западной Европы, в том числе с Италией. Итальянские источники дают возможность уста-

<sup>9</sup> Рутенбург В. И. О прогрессивности капиталистических отношений в Италии XIV—XV вв. // Средние века. М., 1955. Вып. VI. Флорин был реальной монетой, лира — условно-расчетной единицей. Лира делилась на 20 сольдов, сольд — на 12 динаров. Курс флорина не был постоянным: в 1317 г. 1 золотой флорин был равен 1 лире 9 сольдам (т. е. 29 сольдам), в 70-х годах того же века — 3 лирам 16 сольдам (т. е. 76 сольдам).

<sup>10</sup> Villani G. Cronica. Firenze, 1844. P. 92—93; Libri d commercio dei Peruzzi. Milano, 1934. P. 190—196.

<sup>11</sup> Felloni G. Il mercato monetario in Piemonte nel secolo XVIII. Milano, 1968. P. 4—5.

<sup>12</sup> Очерки истории СССР: Период феодализма. М., 1953. Ч. 1. С. 291, 340, 363.

новить наличие достаточно систематических связей России и Италии в XV в.: с 1461 по 1493 г. в Италии побывало 11 русских посольств<sup>13</sup>. Продолжались и экономические связи России с Италией, при которых, естественно, фигурирует золотой флорин. Примером тому может служить документ, опубликованный в 1972 г. Это деловое письмо, написанное 25 августа 1446 г. из Любека во Флоренцию Николо Буэри, агентом методической банковско-промышленной компании своему хозяину и главе Джованни Козимо Медичи. В нем сообщается о товарах, направляемых в столицу Тосканы из Швеции и России через Любек, бывший тогда одним из главных рынков пушнины. Буэри просит передать Пьеро Медичи, что его заказ на приобретение соболей из России (*zibellini di Rossia*) может быть выполнен, как и обещано, из мехов лучшего качества (*begli*), но предупреждает, что одна шкурка такого соболя будет стоить 2 флорина (*ma fa chonto de'belli la peza chostera f. 2*) и только менее ценные светлые на 15 % дешевле. Все операции с мехами пока, как сообщает автор письма, затруднены тем, что «главный город России, который именуется Москвой, горел» (*lla principale terra di Rossia — che ssi chiama Moschova — è arsa*). В этом «пожаре погибло немало горностаевых и соболиных шкурок, представляющих огромное сокровище» (*sono arsa dentro tanti emerlini e zibellini, che valgono uno tesoro*).

Буэри сообщает, что он все же вышлет около ста соболиных шкурок, а затем, если это будет одобрено, и следующую партию<sup>14</sup>.

Таким образом золотой флорин служил также орудием экономических связей Италии с Россией в период становления единого Русского государства.

---

<sup>13</sup> Рутенбург В. И. Итальянские источники о связях России и Италии в XV в. // Сборник статей, посвященный 75-летию профессора С. Н. Валка: Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964. С. 455—462.

<sup>14</sup> Lettera del 25 agosto 1446, Lubeca-Firenze, da Gherardo di Niccolò Bueri a Giovanni di Cosimo de' Medici // Melis F. Documenti per la storia economica dei secoli XIII—XVI. Firenze, 1972. P. 204. Doc. N 40.



- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук  
 АВАК — Акты, издаваемые комиссиею, учрежденною для разбора древних актов в Вильне  
 АГР — Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России / Собр. и изд. А. Федотов-Чеховский  
 АЕ — Археографический ежегодник  
 АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею  
 АРГ, 1505—1526 гг. — Акты Русского государства, 1505—1526 гг.  
 АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.  
 АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства  
 АЮ — Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства  
 ВВ — Византийский временник  
 ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины  
 ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина  
 ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова  
 ГИМ — Государственный исторический музей  
 ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина  
 ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею  
 ДГ — Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования  
 ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.  
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения  
 ИАК — Известия Государственной Российской археологической комиссии  
 ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности  
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии  
 КСИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР  
 ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии  
 МАР — Материалы по археологии России  
 МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт  
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР  
 НПК — Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею  
 НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов  
 ОИДР — Общество истории и древностей российских при Московском университете  
 ПВЛ — Повесть временных лет  
 ПДИ — Памятники древней письменности и искусства  
 ПКМГ — Писцовые книги Московского государства  
 ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси  
 ПРП — Памятники русского права  
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей  
 РИБ — Русская историческая библиотека  
 СА — Советская археология

|                  |                                                                                                                                     |
|------------------|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| САИ              | — Свод археологических источников                                                                                                   |
| Сб. ОРЯС         | — Сборник отделения русского языка и словесности                                                                                    |
| Сб. РИО          | — Сборник имп. Русского исторического общества                                                                                      |
| СГГД             | — Собрание государственных грамот и договоров                                                                                       |
| ТОДРЛ            | — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР                          |
| ЦГАДА            | — Центральный государственный архив древних актов                                                                                   |
| ЦГАЛИ            | — Центральный государственный архив литературы и искусства                                                                          |
| ЦГАОР СССР       | — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР |
| ЦГВИА            | — Центральный государственный военно-исторический архив                                                                             |
| ЦГИА ЛитССР      | — Центральный государственный исторический архив Литовской ССР                                                                      |
| Чтения ОИДР      | — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете                                                     |
| HRM              | — <i>Historica Russiae Monumenta</i>                                                                                                |
| JbGHS            | — <i>Jahrbücher für Genealogie, Heraldik und Sphragistik</i>                                                                        |
| LUB              | — <i>Liv-, Esth- und Kurländisches Urkundenbuch</i>                                                                                 |
| LGU              | — <i>Livländische Güterurkunden</i> / Hrsg. von H. Bruiningk                                                                        |
| MGH SS           | — <i>Monumenta Germaniae Historica</i>                                                                                              |
| <i>Migne. PG</i> | — <i>Patrologiae cursus completus. Series graeca</i> / Ed. J.-P. Migne.                                                             |
| <i>Migne. PL</i> | — <i>Patrologiae cursus completus. Series latina</i> / Ed. J.-P. Migne                                                              |
| MPH              | — <i>Monumenta Poloniae Historica</i>                                                                                               |
| MPH, NS          | — <i>Monumenta Poloniae Historica. Nova Series</i>                                                                                  |
| PSB              | — <i>Polski Słownik Biograficzny</i>                                                                                                |
| SK               | — <i>Seminarium Kondakovianum</i>                                                                                                   |
| SRP              | — <i>Scriptores rerum Prussicarum</i>                                                                                               |
| ŻA               | — <i>Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny</i>                                                                                 |
| Żfo              | — <i>Zeitschrift für Ostforschung</i>                                                                                               |

# СОДЕРЖАНИЕ

---

|                          |   |
|--------------------------|---|
| От Редколлегии . . . . . | 3 |
|--------------------------|---|

## Ловмянский Х.

|                                                                               |    |
|-------------------------------------------------------------------------------|----|
| Владимир Терентьевич Пашуто как историк-медиевист . . . . .                   | 5  |
| Дополнение к списку печатных трудов В. Т. Пашуто и литература о нем . . . . . | 11 |

## РАННЕФЕОДАЛЬНАЯ РУСЬ

*Новосельцев А. П.*

|                                                    |    |
|----------------------------------------------------|----|
| Термин «вежа» в древнерусских источниках . . . . . | 13 |
|----------------------------------------------------|----|

*Свердлов М. Б.*

|                                                                                            |    |
|--------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| Правовой обычай и закон в формировании системы феодального права в Киевской Руси . . . . . | 19 |
|--------------------------------------------------------------------------------------------|----|

*Петрухин В. Я.*

|                                                               |    |
|---------------------------------------------------------------|----|
| К проблеме формирования «Русской земли» в Среднем Поднепровье | 26 |
|---------------------------------------------------------------|----|

*Джаксон Т. Н.*

|                                                        |    |
|--------------------------------------------------------|----|
| Список древнерусских городов в «Книге Хаука» . . . . . | 30 |
|--------------------------------------------------------|----|

*Завадская С. В.*

|                                                                  |    |
|------------------------------------------------------------------|----|
| К вопросу о «старейшинах» в древнерусских источниках XI—XIII вв. | 36 |
|------------------------------------------------------------------|----|

*Котляр Н. Ф.*

|                                                                                     |    |
|-------------------------------------------------------------------------------------|----|
| Из исторического комментария к «Слову о полке Игореве» (Кто был Мстислав) . . . . . | 43 |
|-------------------------------------------------------------------------------------|----|

*Щавелева Н. И.*

|                                                              |    |
|--------------------------------------------------------------|----|
| Польки — жены русских князей (XI—серелина XIII в.) . . . . . | 50 |
|--------------------------------------------------------------|----|

*Юрасовский А. В.*

|                                                                                                              |    |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| О соотношении пространной и краткой редакций «Повести о Липицкой битве» в новгородском летописании . . . . . | 58 |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|

*Зайцев А. К.*

|                                                                                                     |    |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| О малоизвестных поселениях Подмосковья первой трети XIII в. (Голубино, Волочок и Уполозы) . . . . . | 64 |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------|----|

## РОССИЯ ЭПОХИ РАЗВИТОГО И ПОЗДНЕГО ФЕОДАЛИЗМА

*Исаевич Я. Д.*

|                                                                |    |
|----------------------------------------------------------------|----|
| Галицко-Волынское княжество в конце XIII—начале XIV в. . . . . | 71 |
|----------------------------------------------------------------|----|

*Хорошкевич А. Л.*

|                                               |    |
|-----------------------------------------------|----|
| «Крепостная», или «крепкая» грамота . . . . . | 77 |
|-----------------------------------------------|----|

*Назаров В. Д.*

|                                                             |    |
|-------------------------------------------------------------|----|
| О проездном суде наместников в средневековой Руси . . . . . | 84 |
|-------------------------------------------------------------|----|



*Старостина И. П.*

|                                                                                                                                 |    |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| К вопросу о сходстве и различии законодательных памятников Великого княжества Литовского и Русского государства в XV в. . . . . | 92 |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|

*Кучкин В. А.*

|                                                 |    |
|-------------------------------------------------|----|
| К датировке завещания Симеона Гордого . . . . . | 99 |
|-------------------------------------------------|----|

*Думин С. В.*

|                                                               |     |
|---------------------------------------------------------------|-----|
| Татарские царевицы в Великом княжестве Литовском (XV—XVI вв.) | 107 |
|---------------------------------------------------------------|-----|

*Аверьянов К. А.*

|                                                |     |
|------------------------------------------------|-----|
| Московские станы и волости XIV—XVI вв. . . . . | 114 |
|------------------------------------------------|-----|

*Семенченко Г. В.*

|                                                                    |     |
|--------------------------------------------------------------------|-----|
| Церковно-политическая борьба на Белоозере в 60-х годах XV в. . . . | 122 |
|--------------------------------------------------------------------|-----|

*Соболева Н. А.*

|                                                                 |     |
|-----------------------------------------------------------------|-----|
| О становлении восковой печати в Северо-Восточной Руси . . . . . | 128 |
|-----------------------------------------------------------------|-----|

*Скрынников Р. Г.*

|                                        |     |
|----------------------------------------|-----|
| Земельная политика опричнины . . . . . | 137 |
|----------------------------------------|-----|

*Шаскольский И. П.*

|                                                                                              |     |
|----------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Ижорская земля (Ингерманландия) в последние месяцы шведской власти (1702—1703 гг.) . . . . . | 145 |
|----------------------------------------------------------------------------------------------|-----|

## ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ФЕОДАЛЬНОЙ РОССИИ

*Пушкарев Л. Н.*

|                                                                                   |     |
|-----------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Основные периоды развития общественной мысли феодальной России X—XVII вв. . . . . | 152 |
|-----------------------------------------------------------------------------------|-----|

*Щапов Я. Н.*

|                                                                                           |     |
|-------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Политические концепции о месте страны в мире в общественной мысли Руси XI—XIV вв. . . . . | 159 |
|-------------------------------------------------------------------------------------------|-----|

*Бибиков М. В.*

|                                                                                                               |     |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Русь в византийских памятниках и Византия в древнерусских произведениях (к сравнительному изучению) . . . . . | 167 |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|

*Чичуров И. С.*

|                                                         |     |
|---------------------------------------------------------|-----|
| О датировке и актуальности поучений Василия I . . . . . | 173 |
|---------------------------------------------------------|-----|

*Борцова И. В.*

|                                                                     |     |
|---------------------------------------------------------------------|-----|
| Легендарные экскурсии о разделении земли в древнерусской литературе | 178 |
|---------------------------------------------------------------------|-----|

*Флоря Б. Н.*

|                                                 |     |
|-------------------------------------------------|-----|
| К генезису легенды о «дарах Мономаха» . . . . . | 185 |
|-------------------------------------------------|-----|

*Синицына Н. В.*

|                                                                                                                                                                |     |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| О происхождении понятия «шапка Мономаха» (к вопросу о концепциях римско-византийского преемства в русской общественно-политической мысли XV—XVI вв.) . . . . . | 189 |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|

*Мурьянов М. Ф.*

|                                    |     |
|------------------------------------|-----|
| Из истории чувства юмора . . . . . | 197 |
|------------------------------------|-----|

*Курмачева М. Д.*

|                                               |     |
|-----------------------------------------------|-----|
| М. В. Ломоносов о Куликовской битве . . . . . | 203 |
|-----------------------------------------------|-----|

|                                                                                                                                              |     |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| <i>Преображенский А. А.</i>                                                                                                                  |     |
| К изучению самосознания русского купечества XVII в. . . . .                                                                                  | 208 |
| <i>Бонгард-Левин Г. М.</i>                                                                                                                   |     |
| «Друг, посмотри. . .» . . . . .                                                                                                              | 215 |
| АНТИЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ<br>И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА                                                                                             |     |
| <i>Скржинская М. В.</i>                                                                                                                      |     |
| Мифы о Геракле в Скифии . . . . .                                                                                                            | 227 |
| <i>Назаренко А. В.</i>                                                                                                                       |     |
| К этимологии этнонима Σκολοτοι (Геродот IV, 6) . . . . .                                                                                     | 233 |
| <i>Калинина Т. М.</i>                                                                                                                        |     |
| Спорный этноним в астрономическом трактате ал-Фергани . . . . .                                                                              | 237 |
| <i>Арутюнова-Фиданян В. А.</i>                                                                                                               |     |
| Вассалы армянских владетелей в византийских провинциях (XI век)                                                                              | 243 |
| <i>Подосинов А. В.</i>                                                                                                                       |     |
| Традиции античной географии в «Космографии» Равеннского Анонима                                                                              | 248 |
| <i>Чекин Л. С.</i>                                                                                                                           |     |
| Об античных топонимах в средневековой географической литературе                                                                              | 257 |
| <i>Мельникова Е. А.</i>                                                                                                                      |     |
| Русско-скандинавские взаимосвязи в процессе христианизации (IX—XIII вв.) . . . . .                                                           | 260 |
| <i>Глазырина Г. В.</i>                                                                                                                       |     |
| Мотив военного похода и его интерпретация в произведениях древне-скандинавской литературы (на материале «Саги о Тидреке Бернском») . . . . . | 268 |
| <i>Ючас М. А.</i>                                                                                                                            |     |
| Немецкий орден в трудах остфоршеров . . . . .                                                                                                | 273 |
| <i>Матузова В. И.</i>                                                                                                                        |     |
| Прусские нобили и Тевтонский орден (жалованные грамоты прусским нобилим и эпизоды «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга)                | 281 |
| <i>Назарова Е. Л.</i>                                                                                                                        |     |
| Сведения русских источников XVI в. о ленниках местного происхождения в Ливонии . . . . .                                                     | 287 |
| <i>Сванидзе А. А.</i>                                                                                                                        |     |
| Средневековый город — центр культурного взаимодействия (аспекты подхода) . . . . .                                                           | 293 |
| <i>Коновалова И. Г.</i>                                                                                                                      |     |
| Итальянские купцы в Северо-Западном Причерноморье в XIII в.                                                                                  | 301 |
| <i>Рутенбург В. И.</i>                                                                                                                       |     |
| Золотой флорин, золотая пора Италии . . . . .                                                                                                | 309 |
| Список сокращений . . . . .                                                                                                                  | 314 |

Научное издание

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА  
НА ТЕРРИТОРИИ СССР

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ.  
1987 г.

Утверждено к печати  
Институтом истории СССР  
АН СССР

Редактор издательства С. А. Левина  
Художественный редактор В. В. Алексеев  
Технический редактор В. В. Тарасова  
Корректоры Л. В. Ким, Л. И. Николаева

ИБ № 38235

Сдано в набор 10.06.88.  
Подписано к печати 30.09.88  
А-10641. Формат 60×90<sup>1/16</sup>  
Бумага типографская № 2  
Гарнитура обыкновенная  
Печать высокая  
Усл. печ. л. 20,12. Усл. кр. отт. 20,4. Уч.-изд. л. 23,7  
Тираж 4300 экз. Тип. зак. 501  
Цена 3 р. 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени  
издательство «Наука»  
117864 ГСП-7, Москва В-485  
Профсоюзная ул., 90.

Ордена Трудового Красного Знамени  
Первая типография издательства «Наука»  
199034, Ленинград Б-34, 9 линия, 12